

Рис. 277 d (1861, 3)

# ОСНОВА

1861

МАРТЪ

## СОДЕРЖАНИЕ:

- I. ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ 19 ФЕВРАЛЯ.
- II. ВОСПОМИНАНИЕ О ШЕВЧЕНКѢ; ЕГО СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНІЕ,  
Л. М. Жемчужникова.
- III. КОБЗАРЬ, VII — XII, Т. Г. Шевченка.
- IV. НЕ ДО ПАРИ, Марка Волчка.
- V. ДЗВОНАРЬ, Д. Л. Мордовцова.
- VI. СПИРІТСЬКИЙ ЖАЛЬ, А. Печуй-внтеръ.
- VII. СПІВЕЦЬ МІТУСА, Герошн Галки.
- VIII. СТАРОСВѢТСКІЕ ДВОРИЩЕ, И. А. Мулиша.
- IX. ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БЪЛО-  
КОПЫТЕНКА, М. Т. Немца.
- X. ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, III. АРТЕМОВСКИЙ-  
ГУЛАКЪ, И. А. Мулиша.
- XI. ЧЕРТЫ НАРОДНОЙ ЮЖНОРУССКОЙ ИСТОРИИ, И. И. Косте-  
марова.
- XII. ЛІСЦІЯ ТА ОСЕЛЪ, Л. И. Глѣбова.
- XIII. ОБЪЯСНЕНІЕ ПО ПОВОДУ ДРЕВНИХЪ ЮГОЗАПАДНЫХЪ АКТОВЪ,  
М. В. Юсифовича.
- XIV. ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПРОВІНЦІАЛЬНЫХЪ ДВОРЯНСКИХЪ СЕЙМОВЪ  
ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ, И. Д. Иванникова.
- XV. ХМЕЛЬНИЦІНА, И. А. Мулиша.
- XVI. МУЗЫКА ЮЖНОРУССКИХЪ ПѢСЕНЪ, А. И. Сѣрена.
- XVII. ЛІСТІ СЪ ХУТОРА, Хуторянина.
- XVIII. ДВѢ РУССКІЯ НАРОДНОСТИ, И. И. Костомарова.
- XIX. ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ГАЗЕТА «СЛОВО».
- XX. БІБЛІОГРАФІА ВОПРОСА ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХЪ  
КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ЮЖНОРУССКОМЪ КРАѢ, В. И. Нежева.
- XXI. ОБЪ ОТКРЫТІИ СТУДЕНТСКОЙ БІБЛІОТЕКИ ВЪ ХАРЬКОВѢ,  
М. Смирнова.
- XXII. ОБЪЯСНЕНІЕ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ.
- XXIII. БІБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

1216 6

F/125/98043

# ОСНОВА.

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочу братья и Русскій Земли.»  
*Владиміръ Мономахъ.*

1861, 3

МАРТЪ

---

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУДИША.

**ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ**

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, апрѣля 2-го дня, 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

Bayerische  
Staatsbibliothek  
München

**БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ**  
**МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,**  
**ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ**  
**ВСЕРОССІЙСКІЙ,**  
**ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,**  
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподаннымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престоль, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердца Своема обѣты обнимать Нашею Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподанныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, Мы усмотрѣли, что государственное законодательство, дѣятельно благоустроая вышнія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроить ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котора-

го заступали преданіе, обычаи и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патриархальныя отношенія некрепней правдивой поочтительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повинновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты правовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впадении иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и припоминаемые Предшественники Наши и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ; но это были мѣры, частію рѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ Императоръ Александръ I-й издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ Николай I-й постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее, есть для насъ завѣщаніе Предшественниковъ нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный Намъ рукою Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ Нашего довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подыять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось. Въ губернскихъ комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи по-

требныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояннн людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сн предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ рассмотрѣны въ Государственномъ Советѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получаютъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на все принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осадность, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь снмъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ снмъ состояннн, которое есть переходное, крестьяне именуется временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осадность, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевую землю и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ такимъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояннн свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояннн, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченнн двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получаютъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На снхъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, устанавливается порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и

возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстные, и особыя дополнителныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мѣлкопомѣстныхъ владѣльцовъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обшчія выгоды, Мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за онымъ повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія нецарушности таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуются для сего время, впрямѣрно не менѣе двухъ лѣтъ; то въ теченіи сего времени, въ отвращеніе замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донныѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ до тѣхъ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣрится высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мирowychъ Посредниковъ, и образовать изъ нихъ Уѣздныя Мировыя Съѣзды.

3) За тѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мирскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.



5) Сія уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утврѣжденія ихъ для каждаго имѣнія а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повнповеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предприемаемаго преобразованія, Мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству челоуѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой почительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ, и признательности крестьянъ къ благотѣльной почительности владѣльцевъ, утверждаютъ Нашу надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примененія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе соглашеніе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность, вмѣстѣ съ усадьбами, и полевые угодыя, отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ Нашего народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между не приготовленными къ ней крестьянами: возникало было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа должна повиноваться властямъ предрѣжащимъ* (Рим. XIII. 1), *воздавать всеъ должное*, и въ особенности кому должно, *урокъ, дань, страхъ, честь* (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что получая для себя болѣе твердое основаніе собственности, и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрутся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною въ страхъ Божіемъ живнію.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокой-

пымъ движеніемъ: съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ приобрѣтенной въ собственность.

Остия себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ седьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ»

Начинаемъ, въ *Основы*, отдѣлъ правительственныхъ распоряженій и постановленій важнѣйшимъ правительственнымъ актомъ, — которому нѣтъ равнаго по благотворнымъ послѣдствіямъ, — къ которому, въ теченіи вѣковъ, всѣ прочіе акты служили болѣе или менѣе удачнымъ приготовленіемъ.

Манифестъ 19 Февраля налагаетъ побѣдную руку на стѣпенія, связывавшія свободный трудъ 23.000.000. До 3-го Марта, когда всепародно объявлена отмѣна крѣпостнаго права *навсегда*, самое цѣленіе на свѣтъ цѣлыхъ поколѣній крѣпостнаго народа было какъ-будто преступленіемъ: со дня своего рожденія, они уже лишены были — если не всѣхъ, то — по крайней мѣрѣ — нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ! Манифестъ 19 Февраля уничтожаетъ эти стѣпенія навсегда, и сколько бы ни оставалось еще сдѣлать для окончательнаго освобожденія

крестьянъ, но самое начало такого великаго преобразованія есть уже всемирная заслуга: она ставитъ тѣхъ, кто думалъ народную думу, кто содѣйствовалъ разрѣшенію крестьянскаго дѣла—и ставитъ выше всѣхъ Государя — въ ряду истинныхъ благодѣтелей человѣчества.

Освобожденіе крестьянъ никому не можетъ быть такъ близко какъ намъ, Украинцамъ. Мы, цѣлый вѣкъ боровшіеся противъ насильственнаго завладѣнія одного сословія другимъ во время соединенія съ Польшею,—мы, испытавшіе еще недавно несчастье—видѣть возвратъ этого искусственно—созданнаго, при Екатеринѣ II, сословнаго преобладанія въ нашемъ народѣ,—мы, безъ сомнѣнія, полнѣе, глубже и сильнѣе всѣхъ должны были почувствовать важность минуты, когда надъ огромной массой закрѣпощеннаго народа пронеслись и отозвались, въ самомъ сердцѣ, вѣчно—драгоценныя намъ слова: свобода и справедливость.

Крѣпостное право надвигалось къ намъ въ XVI и XVII вѣкѣ,—съ запада, а во второй половинѣ XVIII вѣка—съ сѣвера, но съ первыхъ зачатковъ у насъ крѣпостнаго права, во второмъ періодѣ просвѣщеннѣйшіе люди Украины всегда отрицали право душевладѣнія, и, насколько было возможно, писали и говорили противъ панскаго произвола и стѣсненія личной свободы крестьянъ.

Въ 1767 году, бывшая, подъ предѣдательствомъ графа Румянцева, Малороссійская Коллегія, въ «наставленіи» своемъ выборному въ Комиссію о сочиненія проекта Новаго Уложенія, Дмитрію Наталкину, изъясняла, что «простой народъ доведенъ до крайняго нерадѣнія мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ, ибо многіе бродятъ съ мѣста на мѣсто»; что все сіе можно исправить однимъ тѣмъ, когда, *при чистой реэизиі*, гдѣ описываются дома и принадлежащія къ онымъ угодья, единожды навсегда утвердить всякой домъ и грунтъ, напримѣръ, подъ № или знакомъ—*такимъ*—дворянству, подъ *другимъ*—служивымъ, подъ *третьимъ*—мѣщанамъ, подъ *четвертымъ*—пахотнымъ поселянамъ, « съ тѣмъ, чтобы съ каждымъ такимъ дворомъ соединялась постоянная обязанность нести извѣстную службу и отбывать положенную въ окладъ повинность. При этомъ, для приведенія государственныхъ доходовъ въ порядокъ, Коллегія признала удобнѣйшимъ—«доходы расположить, до генеральнаго размежеванія земель, съ *душъ*». «Сими и другими средствами, всякъ дань и службы, пи-

гдѣ не избѣжить, безъ платежа нигдѣ ничего не получить.... Всякой пашенной тогда не можетъ получить свободы, доколѣ, на свое мѣсто, не доставитъ такова же данника, или работника; а не имѣющіе собственныхъ пашенныхъ земель и служащіе по договорамъ могутъ всегда пользоваться своєю свободою. За уходъ безъ отпуска предполагалось подвергать строгимъ взысканіямъ.

Это мнѣніе, сочиненное Коллегією въ подражаніе существовавшему въ Великороссіи порядку, было встрѣчено сильнымъ возраженіемъ со стороны другаго выборнаго депутата, Григорія Политики. Хотя, по своимъ убѣжденіямъ, Политика былъ аристократъ стараго времени и отнюдь не признавалъ за крестьянами права на владѣніе землею; тѣмъ не менѣе онъ писалъ Коллегіи такъ: »Чтобъ, до генеральнаго размежеванія земель, доходы *собирать съ душъ*, на сіе я никакимъ образомъ согласиться не могу; ибо сіе не только правамъ, привилегіямъ и многими вѣками утвержденнымъ обыкновеніямъ Малыя Россіи противно, но слѣдуетъ крайнему разоренію и опустошенію; а вообще государству—къ невозвратному вреду. Опыты сего очевидны уже и чувствительны; ибо когда, въ 1764 году, бывшій Гетманъ, графъ Киряло Григоріевичъ Разумовскій, велѣлъ учинить перепись *по душамъ*, не налагая никакого сбора, то *невпроятно, въ какой страхъ и уныніе пришелъ отъ того Малороссійскій народъ*, и чрезвычайно началъ бѣжать въ Польшу и въ Татарскую Землю, и селиться на тамошнихъ земляхъ. Когда же, 1765 году, та перепись и отъ графа Петра Александровича (Румянцева) возобновлена, съ прибавленіемъ того, чтобъ не только переписывать души, дворы и хаты, но обмѣрять земля, лѣса и всякія угодія, описать скотъ, въ прудахъ рыбу и прочее: то народъ въ большій еще пришелъ страхъ и умножалъ побѣги; ибо изъ того простой Малороссійскій народъ заключилъ что имъ больше ничего отъ того не слѣдуетъ, *какъ только записаннымъ быть въ крѣпости, по примѣру Велико-россійскихъ крестьянъ, а для Малороссійскаго народа и одно сіе воображеніе ужасно и несносно....*

»Легко можно на земли и на дома наложить новыя подати; легко можно разставить нумеры, но опасно только то, чтобъ одни нумеры не остались, а людей—не будетъ. Представляемые же отъ Коллегіи средства, чтобъ уходящихъ сыскивать всеми мѣрами, наказывать, посылать на поселеніе и на каторгу, сколь насильственные суть, столь и бесполезны; ибо сіе народа, близъ границъ живущаго, не

удержать. Поймають одного, а десять уйдеть. Лучше, по всемплоствѣйшему Ея Императорскаго Величества намѣренію, оградить государство благоденствіемъ, а не стражею, то народъ и безъ того въ предѣлахъ своихъ останется.»

Возраженіе Григорія Политики, вѣроятно, было принято во вниманіе, но не надолго: чрезъ 15 лѣтъ, 3 мая 1783 года (П. С. Зак., № 15724), именнымъ указомъ Императрицы Екатерины II Сенату было повелѣно: » для извѣстнаго вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ въ намѣстничествахъ Малороссійскомъ, Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ, къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся обитателей, каждому изъ поселянъ *остаться на своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ, по нынѣшней ревизіи, записанъ*, кромѣ отлучившихся до состоянія сего указа; въ случаѣ же побѣговъ послѣ сего указа, поступать *по общимъ государственнымъ установленіямъ*.« Тѣ же правила были распространены и на уѣзды Слободско-Украинской губерціи, составлявшіе, въ то время, часть Харьковскаго, Курскаго и Воронежскаго намѣстничества, а равно и на Малоросіянъ, поселенныхъ въ губерціяхъ великороссійскихъ (1).

Вспомнивъ сказанное Политикою, можно—нѣтъ, едва ли намъ можно!—вообразить себѣ, что почувствовалъ Украинскій народъ, неожиданно попавшій въ неволю, отъ которой такъ долго откупался своею кровію. Чтобы судить, какъ тяжело отозвалось закрѣпощеніе крестьянъ (даже вѣроятно—въ немногихъ, образованнѣйшихъ) нашихъ помѣщикахъ, приведемъ нѣкоторыя строфы изъ *Оды на Рабство*, сочиненной по этому случаю, въ томъ же 1783 году, авторомъ »Ябеды,« В. В. Капнистомъ. Тѣ стихи, которые, пробиваясь сквозь ложноклассическія выраженія *оды*, намекаютъ на событіе, повергшее народъ въ страшное униженіе, *обозначены краснымъ*.

Пріемлю лиру мной забвенну,  
Отру лежашу пыль на ней;  
Простерши руку отягченну  
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,  
Для пѣсней жалобныхъ настрою;

(1) Правила, постановленныя въ указѣ 3 мая 1783 года, были распространены на *Полудинный Край*, (въ который входила и вся Новороссія), только при Императорѣ Павлѣ, 16 декабря 1796 г. (П. С. Зак., № 63.868.

И соглася съ моей тоскою,  
Унылый, томный, звукъ пролью  
Отъ струнъ, рѣкой омытыхъ слезной:  
*Отчизна моя любезной  
Порабоченъе востоя!*

---

Куда ни обращу зѣницу,  
Омытую потокомъ слезъ,  
Вездѣ, какъ скорбную вдовицу,  
Я зрю мою отчизну днесъ;  
Исчезли семейя утѣхи,  
Ирива рѣзвость, пляски, смѣхи;  
Веселья тѣсной гласъ утихъ  
Златая нива сиротнютъ;  
Поля, тѣса, мѣра пустыютъ;  
Какъ туча, скорбь легла на нилъ.

Вездѣ, гдѣ кущи, села, грады,  
Хранилъ отъ бѣдъ свободы щитъ,  
Тамъ тверды змждетъ власть ограды,  
И вольность узами тѣснитъ.  
*Гдѣ благо счастье народно  
Со всѣхъ сторонъ текли свободно, —  
Тамъ рабство изъ откинутъ прочь....  
Увы! судьбы уродно было,  
Одно чтобъ слово превратило  
Нашъ ясный день во мрачну ночь.*

---

Ты зришь, Царица! се ликуеть  
Стенящій въ узахъ твой народъ;  
Съ восторгомъ днесъ онъ торжествуетъ  
Твой громкій на престолъ восходъ.  
Яремъ свой носить терпѣливо  
И молить небо, да щастливо  
Ты царствуешь, народъ любя....  
*И ты-ль его умножишь муки,  
Обременить цѣлыми руки,  
Благословящя твоя?*

Но вѣтъ:—души твоей доброты  
Подвластные боготворять;  
Твой кроткій судъ, твои щедроты,  
Врага, преступника щадять;  
Возможно-ль, чтобъ сама ты нынѣ  
Повергла въ жертву злой судьбинѣ  
Тебя любящихъ чадъ твоихъ?

И мысли чужда ты суровых:—  
Такъ что-же?—*блажь не скрываетъ новыхъ*  
*Подъ мнимымъ иномъ бѣдствой силъ?*

---

Дашь зрѣть намъ то златое время,  
Когда спасительной рукой  
*Верни постыдно сложить бремя*  
*Съ отчизны моя драгой.*  
Тогда—о лестно упованье,  
*Прервется въ тѣхъ краяхъ стenanье,*  
*Гдѣ въ первый разъ узрѣлъ я сонъ;*  
*Тамъ, влѣсто волосъ и стenanый,*  
*Раздастся шумъ рукоплесканій*  
*И съ счастьемъ вольность процвѣтаетъ...*

---

Желанію Капниста суждено было исполниться только чрезъ 80 лѣтъ. Да будетъ же благословенъ день, въ который...» снято съ отчизны постыдное бремя; да упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ; «да процвѣтетъ счастье и свобода!»

Замѣчательно, что Капнистъ пораженный закрѣпощеніемъ нашего народа въ 1783 году, называетъ отчизну—*скорбною вдовицей*. Подъ впечатлѣніемъ тѣхъ же явленій крѣпостнаго быта, нашъ Шевченко (вовсе не знавшій Оды Капниста), также представлялъ Украшину въ поэтическомъ образѣ печальной вдовы, освобожденіе которой отъ крѣпостнаго права, составляло внутреннюю задачу всей жизни поэта. Однажды возвращаясь послѣ отставки, изъ военной службы, въ Европейскую Россію, онъ встрѣтился, на волжскомъ пароходѣ, съ однимъ отпущеннымъ на волю музыкантомъ, — и; даже въ звукахъ его скрипки, бѣдному поэту слышались «стоны крѣпостной души и — казалось ему — сливались въ одинъ потерянный, мрачный, глубокий стонъ мяліоновъ крѣпостныхъ душъ.—Скоро ли долетать эти пронзительные вопли до тебя, Боже!» — (писалъ Шевченко, по этому поводу, въ своемъ дневникѣ.)



## ВОСПОМИНАНІЕ О ШЕВЧЕНКѢ; ЕГО СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНІЕ.

Окъ, и радъ-же-бъ я, дитя моё,  
До тебе встѣти, тоби порядокъ дати,—  
До сира могъла двѣри залегла,  
Окѣнечка заклепила.

*Счадѣнная сиротская пѣсня.*

Не стало Шевченка! Смерть разлучила насъ навсегда съ великимъ поэтомъ...

Тарасъ Шевченко родился посреди степей Днѣпровскихъ, и тамъ, съ молокомъ матери, всосалъ любовь къ родинѣ, ея преданья, ея поэтическія пѣсни. Грустная пѣснь послалась въ убогой хатѣ; качалась убогая *колыска*; мать прерывала пѣнье... и горячія, сердечныя слезы капали на его лицо; мать брала его на руки, повитого въ лохмотья, и плелась съ нимъ на панцину въ зной и ненастье.

Подростая немного, онъ уже слушалъ козацкія пѣсни и рассказы стараго дѣда, — современника, а быть можетъ, и сподвижника Гайдамакъ, — который выводилъ передъ его глаза кровавыя сцены, полныя ужаса и отваги. Все закаливало эту душу. Жизнь его, отъ рожденья, была наполнена то горемъ, то драмой, то поэзіей. Всѣ житейскія бѣдствія были для него не слухомъ, а дѣйствительностью; нищета и жалкая доля преслѣдовали по пятамъ и его, и все, что было ему близко. Поэтическая и дѣйствительная жизнь народа нераздѣльно отпечатлѣвались на его душѣ.

Слѣпая судьба рано взяла его въ жесткія руки, и не давала его сердцу отдыха. Оторванный пѣкогда отъ родины и семейства, заброшенный далеко отъ друзей, онъ долго изнывалъ одинокій, въ пустынѣ, въ глуши, но никогда не жаловался на свою судьбу, никогда не говорилъ о своихъ страданіяхъ.

«Невещище горе» не измѣнило его; онъ остался чистъ сердцемъ, — онъ былъ вполне человѣкъ, — во всемъ значеніи этого слова. Поэтъ, гражданинъ, живописецъ, гравёръ, пѣвецъ, — онъ вездѣ шёлъ честно и разумно.

Эти дарованія совмѣстились въ немъ сколько на отраду и отдыхъ въ тяжелой жизни, столько и на еще горчайшее сознанье своего безотраднaго существованія. У другаго въ жизни можно сосчитать дни горя, у него — счастливые дни.

Для Шевченка настали свѣтлыя минуты, когда, послѣ 10-ти лѣтней разлуки, онъ свидѣлся съ друзьями, съ родиной, съ родными.

Нѣжная, теплая душа его была благодарна каждому, кто любилъ его. Благодарность за участие не покидала его никогда. Обвиняемый нѣкоторыми въ неблагодарности, онъ горько былъ этимъ оскорбленъ. Однажды онъ писалъ такъ: «Пригрѣзилось, будто я освобожденъ отъ крѣпостнаго состоянія и воспитанъ на чужой счетъ. Откуда эта нелѣпая басня — не знаю. Знаю только, что она не дешево мнѣ обошлась.» —

---

За мою заочную любовь къ нему, Шевченко встрѣтилъ меня, при первомъ знакомствѣ, братскими объятіями, не отходилъ отъ меня, ласкалъ дѣтей, приходилъ ко мнѣ ночью и безъ церемоніи будилъ, желая насмотрѣться. «Какъ я радъ, что вижу васъ и ваше семейство,» говорилъ онъ. Дѣти мои, которыхъ онъ прежде никогда не видалъ, трогали его до слезъ, называя по имени съ перваго свиданья: они знали его по портрету. Не время сближаетъ человѣка, а сочувствіе. Мы съ первыхъ словъ были одна семья. Пользуясь такою открытою любовью, я позволялъ себѣ высказать Тарасу Григорьевичу все мое опасеніе за дальнѣйшую судьбу его и развернуть предъ нимъ его будущіе, еще мрачнѣйшіе, дни. Слѣзы навернулись на глазахъ его, онъ утеръ и всхлипнулъ: «Правда... *О, крий Боже! крий Боже!...*»

---

Здоровье поэта — художника видимо разрушалось. Грусть и душевная тоска, недовольство собою, недовольство жизнью, одолевали его. Онъ рѣдко смотрѣлъ въ глаза... На горизонтъ его надвигалась мрачная туча и уже понесло холодомъ смертельной болѣзни на его

облитуя слезами жизнь. Онъ все еще порывался видаться съ друзьями, все мечталъ поселиться на родинѣ... и чувствовалъ себя все хуже.

Утромъ, 26 февраля, въ половинѣ 6-го, не стало Шевченка...

Приведемъ простой, теплый и вполне достоверный рассказъ А. М. Лазаревского о послѣднемъ днѣ жизни поэта:

«Тарасъ Григорьевичъ началъ чувствовать себя нехорошо съ осени прошлаго года. 23-го ноября, встрѣтившись у М. М. Л. съ докторомъ Э. Я. Бари, онъ жаловался особенно на боль въ груди. Докторъ, выслушавъ грудь, совѣтовалъ Тарасу Григорьевичу побережеться. Съ тѣхъ поръ здоровье его плошало со дня на день. Январь и февраль просидѣлъ онъ почти безвыходно въ комнатѣ, изрѣдка только посѣщая короткихъ знакомыхъ. Въ это время онъ продолжалъ заниматься гравированіемъ, писалъ копію съ своего портрета, бывшаго на выставкѣ, и началъ портретъ одной дамы; послѣдній сеансъ былъ въ концѣ января; онъ весело и спокойно работалъ съ 12 до 4 часовъ.

«Въ субботу, 25-го февраля, въ день именинъ покойника, первый посѣтилъ больного М. М. Л. и засталъ его въ ужасныхъ мукахъ. По словамъ Тараса Григорьевича, съ ночи у него началась сильнѣйшая боль въ груди, не позволявшая ему лечь. Онъ сидѣлъ на кровати и напряженно дышалъ. *Напиши брату Варѣоломею*, сказалъ онъ Л., *що мені дуже недобре*. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ г. Барп. Выслушавъ грудь, докторъ объявилъ, что водяная бросилась въ легкія.

«Муки страдальца были неописанныя; каждое слово стояло ему страшныхъ усилій. Мушка, положенная на грудь, нѣсколько облегчила страданія, и ему прочли поздравительную депешу изъ Харькова, отъ П. Трунова; *спасибі!* только и могъ сказать покойникъ. Потомъ попросилъ открыть форточку, выпилъ стаканъ воды съ лимономъ и легъ. Казалось, онъ задремалъ; присутствовавшіе сошли въ его мастерскую (\*).

Около трехъ часовъ, Тараса Григорьевича посѣтили еще нѣсколько пріятелей. Онъ сидѣлъ на кровати, каждыя 5, 10 минутъ спрашивалъ, когда будетъ докторъ, и выражалъ желаніе принять опій, чтобъ забыться сномъ. Отвѣчали, что докторъ будетъ въ три часа, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ опять началъ тосковать, спрашивая:—

(\*) Т. Гр. умеръ въ домѣ академіи художествъ, въ своей мастерской. Постель его стояла на антресоляхъ.

скоро ли прїѣдетъ докторъ. Сравнительно, ему было въ это время лучше. Когда остался у него одинъ В. М. Л., Тарасъ Григорьевичъ началъ говорить, какъ бы хотѣлось ему побывать на родинѣ, и что весной поѣдетъ онъ въ Украину... Ободря больного, В. М. Л. приглашалъ его сдѣлать поѣздку вмѣстѣ съ нимъ въ южныя губерніи. Тарасъ Гр. слушалъ съ удовольствіемъ, охотно соглашался, замѣчая, что родной воздухъ возстановитъ его здоровье: *«Отъ лкъ бы до-дому, тамъ бы я може одужавъ»*. Нѣсколько разъ повторялъ онъ, какъ не хочется ему умирать. Въ это время г. Бари опять посѣтилъ больного, нашелъ его въ удовлетворительномъ положеніи и совѣтовалъ продолжать прописанныя средства. Больного оставили видимо успокоеннымъ.

«Въ 6 часовъ прїѣхалъ одинъ изъ друзей покойнаго съ докторомъ П. А. Круневичемъ. Больной былъ опять въ трудномъ положеніи. Онъ съ усміемъ отвѣчалъ на вопросы доктора и, казалось, сознавалъ уже безнадежность своего положенія.

«Къ 9 часамъ прїѣхали снова гг. Бари и Круневичъ. Они еще разъ выслушали грудь больного: вода продолжала наполнять легкія. Для облегченія страданій, поставили другую мушку. Вслѣдъ за сямъ, больной получилъ вторую поздравительную депешу, изъ Полтавы: «Батьку! Полтавці поздравляютъ любого кобзаря съ именинами и просятъ: утн, батьку, орле сизій! Полтавская громада». Выслушавъ ее, больной сказалъ: *спасибі, що не забувають*. Депеша, видимо, обрадовала его. Затѣмъ доктора сошли внизъ. Оставшимся при немъ друзьямъ Т. Гр. сказалъ: *чи не засну я, — возьми огонь!* Но минутъ черезъ пять онъ отозвался: *што тамъ?* и когда на зовъ его явились, то онъ просилъ воротить г. Бари и сказалъ ему: *у меня опять начинается пароксизмъ: какъ бы оставитъ его!* Положили на руки горчишники.

«Въ половинѣ 11-го, Тараса Григорьевича посѣтилъ М. М. Л. съ другимъ прїятелемъ; они нашли больного спящимъ на кровати безъ огня; ему было очень тяжело. На замѣчаніе М. М. Л., что, можетъ быть, они его стѣсняютъ, Т. Гр. отвѣчалъ: *и справди такъ; мнѣ хочетья говорить, а говорить трудно*. Его оставили одного.

«Почти всю ночь провелъ онъ сидя на кровати, упершись въ нее руками: боль въ груди не позволяла ему лечь. Онъ то зажигалъ, то тушилъ свѣчу, но къ людямъ, бывшимъ внизу, не отзывался.

«Въ 5 часовъ, онъ попросилъ оставленнаго при немъ М. М. Л. слугу сдѣлать чай и выпилъ стаканъ со сливками. *Убери же ты теперь здѣсь*, сказалъ Т. Гр. слугѣ, *а я сойду внизъ*.

«Сошелъ Т. Гр. въ мастескую, охнулъ, упалъ, и—въ половинѣ 6-го—нашего дорогаго, роднаго поэта не стало!...»

Изъ бѣдной комнатки покойнаго распространялась страшная вѣсть по Академіи,—разливалась далѣе, далѣе, и пошла, по городу, отыскивая друзей и братій, каждому нанося рану въ сердце.

28-го февраля, утромъ, была похоронная обѣдня. Тяжело, невыносимо—мучительно было прощанье, но, не смотря на то, какое-то отрадное чувство и свѣжесть вѣяли на душу. Храмъ былъ полонъ. Всѣ соединились братски въ одну печаль, въ одно воздыханіе. Благодареніе къ покойному и ненарушимая тишина были кругомъ. Тутъ не было лицемерія: непритворная любовь и уваженіе къ Шевченку крѣпко сдружили насъ.

Невозвратимая утрата сѣдала тоской, давила грудь свинцомъ. Печальные и сраженные горемъ приближались мы, одинъ за другимъ, ко гробу, чтобъ надъ свѣжимъ еще тѣломъ усопшаго высказать его заслугу. Каждый и плакалъ и радовался, слушая публичную оцѣнку поэта-человѣка. Каждое сказанное слово было готовъ каждый изъ насъ повторить громко,—оно намъ всѣмъ принадлежало.

Мы помѣстимъ эти надгробныя слова безъ измѣненія и въ томъ порядкѣ, какъ они произносились. Пусть они напоминаютъ тотъ грустный день, въ который такъ единодушно, такъ благородно, выразились и любовь и уваженіе къ покойному Тарасу Григорьевичу.

## СЛОВА НАДЪ ГРОБОМЪ ШЕВЧЕНКА.

### I,

П. А. КУЛИША.

Немає зъ насъ ні одного достойного проректи рідне українське слово надъ домовиною Шевченка: уся сила и вся краса нашої мови тільки йому одному відкрилася. А все жъ ми черезъ ёго маємо велике й дороге намъ право—оглашати ріднимъ українськимъ словомъ сю далёку зѣмлю.

Такий поэтъ, якъ Шевченко, не однимъ Українцямъ рідний. Дебъ вінъ не вмеръ на великому Славянському мірові, чи въ Сербіи, чи въ Болгаріи, чи въ Чехахъ, — всюди вінъ бувъ би міжъ своїми.

Боївся еси, Тарасе, що впрешь на чужині, між чужими людьми. Отъ-же, ні! Посередь рідної великої семьи спочивъ ти однинкомъ вічнимъ. Ні въ кого зъ Українцівъ не було такої семьи, якъ у тебе; нікого такъ якъ тебе на той світъ не провозали. Були въ насъ на Україні великі воїни, були великі правители, а ти ставъ вище всіхъ їхъ, и семья рідна въ тебе найбільша. Ти бо, Тарасе, вчивъ насъ не людей изъ сего світу згоняти, не городи й села оцанувати: ти вчивъ насъ правди святої животворящої. Отъ за сю—то науку зібралися до тебе усіхъ язиківъ люде, якъ діти до рідного батька; черезъ сю твою науку ставъ ти всімъ імъ рідний, и провозають тебе на той світъ съ плачѣмъ и жалѣмъ великимъ. Дякуємо Бѣгу святому, що живемо не въ такій вікъ, що за слово правди людей на хрестѣхъ распинали, або на кострѣхъ палили. Не въ катакомбахъ, не въ вертепахъ зібралися ми славити великого чоловіка за ёго науку праведну: зібралися ми середь білого дня, середь столиці великої, и всею громадою складаємо ёму нашу щирю дяку за ёго животворне слово!

Радуйся жъ, Тарасе, що спочивъ ти не на чужині, бо немає для тебе чужини на всій Славянщині—и не чужі люде тебе ховають, бо всяка добра и розумна душа—тобі рідна. Бажавъ еси, Тарасе, щобъ тебе поховали надъ Дніпромъ—славутомъ: ти жъ бо ёго любивъ и малювавъ и гѣлосно прославивъ. Маємо въ Бозі надію, що й се твоє бажання виконаємо. Бѣдешъ лежати, Тарасе, на рідній Україні, на узбережжі славного Дніпра, ти жъ бо ёго имя зъ своимъ имьямъ на віки зъєднчивъ... Ще жъ ти намъ зоставивъ одиць завітъ, Тарасе. Ти говоривъ своїй непорѣчній мѣзі:

Ми не лукавили зъ тобою,  
Ми прѣсти йшли,—у насъ нема  
Зерна неправди за собою...

Великий и святій завітъ! Будь же, Тарасе, пѣвень, що ми ёго соблюдемо и ніколи не звѣрнемо зъ дороги, що ти намъ проложивъ еси. Коли жъ не стане въ насъ снаги твоимъ слѣдомъ простувати, коли не можна бѣде намъ, такъ якъ ти, безтрѣпетно святую правду глаголати; то лѣчче ми мовчатимемъ, — и нехай одні твої великі рѣчи говорять людямъ во віки и віки чѣсту, немѣшану правду!

## II.

В. М. БѢЛОЗЕРСКАГО. (\*)

Обізваємось до тебе, батьку іще разъ нашою рідною материнною мовою, що нею ти проспѣвавъ, на всю Україну, свої думи про-

(\*) Рѣчь эта была произнесена не вполнѣ.

рочи, що нею розважавъ некую тугу свого чистого серця и ливъ у наші души огонь святий. Підіймемъ до тебе свою тиху немощну річъ; рідна та щира, самимъ серцемъ проказана, дійде вона до тебе: ти и мертвий її почувешъ.

Чи жь справді замовкъ ти на віки? . . . Замовкъ — и сумно стало округи насъ; здалось намъ, що найкраща, найголосніша струна нашого серця разомъ порвалася у грудяхъ, — що не стало поради вірної—батька у дітей, нема крилѣ широкого прикрити и зогріти сиротъ... Такъ намъ здавалось, — а теперъ ми вже пеймемо тому віри: бо не замовкне во віки твій голосъ міжъ нашимъ народомъ: мовъ луна неперестанца, оддаватимеця вінъ и намъ и насчадкамъ нашимъ; поки не замре у синівъ України щирее серце, поки намъ миле ріднее слово и громадське добро. За твоімъ лѣтомъ и ми полетіли — и вже не сгорнемо крилѣ: підіймемось разъ и вдруге; будемо летіти якъ той голубъ Ноївъ, поки не знайдемо свого пристанища.

Хто жь ти такий, що такъ орудувавъ нами за життя свого, и правивъ душею нашою и зъ сії труни тісної? На що ти живъ у світі? чомъ не затерла тебе гіркая доля, якъ передъ тобою и за тобою позатирала вона чимало братівъ нашихъ убогихъ и безталаннихъ? . . . Теперъ, зрозуміли и свої и чужі, на що здався твій вікъ недовгий. Душа душу чує; почула душа наша, за кого ти туживъ, за кого журився и побивався якъ осужений, за кого серце твоє любяче не знало упокою ніколи, и лило гарячи братні слѣзи. Въ тихъ теплихъ слѣзахъ твоїхъ були людські слѣзи: угадавъ ти въ когѣ болить и що болять — и все розказавъ світу. Ти весь у твоїхъ пісняхъ прозорихъ и мощнихъ, якъ фля на морі; весь изъ твоімъ серцемъ високімъ, кипучимъ и ніжнимъ, изъ твоею вічною тугою за долю людськую. Твої пісні—високе слово правди и любви — не для самого тільки твого народу.

Бачъ, скільки зібралось доброго люду коло тебе. Різнихъ батьківъ и різнихъ язиківъ, а всі якъ брати тобі рідні, бо ти всімъ жадавъ добра и правди, а для себе дождавъ — тільки тісної могилі. Убога чужа хатина, старенька одежина — отъ усе, що скористувавъ ти своїмъ життямъ гіркимъ. «Тільки ёго й доли, що рано заснувъ» . . .

«Ми не лукавили зъ тобою,» мовлявъ ти до своєї долі: «ми просто йшли: у насъ нема зерна неправди за собою». Отсежъ и твоя слава вічна и скарбъ найдорогший: сѣго вже ніщо и ніхто не одбере відъ тебе. Оце жь и твій завітъ, для насъ, для твоїхъ синівъ-Українцівъ. Якъ доживемо ми до того, що й объ насъ люде скажуть: «у васъ нема зерна неправди за собою», — оттогді настане тобі праведна наша дяка, и зъ чистихъ ділъ нашихъ спорядитя тобі віковичний пам'ятникъ. — А поки-що—одихай, батьку, по твоімъ життю тяжкимъ, а насъ, молодихъ, благослови на неустанну роботу для добра України и всѣго світу! —

## III.

И. И. КОСТОМАРОВА.

Смертный одръ усопшаго поэта не окружали ни родные, ни жена ни дѣти. Одинока была его смерть, напоминавшая украинскую пѣсню:

Ой, загинула козацькая головонька  
Безъ роду—родини,  
Безъ вірної дружини.

Но гробъ его теперь окруженъ не чужими. Поэтъ не остался чуждымъ и для Великорусскаго племени, которое воспитало его, одѣнило и пріютило въ послѣдніе дни его, послѣ долгихъ житейскихъ страданій. На его закатъ блеснула прощальною улыбкою любовь,— не женская любовь, часто измѣнчивая и лукавая, а безкорыстная, святая любовь душъ, способныхъ понимать изящное.

Такова сила поэзіи! Въ какой бы исключительной формѣ ни проявлялась она, какъ бы тѣсно ни соединялась она съ народностью и мѣстностью, — ея общечеловѣческій смыслъ не можетъ укрыться и сдѣлается общимъ достояніемъ.

Шевченко не былъ только поэтомъ для Украины: онъ — поэтъ сельскаго народа, воспитавшій въ себѣ поэтическое вдохновеніе его существомъ, и передававшій его образованному міру въ прекрасныхъ безыскусственныхъ образахъ, добытыхъ имъ изъ сокровищницы своей богатой природы.

Простимся съ дорогимъ поэтомъ словами украинской думы:

Слава твоя не вмере, не поляже!  
Буде слава славна  
Поміжъ козаками,  
Поміжъ друзями,  
Поміжъ рицарями,  
Поміжъ добрими молодцями!  
Утверди, Боже, люду Руського,  
Народу Християнського,  
Зъ черню Дніпровую, Низовую,  
На многні літа,  
До кощя віка!



## IV.

В. Ю. ХОРОШЕВСКАГО. (\*)

Niech też Polskie słowo, krótkie ale serdeczne, zabrmi przy twojój trumnie, zacny Rusiński wieszczu! Tyś kochał swój kraj ojczysty, swój Dniepr siny, swój lud siermiężny, tyś tego ludu był dzielnyim śpiewakiem; na łzę jego tyś zawsze łzą odpowiadał — cześć tobie! Tyś pono nie lubił Polaków, ale tę niechęć ku nim sprawiły w tobie dawne ich błędy, z których na lud twój, przez ciebie gorąco umiłowany, wielkie spłynęły cierpienia; więc téj niechęci przyczyna w tém leży:

«Żeś kochał wielu, żeś kochał wiele.»

Niechże przy twojój trumnie wszelkie umilkną wyrzuty, niech tylko serdeczne brzmi słowo: cześć tobie! Za błędy ojców nie odpowiadają synowie; nie poruszajmy więc tutaj starych wad dawno upłynionój przeszłości; powiedzmy raczej przy tych zwłokach braterskie „kochajmy się!“

Oby śmierć twoja, zacny Tarasie, i ten uroczysty a smutny obrzęd twojego pogrzebu, nowego życia były początkiem! Oby na twój trumnie kilka przynajmniej nienawiści ustalo, i oby ten mały początek zradzał w przyszłości coraz więcej wzajemnego zrozumienia się, braterstwa i dawnych krzywd zapomnienia, jak małe ziarnko do ziemi wrzucone obfity plon zradza. Byłby to najpiękniejszy wieniec na cześć twoją i najwspanialszy tobie pomnik, Tarasie!

Пусть также и Польское слово, короткое, но сердечное раздается у твоего гроба, достойный поэт Русинский! Ты любил свой край родной, свой Днѣпр синий, свой народъ сермяжный; ты былъ мощнымъ пѣвцомъ этого народа; на слезы его ты всегда отвѣчалъ слезами. Честь же тебѣ, достойный Тарасъ, честь тебѣ! Ты не любилъ Поляковъ, но нелюбие твое къ нимъ произошло въ тебѣ въ слѣдствие ихъ давнихъ заблуждений, которыя низвели испавшія на народъ пламенно тобою любимый, большія страданія. ... Нелюбья твоего причины въ томъ,

«Что ты любилъ многихъ, что ты любилъ много!»

Но пусть у твоего гроба умолкнутъ всякіе упреки, пусть здѣсь слышатся одно сердечное слово: честь тебѣ!

За ошибки отцовъ не отвѣчаютъ ихъ дѣти, не станемъ же вспоминать здѣсь про старыя ссоры давно-минувшаго, а скажемъ лучше братское: «любимъ другъ друга!» О, если бы твоя смерть, почтенный Тарасъ, и этотъ торжественно-печальный обрядъ былъ началомъ новой жизни! О, если бы на твоей могилѣ умоляло хоть нѣсколько ненавистей, если бы это начало повело въ будущемъ къ постепенному взаимному, братскому уразумѣнію и къ забвенію давнихъ неправдъ, и принесло какъ зернышко, брошенное въ землю, обильный плодъ! Это былъ бы твой прекраснѣйшій вѣнецъ и величественнѣйшій памятникъ!

(\*) Съ большимъ удовольствіемъ и признательностью помѣщаемъ здѣсь эту превосходную, благородную рѣчь. Она показала, что нашъ народный поэтъ ввухалъ чувства справедливости соплеменникамъ нашимъ, возвышающимся надъ предразсудками.

## V.

А. С. ЧУЖБИНСКАГО.

Не въ стѣну, не на могилі—  
 Надъ Дніпромъ широкимъ—  
 Ти заснувъ еси, Кобзарю,  
 Вічнимъ сномъ глибокимъ.

Надъ Невою, підъ снігами,  
 При похмурнімъ сонці,  
 Ти полігъ еси, мій друже,  
 На чужій сторонці.

У головахъ не посадять  
 Червону калину,  
 Не привіта соловейко  
 Твою домовину...

Не закує и зозуля  
 Де-небудь въ куточку,  
 У цвітючимъ та пахучімъ  
 Вишневімъ садочку...

Кругъ тебѣ чужа-чужина...  
 Та не чужі люде:  
 Ї кому тебе оплакать,  
 Ї—и довго буде.

Покоління поколінню  
 Объ тобі розкаже,  
 И твоя, Кобзарю, слава  
 Не вьре, не поляже!

## VI.

П. Н. ТАВОЛГИ.

Плачте очі, виливайте  
 До слезини, до росини;—  
 Боже ти мій! Яка сила  
 Пішла въ домовину...

Се той лежить, що не треба  
 Було ёму злата;  
 Се той, що душу й тіло 'давъ,  
 Безъ плати, за брата;  
 І пісню сивий голубъ  
 Гувъ по Україні,  
 Бився крильми объ могили—  
 Святні руїни;  
 То полине по садочкахъ—  
 Жалібно застогне  
 Зъ дівчиною, що одъ зради,  
 Якъ билина сохне;  
 Зъ удівонькою потужить,  
 Де дітокъ, якъ бобу,  
 Кричать: »хліба!«—а тутъ нема...  
 Хоть ізъ мосу въ воду!  
 Комужъ діло?—безталаннимъ  
 Все чужії люди;  
 А вінъ усімъ братікъ рідний,  
 Всіхъ приймавъ на груди,  
 І бідоту і всю въ злоти  
 Та гіркую долю,  
 Що позичинее лихо  
 Не дає покою.  
 Въ пісні его—янголь плаче  
 Про людську недолю,  
 Кожну душу пригортає,  
 Якъ матуся доню;  
 Да такъ щиро, та прихильно  
 Зъ безталаннимъ тужить,  
 Що і кам'янее сердце  
 Ростопить, порушить.

Не въ хоромлахъ, не въ роскошахъ  
 Смерть тебе постигла:—  
 У хатині орель сизий  
 Склавъ широкі крила;  
 Дві свитіни красять стіни,  
 Да і то старенькі,  
 Плахоткою сестриною  
 Зап'яті гарненько,—  
 Тільки всього!...

Ой не тільки—дивись скільки  
 Зібралоя люду

Різнихъ батьківъ і язиківъ...  
 Зовуть тебе къ сѣду!  
 Щожъ ви плачите, панове?  
 Судіте! судіте!  
 Про діла его громаді  
 Голосно скажіте;  
 Скажіть, якъ туживъ вінъ що-день  
 За тими хто плаче,  
 Якъ гримівъ звонами правди,  
 Якъ щире, козаче,  
 Серце ёго пало всюди  
 Божою росою,—  
 І прийшли ви еднатись зъ нимъ  
 Чистою слёзою!

Слѣзи сії дощёмъ теплимъ  
 Кануть въ Україні,  
 Розіляють річеньками  
 І довго тектвуть.  
 Ізъ нихъ туманецъ, що-ранку,  
 На легенькихъ крилахъ  
 Буде летіть, нести росу  
 На твою могилу.  
 І ростіє та могила  
 Все въ гору, да въ гору  
 Широкая, та пишная—  
 Буде їй простору!..  
 Може злетіть ти, нашъ любий,  
 На ясныхъ промінняхъ,  
 На могилу, щобъ глянути  
 Генъ! на Україну.  
 Може ўзришъ: край веселий,  
 Пісня по всімъ полю  
 Про Тараса—і забудешъ  
 Свою гірку долю.

Гробъ не закрывали. Всякій спѣшивъ сорвать на память листъ съ лавровыхъ вѣпковъ, положенныхъ почитателями и почитательницами высокаго таланта и дѣлялся этою послѣднею землею памятию. Гробъ несли безъ крышки до самой могилы; траурныя дроги ѣхали порожнія. Тихо, мирно шла густая толпа, наполняя всю уллицу. Въ это время посыпалъ частый снѣгъ... «*Се діти послали зъ України свої слѣзи по батькові*», сказала одна Украинка.

Въ послѣдній разъ раздалась «вѣчная память»; гробъ опустили въ могилу; разошелся причетъ церковный; наступила совершенная тишина на полчаса: гробъ запахвали въ свинцовый ящикъ.

Здѣсь опять были сказаны рѣчи, которыя мы помѣщаемъ по порядку:

## VII.

РІДНЕ СЛОВО О. А. ХАРТАХАЯ.

Чи мало зъ чпмъ рівняли жисть чоловіка на сімъ грішнімъ світі! рівняли її зъ каюкомъ, що плава по синьому морю, рівняли її зъ банькою на воді... свята правда! схопився вітеръ, зірвалась буря, пішла горами хвиля... и баньці и каюкові—капуть. Рівняли її зъ биллюю у полі, зъ високимъ деревомъ, котрому черви коріння точуть,— и багацько де-зъ-чимъ рівняли... а я вже не ставъ!—Серце щемить, душа болить, волосся на голові дибомъ стоять; сумно, страшно, якъ спитаешъ себе—«що ти и чога живешъ»?

Усі люде впринають на світъ Божій, якъ и жодний, та не всімъ, якъ дѣ-кому, доля придалась. Доля мовъ п'яний чоловікъ, що по ярмарку зъ пляшкою ходє; частує всякого, хто на вічі попавъ: иншого до-верху налле, другому тільки чарку піднесе, а третєго и овсі обмене,—якъ ляхманка, не розбіра на кого наскіпатья: чоловікъ чи панъ—їй все однаково. Вона не зазира нікому ні въ голову, ні въ душу, ні въ серце. Инший до пяти ліківъ не тямє,—душа якъ вівця надъ сіномъ,—зъ старцівъ сорочку лує, жуківъ безвиннихъ ногами топче,—а вона до єго льне и коржі зъ саломъ въ зуби тичє. Одинъ, для своєї користи, радъ усю громаду у старці пустить: вона єго шанує. А инший, (бодай не казать!) самъ про себе и думати не дума, не порива очей ні на срібло, ні на золото; єго користь—правда свята, єго щастя—діло добре: того й не добача, або ще и напуститця на єго, иначе їй правда єго у поперекъ лягла: мучє єго, вьяє, зъ нігъ валяє, ганя єго по світу, якъ ловець бляка по-полю, не зна дѣ єму смерть подіять; заженє єго у такі края, куди воронъ и кістки не занісъ-би. Заженє—бо сплу має. Доля орудує чоловікомъ, якъ швецъ шиломъ: куди ввіткне, туди й лизъ; якъ добрий козакъ конемъ:—куди п'ани туди іди. Правди у неї на шага не зберетця:

«Тому вона запродує  
Відъ краю до краю,  
А другому оставляє  
Те, дѣ заховаютъ!»

Подякуемъ Богові, що вінъ не давъ намъ знати, що пастъ жде за горами! бо якъ-би чоловікъ знавъ, де ёго кості положуть, — не захотівъ би довго жити!

Сумно и страшно вимовпть: «Тарасъ Григоровичъ умеръ!» а ще страшніше сказати: «На чужій чужині!» Україно, мати паша! де твоя утіха, де вітає и що теперъ робе?.. Зомліли ніженьки, що по світу носили, зложились рученьки, що тобі служили, закрились карі очі, що на тебе, любуючи и сумуючи, гляділи, минулися думи и пісні! Переставъ твій Тарасъ слёзи лити, стонився, заснути зхотівъ. Матінко паша, Україно, степи наші, могили, Дніпръ широкій, небо наше сине! хто вамъ пісню заспіває и про васъ загадаєця! хто васъ такъ щиро любитиме и за васъ душу полджить! Тарасъ Григоровичъ—у труні, снаряжений на той світъ! Затихъ и замовкъ нашъ соловейко на віки! Україно, Україно! де твій сипъ вірпий? Мова Українська! де твій батько, що тебе такъ шанувавъ, що черезъ ёго и тебе ще більше поважати стали. Надумався, наплакався, та й годі сказавъ: тісно ёму було на сімъ світі вінъ ёго й покинувъ....

Довго тебе, тату, на Україну вижидали; якъ дощичку маєваго ждали,—теперъ перестануть! Якъ сонечко ясне, що зъ-за чорнихъ хмаръ визирає, показувавсь ти на рідній землі, та не довго въ ій вітавъ усе тебе доля на чужину заклікала—и очі на чужині закрила, въ чужій землі, въ чужій труні тіло поховала. Спижъ, тату, поки правда зъ кривдою силу міраць буде, поки правда запанує на світі!..

## VIII.

Н. С. КУРОЧКИНА.

Еще одна могила раскрылась передъ нами! Еще одна чистая, честная, свѣтлая личность оставила насъ; еще одинъ человекъ, принадлежавшій къ высокой семьѣ избранныхъ, высказавшихъ за народъ самыя свѣтлыя его вѣрованія, угадавшій самыя завѣтныя его желанія и передавшій все это неумирающимъ словомъ, — окончилъ горькую жизнь свою, исполненную борьбы за убѣжденія и всякаго рода страданій.... Вся его жизнь была рядомъ испытаній; едва подъ конецъ ему улыбнулось счастье: онъ видѣлъ начало того общественнаго дѣла, къ которому стремился всей душой.... Не дожплъ онъ до осуществленія тѣхъ началъ, распространенію которыхъ способствовалъ своими пѣснями.... Но не будете горевать объ этомъ... не о многихъ можно сказать какъ объ немъ: онъ сдѣлалъ въ жизни свое дѣло!

Счастье въ жизни было не для него,—его ждётъ другое, посмертное счастье—слава....

## IX. (\*)

## ПЕРМИТЯНИНА ЮЖАКОВА.

Спи, страдалецъ, несчастный другъ бѣднаго народа! Не видалъ ты ясныхъ дней въ своей жизни, потому что туманомъ покрыта была Украина!—Но ты уснулъ на зарѣ свѣтлаго яснаго дня, въ виду земли обѣтованной.

Пѣсня старой твоей родины воскресла въ тебѣ и не умретъ!—Твой Кобзарь будетъ гулять по ней за тебя и, какъ правнукъ твоего дѣда, расскажетъ *про дазню долю України!*

## X.

## П. П. ЧУБИНСКАГО.

Еще одна потеря въ Славянскомъ мірѣ; еще одна могила на Славянскомъ кладбищѣ.

Угасъ великій поэтъ, угасъ человекъ, у котораго *не было зерна неправды за собою*. Но не потеряется это свѣтло посреди тѣней... Сравняется его могила—но его грустное существованіе, его *слова слѣзи* не погибнуть и далекіе потомки скажутъ о немъ: *недаромъ вінъ на свѣтъ родився, свою Україну любивъ!*

Приводимъ еще нѣсколько симпатическихъ стиховъ неизвѣстнаго Псковича:

## XI.

Еще прекрасная скатилася звѣзда,  
Еще могучая одна угасла сла!...  
Нашъ милый братъ, ты ль насъ покинулъ навсегда?..  
Украина своего поэта схорила...

---

(\*) Эта, и слѣдующія рѣчи, не были произнесены.

Искить же ты изъ сѣверныхъ болотъ  
 Священный прахъ поэта,— и въ землѣ родной,  
 Въ виду степей своихъ привольныхъ и цвѣтущихъ,  
 На берегу Днѣпра широкаго, сокрой...  
 То было пламенной мечтой поэта  
 И не нарушишь ты високаго завѣта,

Разстались съ могилой только въ 5 часовъ вечера.

Тишина, скромность, общая грусть при погребеніи,—поднимали въ душѣ воспоминанья родныхъ украинскихъ похоронъ. Волненье чувствъ едва сдерживалось; украинки готовы были разразиться роднымъ плачемъ. Тянуло разстаться съ покойникомъ по-своему, хотѣлось оплакивать съ причитаньемъ, *золосить*. Казалось, духъ Шевченка утѣшился бы этими поэтическими рыданьями своихъ землячекъ. Этотъ порывъ въ украинкахъ былъ бы естественъ; незнакомыя лица замыкали имъ уста. Здѣсь, намъ кажется, мѣсто этому плачу. Пусть онъ выскажется, пусть огласитъ могилу—и дойдетъ на родину.

## ГОЛОСІННЯ УКРАЇНОКЪ.

### I.

»Чого ти такъ задумався—загадався, нашъ батьку рідний! яка важка дѣла обняла твою голівоньку? Кому ти урочаєшъ вдову—Україну и дітокъ своїхъ? Хто їхъ догляне, хто привітає, якъ ти, нашъ голубе?! Хто замовить намъ такє тепле и щирє слово, якъ твой святя душа намъ оповідала!...

Боже!... Розивьютця садочки—а тебе, мій голубе, и не буде! Защєбече соловейко, закує зовѣля— а тебе, нашъ жалібнику, и не почуєшь....

Зъ якої жъ стороні тебе, наше сонце, вітати? істи и пити не будємъ—тебе, сирітській нашъ батеньку, будємъ виглядати....

Хто жъ промовить до насъ душею, хто тихимъ своїмъ словомъ женє тугу зъ нашого сєрця?... Ти у насъ бувъ старший одъ усіхъ, а якъ заговоришь, то, мовъ, найменшій братъ. Річъ твоя тиха, а коріла собі всю Україну!...

Не треба тобі ні ріднихъ, ні хрещенихъ дітокъ, щобъ одпокутовать тобі містечко на тімъ світі: ти самъ собі спокутувавъ страждучи по темнихъ братахъ своїхъ!... Не оглянулись ми, якъ ти уже й рушивъ на Божу дорόгу... мовъ заря вечерня покотилася—замаячила—геть, и—згасла!

И жулана на тебе, якъ слідъ, не вложили, шапки зъ квіткою,



якъ поводитця, не спорядили! бояръ, світлюкъ не скликали, всѣго поїзда твого краснаго великаго не зїбрали. *Весїлля ти не мавъ и счастья не знавъ.*

Чи зналижъ ми, що ти на годничку у насъ? »Оттакъ и такъ, « кажешъ, »дїтки, робить...« а самъ уже и у Божого порога...

Якъ згадаю тебе, мій старшій боярине, що ти й на моему весїллі співавъ—промовлявъ и мене рідному слову вчивъ, то такъ и замліє моє серце!... Ніколи вже не буде ему спочинку, хйба на годичоньку, якъ паде на ёго живушая—цілюшая роса—твоя пісня, и радісно и болізно змішаютьця мої вірніє слѣзи зъ твоїми чистими святими слѣзами. Сповнивъ ти наше серце якимсь огнемъ неугасимимъ,—бажаєтця любити и любити...

Скільки дівочихъ очей уместця по- тобі слѣзою!... Полютця вони по всій Україні, якъ почують, що ти, орле нашъ, покинувъ гніздо своє, дітокъ своїхъ, павіки. Скільки сиріть—покритокъ закує зозуленьками по батькові, заступнику, оборонцю своєму!

Накажи-жъ и моеї матері,—сонечку моему, що зайшло одъ мене,—и батьку моему рідному: нехай виглядають и мене за тобою... Доки вже мені тутъ пробуватись, даремне землю вѣжити, хлїбъ чужий заїдати да близькихъ серцю слїзьми проважати!

Який же ти у мене дорогий бувъ да хорошиї? а що я тобі угодного вдїяла! такє вже моє безталаннє....

Якъ згадаю, що твою головоньку весною калина не затїпть, сонечко наше тепленьке не пригрїє, соловейко не защебече надъ тобою, горлячки, зозульки весною не прилетять, здаїя дївчата веснянокъ не заспївають, запашними зіллями, м'ятою, васпльками, барвінкомъ, могиля не вкриють своїми дівочькими чистими слѣзами її не зрєсять... то ажъ серденько моє мрє, въ душі холоне!....

Скільки ти намъ одради давъ, а ми тобі...! Колц-бъ була знала, що ти несподївано такъ насъ покинешъ, ябъ стояла підъ твоїмъ порогомъ на-вголїшкахъ, квила-бъ, молила-бъ, слѣзами-бъ его обмяла, щобъ ти, мій забутий, сподобивъ мене почутъ ище разъ твое тїхе, благословєнне, слово!...

## II

Мій братіку, мій голубоньку!.. мій братіку, мій лебедоньку!.. Мій братіку, мій соколе!.. мій братіку, моя утїхо!..

Кому ти насъ уручашъ? Й чого ти на насъ розсєрдився?.. Чи ми тобі що-такє зробили, чи ми тобі що заподїяли, що насъ ти покидаєшъ?.. Простї менє, мій братіку, простї менє, мій голубоньку!.. Тільки въ насъ було утїхи, тільки въ насъ було одради, що ти, нашъ голубъ сївпїї!.. Мій братіку, мій голубоньку!.. мій братіку, мій сокілопцьку!.. Куди ти одъ насъ відлітаєшъ?.. То вже наші стєжеч-

ки, наші доріженьки заростуть, де ми тебе виглядали, де ми тебе визирали!.. Мій братіку, мій голубе сивий!.. Хто насъ буде научати, хто насъ буде пораджати!.. Да вже для насъ въ світі правди не буде лучче відь тебе!.. Мій братіку, мій голубоньку!.. Нікого жь намъ теперъ буде виглядати! Нікого намъ теперъ буде виждати... Та ми було підемо, та ми було дівимось... а якъ побачимо, що мріє, до ми дунаємъ—се ти! Наше сэрце, наша душа у тобі!

Та й устань, мій братіку! та й устань, мій голубоньку! да й подвися, якъ у тебе багачько гостемъ понаходило!... Твої дружки, твої світилки прийшли до тебе... мій братіку, мій голубе!... Якé жь у тебе веселья смутне та повеселе! Які твої світилки п дружки смутні та невселе!... Устань же, порадь же їх!... Встань порадь же насъ, якъ имъ коники сідлати?... Да вже-жь имъ коники не сідлати, та вже рушники не давати!

Мій братіку, мій голубонько!.. відкляй тебе виглядати! відкляй тебе визрати! Чи зъ пісківъ, чи зъ долинь, чи зъ широкыхъ українъ?...

Колі намъ сподіватись тебе? Чи кь Різдвѣ, чи кь Великодню, чи кь Святій—Неділонці?... Кь Різдвѣ снігомъ занесе, кь Великодню водою залла, кь Святій—Неділонці травою заросте!... Чи кь Миколи?! — да й піколя, мійбратіку, мій голубоньку, мій соколе сізый!...

Якъ будуть пташки шебетати, я буду свого братіка виглядати. Якъ буде зозуля ковати, я буду свого братіка дожидати... Уже-жь зозуля кує—ранкує, да и ніхто зозулі не чує!... Мій братіку, мій голубе! мій братіку, мій соколе ясний!...

Мій братіку, мій голубе!.. Да кланяйся мой матінці, да кланяйся мой голубоньці низькимъ поклономъ та вірнимъ словомъ... щобъ насъ не забувала!

Моя матінко, моя голубонько! моя матінко, мой порадонько! моя матінко, мой зозуленько!... И на—що ви викликаете ёго до себе!... и чому ви намъ ёго не оставляете на потіху!.. Мой матінко, мой голубонько!.. Да й стрічайте ёго да й познавайте ёго!—свого сіпа сокола! Вінъ несє до васъ вісточку одь насъ, біднихъ сиріточок!..

Приймайте ёго, пригортайте до себе!...

Прощай, мій братіку! прощай, мій соколоньку!..

Могила Шевченка находится на Смоленскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ иногда сидивалъ и задумывался покойникъ. Онъ даже рисовалъ это мѣсто.

Прощай, мой дорогой! какъ теперь вижу тебя—съ опущенною внизъ головою, руки въ карманы, глаза всегда грустные....

Впущенный на волю, Шевченко вхалъ на параводъ и три почт

не смыкалъ глазъ. Оставивъ въ Астрахани свой наемный чуланъ, Шевченко отдыхалъ въ дорогѣ; онъ былъ успокоенъ дружескимъ человѣческимъ пріемомъ пароходной публики, отъ котораго давно отвыкъ. Въ своемъ дневникѣ онъ писалъ: «Всѣ такъ дружески-просты, такъ внимательны, что я отъ избытка восторга не знаю что съ собою дѣлать и, разумѣется, только бѣгаю взадъ и впередъ по палубѣ, какъ школьникъ, вырвавшійся изъ школы. Теперь только я сознаю отвратительное вліяніе десяти лѣтъ, — и такой быстрый и неожиданный контрастъ мнѣ не даетъ еще войти въ себя. Простое человѣческое обращеніе со мною, теперь мнѣ кажется чѣмъ-то сверхъестественнымъ, невѣроятнымъ». Душа его была сильно встревожена: знакомые мотивы, малѣйшее чувство, — потрясли его до глубины души. Три ночи на параходѣ вольноотпущенный буфетчикъ игралъ на дурной скрипкѣ и Шевченко заслушивался его скорбныхъ, вопіющихъ звуковъ, и писалъ: «Три ночи этотъ вольноотпущенный чудотворецъ безвозмездно вознеситъ мою душу къ творцу вѣчной красоты плѣнительными звуками своей скрипки. Изъ этого инструмента онъ извлекаетъ волшебные звуки, въ особенности въ мазуркахъ Шопена. Я не наслушаюсь этихъ общеславянскихъ, сердечно, глубоко-унымыхъ пѣсень. Благодарю тебя, крѣпостнаго Паганини! Благодарю тебя мой случайный, мой благородный!....»

Ему даже не удалось дожидаться того радостнаго дня, когда миллионы народа вздохнули свободнѣе....

Что прибавить ко всему сказанному? Малороссы, Великороссіяне, Поляки, мужчины, женщины, оплакали Шевченка. Оцѣнка частью сдѣлана, но вполне оцѣнится поэтъ-художникъ не теперь. Полный разборъ его жизни требуетъ годоваго труда.

Онъ былъ живая пѣснь... живая скорбь и плачь. Онъ босыми ногами прошелъ по колючему терну; весь гнетъ вѣка палъ на его голову; покоя не было этому *вдовиному сыну*. Но иногда онъ возносился духомъ, пробуждалъ и зарождалъ, поддерживалъ и укрѣплялъ въ каждомъ — то пѣсню, то словомъ, то собственною жизнію — правду, и безграничную любовь къ *сіромлю*.

Вышедъ изъ простаго народа, онъ не отворачивался отъ шпеты и серяги — пѣтъ, напротивъ! — онъ и насъ обернулъ лицомъ къ народу, и заставлялъ полюбить его и сочувствовать его скорби. Онъ шелъ *по-нѣреду*, указывая и чистоту слова, и чистоту мысли, и чистоту жизни.

Какъ художникъ (въ прямомъ смыслѣ) онъ заслужилъ себѣ имя доброе и честное. И на этой дорогѣ онъ былъ одинъ изъ первыхъ обратившихся къ родному. Я напомию его давній художественный трудъ: »Живописная Украина,« — потомъ множество другихъ рисунковъ, и особенно: »Блуднаго сына«. Въ народномъ искусствѣ ни у кого не высказалось столько сознанья, столько силы, какъ у него. Тогда, какъ другіе ловили прелесть, съ спокойнымъ духомъ писали мирный уголокъ, свадьбу, ярмарку и проч.,—его духъ волновался, страдалъ, и выливался горькими слезами, которыя потомъ обратились въ безпокойное негодованье, залитое желчью.

— Нѣкоторые, знающіе Шевченка—какъ поэта—слегка, упрекаютъ его въ однообразіи. Упрекъ этотъ несправедливъ. Его поэзія была отголоскомъ жизни, однообразнымъ на столько, на сколько однообразна жизнь народа. Онъ слишкомъ глубоко чувствовалъ, слишкомъ былъ близокъ бездольной *голотѣ*. Крѣпостное горе всегда стояло передъ его глазами. Душа его нашла себѣ одно созвучіе, одно подобіе—народъ.... Слова его замирали на устахъ,—вырывались одни рыданія.

Я не бачу счастливаго—  
 Все плаче, все гине...  
 И радъ би я сховатися,  
 Але дѣ—не знаю.  
 Скризь неправда—де не гляну...  
 Серце вяне, засихає,  
 Замерзають слѣзи.....  
 И втомивсь я, одинокий,  
 На самій дорозі.  
 Оттакѣ-то! не здивуйте,  
 Що ворономъ кричу:  
 Хмѣра сонце заступила—  
 Я свѣта не бачу

Жизнь Шевченка, вся вмѣстѣ взятая, есть пѣснь. Это—почальное, высоко-художественное произведеніе. Вырванный изъ народа, онъ представляетъ собою самый поэтический его образчикъ.

Добрый до наивности, теплый и любящій, онъ былъ твердъ, спелъ духомъ,—какъ идеаль его народа. Самыя предсмертныя муки не вырвали у него ни единого стопа изъ груди. И тогда, когда онъ подавлялъ въ самомъ себѣ мучительныя боли сжимая зубы и выры-

ван зубами усы, въ немъ достало власти надъ собой, чтобъ съ улыбкой выговорить »спасибі«,—тѣмъ, которые объ немъ вспомнили вдали, на родинѣ.

Дружеское участіе оживило умпрающаго. — Онъ отдалъ жизнь свою народу всецѣло и до смерти стоялъ у него на стражѣ, стремись избавить его грамотой отъ нелѣпаго невѣжества и защищая отъ грозящаго ему насильственного просвѣщенья; трудовую свою копѣйку онъ отдавалъ на народъ. Съ какой радостью онъ встрѣтилъ первую Граматку Кулиша.—»Этотъ первый свободный лучъ свѣта, могущій пропикнуть въ сдавленную крѣпостную голову!... Онъ былъ сила, сплавающая насъ съ народомъ. Онъ пробудилъ насъ къ новой жизни.

Замогли его уста.... Смерть холодомъ легла на разумное широкое чело поэта. Несчастіе тѣшилось надъ нимъ. Развѣтіе его послужило ему только для горшаго уразумѣнія печальнаго своего существованія.

...Разрушительной силой смерти онъ отнять отъ насъ. Кто наслѣдуетъ его чудную пѣснь...

Засыпана твоя могила.

...Въ кругъ тебя все могли и двѣ дѣтскія могилы подлѣ... бѣдныя, безъ вѣнковъ, безъ крестовъ...

Мы дорожили каждымъ словомъ поэта при жизни; теперь — это святой долгъ cadaго. Пусть каждый припомнитъ что-нибудь, — все теперь дорого. Пусть каждый послужитъ листкомъ для его вѣнка. Теперь время собирать его многозначущее жизнеописаніе. Отъ него мы не услышимъ ничего. Онъ съ собой унесъ многое на что недоставало у него силы разсказать. Онъ старался забыть свою жизнь, онъ скрывалъ ее—отъ друзей и отъ враговъ.

...Заховаю змію люту  
Коло своего сердца,  
Щобъ вороги не бачили,  
Якъ лихо сміетца...

... Нема ворогівъ у могили... Пѣть и не должно ихъ быть. Неотъ-кого скрывать печальныхъ дней Шевченка. Не въ смѣхъ они послужать, а составлять славу и честь человека.

Л. Жемчужниковъ.

5 Марта 1861 г.



# КОБЗАРЬ.

## VII.

Минають дні, минають ночі;  
Минає літо; шелестить  
Пожовкле лістя.... гаснуть очі;  
Заснули думи, серце спить;  
И все заснуло, — и не знаю,  
Чи я живу, чи доживаю,  
Чи такъ по світу волочусь,  
Бо вже й не плачу й не сміюсь....

Доле, де ти? доле, - де ти?  
Нема ніякої!  
Колі доброї жаль, Бóже,  
То дай злої, злої!

Не дай спати ходячому,  
Серцемъ замірати,  
И гнилою колодою  
По світу валятись;  
А дай жити — серцемъ жити  
И Тебé хвалити,  
И Твій світъ нерукотворний  
И людéй любити...

Страшно впасти у кайдани,  
Умірати вь неволі;  
А ще гірше — спати, спати,

И спати на волі,  
 И заснути на вікъ-віки,  
 И сліду не кинуть  
 Ніякого!.. однаково —  
 Чи живъ, чи загинувъ....

Дôle, дэ ти? дôle, дэ ти?  
 Немá ниякої!  
 Коли доброї жалъ, Бóже,  
 То дай злói, злói!...

## VIII.

Не женися на багатій, бо вижене зъ хати;  
 Не женися на ўбогій, бо не будешъ спати.  
 Оженись на вольній волі, на козацькій долі;  
 Яка буде, така й буде, — чи гола, то й гола; —  
 Та ніхто не розважає, ніхто не питає:  
 Чого болять? и дэ болять? — самъ про тее знаєшъ.  
 »У двохъ«, кажуть, »и плакати — мовъ лéгше инначе...«  
 Брешуть люде, — лéгше плакати, якъ ніхто не бачить...

## IX.

Не завидуј багатому: багатий не має  
 Ні приязни, ні любови, — вінъ все те наймає;  
 Не завидуј могучому, бо той заставляє;  
 Не завидуј и славному: славний добре знає,  
 Що не ёго люде люблять, а ту тяжку славу,  
 Що вінъ кровью та слезами видле на забаву;  
 И молоді якъ зідутця, то любо, та тихо,  
 Якъ у раю, — а дивися: ворүшитця лихо...  
 Не завидуј же вікому, — дивись кругомъ себе:  
 Немá раю на всімъ світі, — хибá-що на небі?...



## X.

Ой крикнули сірі гуси  
 Въ яру на ставу;  
 Стала на все село слава  
 Про тую вдову.  
 Не такъ слава, не такъ слава,  
 Якъ той поговіръ,  
 Що заїздивъ козакъ зъ Січи  
 До вдови на двіръ;  
 Вечеряли у світлиці,  
 Медъ, впопили,  
 І въ кімнаті на кроваті  
 Спочити лягли...

Не минула слава та —  
 Не марно пішла:  
 Удовиця у м'ясниці  
 Сина привела...  
 Вігодувала малого,  
 До школи 'дала,  
 А пзъ школи ёго взявши,  
 Коня купила;  
 А коня ёму купивши,  
 Сідельце сама  
 Самимъ шовкомъ вишивала,  
 Злотою окула;  
 Одягла ёго въ червоний  
 Въ жупанъ дорогій,  
 Посадила на коника:  
 »Глянто, ворогі!  
 Подивітесь!« — Та й повела  
 Коня вдовжъ села,  
 Та й привела до обозу —  
 Въ військо оддала...  
 А сама на проциу въ Київъ  
 Въ черниці пішла...

## XI.

Чого мнї тїжко? чого мнї нїдно?  
 Чого сїрце плаче, ридає, кричить —  
 Мовъ дитя голодне?...Сїрце моє трїдне!  
 Чого ти бажаєш? що въ тебе болить?  
 Чи пити, чи їсти, чи спатовьки хочеш?  
 Засни, моє сїрце, навїки засни,  
 Невкрїте, голодне... а людъ нависнїй  
 Нехай скаженїе... закрїй, сїрце, очї!...

## XII.

Вїтеръ въ гаї нагнає  
 Лїзу и тополю,  
 Ламá дуба, кóтить полемъ  
 Перекотї-поле...  
 Такъ и дóля: тогó ламá,  
 Тогó нагнає, —  
 Менé кóтить — и дé спївнїть  
 И самá не знає!...

У якóму краї менé заховáють,  
 Дé я прихлїюся — на вїки засну?..  
 Колї нема дóлі, нема талану,  
 То вїкого й кїнуть... нїхтó не згадає —  
 Не скаже хоть на-смїхъ: нехай спочивáє, —  
 Тїльки ёгó й дóлі, що рáно заснувь...

Т. ШЕВЧЕНКО.

# НЕ ДО ПАРИ.

## I.

Якъ не живі, а ліхо не мине. Такъ уже намъ Богъ давъ, така вже доля наша....

Була въ мене небога; при мни вона й зросла, бо спротою зосталася змалечку. Я й батька и матірь її поховала и оплакала; я й її розуму навчала, и добра її гледіла. У неї була и хата славна, и селідьба, и скрині такі на колесахъ, що було перехилися та й два рукою не достанешъ.

Живе вона въ мене веселенька собі, а хороша!.. така чернобрива та ясноока, та уста румяні, та становчокъ стрункій! А що весела була, жартовлива!

И хазяйка зъ неї добра, роботяща. Якъ дійшла вона літъ своїхъ, то я безъ клопоту хлібъ їла: вона й зробить усє, и доглядить усєго, и обміркує все, и хату мни звеселить.

## II.

Живемо ми оттакеньки приязненько собі та любо. Коли—разомъ я помічати стала, що Парася щось сама собі думає та думає. Голосно словця не скаже, весело не засмієця, не глянє. И змарніла трохп.

Мни вона не признаєця, а я не питаю. Ходіла вона и на улицю, и на вечорниці. Идє було й скаже: »Тіточко-голубочко! я підү до дівчатъ», абò тамъ куди; а теперъ уже випурхне зъ хати, не питаючи мене.

## III.

Одного вѣчора вернулася вона така тиха, а весѣла; хоче ніби щось мені сказати, и но каже.

— Що, Парасю-голубонько? що тобі дѣлого трапилось?

А вона все варується мнѣ сказати, тилько гляне та счервоніє. А я все наполегаю: скажи, та скажи!

Вона встала и говорить тоді: »Я, титочко мила...я вже хутко заміжъ підус.

— Бѣже тобі поможи! Нехай Мати Бѣжа щастя-таланъ дає!«  
Питаю, за кого вона думаеть....

»За Семѣна Палія.«

— Охъ, дитино моя! чи то жъ до-пари? — кажу.

»До пари, до любѣи вподѣби!« одкаже мнѣ гордо.

## IV.

А Семѣнъ Палій той та бувъ на все село чудний та дивний. Багатиръ бувъ, а живъ якъ убогі люде живуть. Вінъ було не придбає, а вторяє, ярмаркуючи. Чи вінъ продає, чи вінъ купує, то все не на користь собі, усяке єго ошукаеть, аби хто схотівъ. Не те, щобъ вінъ бувъ такъ-собі: розумна въ єго голова була, и словомъ вінъ було впоить тебе, якъ медомъ; а про те дивний, якийся дивний зъ єго чоловікъ бувъ. Такихъ людей я и не бачила. Було иноді на єго ніби щось найде: лежатиме цілісненький день у горѣді, наче недужий, або нічь проблукаеть по степу, по полю. Хто єго знає, що єму!

## V.

Отъ я и викладю все тее небѣзі. А вона... Звісно вже, що дивчина не вважає ні на вѣщо, полюбивши. Любить, то вже любить. Хочъ и знає, що буде недѣля, та не боїцца, — про свою долю байдуже!

Радша я и просила. Вона плакала, слухаючи; а до Палія Семѣна душа її — якъ той метеликъ до огню: не оджонешъ, не зу-

п'ништь. Що мині робіти? Не звáжилась розлучáти, поблагословила.

## VI.

Та й самá ráдувалась, дівлючись на життá їх мiле та любе. Прийдú булó до нихъ у гостину — сидáть укúпци. Щó жъ то за щасливи! щó жъ то за хорóши! якъ я до ёго придивiлась, прилюбилась, моá мáтинко, — то винъ мині за дитину рiдну ставъ. Такий у ёго поглядъ бувъ, така мóва, така красá, що рiдне тоби, та й гóди!

Прибiжить булó Парáся до мене на хвилиночку.... Гóсподи, якá весéла, якá щаслива!

— А щó, Парáсю?

»Та дóбре мині, тiточко-сёрдечко, дóбре мині! любить винъ менé дúже. И кроку відъ сэбе не відпускае; все прóсить спiвати. »Сидáй коло мене, спiвáй мині, птáшко, спiвáй!« Отъ я й спiвáю, а винъ слúхае та дiвитця мині въ вiчi.... Щó то за óчи Госпóдь ёму давъ!«

— А хазáйствечко — якъ? — питаю.

»Та й хазáйствечко ничóго тепёръ. Дóбре, все дóбре. Я вже такъ порядкую, такъ гóжý ёму!... А винъ, тiточко, винъ усé не даé дiла робити, — ей-же-Бóгу!.. Пóраюсь тамъ коло пéчн, абó-що, а винъ: »Чогó се такъ дóвго, Парáсю?«—»Та я для тебе, гóлубе, щобъ ти смашнiйше ззiвъ.«—»Байдужéс, кáже, »мині про те, сёрденько! Ось иди сядь коло мене, та обiймай, та бóдемо говорити, якъ у свiтi жити, якъ люде живóуть у свiтi«. И якъ почнé винъ, тiточто, розмовляти, то я й позабувáю все, що тамъ распочалá робити и щó до чóго. Схаменóсь, то ажъ сэромъ, якá зъ мене гóсподiня.... Тепёреньки я вже розумнiша стáла, пóраюсь, мiю, шiю.... А винъ, дивлюсь, и осмутнiе, и похмýрний такий стáне, и не iсть, не пье ничóго. А я прошú, а я прошú: »Та хочъ покóштуй, та хочъ губбю приторкнись! вонó дóбре, но-абi-якé.« — »Де жъ не дóбре, коли ти своiхъ ручóкъ доложила, та ще й думокъ!« нiби смiючись пзъ мене, гóвóрпть. А я ёго цiлувати, — тодi винъ изнóвъ весéлий.«

## VII.

Я було ралію, слухаючи того її щербтанннн. Не було й гадки, щобъ усé те щастя у велике лихо повернулось. Хочъ Парася вже не вчащає до мене, якъ перше, та я все думаю: »Се того, що вона тамъ собі у щасті та въ роскоші.« Сказано: *Добре дядькові — то й Бóга забув!*

Отъ, якось я зібралась та й пішла до нихъ у неділю. Хата зачінсна. Я тоді въ садокъ, п бачу — сидять вони вкупці, тільки чогось обійко невесóлі; спдять собі мóвчки.

А садокъ у нихъ по горі зеленів ажъ до самісінької води. Попід садкомъ річка шіроко въ берегахъ пде. По тімъ боці жита половіють; чўтко — млинъ меле, н чўсшь в бачвшъ — шумлять в хілятця вёрби на грéблі, н на все благій вітерéць тягне....

Вони підъ грушою спдять. Вінъ дивитця кудись далéко, а вона на ёго. Підхожу — оббе жакнулись.

»Бóже поможі! Здорóві булі!«

»Прóсно!«

Вітають, говорять; а все мині здаётця — щось не такъ вонó, якъ перше було. Посіділа я въ нихъ, та й до дому берўса.

— Проведі жъ менé, Парасю, — говорю їй.

Вона й пішла менé провóдити.

— Парасю, — кажў: — чогó со ви такі сёгóдні? Щó вамъ такé?

А вона: »Нічóго, тіточко, ей-же-Бóгу нічóго!«

И не сказала. Такъ ми й попрощáлися.

Иду я собі та все думаю: »Чогó вона така неспокойна стáла? Щó тамъ у нихъ коітця? А мóже,« думаю, »посварілися трóхи? То й помиратця, мої голубьята.«

## VIII.

И жду я її, жду; а її нема. Хочъ коли на роботі й побачу, то на хвилиночку.

— Чомў не прійдешъ, не одвідаешъ?

»Прійду, прійду, тіточко!«

А самá все не йде, я вбачаю — марніе та й марніе Парася мо́я.

Иду я зновъ до неі. А зіма вже морозами кріпкими укріпіла. Прихожу — вона въ печі распалила, а самá сидить на долівці — и голову схилила, и руки опустила. Чи жива, чи не жива?...

»Охъ, побіла мою Парасю лпхая година!« думаю.

— Парасю! — кажу.

Тоді вона звелась и стала, блідая й понурая.

— Скажи мни, дптя моє, скажи свою прпгоду!

Вона мовчить та на полюмья дивитця. А я прошу, я прошу й плачу. Вона все тільки на те полюмья дивитця. И довго я просіла, а вона дивилась; а далі, обертаячи до мене голову: »Чоловікъ не любить!« промовила.

— Якъ не любить, Парасю? Богъ неъ тобою!

»Не любить!« вимовила, та такъ зъ душі якось вимовила, що одразу я віри поняла.

»Перше любивъ, теперъ не любить.

— Що жъ, вінъ тебѣ обижаетъ? — питаю... Може, бье?

»Ні, не бье, не обижаетъ,—тільки не любить: не гляне, не пожалуе, не всміхнѣтця..

— Що се вамъ сталося? — говорю.

»И самá не знаю, каже. »Я годіла єму, я любила єго,—та доля моя така!«

— Може, за що угнівався на тебе?

»За що? Хпба я не слухаю? Отѣ було у-літі, якъ сидимѣ въ садкѣ, вінъ мни показуе: »Дивись, яка вода чїста! якъ у очертахъ гудѣ — слухай!...« То я спершу було не дивлюсь, не слухаю — не хочу. »Лѣчче я тебѣ поцілѣю!« було кажу єму: »щѣ мни тамъ дивитись!...« Бачу, що вінъ здвигає брови, то я вже нѣтімъ и прислухалась, и придивлялась, ваче бъ то зрѣду того не бачила, — єму на вгѣду. Зновъ, умеръ тутъ отѣой Лисенко, да вдова продавала худѣбу, — я просіла єго: »Купи! дешевѣ купишь у неі«. А вінъ мни: »Спрїтськимъ добромъ забагатїти хочешъ, Парасю!« А я єму довожу, що все однѣ — куплять люде. »Та не ми!...« Бачу, що єму слухати тѣе чогѣсь гїрко, я и змѣначала собі... Ні, тїточко, я єго слухала, та се вже мни такѣ щастя!«

## IX.

А тутъ саме вінъ увійшовъ у хату. Знявъ шапку, привітався, а самъ гордий та похмурий.

»Змерзъ!« каже.

Якъ схопитця Парася!... Дмухає на огонь, и кожухъ ёго струшує, и вьѣтца, якъ горлиця, коло ёго.

А вінъ—такій хоробший, я й не бачила ёго, здається, такимъ,— простягъ, гріє рѹки надъ поломьямъ червонимъ. А якъ Парася навѣрнетця на ёго очи горді та смутні, одвертає одъ неї очи....

Хотіла я щось порадити, сказати, та не сказала нічого, — пішла собі додому.

И скільки вже я разъ хотіла до нихъ піти, та якъ згадаю— не підю. Якъ згадаю, що стоявъ вінъ гордий та спокійний такий, матінко!... Ні, не підю! вже не поможє!

МАРКО ВОВЧОКЪ.



# ДЗВОНАРЬ

Оце я теперъ дзвонарь старий и вбогий; а колись не такимъ ходивъ. Та що згадувати? гадкою не зарадисся. Та й жити не скільки: на мою домовину давно вже десь виросло дерево, та й переросло; а на ваші домовини, може, ще й рості не починало. Що було моє, те пройшло и біллямъ поросло: а коли часомъ згадаєтця, то й не розпізнаєшъ, чи то самъ живъ и бачивъ, чи малому мати въ казці казала... Такъ ні, — не казка.

А була наша мати дяконка, дуже бідна, и своїми руками заробляла хлібъ на насъ на трѣхъ — на мене, на сестру Галю, та на Дюку. Знали ми тільки панотцеву могилку, а самого не знали. Було йдемо у неділю до церкви, то мати й показує намъ на якусь могилку, и каже було: »Отó підъ білимъ хрестомъ вашъ батько лежить,« — то ми й знали.

»А який, мамо, вінъ бувъ?« було питаємо.

— Вінъ бувъ добрий чоловікъ, и люде ёго поважали, — було скаже.

»А въ чімъ ёго поховали, мамо?

— На що вамъ се знати, діти? Поховали ёго у чорній різі и кадило положили; а я ёму волосья розчесала до самихъ плічъ.

Було мати журитця, що нічого намъ не зоставивъ пан-отець у спадку.

А зосталась після ёго хата та нові ворота — не вспівъ и двора тиномъ обнести. И господарство не-яке було: нічого не придбано; то всёго у людѣй позичали. А я тими часами підростаю: треба було писма вчити — а на які достатки? Салдаты Позихай-

ликъ, що хлопцівъ вчивъ, грішми не бравъ, — та яка ёго й письменність була? Граматикї усякі по верхѣхъ читавъ та часлѡвецъ, а изъ псалтвря вмівъ одъ *Блаженъ мужъ* та до *Вскую шаташася*. Та бувъ добрий чоловікъ — и за тѣ дякувати Господа.

Отѡ було й посадовити насъ коло стола на ослоні, а йншихъ на лаві. Поберемо указкї въ руки — а указкї робивъ самъ, такі мерѣжені та довгі, и за ко́жну бравъ по гѣрцю пшона́, або по кўрці, — отѡ й дивитця, чи такъ указкї держимѡ. Коли який не такъ бѣзме, то було й гукнѡ:

»Иване! такъ бабї ко́стуръ дѣржуть...«

Або до дрўгого:

»Роззяво! такъ павпчї видѣлкою курчѣтъ за обѣдомъ штрїкають... Озьмї звичайненько, та проказуй свїй стихъ.«

А самъ сїде на порѡзі, або на дѣглицку та чѡботи шїе. А біля ёго пўжка риминна.

»А ну, дяконѣнко, прокажї-лишѣнь свїй стихъ.«

Се, бачъ, на мене.

То було поблагословисся хрестѡмъ святїмъ и проказуешъ, ажъ по́ки не дойдешъ до гѣспндського *хверть-ирці-кру, херь-ирці-кру*, — такъ тобї пўга и врѡдитця передъ очїма, и язїкъ одеревеніе, — тїльки указка трўснтя.

А любивъ менѣ Позїхайликъ — царство ёму небѣсно, — любивъ якъ рїдного, а все було лїсне пўжкою по-за плїчми, а въ йншого було й колѡдкою шпурнѣ.

»Оттакѡ! Чогѡ довбѣшъ, вражїй сїну, мовъ чумакъ галўшки? Я тебѡ...«

Скїльки не довбавъсь, а такъ на *словотїмлі* й зачпївся. Тїльки було матерї лїхо: усѣ плаче та молтця.

Та й самъ Позїхайликъ не дўже неволивъ насъ. Повчимѡсь було трѡхи, то вінъ и ведѣ насъ до себе на горѡдъ—молодїй быть поливати, — и поливаемо: а потїмъ у лїсъ до Старосѣлища — рїби ловїти, або зъ волокомъ.

Самъ було вирїже намъ ўдлища довгі та гнучкї, изъ бруслини; насўче ко́жному білої волосні, щобъ рїба въ водї ўдочку не бачила та не жахаласъ: нарѡбе гѣрнихъ по́плавцівъ, та не зъ окучї, а зъ якогось дѣрева, и посадовити насъ—кого́ мїжъ око́ю, де линї ловятця, кому́ мїжъ латѣття звелїтъ закидатї, де окуні на сонці грають; йншїй краснопїрокъ потягаѣ; той себе.

лівъ та пліточокъ; — а самъ сидить міжъ очеретами, удлище зъ доброго дубка, поплавець ажъ на середь озера, — сидить та погукує:

»Пётрику! не ворухись: у тебе лускирь клює, — тягнї!..«

И вітягне лускиря.

»А! чортівъ Гриць! якого окуня впустивъ... будешъ теперъ у мене до самісінького Маковія *Помілуй мя, Божє, вчить.*«

А самъ ажъ очеретъ ламає! Тільки не довго сёрдивсь...

Оце якъ наловимо чимало, та въ казанокъ, — така добра юшка, що Господи! хто провинова́тнвся, тому хлібъ зъ водою, а намъ и юшка и риба.

»Ижте, гаспидські діти, на здоровья, та кістками не подавітця. А ти, Грицьку, знай...«

— Та тожъ ви мого окуня істє, дядьку.

»Тó-то — твогó...«

Та білшъ ужє и не гніваецця: такий добрий бувъ!

Якось разъ сидимó ми надъ озеромъ, та на поплавці поглядаємо. А день бувъ тихий та теплий: хочъ би тобі листъ на дереві залепетавъ, и птиця не щєбєче — тихо. Тільки и чўти, якъ риба проти сонця викинетця, плєснє на сонці, та ящїрки сухимъ листямъ шелестять поміжъ травóю, абó чмїзь загудє, п стїхне.

Коли слўхаємо, щось по лісу гукє, да такъ далеко, що и гóлосъ лєдві доносєть, а далі все блїжче та блїжче. »А, дядьку, гу!.. а, дядьку, гу!« тільки и чўти.

Инші зъ насъ хотїли відгукнўтнсь на гóлосъ, такъ Позїхалникъ не звелївъ.

»Цїтьте«, каже, »гаспидські!.. Катъ єгó зна, що воно такє є... Мòже щó недòбре, то глядїть, колибъ не нагукали.«

Коли вийшло зъ лісу на поляну. Дївнємось — ажъ то нашъ підтитарий.

»Помагайбі!« каже, »Степановичу!«

— Спасибі,— каже.— Та не гомонї, дядьку: усю рибу покòлошкавъ.

»Чи не зъ вами тутъ дяконча?«

— Зъ нами... А, бїсївъ окуны!..

Менє мовъ уколóло.

»А на що вамъ єгó?«

— Благочинний — каже — паіхавъ, то дяконѣнка, бачъ, тѣе, вѣлено прывести. Вони самі знають — на що.

»Оттакі! се, бачъ, п мені трѣба въ слободу йти.«

— То й йдїть, коли тѣе...

Отó й пішли.

Я йду, мовъ опѣчений, а малé сѣрце такъ п стукотїть, — Мати Бóжа, якъ бóязко,

»Се бъ то тебó, хлопче, у бурсу, — писарь казавъ, — коли не тѣе.«

Вонó жъ такъ п булó. Благочинний сказавъ паніматці, що будé за мѣне ходатайствовати.

И походатайствовавъ.

Рóкївъ у два, либóнь, у три, якъ у самого благочинного підрослі дїти, що вже трѣба булó й їх письмá вчїти, — п повезли насъ у гóродъ. Прощаючись, мати дуже плакала та наказувала, щобъ добрий бувъ та слухьяний, Бóгу бъ молився рано й вѣчїрь, п матірѣ не забувавъ. И сѣстри плакали. Заплакавъ п я трóхи.

Прїхали у гóродъ на четвѣртїй день. Благочинний водивъ своїхъ дїтѣй по начáлству, а я дóма сидїв. Далі й менé повели до рѣктора.

»Якъ тебѣ зовуть?« питає.

— Васильóмїъ, — кажý.

»Васїлій... въ памьять отця нáшого Васїлія Великого, Григорія Богослóва... такъ?»

Я мовчý, бо тоді що не знавъ, що не Васїлія Великого, а Васїлія Амасїйского.

»А прозивають?«

Я мовчý.

»Який неговіркий«, каже, »мовчлївий — taciturnus... Такъ будешъ же ти — *Тацитурновъ*.«

И ставъ я Васильóмїъ Тацитурновимъ — ажъ п дóси. Тільки дóвго не втямкú мені булó се прїзвище: оцѣ булó клпкнуть у школі: Петръ Лякримѣнтовъ, Васїлій Тацитурновъ, — то я мовъ п не чýю, бо усѣ забувавъ собі на лихо, що я Тацитурновъ. Такé чуднѣ слóво, бодай ёго!

И почали менé вчїти, та не такъ, якъ Позїхалїкъ вчивъ: не прозьбою, ні грóзьбою, а червóною лозóю та гнучкóю вербóю. И бїли жъ Тацитурнова, Мати Бóжа, якъ бїли! Та малóму усѣ не на лихо: молодé тїло — швидкó гóїлось; дитячі слѣзп — швид-

ко висихали; тільки на серці у дитини недобре накупало. Недобре насіння — не добромъ и зійшло. Та не одного мене біто...

А я тіми часами підостаєвъ, та такъ же хуто! Вже сімнадцятий рікъ, и я не дитина, и въ мене думки та гадки: одна думка на добре, друга на погане. Та нечистий нагадавъ намъ у бурсі гражданськихъ книжокъ читати, про мирські діла та про гріхі людські. А на такі книжки запереть бувъ одъ ректора: »Лучче«, каже, »гріхъ содомський, ніжъ се диявольське наважденне: гріхъ по плоти — плоть сквернить, а писанне сатанино душу погубляєтъ.«

Вонó жъ и мене на-віки згубило.

Якось разъ сидимó ми собі бурсаки та читаємо сі гріховні псалми (я вже й не згадаю, яка то книжка була), сидимó та читаємо, інші сміютьця, другі мовчять та слухають, — мене нечистий и наустивъ.

»Господи! якъ би яє, кажú, »вмієвъ такі вірші складати, я бъ и въ протоцпи не пішовъ...«

— И такъ не підешъ, — озвавсь хтось тихенько за мною.

Зиркъ, — ажъ отецъ ректоръ стоить середъ камери, коса расплетена, довга — ажъ нижче плічъ, — а самъ білий, якъ крейда. Такъ усі й помертвіли.

»Сатанó, сатанó... сатанó!«

Я вставъ на ноги, а ноги не дёржуть... усё заходило передъ очима, и мовъ темно въ камері стало...

»Сатанó, сатанó, сатанó!..«

Тільки я й бачивъ бурсу и вона мене бачила.

Мене вигнали... Господи, якъ-то вже плакавъ я передъ ректоромъ, щобъ не губивъ мене, матіръ мою не вбивавъ, — не помилювавъ. Вигнали, якъ собаку.

Вийшовъ я зъ бурси — куди йти? де дітись? А вже більшъ ні до кого, якъ до матері. И пішовъ. А було се у Петрівку, саме тоді, якъ люде траву косять. Літо придалось добре, тепле — весело йти. И мені було весело, бо малому ліхо — пів-ліха, а надъ те ще й додому йшовъ; а дома я не бувъ съ того часу, якъ мене у бурсу одвезли. Довго озиравсь я на гóродъ, ажъ поки не покривсь горюю: съ того часу я й не бачивъ гóрода, та більшъ вже и нічого не бачивъ, окрімъ своєї слободі та дзвіниці... Отó жъ я и дзвонаремъ ставъ.

Чи скільки я тамъ шшовъ — не згадаю, а на шóстий, чи на

сёмий день, зъ-за горі, и наша цёрква виглянула. Тутъ я заплакавъ, та й самъ не знаю, якими слізьми. Господи!— йду мімо Старосѣлища, де съ Позіхайликомъ колись рибу ловили, — нема Позіхайлика міжъ очеретами, не стримить зъ-за купцівъ ёго ўдлище довге, чорноклинове, и хлопцівъ немає. А риба, якъ и тоді, виграє на сонці, и зозуля кує надъ озеромъ... Сэрце въ грудяхъ колотитця, якъ не вискоче.

Отутъ я окуня піймавъ... П огнище б́уцимъ т́илько вч́ора заліте: десь нед́авно рибу варили... и муравиння ціле, куди ми бу́ло червьякивъ ќидали та кричали:

Муравья, муравья!  
Онъ Татары идутъ,  
Вашихъ дѣтей порѣжутъ,  
И ваши подушки заберутъ!...

А отъ п озеро, такє жъ т́ихе, якъ тоді, коли ще я малимъ бувъ...

Пройшовъ и Старосѣлище.

Отó у насъ хата топитця, и димъ видно; а то верба зеленіє у горóді въ Позіхайлика, надъ криницею... Мóже вони молодий бутъ полнвають...

Колі двлюсь, пд́уть мені на-зустрічъ изъ слободі дві дівчпнки, височенькі та гáрні, якъ квіточки, — порівняльсь зо мною та й приглядáютця, б́уцимъ пізнають мене. Ставъ, п оч́ямъ не йму віри...

»Гáлю! Дóко! ви мене не пізнали?«

— Васілечку! б́ратіку!..

Да такъ и повисли въ мене на шії. Се жъ мої с́естри!

»Васілечку! відкіля ти?«

— Зъ б́урсп, — каж́у.

»Хибá жъ ти вже вивчпвьсь, б́ратіку?« питаютьця.

— Ні, Дóко, — каж́у, — не вивчився. А мати дóма?

»Дóма«, ка́жуть. »А ми оц́є йшли по козельці, та теперъ вже не підемо.«

— Яка ти, Гáлю, велика стáла, впсóка! и ти, Дóко....

»И ти, Васю, великий ставъ«, ка́жуть.

Приходимо додóму. Мати стоить середъ двора, закрілась руко́ю відъ сонця и приглядáетця.

»Се ти, Васілю?« ка́же.

— Я, ма́мо.

Перехрестілась, а на самій лиц́и нема. Я до не́ї, а ў само́го р́уки и нóги тр́усатця.

»Здорóвъ, сiнку«, кáже, »якъ тебé Богъ привiсь?  
Я заплакавъ.

Чи не прогнiвiвъ чимъ Бóга, дiтятко?« мáти питае: »чогó  
плáчешъ?«

Я мовчú та плáчу. Жáль менi ii стáло и за себé стiдно.

»Гóди, Василю: хибá якé лихо спiткáлося? кажi, сiну.

— Менé, кажú, мáмо, вiгнали зъ бýрси.

А самъ плáчу, плáчу...

»Вiгнали!... А за що?

— Я, мáмо, книжки читáвъ.

»Книжки читáвъ? Такъ хибá за се виганiють?«

— Виганiють, кажú.

»А якъ непра́вда тво́я?«

— Далeби, мáмо, пра́вда.

»Такъ цуръ iй, гáспидськiй бýрси, прости́ Гóсподи! Отъ, на-  
ви́жéни! за що дитiну вiгнали.«

Увéчери прии́шовъ Позiхáйликъ. Поздорóвкались. Мовъ бáтька  
рiдного я ёго побáчивъ.

»А попóмъ скóро бóдешъ?« питае.

— Нi, — кáжу, — нiкóли не бóду.

»Оввá! — А ну́жъ, ну, роскáзуй, якъ васъ тамъ вчiли, хто вамъ  
указкi робiвъ?..«

— Тамъ, дiдечку, — кажú — безъ указóкъ вчять.

»Оттакó! безъ указóкъ! такъ цуръ же iй, вáшиi бурсi, отъ-що!«

А сестрá Гáля iй кáже:

»Тамъ, дiдечку, и читáть не велiть. Василя за те iй вiгна-  
ли, що вiнъ книжки читáвъ.«

— Э! шкодá, кáже. Оцé, я бáчу, и у васъ у бýрси такé жъ  
дiво, якъ у насъ у полкú: и охвицéри ничóго не читáють... Такi  
жъ и попi зъ васъ бóдуть!

Съ тóго чáсу я вже нигдé не бувъ: такъ у слободi iй зостáвся.  
Пристáвили менé, спасибi iмъ, до цéркви дзвонарёмъ — п отъ  
сóрокъ-сiмъ лiтъ дзвоню. Дзвонiвъ и по мáтерi, якъ умёрла,  
дзвонiвъ, якъ и Позiхáйликъ вмеръ, и по сéстрахъ дзвонiвъ.

А хто по моiй грiшнiй душi задзвóнить?...

Д. Мордовцевъ.

1858. Саратовъ.

## СПИТСЬКИЙ ЖАЛЬ.

Охъ и жалю мій, ти мій жалю,  
Охъ и жалю мій не помалу!  
Упустила долю, упустила щастя,  
Да ужé в не піймаю.

Пішла у насъ поголо́ска, що дівча́тъ у *ко́мнати* б́удуть на-  
біра́тъ. По дру́гихъ хата́хъ маті́ркі тр́усятця, пла́чуть; а по ме-  
ні в́ нікому, а сама́ я в́ байду́же; спроти́ не ва́дить: усю́ди горе́.

Я сама́ собі — дакъ и не знаю́: чо́го жаха́тьця, чо́го в́ ні.  
Ажъ и годі́на та впала́; ізди́ть прика́щикъ то́й *сухо́перний* по се-  
лу́ (такъ ми ё́го все зва́ли, бо вінъ у білому́ сухо́перному́ спирту́ці  
ходи́въ), да в́ зганя́е насъ у двір́ъ. Де́вять дівча́тъ насъ набра́-  
ли. Привезлі́, покіну́ли в́ ха́ті. Жду́ть вони́, жду́ть ті дівча́-  
та — не клі́чуть до ко́мнатъ: хочъ би швидчъ́ клі́кали, то не  
такъ би в́ го́лову шпба́ло. Де́які сто́ять такі́ бадё́рісті, буваллі́  
ужé при господа́хъ да попрошп́очувались, дакъ і́хъ и попрого́-  
нили, а дру́гі такі́ пону́рі сто́ять, якъ віль́ проти́ ярма́. — Дакъ  
шо́ жъ, хочъ и менé ві́зьмуть, — ка́же Лю́ба: — и піду́: тре́ба в́  
панамъ́ послужи́ть! ищ́е в́ тебо́ бъ́, Га́лю, або тебо́́, Прі́сю,  
тре́ба взяти́ у ко́мнати. — Спасі́бу, ка́жуть. — А та — якъ дер-  
ка́чъ, та бувала́я Лю́ба: — Спасі́бу, — ка́же, — за ри́бу, а за ра́ки —  
нема́ в́ дяки... Авже́жъ васъ́ би дво́хъ тре́ба бра́ть; нэ́з ва́шого  
ро́ду ще ніхто́ не бувъ́ при панамъ́хъ. — Ив́ші́ смію́тця, що не по  
і́хъ бу́де, дру́гі ла́ютця, а котрі́ в́ пла́чуть. Лю́ба сі́чптця: — цитъ́,  
не пла́чъ, ќупить ма́ма кала́чъ, ме́домъ́ пома́же, то́бі пока́же —  
сама́ зсі́сть. Обі́звала́сь Ві́вдя: каза́въ ці́ганъ: дми́, но дми́ — не  
къ́ Рі́здву́ в́де — къ́ Вели́кодню́; попа́лись ми́, якъ ра́ки в́ я́теръ —  
не ви́плутае́ся. — Лю́ба перобі́ла: Мовчи́, глуха́, — ме́нше гри́-  
ха́! — Чо́го в́! не жури́тця, дівча́та, — уда́рте ли́хомъ́ о́бъ землю́,  
якъ я, — и пусти́лась *тро́яна́*, приспівуючи́:



Танцюй, коваліхо,  
 Б'уде тобі ліхо,  
 Танцюй—не журясь, —  
 Матері твоїя бісь.

А Секлєта якъ вихопитця собі: — Нехай, — каже — тиі плачуть,  
 що заміжъ пдуть, — да протп неі, да въ бокп:

Сухе літо було,  
 Конопель не було.  
 На сорочку не напрія —  
 Веретинъ не було!  
 Веретєна була —  
 Поламáлися;  
 На сорочку не напрія —  
 Линова́лася.....

Да зновъ, — п дѹху не переведє:

На що мені музики —  
 Въ мене свої язїки:  
 Я заграю, поскачу  
 И нікому не плачу. —

Видя крузь зубп: — Курзү-верзү, Бориспхо, дай куті на грєчку...  
 Показїлися, чп що? — правда, що въ одного ліхо скáче, а въ дру-  
 гого плаче. — А Секлєта зновъ почалá преставлїать, якъ отó вона уже  
 б'уде у пánськихъ будїнкахъ ходїть, нзрóду тамъ не б'увши, да п пі-  
 шлá—дрїбь-дрїбь дрїбнєнько ходїть по хатї, да вїпростаєтця та за-  
 п'утаєтця да п упадє; п якъ у її въ рукахъ б'уде гребїнець трястїсь,  
 якъ б'уде чесать бáриню. Тутъ їнші дївчáта ще бїльшъ стáли журїть-  
 ця, ще бїльшъ сїмъ жалю завдалá. А зъ сєго да п до смїху дїйшлó,  
 якъ вїступила уже бувáлая Люба преставлїать справдєшне дїло,  
 якъ панї рядóчкомъ сидять, п отó вже, щобъ побáчить новобáнку,  
 водї потребують, б'уцїмъ-то пить скотїлось усімъ рáзомъ, якъ во-  
 на подалá—однїй—тá до губь донєслá, да п поставїла стакáнь; п  
 зновъ п дрўга пáні: *»и мпъ, дьвочка, дай, пожайлустанъ,* п трєп-  
 тя, п усі такъ перебрáли: *»а у мене, — каже, — такъ п мутїт-  
 ця въ голові: кому на плáття настўпншъ — поволочєшъ за собóю, ко-  
 му дўже нїзько, абó вїсоко поднось пїдїймєшъ, а вони — чп п'ють,  
 чп нї, — а черезъ стакáнєць, — каже, — дївлїятця, п ч'ю, —  
 каже, — якъ шєпчутця: »хорошенька дьвушка, да щє не натєр-  
 тас... »Бóже мїй! — дўмаю: — що жъ то знáчить: не натєр-  
 та? щє зо мною б'удуть щось робїть! да якъ затрўсятця у мє-*

не руки, якъ покотитця стаканъ зъ водою, якъ кинусь я, — каже, — въ голюсь, да зъ хатп, а пані такъ и покотілись одъ сміху; а въ другій хаті старá дівка бáрвинна менé перестріла да за ўхо, да такъ добре намъйшкурула.« Такъ ми реготáлися зъ її рóсказнівъ!

— Оце жъ! — каже Люба, — якъ довго не клічуть! нумъ спать лягáть, абó-що. — А послі й почалá співáть:

Два півники, два півники  
Горбхъ молотіли;  
Дві курочки, дві курочки  
До млиná носіли;  
Козёлъ меле, козёлъ меле,  
Козá насипáе,  
А маненьке козинáтко  
Ковші одбíрае;  
Степанчикокъ підъ ліпкою  
У дудочку грае,  
А лисáца на поліці  
Очіцями лупъ, лупъ,  
Изійшовши на стóблячокъ,  
Ніженькáми тупъ, тупъ.  
А сорбкя білобóкі  
Пішли танцювáти,  
А ворбня, старі жóни,  
Пішли доганáти;  
А журавель, підтáкавшись,  
Пішовъ переймáти.

Да підобравши по́ли й пішла по хаті вихилáтьця, а за нею й друга кáверанця — Секлэта. Де й слези поділись — усі въ сміху! ажъ вінъ, той сухóперний, сусуль у хату, — ми такъ и заміли. »Идіть, — ка́же, — до горницъ.« Ми одна на'дну: пді ти, пді ти. Не звáжємось ніякъ иті. Сухóперний насъ межі плéчі, пёрша розігвáлась — якъ спотикнётця, и друга за нею сторчъ. Ми въ сміхъ, а сухóперний и собі. Пóки дойшла до горницъ, дé той и сміхъ подівся... наче рукою зняло. Думка за думкою кúпитця; казавъ би свою думку — такъ и мóви нема. Стоімó у дівочій, — не йде нáша бáрвиня. Чýємо гáласъ такій! Пані балакають, чашкáми бряжчáть, охъ, лишечко! да яко́го жъ їхъ багáто! Дівчáта кáжуть, эщо, якъ туди поклічуть? — Стулілись ми одна до'дніеі близьче. Не йде нікто. Дівчáта кóмнатні сміютця надъ нáми, — ужé позабувáли, якъ самі колісь трусілись, — а у насъ сёрце якъ

птицею не вілпне. Думаємо: десь вони не матеріні діти, десь вони безбатьченки — у бур'яні віросли, — уже й мені дошкулло, и мені сиритської обідранної своєї волі, да й то чоґось стало жаль. А вони стоять такі веселі, у *платтях* уже. Аж чємо, — бариця одкликáється: — Палагéя! — Тутъ платтяниці почали штовхатця: «тебе кличуть. — Да ні, тебе». Бариня въ-друге дужченько: — Палагéя! — Палагéя такъ и покотíлася у *комнати*, якъ те перекоті-пóле, и вітромъ не доженéшь. Відтіл несé попередъ себе *подносъ* изъ чашкамп, зъ стаканамп. Гóснодп, — думаю, — якъ вона ёго й не впустить! я бъ такъ и бéхнула объ помість, — якъ у її рúки не трúсятця? Скóро вслédъ вийшла и пáні. За нею й павъ; постóявъ трóшки и пішовъ, а пáні, поздорóквашпсь, зáразъ одібрáла міжъ нами тихъ, що уже булі колись въ *комнатахъ* и одділíла у-бiкъ. «Васъ не трéба,» каже; «ви уже булі у *комнатахъ*.» Насъ сiмъ зостáлось. Пáні й питае у крайнèй: «ти підешъ до мене въ услóгп?» — У мене рiдъ великий, жаль кiдать. — Пáні до дрúгої: «а ти підешъ?» — Матері жаль. До трéйтèй: «А ти?» — Мати старá, нездúжае: «нікому постiль послать. — А ти (усé підъ рядъ питають)?» — Мати старá: «нікому за дробнiвою бúде гледiть (а її мати, бáчте, птiшниця). Пáні усмiхнóлася.» А ти? у мене питають. Я мовчó, — стою, кажутъ, блiдá така, якъ хúстка. Менi, думаю, нікого покидáть, нікому постiлюньки слать. А пáні кивнóла головою: «А ти? — до дрúгої (усé чергóю йдуть). У мене бáтько и мати нездúжають. — Дiвчáта тiї, що оддiленi — Оедóра и Люба — такъ и загомонили: «Нездúжають! Оцé люде! нiхтó не хóче послужiть господáмъ: ажé жъ ми служiли, — дакъ хто жъ служiтиме!» Пáні и каже: «дакъ знáете — щó? помiркóйте ви самi міжъ собóю, дiвчáта, и рiшiть, когó братъ пзъ васъ: я тогó и вiзмó.» — И вийшла. Тутъ и почали дiвчáта на насъ: «чомó тоби, абó тоби, не йтi! Да ищé якъ до ихъ бáриня: якъ *iмъ* завгóдно, якъ *iхъ* мiлюсть (щобъ васъ звiрь пзiвъ!); ще — *самi зъ себе вибирáйте!*» Такъ и сiчутця до насъ, якъ чмарá та. А ми стоiмó мóвчки и пiчiмъ не порiшiли. Мовчимó, якъ стiнá, — ажъ однá — охъ! — а Секлэта: — да не вдóхъ! — Пзнóвъ почали ми у мовчанá гратъ, жóримось. И зъ дрúгого кiндá котрáсь: охъ, охъ! Секлэта зновъ: — не любi двохъ... —

Пáні довгéнько нема. А Любка: «знáете», каже, «щó, дiвчáта: бúдемо гулáть у *куми*, у *котá* и *хазянки*. — Ать, чортъ знáе щó, —

кажемо;—вїдумала; тутъ плакати хочетца, а вона лізе. »Отъ, каже, дурні, тутъ-то й розважать себѣ!—Ажъ тутъ чѣмо, шамъ-шамъ плаття,—иде пані. Ми въ-ростичь. »А щѣ ви, дівчата, порішіли діло?« питає пані. Мовчимо. — »Ужѣ жъ когось треба брати. Я бѣ самá вибрала, та не хочу васъ обижати. Ви знаєте лѣчше 'дѣ мене и достатки всякого, и душею прѣти свого брата не покривите. А я и нехотя зроблю не гараздъ.«

Тутъ пзнавъ Люба и товаришка її, Федѣра, обізвѣлясь:—отїй би йтї, отїй: у її мати здѣжає, — ще й се літо на жинва ходїла.... Да ти жъ замїжъ підешъ, — такъ покинешъ свою матіръ, — докладують: — и невістка у васъ молодá; торїкъ весїлля гуляли.... А у тїєї и у тїєї батько зовсімъ здѣжає; а та зъ родомъ носитця, якъ зъ писаною тѣрбою: єго усїуди зъ собою не заберешъ. — Пані й каже: »Да годї, не перебивайте мені. Ну, дівчата, не погнївайтесь же теперъ: я самá собї виберу, коли самї не схотїли вибирати. Пані сїла на стѣльці и почала крайню роспїтувати: чи одна дочка у матерї, скїльки у її братівъ, чи въ двѣри, чи дома живуть; сестри — чи замужомъ, чи въ дївкахъ, братї — чи жонатї, чи парубкуютъ и чи зъ матірью вкѣшї живуть, — якї маетки у кого, и скїльки кому годъ, и якїмъ ремесствомъ орудує, и такъ усяку попитують и отділять. Послі, помѣчавши, подѣмали, да изъ середни й вибрали — менѣ, сиротѣ, и ту дрѣгу дївчину, що у їх невістка молодá, торїкъ брата, и дочка ще дрѣга є замужомъ. Люде казали послї: — добре панї розсудїли, — є на кого матіръ кїнуть; а тїй равнѣ притѣлку нема: всяке її смїкало, якъ горѣхъ при дорѣзі. — Двохъ насъ и зоставили. Тимъ усїмъ панї виняла зъ гаманця грѣшей и намъ обѣмъ дала окрѣме. Сь тогѣ часу я й зосталась у *комнатахъ* до вїсїмнадцятого году.

Змалку тїльки свого життя й зазнаю, що все у кутку сидїла: хто булѣ захоче, той менѣ и одглушїть. Мати вмерла, — я по сѣмому году зосталась, а батько вмеръ — ще равнїй тогѣ. Батько якїй бувъ роботящїй! и день и нїчъ усѣ булѣ робить: хто,-хто вставъ рано, а Иванъ ужѣ вставъ, пісень спїває, а рубанокъ тїлько дж-ж-ж, дж-ж-ж, — а стружки якъ метелї здїймаютьца, а вїнь и дѣху не переведѣ, — сїмъ и чахѣтку собї, кажутъ, наживъ. Ще оцѣ я зазнаю — якъ я чимсь собї рѣку урізала, дакъ батько лѣкомъ примѣчувавъ: теперъ що згляну на

той шрамóкъ, дакъ и ёго згадаю, — царство ёму небёсне! А матірѣ по тймъ згадую, що, було, и насъ дитей зъ собою забірае, якъ иде въ двірѣ на роботу. И наймичка у насъ була хороша, а не повірѣла на її. Паши дуже любила того батька: було що-празника своєї паски присилае розговлятьця; отъ, разъ прислали, вишь бувъ недужий, — съ полу піднився: «розговляйтесь», каже, «діти», а самъ и вмеръ. Мати въ холеру померла; я недужа лежала на печі, а тутъ дві бабі коло матері сиділи. Одна її каже: «умерла Тетяна!» а я якъ закричу! а друга каже: «ні, ні, со вона заснула.» Усе мене дуріли.

Якъ умерла мати, якъ почали насъ грабовать — усё нероблящій чортъ побравъ, усё підъ себе підгорнувъ. Теперъ уже моя хрещена мати мені розказувала — що добра усякого у насъ було!.. Більшь у сіхъ забравъ сухоперний. Поясивъ однихъ було дваццять, шчє некрапенихъ; вóвни, одѣжини скіьки, полóтенъ: сама мати наткала; — скіьки снитокъ було, хустокъ, ріденъ — все повиволікали, — мене зоставили безъ усёго. Нашу хату оддали кучерові; сухоперний прислужився, бо зъ нимъ піли и гуляли. Братъ маненький, одъ грудей ще, вмеръ. Друга сестра, чотирохъ годъ, у кучера жила: вони зъ жінкою и її згубили, и нашу хату перевели... Було въ їхъ трое дитей... Сестра моя мала, а вони на її и наживули двохъ годъ хлопця гледіть. Разъ, отó, пішли въ гóсті, а вона ёго и забрала на пичъ да въ чимсь и не догледіла. Пришла кучериха до-дому піднивши, и якъ вхопила мою сестру зъ печі—такъ вона и покотилась на піл, а зъ полу додолу: після сёго вона скоро и вмерла... Отъ же Господь її, лиходійци, сёго и не збачивъ: *хочъ не скірєнь, та влучєнь...* Разъ поприходили вони зъ весілля, оббе укїнувши. Той лігъ спать, а вона ще чогось пішла у хїжу; вернула, полїзла на пичъ, а на печі у насъ було вікóнечко зъ кватіркою; вона на ёму поставила каганецъ, та и заснула. Каганецъ догоривъ, гнóтикъ спавъ на вікно, вікно заилось, а-делі вїхопився огонь изъ кватірки и пішовъ, пішовъ чухрять очеретъ кругомъ хати! Пóвна хата дїму,—сплять вони! Тутъ шли люде, почали стукатьця, насїлу добудїлись. Москаль убїгъ въ хату, съ печі її стащивъ, дитей поколошкавъ; мале, що зъ ёю на печі було, до половини пузиромъ знялося; двохъ бильшенькихъ за рўки ведуть, ажъ одно хлопья по шóстому году и каже матері: «ностїй, мамо! чо-

бітókъ оди́нь забу́всь, — и ви́пурсну́въ изъ ру́къ; за нимъ, — шука́ть, — на́лапали вь́ диму́, чо́бітókъ у руці́, а воно́ нежпв́е. Ото́ во́ля Бо́жа! Се, мо́же, за мою́ сестру́ такъ. Пóслі́ смéрти ба́тька й ма́тері и во́ні, ка́жуть, ру́ки погрі́ли коло́ на́шого до́бра: гама́нець знайшли́ й ші́сьдеся́ть карбо́ванцівъ гро́шей, ищ́е зvéрху й ко́пійка лежа́ла (то́ вже і́мъ на подзві́нне), — та й за́тали одъ́ насъ. Усе́ у і́хъ погори́ло, усé — и на́ша ха́та, до́ тла. *Уто́ чужé берé, тогó й Богъ по́бв́е...* Якъ́ мій ба́тько́ ту ха́ту бу́въ окуко́бпв́! — «не мені́», — ка́же, — «бу́де», — такъ́ ді́тямъ мої́мъ», — скли́нцюва́въ і́, гру́зомъ на́бівъ́ и обста́вивъ оче́рето́мъ круго́мъ, щобъ́ теплі́шъ. А садъ́ який хо́рoшпий бу́в! вінъ́ и невели́чкпй — да зе́лєний, паху́чий: га́рний ви́шнячо́къ, дві́ я́блуні́ такі́ вели́кі́ надъ́ самі́ми сі́ньми; гру́ша, лпш́ясу́ три ку́ці вели́кихъ́ и ро́зи ку́щъ: соловéй усé́ бу́ло тамъ́ сві́ще, бо во́ні́ такъ́ собі́ у кінці́ са́ду сто́яли; бу́ло, тихе́нько́ підійде́шъ, а вінъ́ заплю́щпвшис́я да я́къ сві́ще! Ма́ти насъ́ и одведе́, щобъ́ не поло́хали. — Са́жалка́ бу́ла, — ка́ліна́ круго́мъ по́нависа́ла такъ́ ря́сно, якъ́ ді́во́чі слéзи: то́ все ба́тько́ по́насáжува́в. И тепе́рь зга́ду́ю, я́къ бу́ло гу́ляешъ́... на́ймичка́ полóтна́ бі́лпть, а по́слі́ підъ́ ви́шня-ко́мъ спді́ть — по́ясі́ плетé. Оце́ бу́ло я гребі́нку ві́зьму́, прыв́ья-жу́ мичку́ та й собі́ пряду́, а ба́тько́ ка́же: «мо́я дочко́, мо́я па́нноч-ко! я одку́плю тебé́, — на во́лю ви́пущу; пряді́ мені́ на яте́рі — бу́ду ри́бу то́бі́ лови́ти.» Пі́де́ рано́ - рано́, яз́і́ поза́ставля́е, духи́ по́закрива́е, вью́нівъ́, карасі́въ на́ловить. А ма́ти ка́же: «мо́я до́чко, мо́я пря́шечко! пряді́ на ру́шпкп́й, на хусткп́й: осну́емъ́ да ві́т-чемо́.» Ба́тько́ й скрі́ню га́рну на ко́лесахъ́ зроби́в бу́в мені́... Якъ́-бй́ давъ́ Богъ́, щобъ́ вінъ́ живъ́ бу́в, я бъ́ тепе́рь ні́чимъ́ не жу́рилась... *На жи́то, мовля́въ, ора́ли, да й грéчки не́лае...* Якъ́ ставъ́ вже куче́рь жи́ть у на́шій ха́ті, садъ́ усóхъ: — не-до́глядъ! во́ні́ ёго́ не са́дили, да́къ і́мъ и не жа́ль, а ба́тько́, бу-ло́, вся́ку гі́лечку́ перещу́пае, су́хе пообп́їлюе, пообма́зуе... По са́ду, якъ́ пу́стїлась кúряча́ слі́потá, глу́ха кро́пива, лопу́хъ; по гри́дкахъ́ сві́рїпа, гі́рчїца, — такъ́ и за́глу́хло все: пі́дешъ́ у садъ́ — та́къ вь́ ре́пяхі́ и вберéсья, — ко́лючий зроби́вся, мовъ́ і́жакъ́... И лю́ди́на така́ бу́вае, що́ до ёго́́ й не доторкне́сья... зъ́ двора́́ й со-ба́ки на́ші́ позбі́гали. Скóро́́ й зовсі́мъ́ садъ́ ви́рубали, ба́дїлля́ тільки́ стре́міло. Тільки́ у ха́ті́ у і́хъ такъ́ прехóроше́ бу́ло! Бо́ж-никп́́ ще́ такъ́, якъ́́ при ма́тері́, бу́ли... Дві́ скрі́ні́ сто́яло, а

одна вь коморі, мой — батьківська. Долівка, було, мажетця, лавкі хорощі, чи лінові, чи дубові, широкі... Усе спилило!.. Корівъ у насъ три було,—батько та мати запрацювали,—полéгкость їхъ душамъ! Корови наші були гарні, — міжъ усіма півнаешъ. Якъ теперъ бачу: ліса, рудá й сива; молока по-багато давали, — до їхъ и відьми не ходили. Нашъ дідъ умівъ їхъ замовлять, — тільки треба було три слóви сказати, якъ иті доіть; вінъ мою й матірв навчивъ. Було идé доіть, да й скаже ті три слóва. А пішли наші корови по рукахъ, зробились такі позахарчовувані, и молока стали мало давати, бо вже й до їхъ стали ходитъ відьми... Щó ви думаєте? якъ відьма на ко́го да розсёрдитца, ужé одд́ачпть. Вона хотъ чимъ, хотъ чимъ перевёрнетца. У одніей живки стоявъ москаль, — отъ вона зъ імъ чо́гось и посвари́лась (а вона була відьма). Лігъ вінъ спать, вона й оберну́лась мұхою: гудé да й гудé — не даé ёму спать; отъ вінъ піймавъ її, да у пляшечку й зачинивъ. Встаé чоловікъ тіей жінки, лежить вона и не д́ише (у їхъ тільки душа вилітаé, а т́лу́бъ їхъ зостаётца). Чоловікъ такъ журитца, що вже світь, а вона не д́ише. Отъ москаль и ка́же: «жолі вона заприсягне, що такъ робить ужé більшъ не б́уде, то я її тобі й випущу.» Отъ чоловікъ знавъ, що ёго жінка відьма, и заприсягся. Москаль тоді випустивъ мұху изъ пляшечки, вона й загу́ла; а жінку стали будитъ, вона встала и заріка́сь. — А то одна відьма, неприрождённа, ходитъ да й ходитъ зъ то́го світу до своїхъ дітэй; у її невістка була, синъ жоватий, дітки у їхъ були. Невістка якъ лягаé спать — оградить, було, хрестомъ хату, піль, дитину (коліска коло по́лу у ногахъ висить); отъ свекру́ха у-ночі якъ прійде, то но́ги то́пче-то́пче невістці: такъ їй н́удно, що дитина висить у колісці, а досту́птьця не можна, дакъ їхъ такъ свекру́ха занудила ходячи, що вони й хату покіннули, и попові сказа́ли. Одопа́ли яму, — відьма лежить бо́комъ, а краса́ка зъ лиця якъ не прісне: ка́жуть, якъ-би пришли дві дочкі да потёрли червоною суконкою, то б́ь засміялась. Говорять, що відьми й на Лісу-го́ру злітаютьца змовлятьца, де́ що робить. У насъ одна жінка хотіла навчитись відьмувати; отъ, и пішла до відьми, а відьма й ка́же: »Приходъ до мене вь глупу нічь, да вже жъ учи́сь.« — Дóбре, ка́же. Приходпть та жінка. Відьма в́ишла на крпльце та якъ свісне! де́ та́я га́дина набралася: такъ сюди й лізе; а вона ка́же: »визьми й по-

дай всяку гáдину...є Та вже їй одказує: — усє тобі, голубочко, оддамъ, тільки пустя зъ душею — не хочу вчѣтьця... То жъ відьми встають зъ того свѣту, ато й такъ мерці ходять. На русальчинъ великъ-день дѣтѣй и купатьця не пускають, бо русалки залоскочуть. Насъ було и въ кінєць саду не пускають, бо вони и въ саду гуляють — усі гóлі... се все дѣти нехрєщені; у гаї хочъ не потикайся: хочъ и велике, то залоскочуть.

Оцє жъ якъ я забазікалась! Не про сє у насъ рїчь була...

Забрали отó насъ *въ ко́мнати*, — мені дóбре було. Мòже й того, що *хто новóго не видавъ, то й вѣтoшї радъ*; зовсїмъ не такий чортъ, якъ *єїо малюють*: тільки разъ усєго менє панъ за ўхо стрепенувъ, що бóса по морóзу бїгала. Пудьга тільки була за отїми пьяльцями сидїть да шить: остогїдїли вони мені... Довелось мені двїчі и на вечорнїцяхъ, и на дóсвіткахъ побувать, — довелось и покохатись, — да щó зъ того? Скажи — *лїхо, да й мовчї*. Така вже дóля моя, що въ мене не загостюєтця щáстя... А лóбо згадать и мені вїкъ той недóвгнїй дівчїнї...

Оцє було якъ вісень, то вже дівчáта и парубкї такъ и пропїтують на селї, де яка вдова живє да хорóшу хáту простїрну має, щобъ її просїть у *досвїтчанї матерї*, — да коли є у її дочка, то ще їмъ и лóчче. Инодї й дівка старá буває досвїтчаню мáтїрю, отъ якъ котóра сиротóю зостáнетця, а хáта є; її и обпрядуть и обсвїтять, — такъ и підживє. Дівчáта, що-вїтїрка и що-четверá, то й прядуть досвїтчанїй мáтерї по три нáсми на двох-аршїнне мотовїло, — а лїтомъ помагáють їй полóть, то однá, то дрóга, навперемїнку. Оцє, було, що-вѣчора, якъ порá йти на вечорнїцї, и чýешъ, то дівчáта, то парубкї й кричáть — зивáють, когó тамъ нема: «точóкъ, точóкъ, побрáвъ хтосъ дівочóкъ!» а дівчáта кажуть — «парубочóкъ», якъ дóвго звѣчора не схóдятця. Оцє и схóдятця дівчáта и парубкї. Дівчáта й несуть и мукý, и яйця, сáло, хлїбъ: (мáтїркї дають), — а парубкї вжє горїлку тільки. Дівчáта прядуть-собї, а парубкї — хто рукавїці плетє, хто веретєна рóбить, — хто зъ свистїлкою: (хто сь чимъ приишóвъ); роскáзують, хто щó бáчивъ, щó рóбивъ, щó чувъ, абó й снївають, и якъ розжартóютця, то, якъ комú, то й мичкї попáлють. Разъ, тáкъ жартувáвши, на вечорнїцяхъ дівку заплакали. Жартувáли, жартувáли, а послї й кáжуть: зумрї, Гáлю: ми по тобі голосї-тнємо.є Та зъ смїхомъ и ляглá. Вони зложїли їй рúки, — у до-



світчавої матері взяли намітку и покрили її, и стали усі дівчата докладати: »Галочко й голубовько, стріце наша! на-що жъ ти насъ покинула! якъ-би жъ ми знали, що ти на останній дорозі, ми бъ тебе ридили, ми бъ тобі годили, ми бъ на тебе якъ на сонце гледили. Поглянь на насъ, ясочко наша, засвіти своїми зорами, ясними очима!..« А парубки собі: »чого жъ ти, Ганночко, да такъ запишалася! устонькъ калиновихъ своїхъ да й не одкрієшъ, словонька тїхого да й не промовишъ!« Далі дівчата вже и годі, — стали її будити — не встає; вони її зъ лави волокти, — думка така, що дурить, — а у її й дїху нема! Боже-світе, якъ полякалися! тоді вже справді въ голось ударились... Да то давня річъ...

Славно буває по вечорницяхъ! Оце, у неділю, насіння, соняшнику понаносять дівчата, лузають, — горіху, сімья нажарять. Пизъ парубківъ, хто ще не давно ставъ ходити на вечорниці и на досвітки, той такъ особнякомъ держитця коло порогу, або за столомъ; а хто вже такъ, що й покохався, той и сімья попросить, сїде коло тієї дівчини, що любить, — розмовляє зъ нею, пісенькы вкупі співають, — а тамъ уже й другі и треті собі парують. Дівчата у квіткахъ, такъ повбїрані, а якъ заручена, то квіткы и по всякь день не здимає; танцюють зъ парубками — тільки одляски йдуть, а музиці — такъ кохъ и наскїдають грошей! Якъ вийдешъ, було, за ворота — тільки й чути тра-та-та-та-та-та, — весело такъ! музика грає... зітхнешъ, та й підешъ до *комнатъ*: неволя! не робота, а неволя... Скільки ті корки та підківкы настукають голову досвітчавій матері, що-неділі! Того тамъ, де дітей багато, не буває й вечорниць... Після парубки натаскають соломи повну хату, світло потушать, й застають ся тимъ, хто когось любить, а одинокі парубки — за шапки та й додому; чи свить, чи зоря, вже й повставали; парубки солому вїнесуть, а дівчата по своїхъ хатахъ на роботу, въ помічъ матіркамъ.

Да не всякого й приймуть на вечорниці... Разъ у нашому селі біда скоїлась. Одинъ багатий парубокъ, ще й сироті, та дівчину підлуривъ; и вона тожъ багатого роду, у її ще три сестри було й мати. »Я, каже, на тобі оженюсь; звісно якъ беруть — сто коней дають, а візьмуть — и одного не дають; такъ и вінъ: не хоче брати за себе дівчину (Івгою звали). Що вона попожурїлась!... Вона зродила сїна, а вінъ — чутка пішла — що на дру-

гому кутку залпцяетця. Івга й каже: «ти станешъ зъ нею підъ вінець, — я прийду зъ дитиною, зіпхну і сама на місце стану»; а мати въ судъ стала жалітьця, такъ за безчесте у ёго одібрали пару волівъ и пару коней, — да що зъ того!... обиди тої не женешъ, усє пам'ять зостанетця. Іїде Івга селомъ — її страмлять матірки; а парубкі ёго до себе не приймають: вінъ одъ вечорніць два годн одбитий бувъ. Піце ії не вся біда сімъ скінчїлась: повесла баба до хреста дитину, а піпъ питає: «чи законне? — Ні, паноче. — А піпъ строгий бувъ, — якъ за се наказывавъ! Ну, добре,» — каже да цілий пість вона й говіла, все у куточку стояла, поклони біла... *Не дитині жъ соромъ, а батькові: то якъ у ёго, зрадника, очі не повискакували отъ стиду й жалю!.. Хороша чутка, кажуть, далеко чутна, а погана ще дальше.* Та дівка, до котрої вінъ присватувався, прочула про се и не пішла за ёго, й хусткі одібрала. Отъ вінъ думавъ, думавъ, да й зновъ до першої.

Ти вернись (мовлявъ), жінко, ти до любови, ти й до розмови,  
Ти й правдива, ти й любима!...

А вона ёму:

Не вернись, мѹжу, не вернись, друже,  
Бо звучався ти зъ мене дуже...

Да радн дитини вже пішла, — люде умовли.

Мені жъ такъ, якъ и ії, долі не було, да й не буде вже. *Не було, кажуть, змалку, то й до'станку.* П'ять літь я послужила въ ко́мнатахъ. Паві кудісь повиялись у чужі зємлі; мене одпустили. Я й жила у хрещєної матері, — да скєро вїйшла зъ ко́мнатъ, мене зєразъ и змовили за хорєшого чоловіка, за багатого оди́нця: ёму ще й годá не вїйшли женитьця, а мені — вісімнадцятий пішовъ. Отъ, зробили заручини; я подавала хусткі и передішла до ёго матері жити до вінця, бо маєтки у хрещєної матері були не великі. Жила я у їхъ, усє робила и слухалась, якъ матірѹ рідну; дотклива вона була, — да що, — думаю: — мені зъ імъ жити, а не зъ нею. Отъ вїйшли ёму годá, порá ладитьця намъ и къ весіллю, а вони тоді: «ми уже знайшли собі кращу дівку»... Отó — річъ!... Давай и мене гнати изъ хати. Я—до ёго: «що се ти, Микиточку! Бєга бїйся! чи я у тебе зъ лиця спала, чи брови зносилися, чи робить забулася? Ха!» кажу,

»твої мати Бога не має в животі, ато й ти за ёю ручь тягнешь?«... Щожъ? *якє дєрево, такі й одростки...* Силою води не докопáеся... »Не по Божому«, кажу, »Мпкїточку, ти рбпшь!.. Я не послїдня була и не яка-нєбудь;—дárма, що я вбóга и худєнька, якъ гичечка, а коло мене хлопці кўпцемъ: — знайшла бъ я собі й дрўгого не згїршь ёго! Я бъ имъ подякувала за-хлїбъ за-сїль, да нїчо́го бъ не сказавши, и геть изъ хати, коли ви такі; хай вона имъ залетця. Да цю жъ, коли моя лиха година!.. А мати ёго грозьбóю наказувала:» глядїть же мені, діти!...« такъ-що, було, й цїлуємось, захплївшись за двєрі... а тутъ... Такий-то невїра! Покїнувъ! И повїнчавсь зъ дрўгою, а я самохїть пропала, — упустила долю, — зносила свїй сóромъ, якъ бáтьківщину. Свїтъ мені завязавъ, заївъ мїй вїкъ рожевий...

Бáтько хрещєний и на о́чі не пустївъ, — цїлий годъ я чужї дворища топтала, да вже якъ занедўжала у людяхъ, бáтько й мати пришли й забрали мене зъ дитиною до себе.

Тáкъ-то я й добивáю свого молодóго підкóшеного вїку!.. Мóже й дитина ся ростє мені на великї слєзи. Менє дóбрї лўде не цурáлися; я слáви своєї дівóцької не скаляла, а тїльки ёмў, зраднику, вїри поняла... Охъ, жáлю мїй, жáлю, жáлю не по малу!..

А. Нечуй-вїтеръ.

Новбрь, 1860 р.

## СПІВÉЦЬ МИТÚСА.

Слову́тного пѣвца Митуса, дравле за гор-  
дось не восхотѣвша служити князю Данилу,  
роздраного, аки связаного, приведена...

*Ипат. лѣтоп., стр. 180.*

Гіне сіла Дажь-бóжого внука: Татáри плюндрують,  
Князі кують коромóли, не дбають объ вірі п лю́дяхъ.  
Кúритця Гáлицька во́лость, дпмъ до Бески́дівъ простя́гся;  
Впавъ Володі́мїрь Воли́нський; Кі́їва вже не підня́ти.  
Князь Ростисла́въ изъ Дани́ломъ не мѣлу́ють Зéмлю Дністря́нську;  
Угри п Ля́хи біді додаю́ть; въ Переми́шль набіга́е  
Князь Костянти́нъ; коромóлує зъ нимъ на Дани́ла владі́ка.  
Кри́пкий за всі́хъ въ Переми́шлі співе́ць слову́тний Митúса.  
Ша́блі не но́сять співе́ць п грудéй щитомъ не вкрива́е, —  
Піснями сїпле на кня́зя, го́стрими ніби стріла́ми,  
Піснями лю́дь стурбува́въ п хіть до війни́ підлива́е.  
Кра́снихъ не хва́лять діви́ць Митúсина пісня ша́лена,  
Мі́рного лю́дамъ житт́я не проро́чуть, не гріе одва́ги  
На супоста́та: усóбиці п смúти та пісня вивóдять.  
Отъ ужé градъ Переми́шль Андри́й обляга́е повка́ми,  
Ласкаво зго́ду да́е, — не ра́дуть на зго́ду Митúса.  
Ра́но въ неді́лю ступаю́ть повкі́ княжене́цькі до штурму:  
Спéршу гарцю́ють стрі́льці, а тамъ подаю́тця *поро́ки*. —  
Ввече́рі князь въ Переми́шль уступа́е; закува́ли владі́ку,  
Сі́лу взяли на пото́къ непокі́рного лю́ду; подрáли  
Ту́ли бобро́ві у їхъ, п барсу́чі п во́вчі прилби́ці.  
И́нші біжа́ть по чужи́нахъ; не вті́къ слову́тний Митúса:  
Ві́нь, що коли́сь не схоті́въ заспівáти Дани́лові, бра́нцемъ

Ставь теперъ передъ княземъ Даниломъ словутний, а бўисть  
 Давня у сёрці... не впавь на коліна, лицé но поблідю.  
 Грізно поглянувъ на ёго Данило и мовивъ словами:  
 »Гордий співа́че, сла́вний співа́че! бунто́вниче кля́тний!  
 »Що, солові́нний го́лосъ зміня́въ на гадю́че сича́ння?  
 »Богъ дарува́въ тобі си́лу, ти одми́нивъ її́ бісу!...  
 »Чомъ, якъ Боя́нъ старо́давній, ти не співа́въ намъ про сла́ву  
 »Прэ́дківъ вели́кихъ? Чомъ не навча́въ насъ добру́ и согла́сці?  
 »Чомъ одъ грі́хівъ не впи́нявъ нерозу́мнихъ о́гненимъ сло́вомъ?«  
 — Кня́же! — одві́тивъ Митуса: ось я заспіваю вамъ пісню:  
 Ри́жесь, куса́йтеся, би́йтесь, по́пиломъ Русь поси́па́йте,  
 Пі́йте брато́рною кровъ, умива́йтеся слё́зами наро́ду: —  
 Отъ до васъ до́брана пісня! — іншо́ї вамъ не почу́ти!  
 Що васъ спши́яти? що́ вамъ співа́ти? Шкода́, опі́знілись!  
 По́мста за по́мсту, ка́ра за ка́ру, ли́хо за ли́хо!  
 Ко́нчили́сь ві́ки; спóвнилась ча́ша; грі́мъ роспали́вся:  
 Судъ немину́щий, судъ невмо́лимий, — напи́сана до́ля!  
 Ко́нчили́сь ві́ки! зі́лля сухе́е о́гонь поїда́е —  
 Ха́й поїда́е! ха́й пропада́е Русь изъ кня́зми!  
 Бо́же прокля́ття чо́рними хма́рами ві́ситъ надъ не́ю;  
 Хма́ри згустію́ть, ві́ки пролі́нуть, и зновъ, хочъ не ско́ро,  
 Зно́ву розго́нить я́снеє со́нце тумані́въ вікові́чвій;  
 Въ то́й часъ-годи́ну іншпхъ пісе́нь спі́вці заспіва́ють,  
 Пи́шимъ кня́зямъ, та не вамъ, — іншому́ Ру́ському лю́ду!...

І е р е м і я Г а л к а .

1850.

# СТАРОСВѢТСКОЕ ДВО́РИЩЕ.

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ,

поселенное Льву Михайловичу Жемчужникову.

## I.

Не скоро — о, какъ еще не скоро! — наступитъ умное время, когда деревья, съ ихъ животворнымъ дыханіемъ, съ ихъ тѣнью и вѣчно увлекательнымъ шумомъ, сдѣлаются безусловною принадлежностью нашихъ сельскихъ и городскихъ жилищъ. Пока мѣсть, мы встрѣчаемъ больше охотниковъ повалить дерево, чѣмъ посадить его и взлелѣять. Пока мѣсть, мы встрѣчаемъ немного мелкихъ усадебъ, окутанныхъ освѣжительной зеленью. Гораздо чаще, на нашихъ глазахъ, тѣнистые, цвѣтушіе и пѣвучіе уголки старосвѣтской, малолюдной Украины, по милости новыхъ своихъ хозяевъ, превращаются въ скучную плоскость, на которой торчатъ только произведенія неотступныхъ нуждъ человѣка — дома, амбары, погребъ, заборы. Какъ же это у мелкопомѣстныхъ, небогатыхъ земляковъ моихъ не хватаетъ на столько вкуса и любви къ живому, чтобы поддерживать вокругъ себя свѣжую зелень, или по крайней мѣрѣ щадить ее?... Вотъ, напримѣръ, нашъ стряпчій. Кто не знаетъ такъ называемаго *старосвѣтскаго дворища*, которое досталось какъ-то его отцу, а потомъ и ему, на окраинѣ нашего уѣзднаго городка? Чтѣ касается до меня, такъ я изучилъ это старосвѣтское дворище во всѣхъ подробностяхъ: я изучилъ его, какъ пейзажъ геніальнаго мастера, влюбленнаго въ дикую свѣжесть нашихъ захоlustевъ.

## II.

И не одними древними липами, сдѣлавшимися у насъ такою рѣдкостью, привлекало оно къ себѣ мое вниманіе. На томъ мѣ-

стѣ, гдѣ только узенькая *стежка* пзвпвалась передо мной по травѣ въ густой тѣни древесной, стояли когда-то козацкія хаты. Между этихъ липъ и старыхъ грушъ, поднявшихся высоко, точно кедры, — жили старосвѣтскіе козаки, извѣстные подь именемъ *завзятыхъ*. Ихъ имена давно утрачены въ преданіяхъ, но память объ ихъ завязности перешла къ намъ въ темныхъ разсказахъ о кровавой битвѣ, на этомъ самомъ старосвѣтскомъ дворищѣ, среди этихъ липъ, нависнувшихъ широкими шатрами, и древнихъ грушъ, выросшихъ на-подобіе кедровъ. Преданіе, очевидно, относится къ тому времени, когда козаки еще вѣровали въ свою *саблю булатную и пицаль семилдную*. Люди, менѣе храбрые и болѣе сметливые, вразумляли отъ времени до времени нашихъ воинственныхъ прадѣдовъ, что пора повѣспть на стѣну прославленное въ пѣсняхъ оружіе да взяться за умъ, чтобъ не погибнуть въ исторіи народовъ; но козаки, владѣльцы старосвѣтскаго дворища, послѣдніе уступили силѣ вещей. Они защищались по-козацки отъ людей, которые, переставъ быть козаками, сдѣлались для козаковъ опаснѣе Татаръ и Турокъ. *Ницѣ не вмерла козацька мати!* восклицали они словами Хмельницкаго (а она давно уже была отпѣта), и въ одинъ прекрасный день, рѣшась отразить силу силою, пали все до одного на своемъ дворищѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, точно какъ-будто представлялась какая-нибудь возможность не пасть и десятью саблями отстоять дѣло, потерянное миллиономъ. Народъ не понималъ ужъ и величія этихъ послѣднихъ представителей старосвѣтской Украины, но сохранилъ даже ихъ пмень, а понятіе о мужественномъ духѣ ихъ выразилъ, съ вѣкоторой укоризною, въ словѣ: *завзятые*. Ихъ дворище сохранило, однакожъ, имя *старосвѣтскаго*, хотя имъ завладѣлъ, по странной прихоти судьбы, человекъ новой формации, и именно нашъ стряпчій. Впрочемъ нашъ стряпчій — личность историческая, не менѣе завзятыхъ. По современному взгляду на дѣла человѣческія, владѣтели почвы, напоенной козацкою кровью, кто бы они ни были, дѣлаются достояніемъ украинскаго бытописанія. Личностей, подобныхъ нашему стряпчему ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ намъ оставлять безъ вниманія: ихъ мелочные характеры интересны уже по своей противоположности съ крупными, смѣлыми чертами характеровъ, соединенныхъ съ этою почвою въ нашихъ воспомнаніяхъ. Они тоже герои: посредствомъ накопленья безчсленнаго множества этихъ мелочно

суетливыхъ, мелочно злыхъ и мелочно добрыхъ созданий кишашщихъ одно на другомъ на мѣстахъ бывшей размашистой жизни, исторія выработываетъ новыя формы бытія, точно такъ, какъ физическая природа — посредствомъ разложенія органическихъ тѣлъ.

### III.

Я долженъ начать исторію этого героя нашего времени съ того темнаго періода его жизни, когда онъ былъ еще вичего незначущимъ *судовымъ паничемъ*. Читателю, можетъ быть, извѣстенъ общій типъ нашего судебного панича — съ папирской во рту и съ поразительнымъ отсутствіемъ здравыхъ понятій о государствѣ, обществѣ, человѣкѣ и природѣ. Страхъ потерять наследственное званіе *благороднаго* заставляетъ ихъ оставлять родовыя десятины земли на попеченіе старушки матери, или выбившагося изъ спякъ отца, и подвергаться письменной работѣ въ теченіе Богъ знаетъ сколькихъ лѣтъ. Переписывая или «очищая» машинально нумеръ за нумеромъ, въ безконечныхъ тысячахъ отношеній, предписаній, справокъ, повѣстокъ, они естественно утрачиваютъ лучшую долю природнаго ума и чувства, такъ что неграмотный козакъ-пахарь, въ сравненіи съ ними, не только философъ, но и поэтъ; зато приобретаютъ почти навыкомъ искусство ловить въ мутной водѣ рыбу и, какиихъ бы ни дослужилась чиновъ, рѣдко возвращаются изъ пыльнаго и грязнаго городка доживать вѣкъ на лонѣ свѣжей хуторской природы. Силой привычки, они перерождаются въ людей, совсѣмъ не похожихъ на тѣхъ, какими вышли изъ-подъ соломенной хуторской крыши. Они ничего знать не хотятъ, кромѣ *входлицихъ* и *исходлицихъ*, и часто, продавъ наследственный кусокъ земли, обрамленный лѣсами, напоенный источниками, покупаютъ въ городѣ домикъ, окнами на улицу, состоящую изъ одной пыли. Проѣзжая черезъ уѣздный городокъ, вы замѣчаете лежащую на запыленномъ окнѣ канцелярскую фуражку съ кокардою и думаете: «Бѣдное чиновничье существо! за какія вины предковъ, за какія общественныя прегрѣшенія, осуждено ты всю жизнь томиться на этомъ пыльномъ припежѣ?...» Но вы попусту растрачиваете свою чувствительность. Чиновнику, добровольно промѣнявшему хутор-



ской воздухъ на эту удушливую пыль, ради чиновъ, безгрѣшныхъ доходовъ и будущей карьеры, хорошо въ городѣ. Онъ эту пыль запиваетъ пуншемъ и заѣдаетъ возбуждательными бакалеями. Да едва ли она и томить его, какъ васъ, если вы привыкли дышать воздухомъ посреди садовъ, пасякъ, посреди только что венаханной или ужъ золотящейся нивы. Посмотрите: онъ и дѣтей своихъ пустилъ по своей дорогѣ, и дѣтямъ своимъ не желаетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ чиновниками. Пятилѣтніе Ванн, шестилѣтніе Петн и Ѳеди прикалываютъ у него къ цвѣтнымъ околышамъ своихъ дѣтскихъ фуражекъ круглую бумажку, въ подражанье отцовской кокардѣ, и веселятъ родительское сердце. Не имѣя понятія о томъ, что такое свѣжая лужайка, или зеленые древесные шатры, они играютъ посреди душиной улицы такъ весело, какъ ящерицы на раскаленномъ камнѣ. Не безпокойтесь, ради Бога, объ этихъ юныхъ созданіяхъ: объ нихъ природа прежде васъ позаботилась. Она, изъ поколѣнія въ поколѣніе, всё болѣе и болѣе удаляетъ ихъ отъ ихъ первообраза, которымъ былъ, по всей вѣроятности, лѣтъ сто или болѣе назадъ, свѣжій, здоровый, простодушный и честный обитатель хаты, крытой соломкою и обвѣваемой живительнымъ степнымъ, луговымъ или лѣснымъ воздухомъ. Настоятельная надобность въ охранительномъ чинѣ вырвала этого предка будущихъ чиновниковъ изъ какой-нибудь пасяки, звучащей, въ солнечной свѣжести, посреди цвѣтистыхъ травъ и дремлющей древесной листвы. Заботливые родители, не знавшіе на себѣ, что такое чинъ, но убѣжденные въ его необходимости для сына, великодушно сослали его въ пыльный и душный городъ отъ дышащихъ жизнью береговъ степного озера. Нелѣпый призракъ бѣдности, которая лучше городского стѣсненнаго богатства, обманчивой призракъ униженія, которое выше жалкой чиновной высоты, прогналъ его изъ просторнаго, обильнаго, вольнаго хутора, незнающаго ни поклоновъ, ни принужденія. Прошло столѣтіе—и потомки не похожи уже на предка. Они ужъ меньше ростомъ; ихъ дряблыя, сухія руки образованы природою сообразно съ ихъ предназначеніемъ; самый цвѣтъ лица подходитъ у нихъ къ цвѣту городской пыли, которою они осуждены дышать, въ наказанье за нелѣпую искусственность жизни своей. Куда бы потомъ ни забросила ихъ судьба, слѣбно награждающая успѣхомъ всякое усиліе чловѣка, — въ благополучные ли бюрократы, гордящіеся

другъ передъ другомъ количествомъ *входящихъ* и *исходящихъ*, или въ счастливые блюстители городского порядка, наживающіе въ одинъ годъ капиталы,—какъ бы ни расширился потомъ ихъ мыщцы, но цвѣтъ лица, однотонный съ почвой, на которой выросли ихъ канцелярскіе предки, останется въ потомствѣ вѣчнымъ свидѣтельствомъ о томъ, какъ жили и понимали жизнь эти отступники простоты, существовавшіе на то, чтобы служить живымъ укоромъ дурно понятой цивилизаціи.

#### IV.

Впрочемъ, въ нашемъ уѣздномъ городкѣ, между начинающею братіей судебныхъ павичей, вы можете встрѣтить еще довольно часто цвѣтущій первообразъ будущихъ благополучныхъ бюрократовъ департамента и счастливыхъ блюстителей разныхъ порядковъ. Наши дворяне еще недавно были козаками (въ чемъ они совѣстятся сознаться) и вели почти все безъ исключенія хуторскую здоровую жизнь. Села наши не очень давно еще сдѣлались позорщемъ насильственнаго труда съ одной стороны и пресыщенья городскими выдумками съ другой. Самые города наши до сихъ поръ сохранили еще во многихъ мѣстахъ наружный характеръ сельской жизни. Въ нихъ до сихъ поръ еще зелено, тѣмнѣе, свѣжо. Только главныя, такъ называемыя казенныя улицы, на которыя любятъ обращать оцна Жиды и чиновники, напоминаютъ обонянью столичный воздухъ и съ утра до ночи дымятся знойною пылью. Природный вкусъ Украинца еще не совсѣмъ ожидовѣшлага, требуетъ, чтобы около его хаты зеленѣли вишни, черемхи или хоть вербы. Поэтому, и въ уѣздномъ нашемъ городкѣ, по мѣрѣ удаленія отъ тѣхъ улицъ, на которыя особенно распространенъ такъ называемый строжайшій порядокъ, неформенныя хаты и домики окутывались болѣе и болѣе садами, а по его окрестностямъ вы можете найти настоящія сельскія левады и какъ-бы отдѣльныя хуторки. Въ этихъ хатахъ, въ этихъ домикахъ, построенныхъ по собственному вкусу хозяина, между старыхъ садовъ, ярезъ которые не проходила еще всеповергающая лоду планировка, нерѣдко квартируютъ судебныя павичи, и двѣнадцати-часовое спдѣнье ихъ въ судѣ, на пыльномъ припекѣ, встрѣчаетъ здѣсь хоть ка-

кое-нибудь противодѣйствіе, во время отдыха, когда, надѣвъ пестрый халатъ и фуражку съ кокардою и усѣвшись подъ старой нависнувшей надъ заборомъ яблоней, они забываютъ на время нумера *входящихъ* и *исходящихъ*, и напѣваютъ подъ гитару какую-нибудь пошлую, но всё же не формерную, Ваньку-Таньку. Въ этихъ хатахъ и домикахъ, на старосвѣтскихъ двѣрищахъ, освѣненныхъ великанскими грушами, посреди произвольно выросшихъ кустовъ душистаго лимасу, судовые паничи, удалившіеся и удаленные отъ сельской природы въ городъ на неопредѣленное число лѣтъ, представляются мнѣ, въ своихъ халатахъ и кокардахъ, тѣмъ-то въ родѣ полевыхъ цвѣтковъ, сорванныхъ гдѣ-нибудь на влажной долиинѣ или на опушкѣ звучащаго лѣснымъ лѣса и опущенныхъ стебельками въ воду. Я люблю страстно и меланхолически эти хаты и домики, поставленные не по плану и рѣзко отличающіеся другъ отъ друга своими фізіономіями. Бродя по окраинамъ нашего уѣзднаго городка и всматриваясь въ характеръ каждаго изъ этихъ вольныхъ, хоть и убогихъ, сооруженій, дружныхъ съ растительною природою, я не могу отогнать отъ себя грустной и вмѣстѣ отрадной мысли, что въ то время, когда наши большія, дышащія пылью и смрадомъ улицы постепенно передѣлываютъ человѣческій родъ изъ цвѣтущихъ юношей въ оливково-пыльных чиновниковъ, изъ свѣжихъ и сильныхъ людей въ худосочныя фигуры и фигурки, — физическая, а отчасти и моральная, жизнь кой-какъ удерживаетъ свою свѣжесть въ этой городской глуши, похожей на сельскую глушь. Въ одномъ изъ такихъ уголковъ судьбѣ угодно было произвестъ на свѣтъ и нашего стряпчаго.

## V.

Отецъ его былъ знаменитымъ секретаремъ повѣтоваго суда въ нашемъ городкѣ и изъ ничего составилъ было значительное состояніе, но вдругъ, по волѣ какого-то свирѣпаго ревизора, попалъ подъ судъ и лишился всѣхъ своихъ пріобрѣтеній, кромѣ старосвѣтскаго двѣрища на концѣ города да чина титулярнаго совѣтника. Съ этимъ чиномъ, онъ поступилъ на мѣсто регистратора въ земскій судъ, — самое ничтожное мѣсто, — и продолжалъ существовать на свѣтѣ подобно тѣмъ попамъ, которые, потерявъ

свой приходъ, помѣщаются въ чужой церкви на клиросѣ и отправляютъ смиренную и малоходную должность приходского дьячка. Это былъ для него родъ эпитиміи, на которой онъ и скончался, такъ какъ начальство, пойманное, въ его лицѣ, на злоупотребленіяхъ, приняло строгія мѣры, чтобъ не давать ему дальнѣйшаго ходу. У этого-то падшаго героя уѣздной бюрократіи родился когда-то сынъ, ему же пня было Никодимъ, по отчеству Трифоновичъ, а по фамиліи, несомнѣнно дворянской, Коло-Меду-Палець, и сей-то Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець былъ нынѣшній нашъ стряпчій, обладатель старовѣтскаго двѣрища, которое, долго служивъ ему для разныхъ житейскихъ надобностей, послужило наконецъ и къ нѣкоторой извѣстности его въ печатномъ мірѣ.

Отецъ Никодима Трифоновича не оставилъ ему ничего, кромѣ двѣрища завѣятыхъ козаковъ, перешедшихъ въ память потомства безъ имени. Двѣрище одной стороною выходило на узкую, осѣненную садами улицу, а другою — къ рѣкѣ, запруженной плотиною и похожей на озеро. Въ тѣни стародавнихъ липъ и грушъ стояла здѣсь хата, уцѣлѣвшая еще со времени *завязтыхъ*. Въ этой хатѣ скончался низвергнутый секретарь повѣтоваго суда; въ этой же хатѣ его сынъ додумывался до сокровенныхъ средствъ возвысится на степень достойнаго своего родителя и, пожалуй, превзойти его. Малъ и ничтоженъ зѣло былъ Никодимъ Трифоновичъ, оставшись послѣ отца двадцатилѣтнимъ юношей; но врожденный истинникъ руководилъ его лучше предсмертныхъ отеческихъ наставленій. Всѣ свои помысленія и всю свою душу отдалъ онъ канцелярской службѣ, въ которую съ юныхъ лѣтъ былъ уже зачисленъ. Прочія стремленія, свойственныя благородному юношѣ, какъ напримѣръ выпить и повести карточную атаку на чужой карманъ, для него или не существовали вовсе, или строгаише были подчинены рвенію къ перепискѣ и составленію бумагъ. Такъ и общій всѣмъ смертнымъ истинникъ къ продолженію своего рода у Никодима Трифоновича выразился не въ какихъ-либо романическихъ порывахъ и страстныхъ мечтаніяхъ, но въ спокойной готовности жениться на дѣвицѣ, которая согласится обладать его убогою хатою и раздѣлить съ нимъ томную судьбу его. Желаніе сіе высказалъ онъ, между справками и сшивкою бумагъ, одному изъ своихъ товарищей, и тотъ сейчасъ же указалъ ему

*такую*, въ лицѣ Катерины Лупповны, сиротствующей дщери покойнаго іерея, отца Луппа, по фамиліи Кѡвбика. Сдѣланы были справки черезъ кого слѣдуетъ, и по справкамъ оказалось, что, съ своей стороны, Катерина Лупповна, будучи поповною неприходною и слѣдовательно не рассчитывая на сердце какого-нибудь семинариста-богослова, готова была сочетаться узами законнаго брака съ убогимъ обладателемъ старовѣтскаго двѣрища. Катерина Лупповна была очень красивая дѣвушка. Она могла бы осчастливить своей любовью лучшаго паробка въ селѣ и сдѣлаться козачкою на-славу; но наследственное званіе даржало ее вдали отъ черноусыхъ героевъ вечерницъ; она никого не любила; она знала только, что ей надо выдти замужъ, и согласилась выдти за судового панича, хотя въ немъ не было свѣжей кровинки.

При дѣлахъ земскаго суда до сихъ поръ хранится прошеніе, сочиненное Никодиму Трифоновичу товарищами, о разрѣшеніи ему жениться. На прошеніи стоитъ помѣтка тогдашняго исправника: *отказать по глупости*. Бумага дѣйствительно отличалась какимъ-то вольнодумствомъ и возмущала не одного исправника, но потому она же обратила его неудовольствіе въ добродушный смѣхъ и расположила его больше прежняго къ Никодиму Трифоновичу. Прошеніе слово въ слово гласило тако:

»Пріемлю смѣлость покорнѣйше просить оный судъ — выдать мнѣ свидѣтельство на вступленіе въ бракъ съ дочерью покойнаго іерея Луппа, по фамиліи Кѡвбика, Катериною Лупповною Кѡвбиковой, ибо, достигли такого времени, въ которое голосъ страстной заглушаетъ голосъ природы, назначенной мнѣ Провидѣніемъ оставить не могу и не намѣренъ, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, ибо вознамѣрилъ ревностное желаніе жениться.»

## VI.

Никодимъ Трифоновичъ торжественно перевезъ свою невесту изъ убогой хаты вдовы-попадъи въ убогую хату, оставшуюся на старовѣтскомъ двѣрищѣ, благопріобрѣтениномъ его покойнымъ родителемъ. Переѣздъ былъ въ самомъ дѣлѣ торжественъ. Молодую княгиню провожали изъ ея роднаго села дружки-козачки, въ цвѣтахъ, въ лентахъ. Молодая княгиня сидѣла, посреди цвѣтущихъ

козачекъ, на скрынѣ, наполненной трудами ея рукъ. Тамъ лежали свойцы полотна, тканые заполочью и шитые рушники, мережанные сорочки и разные наряды. Все это были свидѣтельства ея практическаго воспитанія и залогои будущей хозяйственности. Вдова-попадья устроила какой могла почесть своей дочери. Еслибъ остался въ живыхъ отецъ Луппъ, безъ сомнѣнія, Катерина Лупповна ѣхала бы къ своему жениху не на сосѣдскихъ волахъ, украшенныхъ развѣвающимися лентами: она ѣхала бы въ бричкѣ. На ней были бы не цвѣты съ огорода, а какал-нибудь старомодная шляпка. Ее провожали бы не козачки въ плахтахъ и дукачѣхъ, а хугорскія и сельскія панночкѣ въ раздутыхъ ситцевыхъ платьяхъ. Но Никодиму Трифоновичу не видать бы ея тогда, какъ своихъ ушей: тогда бы она какъ разъ плѣнила богословское сердце и не знала бы даже о существованіи старосвѣтскаго дворища на окраинѣ города, съ его древнищи, высокими грушами, роскошнымъ лиліекомъ, разросшимся въ глуши, и нѣжною, волнистою травою, которую прорѣзывала кривою линіею только тропинка отъ воротъ къ хатѣ.

Никодимъ Трифоновичъ, пригласивъ къ себѣ въ бояре судовыхъ паничей, немного конфузился простонародной обстановкой своей свадьбы; но играющія румянцемъ щеки невесты, черныя брови, блестящія огнемъ молодости глаза, чудесные свѣжіе зубы и стройный, высокій ростъ ея — подѣйствовали магнетически на его заваленную въ канцелярскомъ воздухѣ натуру, и простонародная обстановка свадьбы исчезла для него въ сіяньи молодой красоты, которая какимъ-то чудомъ отдается ему, точно во снѣ, въ полное обладаніе. Судовые паничи, напротивъ, были очень довольны обществомъ козачекъ. Они большею частью выросли на хуторахъ, гдѣ старосвѣтскій бытъ славянскій не уступилъ еще мѣста узенькому нѣмецкому быту, и имъ очень плохо давались мазурки и вальсы на дворянскихъ вечеринкахъ. Ознакомясь поближе съ кругомъ, въ которомъ очутились, они вспомнили хугорскія вечерниці и одинъ за другимъ начали выказывать свое искусство въ народныхъ танцахъ. Глядя на ихъ оживленные искренией веселостью лица, вы бы не повѣрили, что это тѣ самые люди, которыхъ видѣли вы въ судѣ надъ протоколами и справками. Притаившаяся глубоко въ сердцѣ чистая козачья кровь выступала на молодыхъ, еще не совсѣмъ увидшихъ щекахъ ихъ.

Глаза ихъ заиграли какъ у людей честныхъ, смѣлыхъ и великодушныхъ. Отпустить бы имъ только усы да надѣть еще высокія козацкія шапки, — козаки бѣ они были, а не чернильныя півки!

Весной женился убогій Никодимъ Трифоновичъ, и всѣ старыя груши и яблони на его двѣрищѣ были облиты цвѣтомъ, а пустынный ллїясь благоухалъ въ тишинѣ городского закоулка, навѣщаемый однимъ соловьями. Ничего не возможно было придумать лучшаго для оживленья молчаливаго, тѣнистаго двѣрища, какъ отвалить присоху отъ ветхихъ, поросшихъ мшистыми лишаями воротъ, въ которыя давно уже никто не вѣзжалъ, и впустить свадебный поѣздъ съ поющими друзками, играющими музыкантами и танцующими боярами. Дѣти, собравшіяся толпой вокругъ поѣзда, бросились обрывать ллїясь, наклонившія свои вѣтви до земли, подъ тяжестью цвѣтовъ. Но, сколько ни опустошали цвѣтущую пустыню рѣзвые шалуны, — по ней разлилось только усиленное благоуханіе, а море цвѣтовъ осталось моремъ. Я бы желалъ привести сюда кого-нибудь изъ вѣчныхъ горожанъ въ то время, когда десятки топающихъ ногъ примяли свѣжую траву. Однимъ глоткомъ захватывалъ тамъ человѣкъ больше жизненной свѣжести, чѣмъ сколько въ состояніи доставить намъ всѣ косметическія магазины. И нужды нѣтъ, что веселый шумъ разогналъ соловьевъ изъ запустѣлаго двѣрища: ночью, когда все смогло, молодые супруги уснули въ убогой коморѣ подъ такой хоръ слетѣвшихся снова пѣвцовъ, какого не услышишь ни въ одной оперѣ....

## VII.

Но остановимся на этомъ: поэзія жизни Никодима Трифоновича не пошла далѣе. Нѣсколько свадебныхъ дней, въ которые онъ былъ освобожденъ отъ службы, то есть отъ двѣнадцати-часоваго скрипѣнья перомъ, были для него чѣмъ-то въ родѣ пьянаго сна. Все заиграло вокругъ него, все зацвѣло, заплѣло, и его канцелярскій умъ, наполненный нумерами и справками, погрузился въ какой-то сладкій обморокъ. Богъ знаетъ, почему и въ честь какого тезоименитства, устроился вокругъ него усыпанный цвѣтами парадъ, захватившій въ себя не только его товарищю, но и цѣлую толпу пѣвучаго сельскаго народа, съ дѣвчатами и моло-

дицами, съ танцующими на двою козаками и съ пѣснями, отъ которыхъ готово было помолодѣть и пропитанное чернилами сердце. Но оно не помолодѣло.

Женясь на убогой поповнѣ, Никодимъ Трифоновичъ усугубилъ рвеніе къ службѣ, такъ что едва не вочевалъ въ судѣ. Энергія украинскаго характера равно не сокрушила, какое бѣ ни приняла она направленіе. Никодимъ Трифоновичъ засѣлъ въ судѣ, какъ шашель, и пересидѣлъ всѣхъ молодыхъ дворянъ, яростно добивавшихся перваго чина и грядущей за нимъ чиновой карьеры. Пятнадцать лѣтъ непрерывнаго труда, подобнаго тому, какой идетъ въ стѣнныхъ часахъ какого-нибудь вѣчно исправнаго присутственнаго мѣста, доказали всему земскому суду, что безъ Никодима Трифоновича существовать ему не возможно. Все, что относится къ безопасному и безостановочному движенію бумагъ, было изучено имъ въ поразительной степени. И чины, и классныя мѣста медленнымъ, но вѣрнымъ порядкомъ приходили къ Никодиму Трифоновичу, и не далеко ужъ было отъ него секретарское мѣсто. Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець подходилъ къ этому лакомому мѣсту тѣми вѣрнѣйшими шагами, что не тревожилъ уѣднаго начальства строгою честностью и не возбуждалъ въ немъ зависти быстрымъ обогащеніемъ. Онъ всё еще былъ бѣднякъ, въ сравненіи съ членами земскаго суда и даже продалъ Жидамъ — это всё знали — золотыя галуны съ кунтуша, дошедшаго къ нему по наслѣдству отъ временъ козачества.

Но въ то время, когда самая крѣпкая нанка лѣтомъ и толстое сукно зимою протирались у него на локтяхъ отъ вѣчнаго сидѣнья надъ бумагами, ветхая хата его изъ пѣстки постепенно превращалась въ болѣе и болѣе уютное помѣщеніе, а въ его убогой коморѣ заводились кованныя скрини, далеко громаднѣе той, которая привезена была къ нему въ видѣ приданнаго. Въ сельской поповнѣ-безприданницѣ судьба послала ему кладъ, а не жену. Воспитанная въ постоянномъ трудѣ и бѣдности, она дѣятельно занялась улучшеніемъ пѣстки, въ которую онъ перевезъ ее. Все, что могутъ сдѣлать женскія руки съ глиной и меломъ, она сдѣлала, при пособіи поденщицы, и уже черезъ нѣсколько дней, послѣ вступленія ея во владѣніе мужнинымъ жильемъ, въ немъ и самый взыскательный глазъ какой-нибудь сосѣдки-чепурѣхи не отыскалъ бы ни трещинки, въ которую могъ бы спря-



таться завесенный къ намъ москалям тараканъ, ни пятнышка, обличающаго неопрятность хозяйки. Хата Никодима Трифоновича какъ-будто выпрямилась и помолодѣла, точно хозяйка какого-нибудь пахаря, которая всю недѣлю возится съ полотьемъ и домашнимъ пораньемъ, но когда въ воскресенье надѣнетъ свѣжее бѣлье и повяжетъ очпокъ сіяющею какъ свѣтъ намиткою, — сосѣди не узнаютъ ее, стоя въ церкви, и подслѣповатыя старушки, толкнувъ одна другую подъ руку, спрашиваютъ: *Чия се така молодá да хорóша молодйца?*

Къ бывшей поповнѣ являлись на помощь не однѣ поденщицы. Она умѣла зазвать къ себѣ и стараго плотника Ковтуна, извѣстнаго пьяницу, который славился своимъ мастерствомъ, но, получивъ отъ кого-нибудь задатокъ, откладывалъ работу до тѣхъ поръ, пока не пропивалъ его въ шинкѣ. Не предлагая ему платы, она пригласила его выпить добрую чарку крѣпительной звѣробоевки одинъ разъ и другой, и третій, и до тѣхъ поръ зазывала и угощала его чаркой горѣлки и ласковымъ словомъ, пока наконецъ онъ, на ея просьбу сдѣлать починки въ хатѣ, отвѣчалъ: *Не візьму съ тебе грошей: якъ рідній дитині, тобі помайструю!* И дѣйствительно всѣ починки, передѣлки и улучшения въ хатѣ, въ сѣняхъ и въ коморѣ стоили Катрусѣ (какъ прозвали ее сосѣдки) одной звѣробоевки да вкусной стравы, которую готовила она собственными руками.

Расхвалила вдова-попадья свою дочь за хозяйливость. Никодимъ Трифоновичъ радовался молча, видя, что у него въ домѣ дѣлается полнѣе и полнѣе, какъ-бы какимъ чудомъ. На дворѣ, безъ всякаго съ его стороны участія, появились какія-то загородки, и въ нихъ захрюкали обжорливья свиньи. Куры какъ-будто слетѣлись къ нему отъ всѣхъ сосѣдей; а тамъ смотри — и одинокій гусакъ вдругъ очутился семьяниномъ, и вмѣстѣ съ своей долгошей подружкой водить цѣлое стадо желтыхъ гусятъ. Когда и какъ устроила Катруся надъ прудомъ огородъ, мужъ этого ничего не зналъ; но ея наймычка каждый день таскала что-нибудь на базаръ изъ этого огорода, и въ карманѣ у Катрусини всегда звенѣлъ запасный рубль, на который она покупала для хозяйства не то, такъ другое. Катруся, молодая, здоровая, привычная къ труду, вся превратилась въ дѣятельность, и никто изъ сосѣдей не удивлялся, увидя у нея къ зпмѣ корову, которая по

утрамъ и вечерамъ подходила къ низенькому плетню передъ сѣвни-ми, въ полной увѣренности, что ея молодая, хозяйка собственноручно угоститъ ее пойломъ.

### VIII.

Трудно рѣшить, что дѣлала Катруся съ большими удовольствіемъ — выносила ли побло коровѣ, или ставила на столъ миску съ борщомъ, когда ся Никодимъ Трифоновичъ приходилъ изъ суда, для того, чтобы пообѣдать, всхранивъ за порегородкой и уйти въ судъ до ночи. Вопросъ въ томъ, любила ли она его, выходя замужъ? Едвали, потому что, по убѣжденію, переходящему изъ рода въ родъ у воспитанниковъ семинарій, чистая дѣва можетъ безъ грѣха возводить очеса на красоту мужскую токмо послѣ вѣчанія. Съ своей стороны, и философъ-семинаристъ, перейдя въ богословію и чувствуя, что голосъ страстной заглушаетъ голосъ природы, не предается тщетнымъ мечтаніямъ, но обращается прямо къ дѣйствительности и заблаговременно провѣдываетъ, въ какомъ царствѣ, въ какомъ государствѣ процвѣтають поповны съ надлежащимъ приданымъ, и лишь только кончить курсъ, прямо падаетъ на дворъ къ имѣющемуся въ воображеніи тестю, подобно соколу, устремляющемуся на добычу. Имѣющійся въ воображеніи тесть, съ своей стороны, не входитъ въ разбирательство личныхъ свойствъ давно ожидаемаго и чаемаго въ духѣ зятя, но взираетъ на семинарскій аттестатъ его и, призвавъ предъ лице свое дочь, состоящую на очереди къ выдачѣ въ замужество, объявляетъ: »Вотъ твой женихъ, Палазя, или Феса, или Лія! Возлюби его всѣмъ сердцемъ твоимъ.« Вслѣдъ за тѣмъ затѣвается свадьба тѣмъ же порядкомъ, что и у простыхъ смертныхъ, не столь приближенныхъ къ небу и, въ простотѣ сердца, предающихся очарованіямъ любви задолго до брака.

Зная это и видя, какъ наши поповны исправно толстѣютъ по выходѣ замужъ, мы справедливо должны заключить, что онѣ любятъ своихъ мужей тою безгрѣшною любовью, какую вообще чувствуютъ къ благамъ жизни, которыми не пренебрегаютъ ни въ какомъ случаѣ. Наша Катруся приложила свое трудолюбіе сперва къ хатѣ, двору и огороду своего мужа; когда же онъ

утвердился на службѣ и началъ къ нему присылаться на домъ разные гостинячки, — она не только не охлаждала усердія въ добродѣтельныхъ дѣтеляхъ, но и вѣще поощряла ихъ приличными наставленіями.

Въ скоромъ времени появилась она одно, а потомъ и другое чадо женскаго пола, и воспитывала она ихъ никакъ не хуже любовью козачки, нагулявшей досыта съ любимымъ паробкомъ до вступленія въ спокойныя супружескія отношенія. Весело и дѣтямъ показалось жить на свѣтѣ, когда онѣ начали бѣгать по всему тѣнистому двѣрицу и заросшему высокими травами берегу, съ котораго тяжелыя лягушки звучно прыгали въ воду. Дѣвочки считали себя ничѣмъ не лучше сосѣднихъ дѣтей, такихъ же, какъ и онѣ, босоножекъ, которыя перелезли къ нимъ черезъ плетень и вмѣстѣ съ ними играли въ вѣрона; а когда подросли, то долго были увѣрены, что нѣтъ лучшей доли на свѣтѣ, какъ жить съ матерью въ чистой уютной хатѣ (отца онѣ почти не видали) и вмѣстѣ съ нею лѣтомъ полоть въ огородѣ грядки, осенью убирать въ погребъ всякія овощи, а зимой сидѣть за шпьемъ, за пряжею и, по ея примѣру, съ самого дѣтства заготавливать себѣ мерещаные рушники, хустки, сорочки. Онѣ не тяготились никакой работой, и никакой работы не находили для себя слишкомъ грязною. Онѣ бывало завидовали наймычкѣ, что она можетъ цѣлый день плескаться на кладкѣ съ бѣльемъ, и когда подросли на столько, что могли помогать ей, то не мало гордились ролью домашнихъ прачекъ и, на кладкѣ, громко вторили ей *ис-ля-мъ дѣвочка-мъ*. И въ голову имъ не приходило, чтобъ онѣ были чѣмъ-нибудь выше своей наймычки. Она учила ихъ жизни, пересыпая свою рѣчь наставительными пословицами. Она много испытала, гори, служа по людямъ, и спротскій хлѣбъ ея всегда бывалъ приправленъ извлеченными изъ тяжкаго опыта размышленіями. Она казалась имъ умнѣе самой ихъ матери, которая далеко не знала столько нѣсенъ и поговорокъ. Еще бы пять-шесть лѣтъ смиренной жизни на простой образецъ, и славныя выросли бы цѣлѣты на этомъ тихомъ побережьи у окраины города, и еслибы судовый паничъ изъ разряда Никодима Трифоновича нашелъ себѣ здѣсь пару, — благодатнымъ трудомъ зацвѣлъ бы скромный домикъ его; изъ скудныхъ зеренъ, посѣянныхъ заботливой рукой неуспяной хозяйки, выросло бы у него, точно ка-

кимъ чудомъ, полное всякой всячины хозяйство, и мирная простота замѣнила бы у нихъ недостатокъ поэзіи.

## IX.

Но Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець коснулся наконецъ сладостной власти, къ которой столь долго простирались руки, и лишь только перо его начало выводить крючковатую подпись: *Секретарь*, — весь земскій судъ началъ послушно творить волю его. Тутъ, не боясь ужъ возбудить въ членахъ зависть быстрымъ обогащеніемъ, онъ въ одинъ годъ купилъ тутъ же въ городѣ доходную водяную мельницу, на другой годъ — нѣсколько сотъ десятинъ земли, а на третій — крестьянъ на выводъ, и выросъ у него на полѣ, какъ на ладони, хуторъ, съ овцами, коровами и пашкою. Катруся вдругъ увидѣла, что она — пани, и перестала ходить къ сосѣдкамъ въ гости. Къ ней въ хату поваляла такая нарядная толпа купчихъ и дворянокъ, что убогія мѣщанки и козачки боялись показать туда носъ, и даже сосѣднія дѣти перестали лазить черезъ *панскій* плетень. Какія-то суровыя, недовольныя своей судьбой дѣвчата, выбранныя секретаремъ для дворовой службы пѣзъ купленныхъ на выводъ семействъ, давно ужъ вытѣснили отсюда нѣвучую и щедрую на пословицы и поговорки наймичку, и уже съ ними не бесѣдовали о людской жизни и ея случайностяхъ молодыя секретарскія дочери; на нихъ учился онѣ барствовать. Новыя знакомки растолковали имъ, что стыдно исполнять собственными руками такіа-то и такіа работы, и своимъ примѣромъ круто поворотили весь ихъ домашній бытъ. Меньшая сестра ихъ, захваченная приливомъ богатства еще въ младенческомъ возрастѣ, казалась имъ деликатнѣе ихъ въ своихъ привычкахъ и склонностямъ. У ней были нѣжныя руки; она непритворно боялась ступить босой ногой на холодный полъ, и это возбуждало въ нихъ зависть. Онѣ употребляли всѣ усилія, чтобъ довести себя до благородной изнѣженности, но «мужицкое» воспитаніе отзывалось въ нихъ тѣмъ, что онѣ никогда не простуживались, ни отъ какой неосторожности не хворали. Ни умышленное сидѣнье долго съ вечера, ни долгое спанье въ пуховникахъ, ни даже приемы тайкомъ укусу большими порціями — ничто не

сгоняло съ ихъ щеку румянца, который краснорѣчиво говорилъ о бѣганы боспкомъ по ростъ, о проклятыхъ, теперь вовсе ненужныхъ, полотнахъ, которыя онѣ сами бѣлили на солнцѣ, и наконецъ о простой, здоровой, или, что все равно, мужицкой пищѣ. Отецъ ихъ купилъ у какого-то разорившагося помѣщика готовый домъ и въ одно лѣто поставилъ его и устроилъ на своемъ старосвѣтскомъ двѣрищѣ. Все было въ домѣ, какъ у помѣщиковъ, только зеркала отражали лица сельскихъ дѣвчатъ, нарядившихся барышнями! Несчастныя страдали глубоко.

На свое прошлое, на свое веселое дѣтство и отрочество онѣ смотрѣли съ отвращеніемъ, и никогда не приходило имъ въ голову сравнить, много ли выиграли онѣ въ душевномъ спокойствіи съ перемѣной обстановки. Какъ онѣ были тогда дружны съ своею наймычкой, которая своею житейскою опытностію и честнымъ, строгимъ характеромъ внушала имъ безотчетное къ себѣ уваженіе! и какъ ихъ теперь безпрестанно раздражала крѣпостная прислуга, неловкая, неумѣлая во многомъ, что имъ понадобилось съ перемѣною быта, а главное — лукавая и неусердная! Какъ онѣ спокойно являлись прежде въ ближайшую церковь, одѣтыя и воспитанныя лучше всѣхъ обитателей простой хаты! и съ какою неувѣренностію въ себѣ, съ какими опасеніями колкихъ замѣчаній, съ какими страданіями зависти или оскорбленнаго самолюбія, ѣзжали онѣ теперь въ модную церковь, куда съѣзжались всѣ аристократы! Какая у нихъ завелась было тѣсная, простодушная дружба съ сосѣдскими дѣтьми, и какія осторожныя, недоувѣрчивыя отношенія установились у нихъ теперь съ новыми подругами, изъ которыхъ одни имъ завидуютъ, а другія ихъ презираютъ!

Ни сами онѣ, ни ихъ мать не въ силахъ были бросить смѣлый взглядъ на сравнительное благоденствіе свое въ прошедшемъ и настоящемъ положеніи. Она, бѣдная, глядя на преобразенныхъ дочерей своихъ, всею душою радовалась, что видитъ ихъ барышнями. Она смиренно признала себя, въ сравненіи съ ними, простою женщиной, и едва считала себя достойною носить чепецъ, который онѣ цѣпляли на нее, выѣзжая съ нею въ гости, или принимая у себя гостей. Молчаливая роль въ новомъ кругу, гдѣ она не имѣла ходу съ своими хозяйственными знаніями, совершенно удовлетворяла ее. Она и на столько не была свободна отъ предубѣжденій, тяготящихся надъ подобными ей людьми, чтобы

хоть охнуть подъ бременемъ новаго быта, въ которомъ она игра- ла роль служанки у собственныхъ дочерей своихъ. Прикрикнуть на нее и послать ее десять разъ въ догонку за неповоротливы- ми и неусердными крѣпостными горничными—было у нихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Свѣжая и бодрая на склонѣ лѣтъ, благодаря, простотѣ привычекъ, которыхъ не оставила и съ перемѣной об- стоятельствъ, она бѣгала съ утра до ночи по всему дому и по- гоняла безъ усталости свою новую челядь, радуясь сердцемъ, что до- жила до барства.

И сама ея матушка, видя свою дочку въ чепчикѣ, а внучекъ въ низкихъ лифахъ и модныхъ прическахъ, много разъ обраща- лась къ образамъ и благодарила боговъ, что они сподобили ее видѣть собственными глазами процвѣтанье своей отрасли. Благо- честивая старушка не замѣчала, что не только ея простопародная рѣчь, но и самыя молитвы, дѣлалась предметомъ шутокъ между тремя граціями, затянутыми чуть ли не съ помощью кучера въ корсеты.

## X.

Сколько это лѣтъ прошло съ того дня, какъ бояре отвалили бревно отъ ветхихъ, мшистыхъ воротъ старосвѣтскаго двѣрища и впустили свадебный цвѣтущій и поющій поѣздъ? Не менѣе двад- цати лѣтъ. Никодимъ Трифоновичъ изъ смиреннаго судового па- нича успѣлъ въ теченіе этого времени сдѣлаться всемогущимъ секретаремъ земскаго суда, а наконецъ и владыкой всѣхъ доход- ныхъ дѣлъ — стряпчимъ. Но, Боже! какъ же все измѣнилось на старосвѣтскомъ двѣрищѣ! Старыхъ грушъ и яблонь давно ужъ нѣтъ, и изъ прекрасныхъ липъ уцѣлѣли только двѣ: остальные срублены, потому что именно на томъ мѣстѣ, гдѣ они расширили свои благовонныя сѣни, понадобилось расположить господскій домъ, амбары и конюшни. Въ этотъ дворъ, на которомъ такъ славно танцовалось когда-то по свѣжей травѣ, теперь страшно заглянуть. Смотрите: вонъ тамъ, налѣво стояли кусты лиліаю. Отъ этихъ кустовъ уцѣлѣли только сухіе, недоломанные прутья, и мимо нихъ, вдоль амбаровъ, бѣгаетъ огромная цѣпная собака. Подъ

лай и тоскующій вой этой собаки засыпають въ новомъ домѣ изнѣженныя дочки стряпчаго, не заботясь ни мало о соловьиныхъ треляхъ. Проходите, добрые люди, мимо! не заглядывайте больше въ старосвѣтское двѣрище! Оно и для меня потеряло всякую прелесть. Оно сдѣлалось для меня предметомъ душевспасительнаго размышленія, не болѣе.

П. Кулишъ.

20 августа, 1860.

Васильевка.

## ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

### ВАСІЛІЯ ПЕТРОВИЧА БЪЛОКОПЫТЕПКА.

#### ПОСТУПЛЕНІЕ ВАСІЛІЯ ПЕТРОВИЧА ВЪ ГОРОДСКОЕ УЧИЛИЩЕ<sup>(1)</sup>.

Мелкопомѣстное украинское дворянство, купцы и зажиточные изъ другихъ сословій, собираясь выводить своихъ дѣтей *въ люди*, обращались въ тѣ времена обыкновенно къ средствамъ самымъ несложнымъ: обучали дѣтей грамотѣ, у себя на дому или въ мѣстныхъ *школахъ*, смотря по достатку, — запасались извѣстнымъ количествомъ *карбованціевъ* или мѣшковъ съ мукою, пшеномъ и тому подобнымъ, и помѣщали, и дѣтей, и карбованцы, и мѣшки, въ какомъ-нибудь повѣтовомъ или земскомъ судѣ, на службу отечеству, на радость себѣ и на зависть сосѣдямъ; или же, вмѣсто повѣтовыхъ и земскихъ судовъ, выбирали расположенные въ ближайшихъ мѣстностяхъ полки. Если при этомъ кто-нибудь нуждался въ доказательствахъ о дворянскомъ происхожденіи, родители старались запастись и таковыми: чрезъ такой камень преткновенія въ тѣ времена легче было перескочить, чѣмъ теперь, и мало-мальски зажиточный мѣщанинъ или козакъ, при опредѣленіи сына на службу, могъ выступить дворяниномъ, хоть куда!

Случалось при этомъ, и даже очень часто случалось, что мѣстомъ для службы выбираемъ былъ какой-нибудь отдаленный городъ, напримеръ Петербургъ, Кіевъ; но охотнѣе всего земляки мои вѣхали служить въ южныя наши провинціи, въ Бессарабію, Таврическую губернію, а больше всего — въ *Черноморію* и на Кавказъ. Конечно, причиною предпо-

---

(1) Разница въ тонѣ изложенія предлагаемыхъ теперь отрывковъ и отрывковъ, напечатанныхъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды 1838 г., произошла, вѣроятно, отъ разности впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ писаны тѣ и другіе.



чтенія въ этомъ случаѣ чужой стороны своей было: иногда «Иѣсть пророкъ во отѣчествіи своемъ», особенно если пророку приходилось, посредствомъ *вышеупомянутыхъ* документовъ, добывать доказательства о дворянскомъ происхожденіи, а иногда — и перспектива возможности приобрѣтенія большихъ чиновъ и большыхъ денегъ, возможности, часто доказываемой прибылыми изъ Петербурга, Кіева, Кавказа.

Отправленіе въ далекіе края совершалось довольно разнообразно. Напримѣръ, прѣзжій офицеръ или чиновникъ, случайно попавшій къ какому-нибудь жаждущему вывести свое дитя въ люди, наставлялъ столько чудесъ о Кавказѣ или Бессарабіи, что родитель, не долго справляясь, въ нѣсколько часовъ снаряжалъ сына въ далекую дорогу и отдавалъ его *доброму чоловікові*, прося послѣдняго помѣстить сына, а сыну наказывая — *шануватиця* (вести себя хорошо) и слушаться *доброто чоловіка*. Добрый человекъ увозилъ сына, иногда очень надолго, иногда и навсегда.... Случалось, что сынъ оказывался слугою у добраго человека!... Совершалось отправленіе иногда и такъ, что родители выбирали кого-нибудь изъ среды себя и отравляли дѣтей, или же навязывали ихъ какому-нибудь прѣзжему погостить съ Кавказа, братцу, племяннику, доброму сосѣду. Но и такъ иногда случалось, что иной отважный юноша — котомку на плечи, одинъ да съ Богомъ, — и въ какой-нибудь Петербургъ или Тифлисъ!.. иногда и тайкомъ отъ родителей!..

Худо ли, хорошо все это, и если худо, то въ какой степени — поговоримъ объ этомъ въ другое время. Дѣло въ томъ только, что такъ водилось тогда, и что съ старшими своими сыновьями поступилъ такъ и мой отецъ: одного послалъ на Кавказъ, двухъ другихъ — въ губернской городъ. Но со мною вышло иначе — рѣшился отдалъ въ городское училище....

Что заставило старика отдать меня въ городское училище — положительно не знаю. Думаю, что, какъ человекъ очень умный, онъ не могъ не замѣтить, что люди, хорошо грамотные, начинаютъ быть въ ходу, и потому заключилъ, что ограмотивъ сына хорошенько, т. е. *городскимъ* способомъ, легче всего вывести его въ люди. Къ такому заключенію ему прійти было тѣмъ легче, что къ грамотности и, вообще, къ знанію онъ питалъ большое уваженіе. Въ свое время, онъ неоднократно и со слезами умолялъ, чтобы научилъ его грамотѣ, а когда старикъ, дѣлъ мой, отказалъ, пустился на хитрости: добылъ себѣ позволеніе, во время говѣнья, провести три дня у дьячка, гдѣ учился родичъ, и спя тамъ на лѣчѣ и прислушиваясь къ чтенію школярей, влупилъ наизусть церков-

вую азбуку и всё склады до *тма-мна*.... В послѣдствіи я расскажу подробно, какъ этотъ человѣкъ, повидимому холодный ко всему, что выходитъ за кругъ хозяйственныхъ интересовъ, слушалъ меня, уже гимназиста, о причиняль солнечнаго затмѣнія, грома и другихъ физическихъ явленій, о жизни мнѣхъ народовъ, о далекихъ странахъ, о событіяхъ давно минувшихъ, — слушалъ, по видимому, разсѣянно, трунилъ надъ людьми, тратящими *грѣші и часъ на чѣрзнащо*, трунилъ надъ рассказчикомъ, а все таки слушалъ! Если, выведенный изъ терпѣнія его насмѣшками, бывало прекращаю свои рассказы, какими-нибудь окольными путями снова наводилъ разговоръ на брошенный предметъ... или же обращался къ такой методѣ: «Бачч», говоритъ, «чому вони вчѣтца!... А дурні батькі грѣші трѣтати!... Який же вамъ гаспидъ цѣпъ тягавъ до сонця, що знаєте, скільки туди верстовъ? Хіба чи не воронъ просіли?» — «Ви думаете», отвѣчаетъ гимназистъ, «якъ не ворона, то й не кѣркае, якъ цѣпу нема, то й міряти неможна!» и пошелъ снова.... А ему только того и надо: опять слушаетъ, опять трунитъ, опять выводитъ изъ терпѣнія рассказчика.... А смотришь потомъ, въ какомъ-нибудь разговорѣ, невольно прорывалось у него (по доброй волѣ онъ бывало никогда не признается, что понялъ или убѣдился) такое разумѣніе, наприкладъ, способъ измѣренія между небесными свѣтилами, что и иному гимназисту подобное не подъ силу. «Эхъ, якъ-би було менѣ навчили!» иногда бывало говорить онъ въ задушевной бесѣдѣ съ близкимъ ему человѣкомъ....

Какъ я живо помню всё обстоятельства поступленія въ училище! Какъ-будто всё это вчера происходило! Да что вчера: что вчера дѣлалось, я не могу представить себѣ съ такою выпуклостію и такъ отчетливо, какъ то, что дѣлалось тогда.

Надобно знать, что покойникъ отецъ, частію по свойственной всемъ Украинцамъ несообщительности, не любящей посвящать всякаго встрѣчнаго и поперечнаго въ свои душевные интересы, любящей больше дѣлать, чѣмъ говорить.... частію по самостоятельности характера, и вообще рѣдко допускающей вліяніе совѣта, а можетъ быть частію и по убѣжденію, что изъ всѣхъ окружающихъ его, близкихъ и далекихъ, никто не дастъ ему совѣта умнѣе того, какой онъ самъ себѣ дастъ, не любилъ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было и о чемъ бы то ни было, — даже не любилъ совѣтоваться съ моею матерью. Предположенія его, потому, большею частію оставались въ-тайнѣ и открывались только тогда, когда приходила пора приводить въ исполненіе. Разумѣется, что чѣмъ настоя-

тельнѣе была необходимость въ ихъ исполненіи, или чѣмъ болѣе представлялось возможности встрѣтить—не говорю, сопротивление, противо-дѣйствіе, а неодобреніе, въ формѣ слезъ, вздоха,—тайна сохранялась тѣмъ упорнѣе.... Предположеніе высказывалось за минуту до того времени, когда слѣдовало его выполнять, являлось въ формѣ догматической и какъ свѣтъ на голову: некогда ни возражать, ни сожалѣть — исполняй, и дѣлу конецъ!

Такъ онъ рѣшился поступить и въ настоящемъ случаѣ.... Конечно, болѣе догадливые поняли бы, можетъ быть, по нѣкоторымъ примѣтамъ, его предположенія на мой счетъ; но матери и намъ всѣмъ, привыкшимъ видѣть, что старшихъ братьевъ увозятъ изъ дома, когда имъ ужъ лѣтъ семнадцать, восемнадцать, не имѣвшимъ никакого понятія, что это за *училища*, намъ и въ голову ничего не приходило!... Начать съ того, что вдругъ,—какъ говорится, ни съ сего, ни съ того, — мнѣ сдѣланы были новенькій *набѣлный кожухокъ*, и притомъ изъ хорошихъ годовалыхъ барашковъ; сдѣланы были пара новыхъ сюртучковъ съ соответствен-нымъ принадлежностями, т. е., по обыкновенію, передѣланы изъ платья старшихъ братьевъ, для нихъ уже негоднаго. Потомъ, около того же времени, онъ позволялъ мнѣ пріостановить ученье: «Забрѣзкъ», говоритъ, «занидівся.... Нехай ужэ», говоритъ, «въ училищі будешь!» Ученье, конечно, было пріостановлено, а слова «въ училищі будешь вчѣтыця» — приняты за фразу въ родѣ «въ полкъ тебя отдамъ» и т. п. Догадливому человѣку можно было также призадуматься надъ мягкостію и снисходи-тельностью; которыя съ нѣкотораго времени проявлялись въ обращеніи его со мною и которыхъ я, согласно украинскимъ правамъ, не встрѣчалъ у отца съ того самаго времени, когда пересталъ быть *дитятею*, т. е. когда взялся за букварь. Но и это было мнѣ не въ домекъ! Послѣ ужъ я научился понимать старика: желѣзный характеръ не выдерживалъ и размягчался, когда приходилось наносить ударъ чьему-нибудь чувству, а въ особенности чувству своего дитяти....

Дѣло было въ первыхъ числахъ января, въ субботу. Отецъ былъ серьезенъ и почти цѣлый день провелъ на дворѣ: смотрѣлъ, какъ снаряжались подводы, которыя отправлялъ къ какому-то пану, верстъ за сорокъ, за купленнымъ лѣсомъ; провожалъ ихъ, давалъ наставленіе: гдѣ и какъ накормить и напоить воловъ, гдѣ ночевать, кто долженъ сторо-жить подводы ночью, какихъ воловъ сторожъ долженъ веревкою привязать себѣ къ ногѣ, отъ воровъ... что долженъ дѣлать онъ, если бы, че-го Боже сохрани, воръ въ самомъ дѣлѣ сталъ уводить, и веревка дерну-

ла за ногу;—гдѣ должны кормить на другой день, гдѣ онъ, отецъ, наго-  
вить ихъ и т. д. Распоряжаясь отиравленіемъ подводъ, отецъ велѣлъ  
приготовить и *кінські сани*, большія сани, и пару лучшихъ лошадей—  
признакъ, что поѣздка имѣетъ важное значеніе!.. самъ наблюдалъ, какъ  
Грицькó, плотникъ и вѣстѣ мезьникъ и *олійникъ*, осматривалъ сани,  
не нужно ли *завертні* или оглобли перемѣнить, *де свѣрдломъ крут-  
нїуть*, *де сокїрою стїкнууть*; рассказывалъ, какъ *óрчикъ* привязать,  
потянулъ даже за *пóборскї* (постройки), крѣпко ли привязаны; сани  
указалъ, какую упряжь взять, присутствовалъ при ея осмотрѣ Прокопомъ,  
сапожникомъ и вѣстѣ кожовникомъ и скрипачомъ; присутствовалъ,  
какъ набивали *ніхтірѣ* <sup>(1)</sup> сѣномъ, какъ вывели и чистили лошадей и  
пробовали, не захромала ли которая, хорошо ли ѣсть и пьеть и т. д.  
Мы, дѣтв, все это видѣли; видѣли также, какъ мать, по приказанію  
отца, приготовляла *ящикъ* и *мішокъ* <sup>(2)</sup> и клала туда куски *сала*, жарен-  
ного гуся, ножъ, вилку, хлѣбъ, булки, пироги и т. п. — все это завер-  
нутое въ бѣлѣйшія полотенца; видѣли, какъ она отшерла *скріньку*, въ

(1) Веревочный мѣшокъ, въ которомъ украинцы, особенно народъ тор-  
говый, возятъ сѣно при поѣздахъ.

(2) *Ящикъ* и *мішокъ* при сборахъ въ путешествіе, и во время самыхъ  
путешествій, по преимуществу означаютъ у насъ ящикъ и мѣшокъ съ  
сѣбѣстнымъ (т. е. ящикъ — съ *саломъ*, *ковбасами*, вареными яйцами, мясомъ  
и рыбою, жареными или отваренными и т. д., а мѣшокъ — съ хлѣбомъ,  
*паллїцїями*, *коржїами* и т. д.). Потому, если, напримѣръ, украинка гово-  
ритъ,—конечно, если дѣло идетъ о сборахъ въ путешествію: »Ще треба ящикъ  
и мішокъ спорядити«—это значитъ: »Еще надо жарить курицу, очистить  
*сала*, выбрать хорошихъ сельдей, спечь булокъ и т. д. и все это уложить  
въ ящикъ и мѣшокъ.« Вообще, земляки мои, отправляясь въ путешествіе,  
близкое или далекое, сѣбѣстнымъ для себя и кормомъ для лошадей и во-  
ловъ, даже водою, любятъ запасаться въ большомъ количествѣ, если воз-  
можно, даже на все путешествіе, а мои землячки любятъ снабжать отѣз-  
жающихъ самымъ лучшимъ, что у нихъ есть въ запасѣ изъ сѣбѣстнаго. За  
такой обычай, какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, иные порицаютъ  
моихъ соотчичей: говорятъ, что это не расчетливо, и склонность къ об-  
жорству показывается. Расчетливо ли для моего земляка держаться подоб-  
наго обычая, или нѣтъ, — поговоримъ объ этомъ когда-нибудь въ другое  
время; а здѣсь только замѣчу, что обычай этотъ имѣетъ основаніе не въ  
нашемъ желудкѣ, а въ нашей исторіи, пмѣвшей обыкновеніе постоянно  
ставитъ въ необходимость—женъ, сестеръ и матерей нашихъ дѣдовъ и пра-  
дѣдовъ разлучаться съ близкими ихъ сердцу... и снабжать дорогихъ от-  
бывающихъ на дорогу всѣмъ, что было лучшаго въ вѣдомствѣ женскаго  
населенія былой Украины, а дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ ставившей въ не-  
обходимость часто перелетать безводныя и безлюдныя южныя степи, гдѣ  
не было въ то время, да и теперь еще очень мало, постоялыхъ дворовъ и  
трактировъ, и гдѣ, слѣдовательно, утолить голодь и жажду можно было,  
или вѣтромъ степнымъ, или тѣмъ, что несла на себѣ быстрая, какъ степ-  
ной вѣтеръ, выучная козацкая лошадь.

которой хранились мѣдныя деньги, отсчитала нѣсколько рублей на мелкіе путевые расходы отцу и положила ихъ въ пестрядевый мѣшочекъ; видѣли, что она долго возилась съ *капшучками* и домашняго издѣлія бумажниками, т. е. рукавами отъ старыхъ рубашекъ, завязанными или зашитыми наглухо съ которой-либо стороны и такимъ образомъ представлявшими нѣкоторое удобство для прятанія ассигнацій; но что ужъ она тутъ дѣлала, намъ было неизвѣстно — насъ не подпускала... Отецъ дома, можетъ увидѣть, какъ мы глядимъ, сколько у него денегъ, — а подобное, куда было ему не по сердцу! Мы, дѣти, говорю, все это видѣли, дѣлали заключенія, — значить, батюшка куда-то ѣдетъ и ѣдетъ на нѣсколько дней, надолго даже, можетъ быть, — видѣли и радовались, что батюшка, этотъ суровый батюшка, который за всякія шалости бранить и наказываетъ и никогда ни за что не похвалить, никогда не ласкается и не *голубитъ*, ѣдетъ на нѣсколько дней изъ дому.... Съ такимъ расположеніемъ духа мы и спать легли....

Если покойнику отцу предстояла дальняя дорога, или отпраивался по какому важному дѣлу, то всегда выѣзжалъ ночью, задолго до разсвѣта, и тѣмъ раньше, чѣмъ цѣль поѣздки была серьезнѣе; а въ особенно важныхъ случаяхъ, выѣздъ изъ дому у него бывалъ сейчасъ послѣ ужина. Такъ дѣлывали, говорятъ, наши дѣды и прадѣды, такъ дѣлываютъ еще и теперь земляки мои, люди стараго цорядка — таковъ стародавній обычай. Но почему обычая этого держался и отецъ — не знаю. Знаю только, что онъ держался его не потому, что онъ былъ стародавній обычай, что такъ дѣлывали дѣды и прадѣды: въ подобнаго рода дѣлахъ старикъ слѣдовалъ обычаямъ только до тѣхъ поръ, пока болѣе или менѣе сознавалъ ихъ разумность, болѣе или менѣе они нравились ему. Можетъ быть, выѣздъ ночью болѣе соответствовалъ его наклонности — больше дѣлать, чѣмъ говорить, потому что такимъ образомъ, при выѣздѣ ночью, онъ избѣгалъ, въ хуторѣ и ближайшихъ селахъ, встрѣчъ съ знакомыми, и ихъ разспросовъ, — а куда? а зачѣмъ? избѣгалъ неизбѣжныхъ въ подобныхъ случаяхъ въ украинской семьѣ слезъ и прощальныхъ сценъ, неизбѣжныхъ по тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ она складывается и которые выработаны историческою ея жизнью: человекъ, которому хочется спать, мало бываетъ способенъ къ сильнымъ сердечнымъ движеніямъ. Быть можетъ, отецъ мой руководствовался иногда и расчетомъ, признаваемымъ впрочемъ иными невѣрнымъ, — въ первый день ѣзды больше воспользоваться силами лошадей, чѣмъ въ слѣдующіе дни, такъ какъ въ первый день силы ихъ еще бодрѣе. Можетъ быть онъ руководствовался

и тѣмъ расчетомъ, что чрезъ выѣздъ ночью нисколько не разстроивается обыкновенное теченіе домашнихъ дѣлъ. Выпроводили, поплакали и заснули .. и на другой день все болѣе или менѣе пошло по вчерашнему; днемъ же выѣзжать изъ дому — для домашнихъ дѣлъ день пропалъ! Можетъ быть, и другія еще были причины: мало ли чего не прійдетъ въ сѣдую голову, пятьдесятъ лѣтъ, во всѣ глаза, съ толкомъ и чувствомъ, глядѣвшую на человѣка и его жизнь! и глядѣвшую не сквозь системы и ученія, а просто безъ всякой *посредствующей среды*, какъ они въ дѣйствительности заявляются!

При поѣздкахъ своихъ, отецъ держался еще другого обычая, не менѣе, повидимому, страннаго, какъ и первый. Какъ бы рано старикъ ни выѣзжалъ, и какой бы праздникъ ни случился въ день выѣзда, онъ, и всѣ выѣзжавшіе, непремѣнно должны были поѣсть — что, большею частию, равнялось настоящему обѣду. Обычай этотъ можетъ показаться еще страннѣе, если прибавлю, что пока у покойника дѣти были малы, онъ строго соблюдалъ посты, и въ праздничные дни, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, до окончанія обѣдни, ни самъ ничего не ѣлъ, ни другимъ домашнимъ не позволялъ ничего ѣсть. Да и въ будніе дни, если не было гостей, онъ никогда не завтракалъ и не пилъ чаю (котораго, впрочемъ, и никто у насъ тогда по утрамъ не пилъ: не было обычая, чай былъ угощеніемъ, а не всеневнымъ питьемъ), — словомъ, до обѣда и *риски въ ротъ не бравъ* <sup>(1)</sup>. За такими завтраками или обѣдами, кто пилъ лодку — ѣлъ съ аппетитомъ; а мы, дѣти, если намъ приходилось въ нихъ участвовать, обыкновенно только дремали.

Дремалъ и я, сидя за столомъ, передъ выѣздомъ въ училище: и этотъ выѣздъ отецъ рѣшилъ сдѣлать ночью и предварительно позавтракавши.... Какъ меня разбудили, какъ умыли, одѣли, посадили за столъ и велѣли ѣсть, что въ это время вокругъ меня дѣлалось, — ничего не помню: сонный былъ, дремалъ.... Первое, что обратило мое вниманіе, что я началъ понимать и что, слѣдовательно, помню и теперь, это — необыкновенное состояніе матери. Она была блѣдна и ни минуты не сидѣла на мѣстѣ: сидеть, протянетъ дрожащую руку, поглядитъ меня по головѣ — и исчезла.... »Ижъ, Васіюню, ижъ, дитію мою!« — снова исчезла... Спросила, новенькихъ ли мнѣ рубашечекъ, или *припошенихъ*, *мякѣнькихъ*, и не дождавшись отвѣта, снова!...

(1) Т. е. росники.

Дремота моя начала исчезать, окружающее ближе придвигаться къ моему сознанию...

За столомъ только отецъ и я, да стулъ и приборъ для матери; остальной семьи никого нѣтъ.

Отецъ серьезень, очень серьезень; ни слова не говоритъ, не отрываетъ глазъ отъ тарелки, ни разу не взглянулъ ни на меня, ни на мать...

Я одѣтъ по праздничному; возлѣ, на стульяхъ, простыня съ моими бѣльемъ, и другиѣ платьемъ...

Отъ времени до времени изъ кухни выглядываютъ головы, съ какими-то любопытствомъ смотрять сюда, особенно на меня...

Мною тоже овладѣло какое-то любопытство, даже беспокойство. Я началъ быстрѣе поворачивать голову къ матери, когда она входила: «Что случилось? что все это значить?» — Ничо́го, Васи́юню, ничо́го! ижѣ! тихо, — и я опускалъ голову къ тарелкѣ, боязливо поглядывая на отца....

Узелъ мой готовъ, завтракъ конченъ, сани провизжали мимо оконъ, гвѣдой жеребецъ заржалъ и затопалъ передъ крыльцомъ....

— Пора! сказалъ старикъ, подымаясь съ мѣста и по прежнему ни на кого не глядя: — Оди́нь ёго!...

Мать бросилась ко мнѣ, и начала снаряжать меня: дрожащими руками надѣла на шею дорожную кашемировую шаль, *бабинскую*, которой и сама никогда не надѣвала... нагольный кожѹшокъ, и поверхъ воротника другую бабинскую шаль.... Какъ руки у нея путаются, какъ медлятъ она! Отецъ давно ужъ готовъ: *кожѹлъ*, крытый синимъ сукномъ, изъ превосходныхъ сѣрыхъ барашковъ, въ одной рукѣ черная *смушѣвая* шапка, въ другой — неразлучный спутникъ его старости, *ципѹкъ*; а она все еще медлитъ!

Но вотъ и я готовъ. — Ходи́мо въ сви́тлицю!

За старикомъ пошла мать, со свѣчею въ рукахъ, шатаясь, по временамъ обращая ко мнѣ взглядъ, свѣтящейся лихорадочнымъ жаромъ.... За матерью — я, съ поникшею головою, съ какою-то тяжестью въ душѣ, съ темною догадкою, что что-то недоброе ожидается!

— Са́дьмо!

Сѣли.

Наступила минута молчанія, — охъ, какого молчанія! Никогда я не забуду этой минуты! Какъ-будто все кругомъ почувствовало, что тутъ идетъ тяжелая борьба, на чувства налагается невыносимое молчаніе, — и все притаяло дыханіе!... Даже свѣча какъ-будто боялась свѣтить, бросала какой-то дрожащій, желтоватый, погребальный свѣтъ; даже ме-

бель, всё неодушевленные предметы, наполнявшие комнату, какъ-будто притаялись, притаяли углы и выпуклости, жались въ тѣни... Словно мертвецъ тутъ лежитъ, свѣчи нагорѣли, раздается унылое чтеніе дьячка, болѣе несносное, чѣмъ могильная тишина!...

Да, въ комъ-нибудь дѣйствительно должно было что-то тутъ умереть!...

»Порá! раздался снова голосъ отца: « моли́тца, говорить, Бо́гу! и, вставши, началъ самъ креститься къ образамъ.

Мы съ матерью тоже встали и начали креститься.

»Поблагослови, старá, сына! Та накажи, щобъ бувъ добрый, розумный!..

— Нехáй тебѣ благословитъ Богъ и Мáтн Бóжа, моя дитинчко!... якъ я тебѣ благословлю!...

Осѣнила меня нѣсколько разъ большимъ крестомъ.

— Не забувай Бóга и Мáтері Бóжої!... слухай бáтька, своїхъ вчѣтелів!... будь добрый, розумный!... Не забувай и мене, моя дитинчко!...

»Порá, Васи́лку, ходи́ть! прервалъ съ другаго конца голосъ звучный и вмѣстѣ сдержанный...

— Поцілуй же мене, Васи́ню! — начала меня цѣловать и снова крестить: — Мо́же бѣ? говорить...

Я поднялъ голову — съ мольбою глядитъ на отца, что-то шепчетъ въ пальцахъ, слышенъ звонъ мѣдной монеты... Я быстро поворотилъ голову къ отцу — одинъ изъ взглядовъ, которыми онъ обыкновенно отдастъ ей секретныя приказанія...

— Оце́ тобі, Васи́ню, дѣсять шажківъ — бубличківъ, може, коли купи́ши!...

Послѣднее объятіе матери....

Отецъ сѣлъ въ сани; въ ногахъ постлали ему большой тулупъ, посадили меня, закутали; сверху отецъ прикрылъ еще своимъ тулупомъ... Кондрать тронулъ возжами, — сани повеселись, визжа полозьями и скользя на забойнахъ, то въ ту, то въ другую сторону....

Старикъ мой, старикъ!... Крутъ ты подъ часъ бывалъ, суровъ, жестокъ; но я люблю тебя вспоминать!... люблю вспоминать даже о крутыхъ, суровыхъ и жесткихъ твоихъ поступкахъ! Вѣрно, и въ нихъ есть своя доля правды, что-то влекущее къ себѣ даже и тѣхъ, кому больше всего приходилось отъ нихъ терпѣть. А можетъ быть, не смотря на наше образованіе, мы еще на столько дѣти нашихъ отцовъ и внуки и правнуки нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, столько еще мы потомки нашей суровой старины, что намъ по сердцу и тѣ жесткія ея стороны, которыхъ



не одобряетъ наша голова, и жесткость которыхъ намъ приходилось на себя отвѣдывать!... Но особенно я люблю вспоминать о твоихъ поступкахъ, которые не были порожденіемъ болѣе или менѣе разнуздавшейся страсти, а происходили изъ сердечныхъ ощущеній, управляемыхъ разсудкомъ и волею. Все тогда уступало тебѣ, мудрецъ мой, все преклонилось передъ тобою!

Да, изъ дальнѣйшаго разсказа о моей незатѣпавшей жизни, вы, можетъ быть, убѣдитесь, что отецъ мой былъ далеко не изъ дюжинныхъ людей. А пока я укажу вамъ на двѣ черты его характера, т. е. разскажу о его образѣ дѣйствованія въ двухъ различныхъ житейскихъ положеніяхъ, изъ которыхъ объ одномъ я необходимо долженъ говорить теперь же, по порядку разсказа, а разсказъ о другомъ понадобится намъ послѣ, чрезъ нѣсколько страницъ.

Вы, можетъ быть, думаете, что выѣхавъ изъ дому, я остался одинокимъ, нѣкому принять участіе въ моей тоскующей душѣ? Если вы такъ думаете, — вы крѣпко ошибаетесь! Этотъ суровый старикъ, устроившій все такъ, что я и слезинки не успѣлъ выронить при разлукѣ съ матерью, мать не успѣла поворковать надъ отрываемымъ отъ нея дѣтищемъ, наглядѣлся на него въ послѣдній разъ, не позволявшій и себѣ обнаружить признаковъ чувства и оцѣнившій чувства другихъ, — съ отъѣздомъ изъ дому, когда дитя осталось у него одного на рукахъ, превратился въ самую нѣжную мать, въ самую заботливую сестру. Словомъ, старался замѣнить для него все и всѣхъ... и, конечно, при своемъ знаніи человѣческаго сердца, при своемъ умѣ и опытности, успѣвалъ въ этомъ на столько, на сколько другому успѣть никакъ бы не удалось. Всѣ дѣтскія потребности и прихоти имъ были предусматриваемы и предупреждаемы съ величайшей заботливостію; онъ былъ болтливъ, какъ самая болтливая нянька, разсказывалъ сказки и разные интересные событія изъ собственной жизни, игралъ со мною, позволялъ выбираться изъ моего гнѣзда въ тулушѣ, садиться на козла и т. д. И замѣчу, онъ дѣлался такимъ ласковымъ не въ эту только поѣздку, но и послѣ, когда ему случалось отвозить меня въ городъ, и когда мною овладѣвала тоска.... Помѣстивъ меня въ училище, онъ не поѣхалъ сейчасъ домой, а отправился верстъ за пять отъ города къ одному своему знакомому и прожилъ тамъ нѣсколько дней, чтобы только ежедневно навѣщать меня.... Но объ этомъ рѣчь впереди, а теперь

## Э П И З О Д Ъ.

Надобно вамъ сказать, что въ хуторѣ у насъ завелся такой обычай: общество избавляло отца отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей, а отецъ за это кормилъ и поилъ Временныя Отдѣленія, застѣдателей, — словомъ, властей. Обычай этотъ съ теченіемъ времени сдѣлался до того извѣстнымъ всѣмъ, что каждая власть, прибывъ въ хуторъ, отправлялась прямо къ отцу и располагалась тамъ, какъ у себя дома или у себя на квартирѣ. Если власть была заѣзжая и не знала о существующемъ обычаѣ, съ нимъ знакомили ее возницы, и *передовые* козаки, и власть всё таки попадала къ намъ. Равнымъ образомъ славаема была на руки отца и всякая военная власть, долженствовавшая квартировать въ хуторѣ, если только эта власть была значительнаго ранга и, слѣдовательно, была съ значительнымъ развитіемъ потребностей на удобство помѣщенія и т. д., или же, хотя и не имѣла значительнаго ранга, но была съ сильно развитою склонностію: шумѣть, оставаться ничѣмъ недовольною, — склонностію къ пинкамъ, зубочисткамъ, зуботычкамъ, подзатыльникамъ, треушинамъ — словомъ, ко всѣмъ такимъ вещамъ, о которыхъ въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ ничего не упоминается, но къ которымъ однако мы, всѣ власти, питаемъ большое расположеніе, и которыми, при случаѣ, присыщаемъ себя въ сласть.

Придетъ бывало отаманъ: — Будьте ласкави, Петро Василѣвичъ, возьміть собі тогô уша (1), що у Голованá!

»А хіба що?

— Та така й така річъ.

»Ну, коли такъ, сількись (2).

И ушь переселялся къ намъ.

Ну, такъ однажды, около того времени, какъ меня отвезли въ училище, къ намъ попалъ подобный Ушь.

Дѣло было наканунѣ Духова дня, вечеромъ. Комнаты и сѣни малихъ хатъ, въ которыхъ мы проводили тогда лѣто, убраны были липовымъ и кленовымъ *клѣчаньями*, пучками *иводікиевъ*, *василькиевъ*; полы устланы только-что накошеною травою. Окруженные зеленью и благоуханіями травы и цвѣтовъ, мы сидѣли въ сѣняхъ за столомъ и ве-

(1) Земляки мои называютъ иногда людей военнаго званія *ушами* и *кабишами*, за часто употребляемыми ими слова *ужь*, *кабышь*.

(2) *Сількись* — пусть себѣ.

село ужинали.... Покойникъ отецъ любилъ уживать лѣтомъ, если не на открытомъ воздухѣ, то покрайней мѣрѣ въ сѣняхъ, при открытой двери на огородъ.

Вдругъ дверь, выходящая на дворъ, съ шумомъ отворилась, и въ сѣни ввалился хуторской атаманъ Грицько, — запыхавшійся, безъ шапки, съ приподнятымъ спереди чубомъ, не говорившимъ, а просто кричавшимъ, что къ нему только что прикасалась чья-то чужая рука, и рѣшительно не съ тѣмъ, чтобы его пригладить.

— Здѣлайте Божеску милость, Петро Васіловичъ!... заговорилъ Грицько, оставляя на другое время привѣтствія: »хлѣбъ та сімь! Добривечірѣ, бѣдьте здоровіи зъ сімь днешь!«

»А що тамъ таке? отозвался отецъ, оставляя ложку и поворачиваясь къ Грицьку.

— Москалі прийшли на постой, такъ оди́нъ такий офицеръ, що вже й до Івана водивъ, и до Устенка, и до Паливоди: »Тѣсно!« кричить, та й годі, хоть ти въ вічі ёму плюй!... И коли́бъ що путне, сказавъ, продолжалъ Грицько изливать душу: — ато якáсь фря така, мизерне, маленьке... А ла́етця жъ то, не при хлѣбі святому згадуючи... тьфу!... И въ вічі такъ и січетця!... Та ще й до чуба... — и Грицько махнулъ рукою и кивнулъ головою, какъ обыкновенно дѣлають земляки мои, когда чувства ихъ принимаютъ другое направленіе, не земляками моими обыкновенно выражаемое: »Да что говорить! пусть ужъ Богъ ему простить!«

»Ну, сіякись, веді ёго! отозвался отецъ, вставая изъ-за стола.

— Та вінъ тутъ, у васъ за ворітьми!... Я заразъ, спасібі вамъ!...

Черезъ нѣсколько минутъ влетѣлъ въ сѣни крошечный офицерикъ конныхъ егерей, киверъ на бекрень, сабля гремитъ, весь въ пылу.... Не кивнувши никому головою, онъ прямо къ отцу.

— Ты хозяйинъ? давай квартиру, да жива!...

»Заразъ, заразъ!« спокойно, но серьезно отвѣчалъ отецъ, и поворотившись къ матери: »Велі, старá (¹), одперти ті хати ...«

— Какія хаты? перебилъ офицеръ:— вѣрно сыро, гадко!... Знать ничего не хочу, миѣ сухую, чистую давай квартиру, тутъ давай! — и покосился на растворенную дверь кухни, изъ-за которой выглядывали нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ женскаго ея населенія.

»Колі вамъ хочетца тутъ — и тутъ можна!« сказалъ невозмутимо

(¹) Въ Украинѣ мужъ и молодую жену называетъ иногда старбою.

старикъ: »вотъ выбирайте, какую хотите! — и взявъ со стола свѣчу, началъ показывать офуцери *світлицю* и *кімнату*.

— Я эту возьму! сказалъ тотъ вошедши въ *кімнату*.

»Чи сю, то й сю! моя стара зъ дѣтми ляже въ світлиці— васъ не побезпокоять: у меня маленькихъ дѣтей нѣтъ; а миѣ поставять кровать въ сѣняхъ возлѣ кухни, — всімъ дѣло бѣде!

Какъ невозможно и упорно смотрѣлъ онъ при этомъ ему въ глаза!..

Офицеръ, кажется, не совсѣмъ былъ доволенъ такими распоряженіями, сердито началъ отцѣплять саблю и кричать на деньщика, чтобы скорѣе вносилъ вещи.

Отецъ поставилъ свѣчу на столъ, вышелъ въ сѣни, и мы снова принялись за ужинъ, хотъ уже не такъ весело, какъ прежде: вѣрно военному элементу ужъ *на роду написано* быть вездѣ возмутителемъ тихихъ семейныхъ и гражданскихъ радостей!

Черезъ нѣсколько минутъ офицеръ снова появился въ сѣняхъ, но уже безъ кивера, сабли и другихъ военныхъ принадлежностей, съ разстегнутымъ сюртукомъ, безъ жилета и галстука.

— Нужно и лошадямъ моимъ дать мѣсто!

»И лошадямъ найдемъ мѣсто!« отвѣтилъ старикъ, и поворачивая голову къ кухнѣ, прибавилъ: — Хлопцы, покажите вотъ вхнему деньщику, гдѣ ясли.

— Какъ, *ясли?* снова возвысивъ голосъ нѣсколькими тонами выше:—Мои лошади стоятъ у яслей не привыкли, ночью дождь можетъ пойти!

»А въ конюшнѣ можно ихъ поставить?«

— Конечно!

»Ну, такъ выведите, хлопцы, изъ конюшни своихъ лошадей и поставьте къ яслямъ, а въ конюшню деньщикъ....«

— Да у меня и кучеръ есть.

»Ну, такъ пусть кучеръ! Да что нужно, расскажите, помогите! Можетъ статья, сѣна, соломы нужно, и сѣна и соломы нѣтъ!«

По зову отца, *Оксѣнтій* и *Антій* выскочили изъ кухни и, выслушавъ его приказаніе, *айбрикомъ* пустились черезъ сѣни; а офицеръ, видимо сбитый съ толку, потеръ себѣ лобъ, потеръ правою рукою лѣвую, выше локтя, и, не зная, что дальше тереть, потеръ еще одну пуговицу на сюртукѣ... какъ-будто въ разсѣянности нацѣпилъ на нее петлю противоположнаго лацкана, —и такимъ образомъ, застегнутый уже, постоявъ еще нѣсколько мгновений, пошелъ въ *кімнату*.

Мы переглянулись, едва удерживая хохотъ (отъ неоднократныхъ повтореній подобныхъ сценъ, мы, увы, даже самые малолѣтніе, понимали ихъ значеніе), а отецъ—какъ ни въ чемъ не бывало: ѣсть себѣ преспокойно, и хоть бы тѣнь улыбки или огорченія! серьезнѣе только, сдержаннѣе обыкновеннаго; а когда денщикъ, внесши въ кіннату послѣднія вещи, вышелъ оттуда и затворилъ за собою дверь, поднявъ голову и указавъ матери глазами, сначала на стоявшую на столѣ миску, а потомъ на дверь кіннаты.

— Чѣнешъ, якъ тебѣ звать, будь ласкавъ!...

»Иваномъ-съ, матушка!«

— Спитай, будь ласкавъ, Иване, свого пана, чи не хоче повечерять: у насъ буде що.

»Слушаю-съ!« и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ отвѣтомъ, что де »его благородіе приказали благодарить, поужинають, только немножко позже, а сейчасъ приказали, то есь чайничокъ, то есь чай кушать.«

Снова взглядъ отца, снова предложеніе матери—самоваръ, дескать, есть. »Да ужъ ты, Иванъ, будь ласкавъ, говоритъ, не хлопчи, отдохни — послѣ дороги вѣрно усталъ; и повечерять потомъ съ кучеромъ дивчата вамъ дадутъ.... Оришко, Васько!« и т. д.

— Поркорѣйше благодаримъ-съ! вы, то есь, матушка, знаете нужду нашу!

Поужинали; насъ, дѣтей, тотчасъ уложили въ свѣтлицѣ, на *долівці, по́котомъ*, и отецъ наказавъ намъ не *пустувать* (не шалѣть), а спать, не шумѣть. Какъ офицера поили чаемъ, какъ подавали ему уживать — мы уже не слышали....

На другой день я всталъ, по обыкновенію, рано, и умывшись и одѣвшись, тотчасъ, и тоже по обыкновенію, пустился въ огородъ, къ разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ: надо же посуетиться, сюда-туда пометаться, покувыркаться, разбросать избытокъ жизни и благосостоянія дѣтской души, вѣчно льющейся черезъ края, а особенно при хорошемъ состояніи здоровья, послѣ сладкаго сна, пѣвнкой ласки матери, при очаровательной обстановкѣ весенняго украинскаго утра; надо и щенковъ посмотреть, и съ Борбосомъ поваляться на травѣ, забѣгать *стінку*, <sup>(1)</sup> гоняясь за соловьями, заглянуть въ леваду, много ли за ночь подросли *полуніці*.

(1) *Стінка* — роща, расположенная по отлогостямъ горы надъ рѣкой.

Отец ходилъ уже по огороду.... Какъ теперь вижу его: высокій, полный, въ бѣлой какъ снѣгъ рубахѣ, въ бѣлыхъ какъ снѣгъ штанахъ съ *очкурѣмъ* и въ сапоги, въ картузѣ, съ *цилкомъ* въ рукѣ: туда посмотреть, туда заглянуть.... Тутъ помолчить—хорошо, значить, все; а тутъ поворчить. «Дурень Остапъ, и ворить не причинивъ, телата повилазять.» Но, видимо, старикъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: даже погладилъ меня по головѣ, когда я очутился какъ-то возлѣ. Прекрасное весеннее утро, въ праздничный день, на украинскомъ хуторѣ, хоть кого разшевелить, хоть что заставить забыть!...

Какъ вотъ денщикъ изъ конюшни: — Здравія желаю, Петръ Васильевичъ!

Какъ, скажу мимоходомъ, мы скоро узнаемъ, хорошо помнимъ нмѣ и отчество чловѣка намъ нужнаго или полезнаго!

— Здорѣвъ, здорѣвъ!

Сѣ, то; съ праздникомъ поздравили другъ друга... даже взаимно освѣдомились, какъ спалось, не кусали ли блохи, которыхъ, снова скажу мимоходомъ, у насъ въ Украинѣ чуть ли не столько, сколько въ Петербургѣ клоповъ и таракановъ. Все бы кажется хорошо; но у отца уже исчезло прежнее открытое выраженіе, сдѣлался какъ-то серьезнѣе, сосредоточеннѣе: какъ-будто ему припомнился цѣлый рядъ нашихъ *рідмихъ* пословицъ и поговорокъ: «Не вірь, бо воно звірь, хоть не вкусьть, то зляка»; «Одъ Москаля поля врижь, та тикай» и т. д.

«Гдѣ бы, Петръ Васильевичъ, овса у васъ купить?»

— Гм!... Оцѣго вже не скажѣ тобѣ, до новѣго ще далѣко, — а прошлогодній выкорилень, распроданъ... А если и есть у кого, поѣхали въ церковь, или собираются, не продадутъ!

«Экая бѣда! Баринъ встанеть — отчего, молъ, то есь?...»

Молчаніе....

«Нѣтъ-ли, то есь, у васъ, Петръ Васильевичъ?»

— Чомъ нема?...

«Нельзя ли, то есь... баринъ, то есь, встанеть....»

— Возьми, Оксентію, ключъ одъ вибарця, да набери імъ *лантухъ* <sup>(1)</sup>!

Офицеръ спалъ, когда мы уѣхали въ церковь.

Когда воротились, тотчасъ явился, въ свѣтлицу, но уже не вахальнымъ квартирантомъ, а гостемъ, прилично одѣтый, говорящій отцу, ма-

<sup>(1)</sup> *Лантухъ* — большой мѣшокъ, въ который можетъ помѣститься русская четверть.

тери и сестрамъ *вы* и, въ добавокъ, порядочно сконфуженный. Разговоръ, впрочемъ, какъ-то не клеился: между гостемъ и хозяйками было неприятное воспоминаніе, мѣшавшее сближенію. Наконецъ офицеръ всталъ итти къ себѣ.

— Вы рано, или поздно обѣдаете?

»Вы очень добры... я, право, не заслужилъ... Ахъ, чуть не забылъ поблагодарить васъ за овесъ. Сколько я долженъ?«

Вышла сцена, надъ которою можно и не смѣяться.

— Нічого! говорить старикъ.

»Какъ, ничего?«

— Такъ, нічого, та й годі!

Словомъ, отецъ не хотѣлъ взять за овесъ денегъ, по той простой причинѣ, что у насъ, въ Украинѣ, и теперь рѣдко съ васъ возьмутъ за то, что васъ, вашу прислугу и вашихъ лошадей напоили и накормили, да и то развѣ въ деревняхъ, лежащихъ по большимъ дорогамъ; а въ тѣ времена — вы могли извѣздить Украинну, «вдвоицъ и впоперекъ», не истративъ на корма ни копѣйки. Офицеръ съ своей стороны не хотѣлъ взять даромъ овесъ: — Это, говорить, рѣшительно было бы ни на что не похоже!

— Ну, — сказалъ старикъ, — его видимо началъ смѣшить этотъ споръ... поднялъ брови и, смотря въ землю, склонилъ на бокъ голову, — признакъ, какъ и вообще у украинцевъ, юристическаго пастроенія, готоваго разразиться рядомъ шутокъ, наивныхъ и, повидному, глупыхъ вопросовъ, нелѣпыхъ предложеній и предположеній и т. п. — Ну, говорить, коли вже вамъ такъ хочѣтца, — сількись, давайте гроші: сѣгодні у насъ овесъ по сороківці (!) лантухъ.

Дѣло кончилось обниманіями и цѣлованіями... Скоръ на дружбу, какъ и скоръ на грубость и оскорбленіе.

Съ этого времени офицеръ сталъ совершенно нашимъ семьяниномъ и, въ продолженіе нѣсколькихъ дней квартированья, съ нами обѣдалъ, ужиналъ, завтракалъ; приводилъ къ намъ обѣдать и ужинать своихъ товарищей и своего эскадроннаго, или какъ тамъ его; толковалъ съ отцомъ, который очень любилъ слушать рассказы людей многовидѣвшихъ, бродилъ съ нимъ по полямъ, огородамъ; всѣ заботы о его хозяйствѣ перешли на руки матери: что нужно, — перемыто, что нужно — выпичено, починено. Словомъ, его принимали, какъ принимаютъ бывшаго долго въ

(!) По гривеннику.

отсутствіи семьянина, и выпровожали потомъ въ походъ, какъ выпровожаютъ семьянина.

Также скоро сошелся со всѣми и деньщикъ Иванъ, и скоро и охотно поступилъ въ число домохозяевъ. Состоя давно уже на службѣ, онъ часто проживалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Украины и всею душою полюбилъ этотъ прекрасный край и добрыхъ и честныхъ его обитателей, какъ это, впрочемъ, и всегда случается съ простонародьемъ великороссійскимъ, прожившимъ довольно долго въ *Холландіи*. Избавленный матерью отъ заботъ о баринѣ, но дѣятельный по природѣ, онъ не оставался въ бездѣйствіи и, какъ дѣлываютъ добряки-холостяки его лѣтъ и состоянія, обратился къ намъ, дѣтямъ, особенно ко мнѣ и къ покойнику меньшему брату: носилъ насъ на спинѣ, показывалъ разные фокусы снуркомъ, дѣлалъ изъ дерева танцующихъ солдатъ, и т. п. Мы очень его полюбили, и какъ истые дѣти и внуки своихъ отцовъ и дѣдовъ, тотчасъ дали ему прозваніе: прозвали его *Тоесь*, за часто употребляемое имъ въ разговорѣ *то есть*, произносимое имъ *то есь*. Добрякъ нисколько не обижался, а напротивъ, его очень забавляло, что *хохла* перекрестилъ его изъ Ивана въ Тоесь:—Впшь-ты, пострѣлята! то есь, я говорю *то есь*, а они, то есь, и зовутъ меня Тоесь!... говаривалъ онъ и принимался хохотать самымъ громоподобнымъ хохотомъ....

Что-то съ тобою стало, добрый Тоесь?!.. Выслужилъ ли ты свои двадцать семь лѣтъ и воротился въ какую-нибудь Костромскую или Пермскую, долеживать указные годы жизни на полатахъ, нянчить безсильными руками дѣтей братнихъ, сестринныхъ, можетъ быть, и своихъ? или торчатъ у дверей какой-нибудь Казенной, или какого-нибудь Губернскаго, снимать шинель у его превосходительства — гражданскаго генерала?... Или же ждать двадцать семь лѣтъ тебѣ показалось слишкомъ долго, и ты, неся барину на шкеть трубку, задѣлъ лбомъ летѣвшую польскую пулю?... или, разсердивъ отца-командира, былъ немножко того, и въ лазаретъ, а оттуда — *туда*, идѣ же нѣсть ни того, ни сего, ни онаго? То ли, или это съ тобою стало? Молчишь!... Эхъ вы, тоеси! и живеть — молчать, и умираеть — молчать, и въ могилѣ лежитъ — молчать.... На, вотъ тебѣ, Тоесь! отъ того, то есь, хохла — помнишь? то есь, памятникъ тебѣ, слеза то есь....

Одинъ только кучеръ (забылъ, какъ его звали) не сошелся у насъ ни съ кѣмъ, и не только не сошелся, а даже сталъ всѣмъ непримиримымъ врагомъ. Причиною была отчасти его натура, вѣчно и всѣмъ недовольная и щедро рассыпавшая на всѣ стороны обидныя побранки, а



при случаѣ и кое-что подѣйствительнѣе обидныхъ побранокъ; а отчасти и то, что недавно еще прїѣхалъ изъ своей Орловской что ли, не научился еще считать хохлатыхъ и безбородыхъ тоже носящими образъ и подобіе Божіе.... Можетъ быть, тутъ имѣло значеніе и еще одно обстоятельство, о которомъ рассказывалъ Тоеся.

Во время своего путешествія изъ деревни къ барину, гдѣ-то въ Черниговской губерніи, остановился онъ перепочевать у какого-то зажиточнаго козака. Путешественникъ сначала велъ себя прилично; но послѣ, когда за ужиномъ поднесли ему нѣсколько чарокъ *наськои* <sup>(1)</sup>, бранчивая натура взяла свое, и онъ, держа въ рукахъ чарку противъ свѣта, такой спичъ сказалъ своимъ хозяевамъ: — «Нѣтъ, говорить, правды на свѣтѣ, нѣтъ, какъ хошь! Ужъ не мы ли люди, а Богъ не далъ намъ еѣтакой! а вы, и мазѣпинъ духъ....» Хозяевамъ, конечно, не понравился такой поворотъ краснорѣчія, слово по слову, пошли и «чубы проклятые» и «обливанцы», и дѣло кончилось дракою.... Естественно, что происшествіе это, при первомъ, такъ сказать, знакомствѣ съ Украинною, не могло расположить кучера въ пользу ея обитателей.

Какъ бы то впрочемъ ни было, някто не сошелся изъ нашего двора съ этимъ человѣкомъ. Сначала дѣло ограничивалось непріязненными взглядами, а потомъ пошло и далѣе. Онъ звалъ всѣхъ проклятыми нехристями, мазѣпиннымъ духомъ (конечно, объ этомъ ни офицеръ, ни отецъ ничего не знали), а — мы цѣпомъ. «Цапъ, цапъ! козю, козю!» кричали цѣлою толпою дѣти, бросая ему въ слѣдъ клочки травы или соломы; «Цапъ!» звенѣлъ своимъ звонкимъ голосомъ Оксентій изъ сарая; «Цапъ!» ревели цѣлымъ хоромъ молотники изъ клуни; «Цапъ, цапюкъ!» пищала красавица Ганна въ слуховое окошечко кладовой, — и все это заканчивалось всеобщимъ хохотомъ, раздававшимся изъ окопъ, изъ дверей, изъ за угловъ, справа, слѣва, а больше всего изъ конюшни, громоподобнымъ хохотомъ Тоеся.... Бѣднякъ до того иногда раздражался, дотога выходилъ изъ себя, что хваталъ колъ и пускался за кѣмъ попало, нля же,

(1) Т. е. нашей (водки). Въ украинскомъ языкѣ есть и мѣстоимѣніе *нашь*, вполне соответствующее русскому *нашъ*. *Наський* же означаетъ нашъ только въ смыслѣ *не иностраннй, нашъ, народу принадлежащій и по происхожденію, и по употребленію* и т. п. Слово это употребляется чаще всего безъ существеннаго (напримѣръ, когда Украинецъ увидитъ на чужой сторонѣ шапку украинскую, говорить: «та се наська!») и притомъ почти всегда съ нѣтонаціею голоса, свойственною только украинскому юмору, вытѣстъ и ласкающему и хохочущему, — ласкающему нѣжно, хохочущему безобидно....

что чаще всего случалось, — такъ какъ многими опытами убѣдился онъ, что не его ногамъ угнаться за быстрыми ногами хохлятъ, — бросая шапку оземь и въ бѣшенствѣ топталъ ее ногами . . . . .

. . . это былъ Рѣготивъ-хуторъ! Хаты, *хліві*, *токі* (¹) и другія принадлежности украинскаго хутора размѣстившись по ложбинѣ, не посовѣтовавшись ни съ законами чересѣченія прямыхъ линій подъ прямыми углами, въ формѣ шахматной доски, — ни съ условіями однообразія, — ни даже со вкусомъ проѣзжающихъ, или съ чѣмъ бы то ни было вкусомъ: дескать, какъ мы вамъ покажемся, если мы помѣстимся тутъ вотъ и тутъ, а вы будете тамъ, на горѣ, или тамъ у окошечка? а размѣстившись, гдѣ кому на умъ взбрело: гдѣ поприютитѣ, или гдѣ попривольитѣ, гдѣ пораздольитѣ, гдѣ посподручитѣ. Оттого ложбина съ Рѣготовымъ-хуторомъ, въ зимнюю пору, казалась съ горы безмѣрной величины *лѣчами* съ мукою, въ которыя какой-то проказникъ метнулъ горсть гречневыхъ отрубей, а пожалуй и сажу.... Тьфу! ни одной улицы, гдѣ, лихою тройкой, доброму молодцу можно бы изъ конца въ конецъ, не поварачивая!... ни одной улицы, гдѣ возвышенный чей взглядъ могъ бы прямо-прямо, по прямой линіи!.. и упереться въ пустынность и безлюдье заселковъ!...

— А онъ, Васильку, и наші підводи! — говоритъ Кіндрать, указывая *ужалномъ* (²) внизъ.

»Де?»

— Та онъ же!

»А и справді!..«

И я несказанно обрадовался, что скоро буду межъ *нашими*....

— Ище й кибітка якась стоить тамъ! добавилъ Кіндрать.

Мы спустились внизъ и повернули къ подводамъ.

— Добридень, хлѣці! сказалъ отецъ подводчикамъ: — добридень!

»Добридень и вамъ, панѣче!« отвѣтили, кто былъ постарѣе.

— Съ празникомъ будьте здорові!

»Спасибі, будьте й ви здорові!«

— А щѣ, все благополучно?

»Да слава Богу, благополучно все.«

— Слава Богу! — повторилъ и отецъ, и, обращаясь къ Грицькѣ, прибавилъ: — возьми-ка его отсюда.

(¹) *Токи* — гѣмна.

(²) *Пужалмо* — кнутовнице.

Грицько вытасялъ меня и поставилъ возлѣ саней. Съ непривычки къ дальшимъ поѣздамъ, я отсидѣлъ себѣ ноги и съ трудомъ держался на нихъ. Впрочемъ, кое-какъ добрался до Оксентія, который, стоя возлѣ воловъ, давно ужъ мнѣ улыбался издали и подавалъ какіе-то сигналы.

— Онъ подивитця лишень туди!—говоритъ, когда я приковылялъ къ нему поближе, показывая рукою на кибитку, стоящую тутъ же, возлѣ хаты, и которую мы замѣтили еще съ горы.

Я повернулъ голову: кибитка прекрасная, и лошади прекрасныя, и кучеръ хорошо одѣтъ....

»Еслибъ намъ такую!»

— Да вы посмотрите на кучера!...

Я началъ смотрѣть и на кучера: борода длинная, смотреть на насъ, ухмыляется....

»Цапъ!...« вскрикнулъ я, совершенно забывъ, что недалеко и отецъ.

Дѣйствительно, это былъ цапъ! »Гора зъ горю, кажуть, не зходитца!« Вслѣдъ за тѣмъ показался изъ избы и баринъ его....

Нѣтъ необходимости рассказывать подробности этой встрѣчи. Скажу только, что послѣ квартированья у насъ, офицеръ, какъ я узналъ изъ рассказовъ, вскорѣ сильно заболѣлъ и гдѣ-то долго лежалъ въ госпиталѣ, что во время этой болѣзни онъ по какимъ-то причинамъ долженъ былъ подать въ отставку, а полкъ между тѣмъ ушелъ въ Польшу, а съ нимъ и Тоесь, и что теперь онъ возвращается на родину.

Мы здѣсь простояли часа три (подводы впрочемъ скоро отправились далѣе), и офицеръ съ покойникомъ отцомъ много выпили тутъ и рому, привезеннаго офицеромъ, и водки, купленной гдѣ-то тутъ же въ хуторѣ, такъ много выпили, что офицеръ на сани попалъ уже не самъ, а его вынесли, а отецъ даже попросилъ у хозяина *люльки* и выкурилъ цѣлую трубку махорки.

Да, на счетъ попойекъ отецъ былъ изъ людей стараго закала! Будучи человекомъ вообще весьма трезвымъ и не любя, что называется, бражничанья, онъ, если уже былъ въ необходимости пить, напрямѣръ, при встрѣчѣ съ пріятелемъ, котораго давно не видалъ, столько могъ глотать разныхъ спиртуозностей, что другіе, потерявъ всякую способность продолжать далѣе, уносины были съ поля битвы, а онъ — какъ ни въ чемъ не бывало!... Оживленнѣе только становился, пробуждалось только какое-то неодолимое желаніе забыться, закружить голову въ гло-

таніи новыхъ синртуозностей, въ табачномъ дыму, а за отсутствіемъ всего этого — въ быстрой ѣздѣ....

Въ молодые лѣта онъ курилъ постоянно табакъ, и тогда у него водились прекрасныя трубки; но послѣ, хозяйственныя и семейныя заботы, а главное — нежеланіе, чтобы сыновья переняли <sup>(1)</sup> эту привычку, неирятную, по его словамъ, во всѣхъ отношеніяхъ, а при неосторожности, и опасную, онъ пересилилъ себя, трубки и табакъ раздарилъ и совершенно пересталъ курить.... Но если случалось подгулять — *люльку!* махорка, виргинскій или какой ни пошло — подавай! и курилъ старикъ и рассказывалъ про свою молодость и про разную *давнину*, до тѣхъ поръ, пока не начинала кружиться голова. Тогда люлька прочь и — въ постель!

И ѣздить шибко онъ не любилъ и *нехазяйнáми* называлъ тѣхъ, кто ѣздитъ шибко: верхомъ всегда шагомъ, а въ повозкѣ или брчкѣ — маленькою рысцою. Но если подгулялъ и особенно если подгулялъ выше того градуса, съ котораго обыкновенно начиналъ курить, и если въ такую пору приходилось ѣхать — «торкай, торкай!» ворчалъ онъ возницѣ, — что уже значило: гони степняковъ, сколько выскочатъ легкія ихъ ноги! Замѣчу еще, что «торкай!» и «люльку!» являлись у старика и тогда, когда онъ глубоко былъ чѣмъ огорченъ, оскорбленъ, разгнѣванъ.

Дальнѣйшее путешествіе наше, вѣроятно, не представляло для меня ничего занимательнаго, потому что, въ памяти моей осталось не болѣе двухъ-трехъ картинъ.... Особенно одна картина сильно врѣзалась въ память.

Лошади едва передвигаютъ ноги, устали, даже гнѣдой жеребецъ усталъ... дѣло подъ вечеръ, погода *смурáя*; ни жи́ла, ни деревца, а только равнина и равнина свѣжная.... И на всемъ этомъ какой-то тусклый, какъ-будто съ желтымъ отливомъ, колоритъ... въ какомъ представляется все, когда или скорбь тяжелая у человѣка на душѣ, или нескончаемый недугъ томить его — сидить у окна, и безъ цѣли и участія глядѣть въ него, перенося унылый взглядъ отъ одного предмета къ другому.... И то скучно, и оттуда не ждаты утѣшенія!...

Грустный тонъ, бѣдная картина! Но отчего эта бѣдная картина могла пережить нѣсколько десятковъ лѣтъ и сохраниться въ памяти? Богъ вѣсть! Не могу припомнить ни тогдашняго состоянія своей души, и ничего предъидущаго или послѣдующаго: только въ какой-то глянстой дали свѣжное

(1) Вѣроятно, я и всѣ мои братья отъ того и вышли такіе *куртіи*.

пространство, лошади едва передвигаютъ ноги, какіе-то путники — туда, къ темному горизонту....

Знаю, мои друзья, что опять начинаю вдаваться въ подробности скучныя и для васъ неинтересныя, но снова повторяю, что сказалъ вначалѣ моихъ записокъ, въ *Родословной съ отцовской стороны* (1): »Разказываю эти подробности не для васъ, а для себя: такъ пріятно болтать о невозвратномъ дорогомъ дѣтствѣ! Притомъ, воспоминанія дѣтства, съ лѣтами, болѣе и болѣе стараются, — прикрѣпить же ихъ перомъ и черниломъ: на старость пригодятся подмоложивать черствую ея жизнь, какъ принадоблятся зимою засушенные лѣтомъ грибы« (2). Будемъ же прикрѣплять все, что ни попадетъ подъ перо! И на этотъ разъ прикрѣпимъ къ бумагѣ воспоминанія свои о гнѣдомъ жеребцѣ.

Я сейчасъ сказалъ: »даже гнѣдой жеребецъ усталъ«. Вы, можетъ быть, удивились этому *даже*, зная, что жеребцы въ ѣздѣ утомляются скорѣе всякой другой лошади? Не удивляйтесь! въ этомъ отношеніи, о гнѣдомъ жеребцѣ нельзя судить по жеребцамъ, какихъ мы обыкновенно теперь встрѣчаемъ. Это былъ прямолинійный потомокъ тѣхъ украинскихъ скакуновъ, на которыхъ предки наши переѣзжали задніпровскія степи, пускались въ наѣзды на Крымцевъ и, обремененные добычей, уходили отъ всевозможныхъ преслѣдованій: крѣпкій, быстрый, неутомимый! Однажды, зимою, покойникъ отецъ съ Андреемъ Бѣлоусомъ, большимъ любителемъ хорошихъ лошадей, возвращались изъ гостей, Андрей Васильевичъ на своей разудалой тройкѣ, а покойникъ — на гнѣдомъ жеребцѣ. Оба были навеселѣ, и имъ пришла охота пуститься въ перегонъ. Остановились, выровнялись и помчались.... Андрей Васильевичъ по гладкой дорогѣ, а покойникъ *манівцѣмъ*, по нетропутому снѣгу.... Почти три версты мчались, и тройка Андрея Васильевича не только не могла опередить гнѣдого, но даже поровняться съ нимъ, не смотря на то, что гнѣдой, какъ я сказалъ, шелъ не по дорогѣ, а *манівцѣмъ*, что онъ былъ сопряженъ *въ великі сани* и что на этихъ саняхъ сѣдѣлъ человекъ, могшій, по своей массивности и тяжести, потягаться, пожалуй, и съ самимъ Тарасомъ Бульбою.... Въ дѣтствѣ я самъ неоднократно ѣздилъ на гнѣдомъ (онъ былъ необыкновенно тихъ и послушенъ), леталъ на немъ по степу — птн-

(1) Эта часть записокъ Василя Петровича не издана въ свѣтъ.

(2) Не выпущено мною это мѣсто сколько для связи съ послѣдующимъ, столько и для того, чтобы читатель изъ словъ самого Василя Петровича могъ видѣть значеніе заключающихся въ ней подробностей, относительно ихъ достовѣрности.

ца, вихорь!... Быстротою, выносливостію, крѣпостію, неутомимостію, онъ превосходилъ всѣхъ лошадей отцовскаго табуна, какіе когда-либо у него были прежде и послѣ. Одной только онъ уступалъ лошади, *Блловору*, но это былъ конь! Я вамъ расскажу и о немъ.

Вы, можетъ быть, знаете, что въ Украинѣ попадались прежде, и даже теперь иногда попадаютъ, лошади, которыхъ мои земляки называютъ *бараньскі* (баранскіе). Почему онѣ такъ называются—никто не могъ миѣ объяснить: «Бараньскі, та й годі!.. батьки й діди звѣли бараньскими, и ми такъ звемо». Непріятная ихъ принадлежность: короткій некрасивый хвостъ, едва достающій до колѣнъ, короткая грива, иногда некрасивая, а иногда лоснящаяся, волнистая, небольшая длина и небольшой ростъ, способность держаться въ хорошемъ тѣлѣ, быстрота, выносливость, рыскаемость. Вотъ изъ этой-то баранской породы въ отцовскомъ табунаѣ была одна *мѣтка* (рыжей масти, съ прекрасною волнистою гривой). Много у нея было дѣтей, но замѣчательнѣе всѣхъ были двое: темно-сѣрой масти меринъ, *сивозалізій*, какъ у насъ говорятъ, и другой меренъ свѣтло-сѣрой масти, именованъ *Бѣлозоръ*, такъ прозванный за свои бѣлые глаза. Сивозалізого почти не помню: помню только, какъ ввалился на нашъ дворъ цѣлая толпа проходившихъ черезъ хуторъ линейныхъ козаковъ и купили его за 75 червонцевъ (цѣна по тогдашнему времени необыкновенно высокая); Бѣлозора же я помню хорошо, хоть ѣздить на немъ никогда не осмѣливался, по причинѣ безнѣрной быстроты его бѣга. Онъ такъ быстро бѣгалъ, что даже гнѣдой жеребецъ не могъ угнаться за нимъ, и не только тогда, когда Бѣлозоръ пускался во всю прыть, но и когда онъ несся рысью. Помню, однажды, въ лѣтніе сумерки, пустились мы съ Оксентіемъ въ степь, я—на гнѣдомъ жеребцѣ, а онъ—на Бѣлозорѣ.... Какъ теперь вижу эту, обаятельную для меня, картину моего дѣтства!.. вотъ-вотъ нагоню, вотъ уже гнѣдой почти достаетъ головой Оксентія; но Оксентій гикнетъ, Бѣлозоръ вытянетъ шею, закачается, и черезъ нѣсколько секундъ я слѣдъ простыла!.. опять догоню—опять исчезнетъ быстроногій... только далеко впереди слышится топотъ, да что-то бѣлое дрыжитъ впереди, словно призракъ ночи въ сѣдомъ туманѣ....

Вернитесь, озвітєся, літа мої!..

На Бѣлозорѣ совершались иногда такіе, наиримѣръ, поѣздки. Разъ покойникъ отецъ былъ у одного пана, верстъ за сорокъ пять или за пятьдесятъ (это было въ зпичію пору, за мѣсяцъ или за полтора до

моего отправленія въ городскую школу). Довольный, что ему удалось заключить тамъ одну сдѣлку, и немножко подгулявшій, старикъ не захотѣлъ ночевать въ гостяхъ и — послѣ ужина — домой: »торкай!...« Къ полуночи онъ былъ уже въ хуторѣ! Подвигъ этотъ Бѣлосора покажется еще громаднѣе, если, съ одной стороны, припомнимъ, что ѣхали ночью и что, слѣдовательно, какъ обыкновенно бываетъ въ ночныхъ поѣздкахъ, главная тяжесть поѣздки выпала на долю коренного, а съ другой стороны, если прибавлю еще, что дорога, по которой ѣхали, была узенькая, вьющаяся въ лозахъ и очеретахъ, и что, слѣдовательно, скакуны, какъ тоже обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, больше мѣшали Бѣлосору, чѣмъ помогали.

Поѣздка эта, впрочемъ, была причиною гибели бѣднаго Бѣлосора. Пріѣхавъ домой поздно, подгулявшій старикъ, противъ своего обыкновенія, не наблюлъ, какъ распорядились съ измученными животными, а возница ограничился только тѣмъ, что, распрегши, прицѣпилъ ихъ къ пустымъ яслямъ и улегся спать. Жажда заставляла бѣднаго Бѣлосора перервать поводъ, и прямо къ рѣкѣ, къ *ополодникъ*... Къ утру у Бѣлосора явился *наскѣдникъ*, а къ вечеру бѣдняга издохъ... Уже на чтó покойникъ отецъ былъ тугъ на слезы, но и онъ плакалъ надъ добрымъ животнымъ, которому и цѣны никто не умѣлъ у насъ *сложитъ*!... Бѣлосоръ зарытъ былъ въ глубокую яму, и пока земля сверху не замерзла, по ночамъ стояла сторожа: этимъ почтили память добраго животного, чтобы собаки или волки не могли разрыть ямы и не растащили бы по дѣсамъ и очеретамъ костей, созданныхъ природою для широкихъ степей и волныхъ раздоловъ . . . . .

Утро <sup>(1)</sup> было теплое; въ воздухѣ носился легкій туманъ; лошади ступали тяжело, сани скользили невесело... Словомъ, обстановка была изъ тѣхъ, которыя располагаютъ душу къ печальному, или къ *кислому*, настроенію, какъ выражаются Поляки.

Сидя по прежнему у ногъ отца, я болѣе и болѣе сосредоточивался въ себѣ, съѣживался, такъ-сказать, и духовно, и тѣлесно... зарывался поглубже въ тулузы и угрюмо молчалъ, хотя по природѣ былъ любопытенъ и любилъ разузнавать обо всемъ, что встрѣчалось мнѣ въ первый разъ, хотя отецъ, по видимому, расположенъ былъ болтать со мною

(1) Разсказъ о пріѣздѣ къ пану, у котораго купленъ дѣсь, какъ проведена ночь и проч., нами пропускается, какъ представляющій особеннаго интереса. Здѣсь Василій Пегровичъ, впервые, изъ аханій и соболѣзнованій *мнѣи*, болѣе или менѣе узнаеть, чтó такое городское училище....

и удовлетворять моему любопытству, и новых предметов представлялось много. Это, например, множество обгоняемых нами подводъ, идущихъ въ ту же сторону, куда и мы, и нагруженныхъ дровами, очетомъ, мѣшками съ хлѣбомъ, — чья оня, куда ѣдутъ, за чѣмъ? или, что это за подводы, запряженные, не паромъ воловъ, какъ дѣлается у насъ, а однимъ воломъ? (1) И какъ это смѣшно, и какое ярмо смѣшное!...

Вотъ какая-то перекладина впоперекъ дороги, пестрая, на столбахъ! Мы остановились, какіе-то пьяные обыскиваютъ, нѣтъ ли у насъ водки.... Вотъ потянулись по обѣимъ сторонамъ дома — я ихъ не разглядѣлъ хорошенько, не до нихъ мнѣ.... Вотъ и площадь какая-то: евреи и еврей, а тамъ какія-то длинныя *коморы*, отецъ говорить — лавки.... »Лавки?...« охъ, когда бѣ про училище забыть!...

Вотъ снова въ какую-то улицу, — впереди церковь, тутъ, вѣрно, гдѣ-то и училище... вѣрно, тутъ меня бросать....

Я перевелъ духъ тогда только, когда, у самой церкви, лошади поворотили круто направо, начали спускаться съ горы, и впереди открылись луга, поля, — видъ за городъ....

»Вѣрно забылъ про училище!« и я слѣдѣлъ еще неподвижнѣе, не смѣлъ и пошевелинуться, боясь напомнить о себѣ....

На полгорѣ лошади поворотили назадъ, мѣстность становилась безлюдною — съ одной стороны оврагъ, а съ другой — высокій валъ, — и только по склону послѣдняго гнѣзились еще кое-гдѣ небольшіе домики....

»Се вже за городъ?« осмѣлился наконецъ я отозваться. — »Направо!« раздалось, какъ бы мнѣ въ отвѣтъ, надъ головою, и лошади, своротивъ съ дороги, шагомъ пошли по тропинкѣ, прорѣзанной вдоль отлогости вала и заканчивающейся сквозными воротами....

Какъ мы взѣхали на маленькій дворъ, какъ остановились, вошли въ хату, — ничего не помню. Воспоминанія мои начинаются съ того времени, когда мы были уже въ хатѣ и сидѣли съ отцомъ на лавкѣ.

Возлѣ насъ, съ правой стороны, стояла и чистила рыбу очень стройная, дѣвушка, лѣтъ пятнадцать или шестнадцать, съ рябоватымъ отъ оспы, но довольно красивымъ и пріятнымъ лицомъ, — Устя, мой будущій врагъ и мучитель, а напротивъ насъ, за верстатую, ткачъ Хомъ, высокій, тощій, съ орлинымъ носомъ, съ добродушнѣйшимъ, какое только можно себѣ представить, лицомъ... съ небритою бородою и съ небольшою лысиною по самой срединѣ головы, вслѣдствіе чего верхняя ея

(1) Т. е. *бокуньма*.



часть напоминала нѣсколько соломенныхъ покрышки на ульяхъ: сверху гладкія закругленныя, а внизу широкія, растопыренныя, — Хома, мой будущій другъ и защитникъ отъ Усти... Устя и Хома, особенно послѣдній, очевидно, давно были знакомы съ отцомъ и разговаривали съ нимъ, какъ давно знакомые. Изъ разговоровъ ихъ я узналъ, что Устя — хозяйская дочка, — что она изъ сомовъ приготовитъ *юшку*, какое намѣреніе отецъ, большой любитель рыбы и рыбныхъ блюдъ, очень похвалилъ, — хозяйинъ въ какомъ-то караулѣ, а хозяйка на базарѣ булки продаетъ....

Вообще, первое впечатлѣніе этой свѣтленькой хаты и встрѣченныхъ тамъ людей было какое-то располагающее.

Черезъ нѣсколько минутъ отецъ обратился ко мнѣ: — А ну, говорить, Васильку, пойдѣмъ!...

Мы пошли... Долго мы шли и пришли къ той церкви: инстинктъ не обманулъ меня, что училище тамъ, возлѣ этой церкви.

Вошли въ какой-то дворъ.

— Здѣсь живетъ смотритель? — спросилъ отецъ какого-то человѣка, хлопотавшаго по двору, отставнаго солдата и, какъ я послѣ узналъ, училищнаго сторожа.

»Здѣсь!«

— Дома онъ?

»Дома!«

Черезъ нѣсколько секундъ мы очутились въ низенькой, но просторной комнатѣ, плохо освѣщенной дневнымъ свѣтомъ, и предъ нами какой-то панъ, тощенькій, угрюмый, съ длинными руками и узенькими полосками волосъ на щекахъ... Я сей-часъ догадался, что этотъ панъ — смотритель, какъ его называлъ отецъ. Лѣвою рукою онъ придерживалъ полы своего стеганнаго ситцеваго халата, а правую чесалъ его спинку... Славныя это были руки! съ ними еще не разъ прійдется намъ встрѣтиться.

— Что вамъ нужно? — спросилъ панъ у отца.

Старикъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и подалъ какія-то бумаги. Смотрѣлъ въ нихъ, смотрѣлъ, ворчалъ - ворчалъ, и заключилъ сердитымъ: »нельзя!«

Слѣдуютъ доказательства, что — можно, но рѣчь прервана новымъ »нельзя«, еще болѣе сердитымъ.

»Авось-либо!« радостно подумалъ я...

Отецъ немного подумалъ... потомъ полезъ въ карманъ, вытащилъ *капшукъ*, развязалъ, вынулъ нѣсколько карбованцовъ и положилъ ихъ на столъ. »Прошу«, говорить, »покорно!«

Панъ искоса взглянулъ на столъ, потомъ, тоже искоса, но ужъ нѣсколько меланхолически, на боковое окно, и наконецъ устремилъ суровый взглядъ на меня.

— Чему ты учился?

Я смѣшался и началъ смотрѣть на отца.

— Кажи жъ, що ти вчивъ!

»Я училъ «О добромъ сынѣ», «Какъ Маша клала въ ротъ иголки и булавки....»

Хотѣлъ было даже рассказывать содержаніе этихъ исторій.

— Дуракъ! Арифметикъ и Закону Божию учился?... Ну, какъ Авраамъ хотѣлъ заклать Исаака?

»Ножемъ!« прошепталъ я едва слышнымъ голосомъ.

— Но-жеееемъ!!прошепталъ и смотритель, передразнивая меня... — Дуракъ! по повелѣнію Божию, а не ножемъ! Нѣтъ, заключилъ онъ, обращаясь къ отцу: — его нельзя принять — онъ и въ первый классъ не годится.

Отецъ молча вынулъ и положилъ на столъ еще нѣсколько карбованцовъ.

— А читать ты умѣешь?

»Умѣю!«

— И церковное умѣешь?

»Умѣю!«

— Ну, прочитай! и сунулъ мнѣ подъ носъ »Чтеніе изъ Евангелистовъ«.

Я пречелъ нѣсколько строкъ.

— Хорошо! читаетъ хорошо! пожалуй въ приходское можно бы.

Снова нѣсколько карбованцовъ.

— Ну, хорошо ужъ, хорошо! Пусть ходитъ! Только вамъ надобно еще побывать у учителя: онъ *тоже добрый человекъ*.... Чего нельзя—нельзя, а что можно—можно!... Мы рады, если къ намъ *хорошіе* ученики....

А вѣдь, если сказать правду, его, этого смотрителя, любили и дѣти, и родители: первые потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ не злой человекъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ остальнымъ училищнымъ штатомъ, а послѣдніе, что онъ велъ дѣла свои, какъ говорится, на чистоту, не ломался, ясно показывалъ, чего нужно.... А что онъ любилъ чужіе карбованцы — кто же изъ насъ не любитъ ихъ, такъ ли, или иначе?! Это ужъ у насъ въ крови, должно быть, такой порядокъ.... Вѣдь правду я го-

ворю? Моя рѣчь къ вамъ, Александръ Степановичъ и Иванъ Пиколаевичъ, къ вамъ А. Б. В. et cetera!

Приходимъ къ учителю. Александръ Прохоровичъ, съ трубкою въ зубахъ, сидитъ на стулѣ и, очевидно, приготавливаетъ себя къ послѣобѣденному сну.

Но полно, мои друзья! на одинъ разъ слишкомъ много объ этомъ!

Когда вышли отъ Александра Прохоровича, отецъ: »Ну«, говоритъ, »вотъ ты, Васильку, и въ училищѣ!«

Воротились на квартиру . . . . .

. . . . .  
 . . . . . Начали собираться къ обѣду. По просьбѣ отца, Хома принесъ *юрілки*, сѣли за столъ.

За обѣдомъ ѣли, пили, вели бесѣду: ѣли юшку съ молодыми сомами, пили горилку и вели бесѣду о чемъ? не знаю: скорбная душа моя была въ это время далеко, далеко!...

Пообѣдали.

— Запьемó жъ! говоритъ отецъ и, взявши въ правую руку *пляш-ку*, а въ лѣвую чарку, налилъ немножко водки и подалъ мнѣ: —Вишій! Я не зналъ, что дѣлать.

— Вишій, вишій! сѣгодня годѣтця тобі, сѣгодня твѣй день.

Я выпилъ.

Отецъ снова налилъ, но ужъ полную чарку, поднесъ ее ко рту и тихо заговорилъ:—Царство жъ небеснее моимъ родителямъ!.. не хотѣли вони менѣ вчить—спасибі и за те!... А я хóчу, щобъ ти вчѣвся—чúешъ? хóчу... Учѣся-жъ дóбре! дóбре, сину, вчѣся — чúешъ? щобъ потіхою бувъ мáтері на старість....

Я заплакалъ.

— Якъ вѣвчѣся дóбре и бóду я на тѣмъ свѣті—згадай коли нѣбудь и менѣ, нелихѣмъ слóвомъ—не ледáщо, мовъ, бувъ у мене бáтько!...

Я заплакалъ еще сильнѣе.

— Не плачь, сину, не плачь!.. не плачь!...

По я плакалъ и плакалъ... и изъ-за стола встали, и лошадей подали отцу, и простились мы съ нимъ, и вы́халъ онъ за дворъ, а я плакалъ....

Но когда Хома хотѣлъ затворить ворота, я съ крикомъ бросился къ нимъ: Батюшка, батюшка, не кѣдайте менѣ!...

Старикъ послышалъ, поворотилъ голову и погрозилъ мнѣ пальцемъ!..

М. Н о м и с ь.

С. П. 1858 г. 1 Декабря.

# ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

## III.

### АРТЕМОВСКІЙ - ГУЛАКЪ.

Литературная дѣятельность Котляревскаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, рѣзко бросающихся въ глаза критику нашего времени, имѣла важныя послѣдствія. Своею пародіей и двумя театральными пьесами онъ напомнилъ Украинцамъ, что у нихъ есть родной языкъ не для того только, чтобъ выбрать несправнаго мужика. Даже и его пѣсня *Віють вітри* имѣетъ свое историческое значеніе. Панночки временъ Котляревскаго, дѣйствиємъ чужеземнаго воспитанія, сдѣлались неспособны понимать высокія красоты нашихъ народныхъ пѣсень и стыдились пѣть ихъ въ своемъ кругу. Пѣсню, сочиненную Иваномъ Петровичемъ, вхожимъ во всѣ знатныя полтавскіе кружки, было не стыдно спѣть за фортепьяно: то была не мужицкая пѣсня, да и чувства въ ней выражены такъ деликатно, какъ и въ романахъ Капниста. Содержаніе, тонъ и складъ пѣсни Котляревскаго приглясь по силамъ и вкусу современныхъ ему кружковъ семейныхъ, точно, какъ легкій супъ — для разстроеннаго желудка; и кто знаетъ? можетъ быть, она провела за собой не одну народную пѣсню въ то общество, которое давно уже пренебрегло звонкоголосую и прямодушную степную музу. По крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что другія сочиненія Котляревскаго дали законность появленію украинской простонародной рѣчи на бумагѣ. Мы знаемъ нѣсколько подражаній собственно *Енеидѣ*, которыя никакъ не могли добиться печати за множествомъ книжицъ, обѣщавшихъ издателямъ болѣе вѣрный

сбыть <sup>(1)</sup>. Подражанія эти начались еще при жизни Котляревскаго и, конечно, не подвинули украинской литературы ни на волосъ впередъ; но жужжанье стиховъ украинскихъ, въ такъ называемыхъ патриотическихъ кружкахъ, дѣлало свое дѣло: оно, точно колокольчикъ сказочнаго Вадима, манило Украинцевъ въ какую-то невѣдомую имъ область, непохожую на то, что они знали въ печатномъ мѣрѣ. Можетъ быть, были и болѣе самостоятельные опыты въ стихахъ и прозѣ, съ проблесками таланта истиннаго и вкуса вѣрнаго, но оставались скрытыми отъ разбор-

(1) Въ дѣтствѣ я имѣлъ въ рукахъ разговоръ двухъ поселянъ о похоронахъ черниговскаго архіепископа. Слѣдующіе стихи, сохранившіеся у меня въ памяти, состоятъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ *Енеидою* Котляревскаго:

Тамъ намазѣвано и пѣкло,  
 Такѣ страшнѣ, що ажъ бѣда..  
 Оттамъ, бра, дѣшно, тамъ и тѣпло!  
 Смола течѣ такъ, якъ вода, —  
 Течѣ зъ гадюки, та я палає,  
 А чортъ людей туді таскає.  
 Лиха годіна за гріхія!  
 Було проступиши хочъ не хотя,  
 Якъ прийде вийтъ до насъ воркота,  
 Таскати прикаже въ млинъ михі,  
 Абб у вѣнницю по дроба, —  
 Забѣдешъ, и плѣчи що болять....

Укажу еще на стихи подъ заглавіемъ *Вакѹла Чмиръ*, написанные въ концѣ *Грамматики Малороссійскаго Нарѣчія*, Павловскаго, какъ на смѣхотворство безъ определенной цѣли, въ духѣ *Енеиды*. Вотъ ихъ образецъ:

Кричавъ, вищавъ,  
 Стогнавъ, пищавъ,  
 Такъ ніхто не чує,  
 Що сей козакъ  
 У полі такъ  
 Злиденно ночує.  
 Въ біді заснувъ;  
 Якъ же скрепнувъ  
 Морозъ, та ще вгрѣчий,  
 Такъ и ноги  
 До дорѣги  
 Примѣзли и плѣчи.  
 Відъ сей хвѹги  
 Ёго руки  
 Заклякли и губи:  
 Лежать козакъ,  
 Якъ повний макъ,  
 Изціпивши зѹби.

чивых цѣнителей, подобно обнародованному мною въ *Хатль* разсказу Иродчука, лѣтъ двадцать или тридцать ваявшемуся въ хозяйственныхъ бумагахъ помѣщичьяго семейства. Что касается до печатнаго міра, то едва черезъ двадцать лѣтъ послѣ перваго изданія *Енеиды* появился преемникъ Котляревскаго въ украинскомъ стихѣ. То былъ г. Артемовскій-Гулакъ.

Около сорока-пяти лѣтъ тому назадъ, грамотные земляки наши, Харьковцы, основали у себя періодическое изданіе, подъ заглавіемъ: *Украинскій Вѣстникъ*. Образцами для нихъ, очевидно, служили журналы петербургскіе и московскіе. Издатели были не въ силахъ создать своеобразный литературный органъ, и, рядомъ съ небынными статейками о Малой Россіи, о гетманѣ Хмельницкомъ, о Сковородѣ, помѣщали стишки и прозу во вкусѣ *Сына Отечества* и *Сверзнаго Архива*, издаваемаго приснопамятнымъ Булгаринимъ. Возрожденіе украинской народности не было въ то время дѣломъ общаго одушевленія или глубокихъ соображеній передовыхъ умовъ. Оно совершалось болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, и единственнымъ украинскимъ писателемъ стоялъ, покаместъ, на пустой аренѣ Котляревскій. Но сила вещей взяла свое, и *Вѣстникъ*, только по имени украинскій, черезъ два года по своемъ основаніи, представилъ образцы дѣйствительно украинскихъ стиховъ и прозы. Неожиданно явился продолжатель дѣла, начатаго Котляревскимъ, и въ первомъ своемъ опытѣ, подъ заглавіемъ: *Панъ та Собака*, обнаружилъ, что задача украинской словесности, послѣ изданія *перелицеванной Енеиды*, сдѣлалась уже гораздо серьезнѣе. Это стихотвореніе принято было тогдашнею публикою съ восторгомъ и, не смотря на то, что авторъ подписался подъ нимъ только буквами .....ъ .....ъ .....ъ, сдѣлало имъ его популярнымъ между Украинцами (1). Къ сожалѣнію, г. Артемовскій-Гулакъ не напечаталъ потомъ ничего равносильнаго первому своему опыту, а наконецъ и совсѣмъ пересталъ появляться въ печати. *Украинскій Вѣстникъ* прекратился въ началѣ 1821 года и сдѣлался теперь библиографическою рѣдкостью. Стихотворный разсказъ *Панъ та Собака* долго ходилъ въ рукописи, по своемъ обнародованіи въ этомъ журналѣ, но стихи Шевченка увлекли вкусъ немногочисленныхъ любителей украинской словесности въ другую сто-

(1) Авторъ *Пана та Собака* только въ 1827 году напечаталъ полное свое имя подъ балладою *Теродовскій*, напечатанною въ журналѣ *Славянинъ* и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

рону, и теперь ужъ рѣдко гдѣ можно встрѣтити знаменитое произведе-  
ніе третьяго украинскаго писателя. Между тѣмъ въ исторіи нашей сло-  
весности оно составляетъ явленіе, мимо котораго ни одинъ критикъ не  
пройдесть не остановившись, и потому, прежде чѣмъ показать его особен-  
ности, мы представляемъ его цѣлкомъ нашимъ читателямъ.

### ПАНЪ ТА СОБАКА.

На зѣмлю злізла нічъ.... нігдѣ ані шишірхне,  
Хибá то дѣ-куди крізь сонъ що-небудь пірхне.  
Хочъ въ око стрель тобі — такъ тѣмно на дворі.  
Уклáвся місяць спать, пѣма ані зорі,  
П лѣдві крадькомá якá малѣнька зірка  
Зъ-за хмáри вйгляне, непáче мишь зъ засіка.  
П небо, и землі — усѣ одпочивá;  
Все нічъ підъ чорною запáскою ховá.  
Одінъ Рябко, одінъ якъ пáлець, не дримáе:  
Худобу пánську, мовъ братъ рідний, доглядáе.  
Бо дáрмо істи хлїбъ Рябко нашъ не любивъ:  
Івъ за пятѣхъ, алé тѣ івъ, що заробивъ.  
Рябко на пánському дворі не спить всю нічку.  
Колибъ тобі на сміхъ було де вйдно свічку,  
Аббъ въ селі де на опічку  
Маїчивъ каганецъ.  
Всі сплять, хропуть,  
А дѣ-які сопуть.  
Ужé и панотецъ,  
Прилізши нзъ христїнъ, до утрени похáвся....  
А нашъ Рябко, кажú, все спáтки не вкладався.  
Знай неборáкъ ганá то въ той, то въ сей кутóкъ:  
То зазирне въ курнїкъ, то — дѣйко до свинóкъ!  
Спитá: чи всі такі живѣнькі поросáтка,  
Индїки та качкї, курчáтка и гусенáтка?  
То звїдтїль навпростецъ  
Махáе до овець,  
До клóуні, до стїжкївъ, до стáні, до оббри;  
То зновъ назáдъ чимъ дужъ, — щобъ чáсомъ Москалі  
(А їхъ тогдї було до хрїна на селі),  
Щобъ Москалі, мовлївъ, не вбрáлись до комбри.  
Не спять Рябко та все такъ гáвка, скаучїть,  
Що сучий синъ, коли ажъ въ ўхахъ не лящїть!  
Все дýма: якъ би то піддóбритьда підъ пáна?  
Не зна жъ, що не мине Рябкá обрадовáння!

Якъ гавъ, такъ гавъ, покi свiнѣло на дворi;  
Тодi Рябкo прoстiгъсь, захрiпъ въ своiй норi.  
Чому жъ Рябкy не спать? чи знавъ виъ, що зъ нимъ бѣде?  
Заснувъ виъ смiачно тiакъ, якъ сплять всi добрi люде,  
Що щiро стережѣть добра своiхъ панiвъ....

Якъ ось — трусъ, гiлaсъ, крiкъ!... весь двiръ загомiвъ:

»Цу-цy, Рябкo! на, нi! сюдi Рябкi кликнiте.«

— »Ось-ось я, бiтечкi!... чoгo ви тамъ? скажiте!«

Стрiбi Рябкo, вертiтъ хвостiмъ,

Ценiаче помелiмъ,

И знай дурнiенькiй скiлпъ зѣби

Та лiже гѣби.

»Ужe жъ, бачъ, дѣма виъ, »не дѣрно це въ дворi

Одъ сiмоi тоби зорi

Всi пiцькаютця коло мѣне:

Мабѣтъ, самъ Панъ звелiвъ вiддiтъ Рябкy печѣне

И щo зостiлося варѣне

За тe, що, бачъ, Рябкo всю Божу нiчь не спавъ,

Та гiвкавъ на весь ротъ, злодiвъ одганiвъ.«

— »Цу-цy, Рябкo!« ще разъ сказавъ одiнъ псiюха....

Та и ханъ Рябкi за ўха!

»Кладiтъ Рябкi!« гукнѣвъ... Ажъ ось и Панъ прибiгъ.

»Лупiтъ Рябкi!« сказавъ; »чухрiйте!... ось батiгъ!«

— »За щo?« спитавъ Рябкo; а Панъ кричiтъ: »Чухрiйте!«

— »Ой! ёй! ёй! ёй!« а Панъ iмъ вiаже: »Не вважiйте!«

— »Не бѣду, бiтечку!... За щo жъ це честь така?«

— »Не слѣхай!« панъ кричiтъ; »лупiтъ, дерiтъ Рябкi!«

Дерѣтъ Рябкi, мовъ пiрѣя,

На гiлaсъ збiгласъ двiрня:

»Щo? якъ? за щo? про щo?« — Не знае нi одiнъ.

»Пустiтъ!« кричiтъ Рябкo: »не будь, я пiськiй спiъ,

Колi вже вдержу бiлшъ!...«

Рябкo пашъ хочъ не брѣше,

Такъ що жъ? Явтѣхъ Рябкi все знай по жiвкахъ чѣше.

»Пустiтъ, швидчiй пустiтъ!« Панъ на весь ротъ гукнѣвъ,

Та и зъ хiти самъ умкнѣвъ.

»Пустiтъ!« гукнѣли всi: »Рябкo вже вдоволився!«

— »Чимъ, люде добрi, такъ оцѣ я провпiвся?

За щo жъ глузѣете?« сказавъ нашъ неборiкъ;

»За щo знущiаетесь, ви надо мпiю такъ?

За щo, за щo?« сказавъ, та и попустiвъ патѣки,

Патѣки гiркихъ слiзъ, узiвшися за бiки.

— »За тe, сказавъ одiнъ Рябкovi зъ наймптiвъ,

»Щобъ не колiшкавъ ти вночi своiхъ Панiвъ;

За тe... алѣ щo тутъ?... ходiмъ, Рябкo, лишъ зъ хiти:



Не дуже, бачу, ротъ тутъ можна роззявляти.  
Ходімъ, Рябко, на двір'я.»

— Пішли.

— »Се не пустея,

Сказавъ Явтухъ Рябку: »оце тебе за те  
По жижкахъ, бра Рябко, такъ гáрно пошмагали,  
Що Панъ изъ Пáнею сю цілу нічъ не спáли.«  
— »Чи виненъ я сѣмъ? Чи ти, Явтухъ, здуривъ?»  
— »Гай, гай!« сказавъ Явтухъ. »Рябко! ти знавси́ня;  
Ти виненъ, бра Рябко, що нічю розбрехався:  
Ти жъ знавъ, що вчора нашъ у кáрти Панъ програвся!

Ти жъ знавъ,

Що хто програвъ,

Той чóрта (не тепѣрь на спóмники) здримає, —  
Той бáтька рідного, розсѣрдившись, програве!  
Ти жъ знавъ, кажу, Рябко, що Панъ не бóде спать.  
До чóго жъ гáвкавъ ти? на щó жъ було гарчати?  
Нехай би гáвкавъ самъ, а ти бѣ уклáвся тихѣнько,  
Забравшись въ ожередь, та й спавъ би тамъ гарнѣнько.  
Тепѣрь ти бáчпшъ самъ, що мóкрпмъ вінъ раднóмъ  
Напáвся на тебе, и знай верзе прптьмóмъ:  
Що грóшей вчора вінъ процáндривъ щось не грóхи;  
Що Пáню черезъ те всю нічъ кусали блóхи;  
Що бóдимъ вчора вінъ грати въ кáрти бѣ не сідáвъ,  
Колі́ бѣ сѣгóднішню бувъ нічъ хочъ закунявъ;  
Що бóдимъ ти, Рябко, такъ гáвкавъ, якъ собáка;  
Що бóдимъ по тобі похóдять ще й ломáка;  
Що бáчця ти ёму остівъ, надосолівъ,  
И бáчця вінъ тебе за те й прохворостівъ.  
А бачъ, Рябко, а бачъ! не гáвкай, не ганя́йся;  
Ляжъ, хіриши, та й мовчи́, и зъ Пáномъ не ривни́йся.  
Чóго брехати́? нехай нашъ Панъ здоровий бóде,  
Вінъ самъ и безъ собáкъ сю пáнцицу одбóде.»

Послúхавъ нашъ Рябко порáди Явтухá.

»Нехай тяжка ёму година та лиха«,

Сказавъ, »щобъ за моє, якъ кáжуть, жéто

Та ще менѣ и б́ито!

Колі́ моє не въ ладъ,

То я зъ своїмъ пазáдъ.

Чи бáба зъ вóза, — що жъ? велика дóже вáда!

Кобилі́ легший в́изъ, сѣму коби́ла и рáда.«

Отгáкъ серде́га нашъ Рябко помі́рковáвся,

Та й спать на ці́лий день и ці́лу нічъ пошкáвся.

Засну́въ Рябко, захри́шъ, ажъ ожередь трясѣтця;

Рябкú й не спітця, й не верзётця,  
 Що вже Москаліки въ комбрі й на дворі  
 Скрізь нішпорять, мовъ тутъ вони й господарі,  
 Що вовкъ ягнать, а тхирь курчатокъ убірале....  
 Ажъ тутъ и на дворі тужъ-тужъ уже світае.  
 »Цу-цú, Рябкó!« тутъ всі, повнибігавши зъ хатъ,  
 »Цу-цú, Рябкó! на, на!« гукну́ли якъ на гвалть.  
 А нашъ Рябкó тобі п'усомъ не моргае;  
 Хочъ ч́е, та мовъ спить и мовъ не дочувае.  
 »Теперъ-то«, д́ума вінъ, »міи Панъ всю нічку спавъ,  
 Бо не будівъ ёго Рябкó и не брехавъ;  
 Теперъ-то вінъ мені свою покаже дяку;  
 Теперъ уже не втре мені, якъ вчóра, ма́ку!  
 Пехай цуц́кають... менé смъ не зведутьъ,  
 Поки самі сюді обідъ не принесутьъ.  
 Та ще й тогді, не бійсь, поскáчуть коло мене,  
 Поки возьмú я въ ротъ хочъ стра́ву, хочъ печене́!»  
 — »Цу-цú!« сказавъ ище Рябкóві тутъ Явтухъ;  
 »Цу-цú!« зад́ихавшись, мовъ зъ ёго перло духъ.  
 »Ходімъ, Рябкó!«

— »Эге, ходімъ! Не д́уже квапса,  
 Самъ принеси сюді.«

— »Иди жъ хутч́ий, не ба́вси!«

— »Ба не піду, Явтухъ!«

— »Иди, бо кліче Панъ!«

Сказавъ, та й зашморгнувъ на ши́ї вінъ арканъ.  
 »Чешіть Рябкá!« гукну́въ... ажъ тутъ їхъ щось зъ десятокъ  
 Вліпали зъ сотеньку кнівъ Рябкú въ завдатокъ.  
 »Лупіть Рябкá!« кричать тутъ Панъ, якъ навісний;  
 Рябкó жъ нашъ тільки вже що тёплий та живий.  
 Разівъ изъ шість Рябкá водою одливáli,  
 И стілько жъ разъ ёго, одливши, зновъ шмагáli,  
 А потімъ перестáli.

Рябкó спитать хотівъ, алé Рябківъ язикъ  
 Бувъ въ роті спутаний, ненáче ну́томъ зъ лигъ,  
 И герготавъ щось, якъ на сідалі нидикъ.  
 »Постій!« сказавъ Явтухъ Рябкóві, »не турбу́йся,  
 Я правду всю скаж́у: »Отó, Рябкó, шану́йся,  
 Дóбра своїхъ Панівъ, якъ óка, стереж́и,  
 Зарáння спать не квапса, въ солóму не б́иж́и,  
 Злод́ивъ обган́ий та гáвкай на звірюку.  
 Не гáвкавъ ти, Рябкó, — за те жъ ми, бачъ, въ на́уку,

Изъ лáски, зъ м́лости Панівъ,

Вліпали сотенкъ изъ п'ять тобі кнівъ.«

— »Чорт́и б́ уби́въ твогó, Явтухъ, зъ Панáми ба́тька

И дѣдину, и дѣдка

За лѣску ихъ!» сказавъ Рябко тутъ на-одрѣзъ.  
Нехай имъ служить бѣльшъ рябий въ болѣти бѣсъ!  
»Той дурень, хто дурнѣмъ идѣ Панамъ служити,  
А бѣльшій дурень — хто имъ дѣма угодити!  
Годивъ Рябко имъ, мовъ болячці и чиряку,

А щѣ жъ за те Рябку?

Сяку мать та таку!

А до того щѣ сворбли батогами,

А за вислугу палюгами.

Чи гавкае Рябко, чи мѣвчки нічтю спить,  
Все випадѣ такі Рябка притѣмомъ побить.

Ужѣ мені, бачу, чи то туді — висѣко,

Чи то сюді — глибоко;

Повѣрнеся сюді — и тѣта гарячѣ;

Повѣрнеся туді — и тамъ-то болячѣ.

Хочъ би я тѣсто вниѣс псяюсі наъ дѣжею,

То бѣ винъ розтѣвкѣ и ту надѣ спѣною моєю.

Зѣ ледѣчимъ все бѣда: хочъ вѣртъ-крутъ, хочъ крутъ-вѣртъ,

Винъ найде все тобѣ хочъ въ черепѣчку смерть.»

Котляревщина отозвалась въ Артемовскомъ-Гулакѣ прежде всего ямбомъ, несвойственнымъ украинской народной поэзіи. Шевченко, поэтъ иной эпохи и иного полета, уклонился отъ ямба при самомъ началѣ своего литературнаго дѣла, какъ ни соблазнительно звучалъ тогда ямбъ въ прекрасныхъ стихахъ Пушкина. Во всемъ *Кобзарѣ*, первомъ блестящемъ своемъ опытѣ, не обратился Шевченко къ этому размѣру. Г. Артемовскій-Гулакъ раза два, въ немногочисленныхъ стихотвореніяхъ своихъ, оставляя ямбъ, и стихъ его отъ одного этого становился ближе къ народнымъ пѣснямъ, которыя служили для Шевченка единственнымъ образцомъ тона и вкуса.

Но, независимо отъ метра, въ складѣ рѣчи и въ манерѣ разсказа г. Артемовскаго-Гулака, отзывается также Котляревскій.

На зѣмлю злізла нічъ....

Хочъ въ око стрѣль тобѣ, такъ тѣмно на дворѣ;

Уклався місяць спать....

И лѣдві крадькома яка малѣнька зірка

Зѣа хмѣри вигляне, ненѣче мпшь зѣ засѣка.

Въ своемъ родѣ, это превосходные стихи, но они какъ-будто написаны тѣмъ же перомъ, что и слѣдующіе:

Бурхнуло зѣ неба, мовъ пѣзъ бѣчки,

Що промочило до сорѣчки;

То дріаза въ-рбстпчъ всі дазі.  
 Тройніці стаіли всі, якъ хлюща;  
 Імъ лучплася невсппуща;  
 Не раді и дощъ булі (Енеїда, ч. II.).

У Котляревського есть даже стихи, буквально похожіе на начало *Папа та Собаки*:

Якъ тільки та сумрачна, темна  
 Изъ пєба злізла чорна пічъ,  
 Година жъ стала дуже пєвша,  
 Якъ повтікали зірки прічъ. (Енеїда, ч. III.)

Только эти стихи слишкомъ ничтожны сравнительно съ стихами г. Артемовскаго-Гулака. Литературныя требованія очевидно были въ его время ужъ не тѣ, что во времена Котляревскаго, да и таланты авторовъ были не равны. Мы думаемъ, судя по первымъ опытамъ г. Артемовскаго-Гулака, что явись онъ въ наше время, съ своимъ сильнымъ и гибкимъ стихомъ и съ тою образностью, которой исполнешъ юмористическій рассказъ его о Панѣ и Собакѣ, онъ оставилъ бы въ украинской словесности прочный памятникъ своего существованія. Но тогдашнее общество не оцѣнило его по достоинству, при всемъ успѣхѣ, какимъ пользовались первыя пробы пера его между любителями украинскаго слова. Въ тогдашнемъ обществѣ было еще слишкомъ много авторитетовъ, которые давали такимъ пєсамъ, какъ *Панъ та Собака*, значеніе каприза и не позволяли имъ занять какое бы то ни было мѣсто въ храмѣ російской словесности. Молодому, начинающему писателю трудно было не поддаться общему взгляду на свое дѣло, запечатлѣнное характеромъ отдѣльной, еще не признанной народности. Что-то у него шевелилось въ душѣ противъ исключительнаго господства одной великорусской рѣчи въ грамотномъ русскомъ мірѣ; но высказалъ онъ свои понятія въ формѣ литературнаго юродства, которое пошло у насъ отъ Котляревскаго и до сихъ поръ не выводится въ украинской прозѣ; а высказавъ, онъ всё таки пересталъ писать украинскіе стихи и, вѣроятно, призналъ напечатанное юношеской затѣей, недостойной ума солиднаго. Какъ бы то ни было, — теперь, когда украинская литература уже не кажется легкой затѣей праздности, намъ интересно перечитывать, какъ наши предшественники ставили вопросъ о существованіи чего-то несохожаго на великорусскую словесность. Авторъ *Папа та Собаки* присовокупилъ къ своей пєсѣ стихотворное посланіе къ Квиткѣ и объясненіе въ прозѣ къ читателямъ. Выписываемъ то и другое.

## СУПЛИКА

до Грицька К . . . . н.

Хто, кажутъ, до когó — мы до тебе, Грицько,  
 Зъ суплікою пришлі: я, бачъ, та мій Рябок.  
 Не дай загінуть намъ, не дай зъ насъ кешковати;  
 А доки жъ б́уде насъ зле Пáнство зневажати!  
 Пусти насъ, Бáтечку, до хати.

Хочъ б́уцимъ, Грицьку, ти на Пáна закрививсь;  
 Та зъ пантелику ти, такъ якъ другі, не збивсь.  
 Не звикъ ти голобелъ замість коня шмагати;  
 Не все жъ підъ нисъ Рябкамъ, мовлявъ ти, заглядати.  
 Пусти насъ, Бáтечку, до хати.

Хочъ ти, Грицько, пошивсь зъ ріднею въ Москалі;  
 Та ба, ніхтó на васъ не плаче на селі!  
 Ти знаєшъ, що на те собака, щобъ брехати;  
 Що й сто не зб́удять їхъ тебе, якъ ліжешъ спати.  
 Пусти насъ, Бáтечку, до хати.

Хочъ ти не разъ, Грицько, кисляці въ пельку пхавъ:  
 Та твій *Рябок* одъ їхъ оскóми не чувавъ:  
 Бо б́чи б́ачив, що трéба купувати;  
 Нехай хочъ в́ялізуть, а трéба доідати.  
 Пусти насъ, Бáтечку, до хати.

Пусти! Чп бачъ, якъ *Песъ Рябка* почаствовавъ!  
 Коли б́ єму язикъ родимецъ одібравъ:  
 Щобъ вінъ замість *Рябка* до віку мавъ гарчати;  
 А нашъ *Рябок* щобъ сівъ за ёго въ кáрти грати!  
 Пусти насъ, Бáтечку, до хати.

Чп бачъ, що лédви вже вінъ ќуліші волочé;  
 Що такъ зъ ёго юшіть и пáсока течé!  
 Та тожъ-то такъ звелівъ всю шќуру скр́изь спсáти,  
 Що-тó тобі нема и ќурці де клювати.  
 Пусти насъ, Бáтечку, до хати.

Пусти! та й склячъ до насъ тихъ нависнихъ Панівъ,  
 Що воду изъ своїхъ вивáрюють *Рябкивъ*;  
 Звели імъ струпъ *Рябкивъ* довгёньюко ползати:  
 Адже жъ-то и падъ Псомъ повинно лáску мати.  
 Пусти насъ, Бáтечку, до хати.

Супліку жъ сю мою ти, Грицьку, самъ читай;  
 Ледáчому и пасќудитъ не давай;  
 Бо якъ почне Москаль по-сво́бму складати,  
 Та *вотъ!* та *штіо?* та *какъ?* читáвши примовляти;  
 Тоді хочъ умнѣй изъ хати.

Люди добрі и вч, павове громадо! ужé, коли́ будете читать одію казку, то будьте ласкові, де тільки трапнѣца вамъ на дорозі паткнѣтьца на *Е*, вимовляйте ёго, якъ бѣдцѣмъ-то тамъ нарпобовано *Э*: бо, бачь, у насъ воно зъ дѣда зъ прадѣда завсѣдѣ такъ вимовляѣцца; хибá тільки послѣ *голосмижъ* якѣхъ слѣвъ, отъ якъ бува́ часомъ послѣ *а, е, о* и друг. та ще й зъ почáтку вимовляѣцца *мякѣнько*, мовъ по-москóвськѣй. Я такѣй й хотѣвъ бувъ, щобъ замѣсть *Е* скрізь надрюковáть *Э*; та пішовъ до голови́ по рóзумъ, помірковáвъ грóхв и побáчпвъ: що, крий Бóже, якъ було бъ тѣжко повёрху читáть; одъ-тóго, бачь, що нáші бѣи ще не зóвсімъ побратáлись зъ симъ ярепѣдовимъ *перевертнемъ Э*. — Воно-то менѣ, мовлѣвъ, про своѣхъ и не страшно: ужé-то нáшого брáта, мужикá, не вчи, кáже, якъ читáть; такъ отъ же лѣхо та бѣдá зъ тѣми Москальми! Вони хочъ що посвѣ́му перехрѣстятъ, и, я жъ кажú, мѣй Рябко́ винѣе одъ їхъ добру́ повну: ужé що я знаю, то у ёго не останаѣцца нѣ однѣго цѣлого ребѣрца!... Скáзано — Москаль! винъ безъ *совѣ* и не ступитъ; азѣкъ, мовъ въ постола́хъ; якѣй же ёго одминокъ вторóпае, щó винъ верзѣ? Оттáкъ вони й книжки дрюкúють. Ужé нема ёго й на свѣтѣ ничѣго крáшого, якъ (цáрство небѣсне) Енеѣй въ нáшій одѣжѣ; вгѣ! та бá! Москаль, бачь, побрався и коло ёго, — и ёго одягну́въ по-москóвськѣй. Абб, нехáй вáжко кнѣтѣца хотъ-бѣй и нáшому Ш... зъ ёго Козакóмъ (!). Э!... якъ-бѣй тільки Бóга не побойвсь, то — бѣсивъ спнѣ — коли́бъ не те казáвъ, що й... та бá!... лúче прикусѣть азѣкъ. Москаль не зачепѣй — лѣхо, а зачепнѣшь — то й дѣсятъ. Я тільки, бачь, грѣшний подúмавъ: що хто чо́гб не тáмнѣть, то нехáй и не тѣка гудѣ но́са; нехáй, я жъ кажú, вибачáйте, зъ .....ою головною въ димъ не лѣзе.

Писáвъ би й бѣльше, якъ вимовля́ть азбуку по-нáшому, та, ей-Бóгу, такъ тѣсно, якъ въ шинкú, що й повернѣтьца оттúтъ нѣгде.

Читатель, конечно, не оставилъ безъ вниманія стиховъ, которыми г. Артемовскій-Гулакъ объясняетъ (надо сказать очень неловко и нескладно) и безъ того ясный смыслъ *Пана та Собаки*. Сцены дякаго произвола, подобныя представленной у г. Артемовскаго-Гулака, видно, дѣлали и сорокъ лѣтъ назадъ сильное впечатлѣнїе на благороднѣйшїя натуры: иначе — эта пьеса не была бы такъ популярна въ Украинѣ не только послѣ, но и до ея напечатанїя. Г. Артемовскій-Гулакъ состоялъ въ литературномъ родствѣ съ авторомъ *перелицеванной Енеиды*, но, не смотря на то, одной ужъ темой перваго своего печатнаго произведенїя придалъ украинскому слову достоинство, котораго оно въ литературѣ еще не имѣло. Языкъ г. Артемовскаго-Гулака также далеко чище, свѣжѣе и разнообразнѣе языка Котляревскаго. Даже смѣшное у него является уже не въ каррикатурѣ дѣйствительно-

(!) Крайне нелѣпая опера князя Шаховскаго, *Козакъ Стихотворецъ*.  
П. К.

сти, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не цѣнимое ни во что усердіе Рябка смѣшнѣе насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключеной въ его собачью шкуру, да и самъ авторъ ужъ далекъ отъ смѣха Котляревскаго: каждая черта въ юмористической его живописи имѣетъ внутренній смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры. При этомъ вся сфера дѣйствія определена у него съ артистическою любовью къ изображаемому предмету. Это ужъ не смѣшанныя черты и краски, которыми Котляревскій изображалъ народный бытъ, не тѣ разсчитанные на одинъ смѣхъ мазки, которыми онъ набрасывалъ бойцевъ, роющихъ носомъ землю, или боговъ, выглядывающихъ изъ небесъ,

Якъ жабн літомъ изъ росі.

Въ его описаніяхъ мы видимъ картины, возбуждающія нашу улыбку наивною своею вѣрностью часто печальной дѣйствительности украинскаго захолустья.

Рябко на панському дворі не спить всю нічку.

Колибъ тобі на сміхъ булб де вїдно свічку,

Аббъ въ селі де на опічку

Майчнвъ каганецъ.

Всі сплять, хропуть,

А дѣ-які сопуть.

Ужб и папотецъ,

Прилізши изъ христїнъ, до ўтрені понхався...

А нашъ Рябко, кажў, все спїтки не вкладався.

Знай небораќъ ганї тб въ тош, тб въ сей кутбкъ:

Тб зазирне въ курпїќъ, тб — дѣйко до свинбќ!

Спїтї: чи всі такі живеньќї поросїтка,

Иидїки та качки, курпїтка и гусенїтка?

То звїдїль навпростецъ

Махае до овецъ,

До клўні, до стїжкївъ, до стїні, до обрїр;

То зновъ назїдъ чнмъ дужъ, щобъ часомъ Москалі

(А їхъ тоді булб до хрїна на селі),

Щобъ Москалі, мовлявъ, не вбрїлись до комбїри.

Разсказъ идетъ у г. Артемовскаго-Гулака въ строгой послѣдовательности и не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго, что можно сказать только о весьма немногихъ изъ начинавшихъ писателей. Не всѣ стихи у него одинаково безукоризненны и удачны, но изъ всей пьесы можно бы выбросить развѣ только послѣднее двустихіе, въ которомъ авторъ не

совѣтъ удачно воспользовался извѣстнымъ каламбуромъ народнымъ:  
*круть-верть, а въ черепѣчку смерть.*

Пока читатель не вошелъ еще въ самую идею повѣтствованія, авторъ умѣлъ занять его мастерскимъ описаніемъ сферы, въ которой должно совершаться дѣйствіе, что — скажемъ опять — удается непогнѣимъ изъ начинающихъ, да и у писателей опытныхъ не рѣдко приступъ къ повѣсти обнаруживаетъ механизмъ авторства, за недостаткомъ истиннаго одушевленія своимъ предметомъ. Еще бы нѣсколько стиховъ—и вступительное описаніе повседневной жизни Рябка показалось бы растянутымъ. Но авторъ остановился во-время (признакъ таланта сильнаго) и вдругъ переходитъ отъ спокойной повѣсти къ траги-комедіи, гдѣ ужъ окончательно овладѣваетъ читателемъ и до конца пьесы поддерживаетъ въ немъ живѣйшее участіе къ своему несчастному герою. Въ самомъ переходѣ этомъ показалъ авторъ мастерство, въ его время рѣдкое, избѣжавъ рѣзкости и внезапности, которая такъ часто встрѣчается въ сочиненіяхъ людей, не призванныхъ къ искусству. Онъ предупредилъ своего читателя двумя стихами, заставляющими ожидать чего-то чрезвычайнаго. Отъ этого слѣдующая картина, при всей своей бурѣ, не отдѣляется отъ предыдущей, не дѣлаетъ скачка, вообще вредящаго искусству, а составляетъ только новую сцену того же міра, въ которомъ происходила и первая, спокойная сцена траги-комедіи.

Здѣсь превосходно воспользовался авторъ тѣмъ комизмомъ, который заключается не въ словахъ и оборотахъ, а вытекаетъ изъ самого положенія вещей. Читатель, по приведенному стиху, догадывается, что Рябку предстоитъ горькая чаша, и въ поднявшемся со всѣхъ сторонъ зовѣ: *цу-цѹ, Рябко! на, на!* слышитъ уже что-то злобщее; но простодушный и глухо-усердный Рябка судить о панской благодарности по себѣ. *Ось, ось я, батечки!* восклицаетъ онъ радостно. Мастерское описаніе его собачьей увѣренности въ своихъ заслугахъ еще усиливаетъ грустный комизмъ его положенія:

Стрибѣ Рябко, вертѣтъ хвостомъ,

Неначе помеломъ,

И знай дурненький сканить зуби

Та лиже губи.

»Ужѣ жъ бакъ, дѹма винъ, не дѹрно це въ дворі

Одъ самоі тобі зорі

Всі павькаютця коло мене:

Мабутъ самъ панъ звелівъ віддѣтъ Рябку печене



И щб осталося варёне,  
За те, що, бачъ, Рябко всю Божу нічь не спавъ.»

За этимъ слѣдуетъ самое сильное мѣсто пьесы, вѣрное дѣйствительности. Обращу вниманіе читателя на счастливую черту, проведенную въ этой сценѣ. Когда дѣло доходить до грустнаго паоса, Рябко, въ крикъ своемъ, прибѣгаетъ къ комизму, истинно украинскому:

Не бѣду, бѣтечку!... За щб се честь така?

Тяжелое чувство, стѣсняющее грудь читателя, облегчается смѣхомъ, и самая сцена, отталкивающая своимъ смысломъ, выходитъ отъ этого болѣе художественною.

Деруть Рябка, мовъ пірья,

продолжаетъ авторъ, очень ксати маскируя каламбуромъ чувство собственной раздражительности, которое всегда вредитъ художественности изображеній. Если мы не имѣемъ достаточныхъ основаній признать въ немъ критическое самосознаніе творчества, то должны признать природный инстинктъ, который указалъ ему нѣсколько разъ, въ продолженіе этой оригинальной пьесы, какъ распорядиться на счетъ вниманія и впечатлѣній читателя.

»Пустіть! гукиліл всі: Рябко вже вдоволюнівся!»

Не напиши онъ этого стиха, было бы долго еще непонятно, какъ смотрѣла дворня на расправу Пана; но здѣсь, сквозь рабскую пронию, слышится состраданіе и убѣжденіе, что дальше съ Рябкомъ не осталось ничего дѣлать, если только во что-нибудь цѣнить его, какъ вещь, необходимую для панскаго двора. Этотъ стихъ, между прочимъ, составляетъ искусный и необходимый переходъ отъ панской катавасіи, отъ бурнаго хора траги-комедіи къ тихому соло безсильной жалобы, изливающейся въ безсильныхъ слезахъ:

»Чимъ, люде добрі, такъ оцѣ я провпийвсь?  
За щб глузуйте?» сказавъ нашъ неборакъ.  
»За щб зпущаєтесь ви падо мною такъ?  
За щб, за щб?» сказавъ, та й попустівъ патѣки,  
Патѣки гіркихъ слізъ, узівшпся за ббки.

Въ этой жалобѣ поражаетъ насъ — хотя конечно это случайность — то обстоятельство, что Рябко жалуется не на пана, а на добрыхъ людей. Этимъ онъ какъ-будто хочетъ сказать, что они, именно они вино-

ваты въ безмысленномъ его поступкѣ съ существомъ, состоящимъ въ собачьей должности, что безъ нихъ его неистовства были бы не возможны, что онъ только знаменатель ихъ варварскаго образа мыслей и рабскаго ничтожества ихъ душъ. Едва ли былъ у автора расчетъ на то, чтобъ заронить въ умы читателей подобную мысль. Но художественный инстинктъ такое великое дѣло въ писателѣ, что иногда, мимо его вѣдома, дѣлаетъ изображаемый предметъ родникомъ разнообразныхъ идей и соображеній. Можно указать не одного писателя, который, подъ напѣиємъ творчества, возбудилъ въ читателяхъ идеи, которыя никогда не посѣщали его головы въ видѣ философскихъ выводовъ изъ міросозерцанія.

Что касается до г. Артемовскаго-Гулака, то послѣдовавшія за *Паномъ та Собакою* его произведенія не обнаруживаютъ въ немъ высокаго строя мыслей, и въ чисто художественномъ отношеніи стоятъ ниже первой пробы пера. Что это значитъ? какъ это объяснить? Мы не находимъ другого отвѣта на эти вопросы, какъ только: что въ его время было еще рано писать подобныя вещи; что вокругъ него немного могло тогда найтись истинныхъ цѣнителей подобнаго произведенія, что вообще читающее общество тогдашнее взглянуло на *Пана та Собаку* не съ существенной стороны пьесы и разсмѣялось не тѣмъ смѣхомъ, какимъ, напримѣръ, сопровождались — безконечно, впрочемъ, высшія по художественности — творенія Гоголя. Талантъ во всѣ вѣка и во всѣхъ обществахъ — одна и та же сила, по своимъ природнымъ свойствамъ; проявленіе таланта въ той или другой формѣ зависитъ отъ общественнаго развитія, а возрастаніе его — отъ степени, въ какой необходимъ онъ своей средѣ для выраженія ея внутренней жизни. Посмотрите на Харьковъ и прикосновенныя съ нимъ провинціи сорокъ лѣтъ назадъ; взвѣсьте моральное развитіе среды г. Артемовскаго-Гулака тогдашними профессорскими лекціями, книгами, выходившими въ Харьковѣ, и наконецъ самимъ журналомъ, въ которомъ помѣщенъ *Панъ та Собака*. Могло ли общество, стоявшее во главѣ просвѣщенія всей провинціи Харьковской и всей Украины вообще, оцѣнить эту пьесу по достоинству, какъ первый опытъ поэта, и поддержать его юношескія стремленія? Увы! если бы даже это и случилось, то какіе сорокъ лѣтъ предстояли этому обществу въ его дальнѣйшемъ развитіи? Не было ли бы это странствованіе по пустынѣ Аравійской? а вожь и законодатель гдѣ? Г. Артемовскій-Гулакъ не годился для этой роли уже по одному тому, что въ окружающей его сферѣ не было побужденій, которыя заставляютъ массу ис-

каты выхода изъ положенія, мертвящаго ея силы. Само общество не нуждалось въ моральномъ вождѣ, не чаяло его и, еслибъ оны явился, то не признало бы. Вотъ почему, какъ намъ кажется, авторъ *Пана та Собаки* не только не шагнулъ впередъ, но въ слѣдующей же своей пьесѣ отступилъ назадъ и сталъ въ уровень съ требованіями своего времени и своей литературной среды. На этомъ уровнѣ онъ ужъ и держался во все время своего авторства, о прекращеніи котораго было странно бы сожалѣть критику нашего времени. Перепечатаемъ здѣсь *Солопія та Хіврю* изъ *Украинскаго Вѣстника*, составляющаго библиографическую рѣдкость. Все это ужъ давно покрыто забвеніемъ и должно показаться новымъ даже и для тѣхъ, кто читалъ *Украинскій Вѣстникъ* во время его циркуляціи. Въ этой растянутой пьесѣ г. Артемовскій-Гулакъ не похожъ на самого себя. Ничтожество идеи, вялость изложенія, разглагольствованія на мѣсто живыхъ образовъ — все это показываетъ, что юношескій благородный огонь, не получивъ поддержки со стороны общества, началъ пылать въ поэтической душѣ слабѣе прежняго. Одинъ языкъ не измѣнилъ автору *Пана та Собаки*; языкъ у него и здѣсь сохранилъ свою гибкость и разнообразіе.

## СОЛОПІЙ ТА ХІВРЯ

АБО ГОРОХЪ ПРИ ДОРОЗІ.

## Казка.

Vous voyez le grand gain, sans qu'il faille le dire,  
Que de ses ports de mer le roi tous les ans tire;  
Or l'avis, dont encore nul ne s'est avisé,  
Est qu'il faut de la France—et c'est un coup aisé —  
En fameux ports de mer mettre toutes les côtes;  
Ce serait pour monter à des sommes tres hautes!

Molière, Les facheux, acte III, scene III.

Спромігся *Солопія* весною на горобъ,  
Та и сівши зъ *Хіврю*, собі міркують въ-двохъ:  
Чи то продать ёго, чи то ёго посіять?  
»А що жъ тутъ мірковать? не полінуїсь провіять»,  
Сказала *Хівра* тутъ; »въ мішечки позсипай,  
Та и сіять на поле підъ дощъ мерщій чухраї!»  
— »Вонб-то, *Хівре*, бачъ тутъ не за тмъ идѣтца;  
Алѣ посіять такъ, якъ у людѣй ведѣтца —  
Нехачъ ёму лихѣ! — горобъ ласѣнька річъ,  
И дїтворá за нимъ полізе хочъ у пічъ.

Ти жь рѣшть сіяти горбѣхъ на перелѣзі.  
 Эи, *Хієре*, перелігъ лежить нашъ при дорбзі:  
 Эи, обскубуть горбѣхъ нашъ зеленцѣмъ, побачъ!...  
 Въ лопаткахъ обнесуть... тогді хочъ сядь, та ѡ плачъ!  
 — «Якѡі вражоі ти мѣтерп сумѣшть?  
 Цуръ дурна! нависній! Чи ти жь тогѡ не чѣешъ,  
 Що якъ урѡдить Богъ, то дасть на долю всіхъ?  
 Чи се жь не глумъ тобі, не сѡромъ и не сміхъ, —  
 Врагъ мѣтеръ зна чогѡ безглузѡду жахѣтьца?  
 Та-дже жь, якъ кажутъ-то, колі вовкѡвъ боитьца,  
 То пѣчого ходѣтъ зъ сокѣрою и въ лѣсъ.  
 Пѣдї жь, кажѣ, та сѣп; не мѣрни тамъ пѣдъ нѣсъ!  
 Абї лишъ, Гбсподп, на нѣві намъ вродѣло,  
 То бѣде намъ и всѣмъ; чи чѣешъ ти, *мурмѣло*?  
 Не будь уїдливий и впѣртпй, мовъ осѣ,  
 Мовъ наровѣстпй кѣнь: бо вѣлаю, якъ пса.»  
 — «Эп, *Хієре*, *Солопій* сказѣвъ іп, «не сварѣся;  
 Бо, дѣанбі, горбѣхъ нашъ згѣне! схамѣйся.  
 Ну, сѣлькось... я пѣдѣ, посѣю, та не тамъ,  
 А де-небѣдѣ въ кутѣ, що ѡ врагъ не пѣйде самъ.»  
 — «Не перебѣндѡй бо такъ довго, *Солопій*!  
 Бо я горбѣхъ самѣ де схѡчу, тамъ посѣю;  
 Самѣ я ѡ вѣкошу, якъ трѣба на покѣсъ,  
 И осьъ тобі тогді я дѣлю дамъ пѣдъ нѣсъ!  
 Алѣ, мѣй гѡлубе, прошѣ тебе по лѣсці:  
 Послѣхай чѣсомъ тихъ, що ходѣтъ и въ запѣсці;  
 Плюнь, сѣрце, на тогѡ, хто такъ тобі сказѣвъ,  
 Що буцѣмъ Богъ жѣпкѣмъ волѡсса довге давъ  
 За те, що рѡзумъ імъ укоротѣвъ чимѣло:  
 То пѡганъ такъ верзѣлѣ, школѣрство такъ брѣхѣло!  
 А я жь-то ѡ мужикѡвъ, крутѣ ти не вертѣ,  
 Не разъ вже бѣчпла такѣхъ дурпѣхъ, якъ ти!  
 Оттѣкъ! — питѣй людѣй; бо той, хто іхъ питѣе,  
 Мовъ старѣць безъ цѣпка по стѣжкахъ не блукѣе.  
 Не разъ вже за двѡма зайцѣми ти ганѣвъ,  
 За те жь пѣ одногѡ гонѣвшпсь не пѣймѣвъ;  
 Не разъ ти жалѡвавъ ухнѣликѡвъ старѣцькпхъ,  
 За те жь ти скѣлько вже згубѣвъ пѣдкѣвъ повѣнькпхъ!  
 Оттѣкъ ти и тепѣръ горбѣхъ запропѣстѣшь,  
 Колі бѣ ти самъ пропѣвъ!»

— «Чогѡ ти тамъ гарчѣшть?»

Сказѣвъ нашъ *Солопій*; та ѡ зъ сѣрця дѣйко зъ хѣтп:  
 Запрѣгши гѣлпхъ вѣпъ, ну перелігъ орѣти.  
 Зорѣвъ, посѣявъ вѣпъ горбѣхъ, заволочѣвъ;  
 Ажъ тутъ и дрѣбнпй дощъ рѣлѣю ѣго змѡчѣвъ.

Зійшовъ горбъ, підрісъ, зацвівъ увесь рясенько.  
 Хто шовъ, той приглядавсь горбхові пліченько.  
 Тімъ часомъ вже почавъ вбиватьця п въ лопаткі;  
 Ажъ тутъ прийшла черга п на самі стручкі.  
 Хто йде, горбъ скубіє: гребецъ скубіє у жменю;  
 Цде косарь п жпець — нагарбають въ кишенью;  
 Прискочить дівора, п въ пелену смикне.  
 Зібравъ нашъ *Солопій* горбъ, та знай кшпне,  
 П на чімъ світъ стоить по-сороміцькій ласе;  
 Усіхъ батьківъ съ тогб вінъ світа ввертае:  
 »Стои́дцятъ би копиць зъ рогами вамъ чортівъ!  
 А!... бісівъ народе! коли бъ ти околівъ!  
 Коли бъ ти кбжнимъ бувъ стручечкомъ подавився!  
 Щобъ въ горлі вінъ тобі кілкомъ бувъ зуппівся!  
 Коли бъ щобъ тріснувъ бувъ одъ ёго твоїй живіть,  
 Ніжъ мавъ оцє менє ти посади́ть на лідъ!  
 Щобъ горошіночка въ твоїхъ кшпахъ бісовськихъ  
 Такъ набубнівіла, якъ барабанъ москбвськихъ!  
 Багацько де-чого співавъ тутъ *Солопій*,  
 Молився за ввесь рідъ хрещєний п за свїй.  
 То, вгамовавшись, зновъ до свого вертавсь;  
 До *Хієри* сікався, за макогінъ хватавсь;  
 То зновъ по доброму заду вінъ їй казавъ:  
 »Бачъ, *Хієре* нависна, що нашъ горбъ пропавъ!  
 Бачъ, шкано бісова, чогб ти наробіла!  
 Та ти жъ менє навикъ оцє запропастіла!  
 Пще смачнєньке щось хотівъ сказати вінъ їй...  
 »Послу́хай лишъ сюди«, сказала *Хієря*, »стіп!  
 Ужє, якъ ба́чу я, тебе не перепєрти:  
*Хто дурнежъ уродієсь, томú дурнімъ и смєрти!*  
 Алє бъ, мовлявъ, пще сюди п туди зъ дурнімъ:  
 Ось ліхо та біда зъ дурнімъ, та ще п зъ лихімъ!  
 Казала я тобі: що Богъ якъ намъ уродить,  
 То буде намъ п всімъ, п злодїй не зашкодїть.  
 Ажъ такъ п есть: хочъ ти посїявъ два мішкі,  
 Хочъ, тільки хто хотівъ, той наші рвавъ стручкі —  
 Нехай ёму въ користь! а все жъ, хвалїти Бога,  
 Зібравъ ти сімъ мішківъ горбху зъ перелбга!  
 Де пють, то тамъ п лють: безъ шкбди не бува,  
 Абї здорбвенька лишъ наша голова...  
 Алє ти хбчєшь, щобъ не їли кбзи сіна,  
 П сїті щобъ були? ой, мўдриі дуже зъ сіна!...  
 Ну, цуръ тобі та пекъ! робї ти щб хотї:  
 Орі, мелї п їжъ; хочъ гблову скруті!  
 Про мене, а тепєрь п не роззїваю рта....

Та вже жь побачимо, яка твої робота!  
 Та й люде жь, сіючи хочь тратять, а оріють:  
 То дурні, оть якь ти, несіянї ростуть.  
 Эй, скаменєся ти, та пізно, *Соломію!*  
 — »Та вже жь хочь скаменұсья, сказавь вінь, »хочь посію,  
 Та не по твоєму: зроблю якь самь умію;  
 Зроблю, щобь и стручка нікий бїсь не вкравь.»

Зробивь нашь *Соломії*, якь самь здоровий знавь:  
 Вінь на другу весну плугь и разї забравши,  
 И міжь пшеницею и жїтомь пооравши,  
 Вь середнї горбхъ увєсь засїавь свїй:  
 »Тепєрь-то«, дұма нашь дурнєнєкий *Соломії*,  
 »Тепєрь-то мїй горбхъ вже, мабуть, розцвітає!  
 Нехай цвіте, нехай тмь часомь доспїває.  
 Ось, якь піду вь живїа пшениці и жїта жать,  
 То, часу марне щобь мовлївь не зваковать,  
 Скошў и свїй горбхъ, вь копїці поскладаю;  
 То и зь нимь упбраюсь, и разомь живївь не згаю.»

Пїшбв вь живїа: та-ба! нї зєрна не заставь!  
 Прощїдривь *Соломії* горбхъ и просвїставь,  
 А за горбхомь вь-гурть и жїто и пшеницю,  
 Бо тїлько зо всєго солбми взявь сь копїцю!  
 А якь же це? — Оттакь: пронїухали вь селї,  
 Що *Соломії* горбхъ посїавь на рїлї  
 Мїжь жїтомь та помїжь пшеницею своєю, —  
 Давай ходїть вь горбхъ!... ходїли — и хїднєю  
 Пшеницю и жїто все такь змїли та стовклї,  
 Що, сўчий синь, колї и мїсце їх знайшли.  
 Що жь *Хїаря?* рўмсає! а що жь чинїть неббїз?  
 Якь тїлько жь задрїла *Роззїєу* на порбї,  
 Знала торбївки двї новїсїнєкї зь кїлка:  
 »А бачь, гадїюко, бачь! ти жаловавь стручка;  
 Тепєрь же зь дїткамн безь хлїба ми шматка!  
 Бачь, сїну гаспїдєський, чортбвський *Соломію!*  
 До чоґо нась довївь ти, бїсївь скупердїго?  
 Идї жь тепєрь звїдцїль, щобь твої и духь не пахь!  
 Не вмївь своґо, — носї жь ти хлїбь чужїй вь торбїхъ.«  
 Сказала, та и торбї на єґо почїпїла,  
 И мїжь старцївь, мовь пса, *Соломії* прогнала!...

Послўхайте менє, ви всї, *Соломії*,  
 Що знай мудрєте, и гблови свої  
 Чортг-бїтька-зна надь чимь морбчите до кїта:

Якъ въ борщъ, замість курчѣтъ, намъ класти кошенїта;  
 Якъ груші на вербі и дубі вамъ ростуть;  
 Якъ істи *dázybá*, та ще и гладкіи быть;  
 Якъ локшинну варїть для війська изъ папѣру;  
 Якъ квáшу намъ робїть зъ чорнїла и тетѣру;  
 Якъ борошно молотъ безъ жорнівъ лзикомъ;  
 Якъ бджоли годоватъ безъ мѣду часникомъ;  
 Якъ кóхви пить папамъ съ квасолі зъ буракамі;  
 Якъ нїви засіватъ, безъ сімъ, кїзикамі;  
 Якъ зъ кожного зернá сімъ кварть горїлки гнатъ;  
 Якъ сіно намъ перомъ косїть, якъ кїньми жать,  
 Щобъ людамъ и спїлкá не дать на заробітокъ,  
 И птáщці нї зернá погодовати дітокъ...  
 Заплюйте лишъ оцїю, скажені ви, брехнїю:  
*Де трéба рýки грїть, тамъ трéба и оцїю!*  
 Та вже зъ васъ не одїнь оравъ підъ небесáми;  
 А якъ на зéмлю злізъ, — пішовъ въ старці съ торбáми!...

Заключительные стихи *Солопїя та Хїєрї* имѣютъ смыслъ двоякій. Въ нихъ выразились: во-первыхъ, недоверчивость тогдашняго провинциальнаго общества къ новѣйшимъ способамъ жизни вообще; во-вторыхъ, осужденіе людей, которые воображаютъ, что можно сдѣлать скачокъ изъ одного столѣтія въ другое и, посредствомъ механическихъ приѣмовъ, заставить варварское общество жить образованною жизнію другихъ, дослуживавшихся до лучшей участи, народовъ. Очевидно, что Г. Артемовскій-Гулакъ въ этой пьесѣ былъ органомъ только убѣжденій первой категорїи: иначе онъ бы всю пьесу повернулъ ко второму, случайному смыслу своихъ стиховъ, котораго они въ то время не могли имѣть для большинства его читателей. Мысли его наклонились — но и то неопредѣленно — въ эту сторону только потому, что онъ, пиша по-українски, необходимо долженъ былъ взглянуть на предметъ своего сочиненія глазами простолюдина. Народная муза, за одно то, что онъ не отчуждался ея языка, подсказала ему здѣсь прекрасное двуступише, которое не мѣшало бы принимать къ соображенію почаше и нынѣшнимъ экономистамъ:

Щобъ людамъ и спїлкá не дать на заробітокъ,  
 И птáщці нї зернá — погодовати дітокъ.

Чтó касается до первой, главной половины смысла, какой угодно было автору придать своей пьесѣ, то общество и тутъ наложило на его талантъ свои оковы. Въ то время всѣ нововводители казались людамъ благоразумнымъ Донъ-Кихотами. Г. Артемовскій-Гулакъ, видно, не понималъ различїя, какое полагаетъ греческій Платонъ между поэзією

благоразумныхъ и поэзію безумствующихъ, и очутился на сторонѣ первыхъ. Онъ былъ не въ силахъ провидѣть въ этихъ Донъ-Кихотахъ ихъ преемниковъ, которые, наследованъ ихъ великодушіе, позаботятся о болѣе точномъ ознакомленіи съ предметомъ и пошире и посвѣтлѣе взглянуть вокругъ себя. Усилія науки войти въ самую жизнь съ каждымъ годомъ оправдываются новыми успѣхами, и теперь ужъ иное впечатлѣніе производятъ стихи, которые г. Артемовскій-Гулакъ помѣстилъ въ заключеніе своей пьесы, какъ самый громкій аккордъ:

Та вже зъ васъ не оди́нь ора́въ підъ небеса́ми,  
А якъ на зе́млю злізъ — пішо́въ въ старці зъ торба́ми.

Подобно тому, какъ вслѣдъ за Бартомъ и Овервегомъ, не смотря на всѣ ихъ неудачи и страданія, отправлялись и отправляются путешественники во внутреннюю Африку, такъ и въ область сельско-хозяйственныхъ опытовъ пускаются одинъ за другимъ великодушно-предпримчивые люди, на которыхъ и теперь еще милая наша родина, изъ своихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, смотритъ тысячами глазъ, какъ на сумасбродовъ. Разница, впрочемъ, та между усиліями современныхъ намъ дѣятелей экономическаго прогресса и ихъ предшественниками, что теперь съ каждымъ годомъ виѣдряется болѣе и болѣе въ мыслящей части общества убѣжденіе: что не единицы развитія, а развитыя массы создаютъ благоденствіе края. Въ старину на массу не обращали вниманія, вырывались изъ нея впередъ и этимъ самымъ дѣлались иностранцами посреди собственного народа. Естественно, что просвѣщенные усилія подобныхъ единицъ были смѣшны въ глазахъ непонимавшаго ихъ общества, и г. Артемовскій-Гулакъ, поэтому, не совѣтъ неправъ въ своихъ насмѣшкахъ надъ современными ему учеными агрономами. Жаль только, что онъ своимъ талантомъ сослужилъ службу облѣнившемуся рутинистамъ и такимъ образомъ унизилъ искусство и самой дидактикою, и примѣненіемъ ея къ дѣлу жизни.

За *Солопиемъ та Хіврею* слѣдуетъ объясненіе въ родѣ того, что и послѣ *Пана та Собаки*. Дико читать намъ теперь эти юродивыя разглагольствованія въ духѣ *Энеиды* Котляревскаго; но въ то время подобный тонъ удовлетворялъ земляковъ нашихъ, и они помирали со смѣху надъ фразами, перенесенными изъ кабака въ типографію. Дальше этого тона тогдашняя проза не ходила. И при всемъ томъ замѣтно въ авторѣ стремленіе выставить нелѣпость украинскаго аристократизма, стремленіе благородное, но неопиравшееся ни на историческія понятія о своемъ на-



родѣ, ни на убѣжденія лучшей части современнаго общества, и потому безсильное и, можно сказать, преждевременное. Какъ памятникъ первыхъ попытокъ заговорить въ журналѣ на родномъ языкѣ въ прозѣ, мы приводимъ здѣсь объясненіе г. Артемовскаго-Гулака, напечатанное имъ въ видѣ примѣчанія къ *Соломію та Хіверь*.

### ПНСУЛЬКА

ДО ТОГО, КОТРОРИЙ ЩО — БѢЖОГО МІСЯЦА УКРАЇНСЬКОГО ГІНЦІ НА  
ВСІХЪ УСЮДАХЪ РОЗСПЛАЕ.

#### Євграпе!

Бажавъ еси казку: отъ-тобі *Соломію та Хіверя*! Не здивуй самъ, та нехай вибачить и громада, коли казка не до-шмигн. Самъ бачивъ еси, та дѣлкимъ и не повизагло, що я захірівъ такъ, що и голові не підведу; та ще може и доведѣтца вистоять добрий калантірь у домовині! А вже, самъ здоровъ знаєшъ, що лежачи не далеко зайдешъ; я жъ кажу: лежачи якá робота? Вонó, Євграпе, лежачи добре тільки панамъ: імъ скрізь спирно іде робота; бо хочъ и лѣжни нападуть, то вони все такі дармо часу не згають; крикнуть: *давай*, — дають; а коли *нема*? — то бьють. Кого? Оце кого! ужé жъ не собаку! А коли биття обридне? то щó жъ! то карти мнуть. Эге! та все такі мнуть, та все такі не гуляють! Та ще и пані, Євграпе, не всі такі трудящі: бо іншіи паномъ уродивсь, паномъ охрестивсь, паномъ и зрись; а далєби и мужикá клезнуть не вмє, — оттакє ліхо!... Такий у насъ, бря, и підъ Хáрквомъ недалєчко: ось хочъ би и... не хочу! не хочу! ей-Богу, не скажу! грїхъ! Я у єго хлїбъ-сїль ївъ; а ти хочешъ, щóбъ я виявивъ, що вінъ ні въ карти гратъ не тїмпитъ, ні мужиків лупїть не вмє. Та и зъ насъ, Євграпе, не якá робота. Щцє жъ то, мовлявъ, тобі и сякъ и такъ; бо тобі дє-що іноді и черезъ дзвінку перелїзе; а я такий пришелєповатий, що и сїбє дурниці не втву. Та я то трóхи и въ картахъ шуплю, бо такі зъ першого погляду, якъ тільки побачу, що зъ однимъ бкомъ, то такі заразъ и вгадаю, що тó, мабуть, найстарший. Я такъ, Євграпе, часомъ и людєй пїзнаю: якъ тільки заздрю когó, що хочъ свої родїмї притаманнї ще и не повизагли, та вже, бачъ, дївїтца въ однó чужє кожному підъ нїсь, мовъ єго не добаває, то я такі заразъ, сучий снїь, коли не вгадаю, що тó мабуть найстарший дурень. Ой, щось я дуже брїзнувъ! колибъ лишъ пóжницї на столї не обїзвались! Та вже жъ, мáтерї їхъ ковінька! Чи б́удуть битъ, то нехай бьють; ужé менє не такі бїли, та и ті не багáцько добра вибили. Ужé, я жъ кажу, менї гїрше не б́уде; я вже и такъ пью добру пóвну: отъ, лежу та стогну, та вожусь изъ знахурамн, ненáче кїтъ изъ оселєдцемъ. Щцє разъ тобі кажу — що лежачи не якá робота: ось *Пана та Собаку* и сїдячи написавъ, та ще и то дє-которимъ панамъ, мбже, такъ догодивъ, якъ *Рябка* свобому. Що жъ чинїть, Євграпе! Дурнямъ, якъ-то кажутъ, самъ Богъ не вб́одить. Та вже-то вонó грїхъ казáть, бо могó *Рябка* у самбму Петен-

бурсі, у Москві н скрізь такі глґдши не прѳтвѳ шерсти н приймґли, пенґче когѳ н доброго; такъ отъ же, бачъ, все такі у дѳ-якихъ підпґн-кївъ шапки на голові загорїлись! Бодґй вони такъ на свїті булі, якъ менї кортіло зъ нїми грїзтись: цуръ їмъ, пекъ їмъ, осїна їмъ, марїна! То доброго, мовлївъ, полґй н покартґй, — а вінъ тобі ще н поклґнитця, а ледґчому щѳ? ти їмґ образї, а вінъ тобі лґбїя! Нехґй вони тґмлятця! Ледґчого, мовлївъ нашъ Опопрїй, не займґй — н самъ себе не калїй; ужѳ горбґтого, Ёвґрапе, хибґ моґїла справпть. Оттґкъ-то, голубе! Лїхо н зъ прґвдою, лїхо н зъ брехнїю: за прґвду бґють, за брехнїю віри не дають. Оттака ловїса! що сґчий снґъ, колї знґєшь, кудї на свїті н повернґтьця. Щѳ жъ робїть? Мовчґть? Тадже жъ мовчґ, колїбѳ ужѳ їмъ зацїпило! Я жъ-то вже н кажґ, Ёвґрапе: що нема ёгѳ н на свїті, якъ нзъ своєю рїднґю — зъ мужикѳмъ: чи поскґбтись, чи побїтьця, чи н помирїтьця, то все вонѳ, такі сґязано, свїй брґть. Я жъ то одъ тѳго одѳ н на *Солопїя* напґвсґ: аджѳ жъ панївъ нема Солопїївъ? Якъ ти дґмаєшь, Ёвґрапе? Ти письмґнїший відъ мене, ти баґґто дѳ-чого шґпншъ; ти вже бувґв у бувґльцґхъ; ти вже, я жъ кажґ, бувъ н на конї н під конѳмъ. Скажї, будь лґскавъ, Ёвґрапе, чи нема сѳгѳ імґннґ мїжъ панґми? щѳбъ менї чґсомъ грїхґ не взятъ нґ душу. А то опанґе менѳ лхґ та нещґслива годїна, якъ чґсомъ, крий Бѳже, пзъ-помїжъ панкївъ вїрветця не одїнь *Солопїя*! Бо вже у мене щѳсь не дґрно свербїть чупрїна: зї, та бґдуть битъ скажґні! Та вже жъ, сїлькѳсь, нехґй бґють; ужѳ зъ насъ, Ёвґрапе, небаґґцько олї вїбґють. Абї лшъ, Гѳсподи, менї до смѳрти, а смѳртъ мої не за горами, а тамъ я н дґлю їмъ вїставлю! Берї, Ёвґрапе, кґзку. Щѳ бґде, то бґде, а буде тѳ, щѳ Богъ намъ дасть. Берї, кажґ, *Солопїя*, несї въ дрюкарню, нехґй твїй Микѳла дрюкґе: я жъ кажґ, колї вѳвка лякґтьця, то н въ лїсѳ не йти. Не такій чортъ страшний, якъ ёгѳ малюють!

Слѳдующая пѳеса г. Артемовскаго-Гулака замѳчательна безцѳтностью стиха н тупостью сатиры. Она направлена на кого-то нзъ тоґдашнїхъ авторовъ харьковскїхъ н, вѳроятно, імѳла мѳстный интересъ, но, какъ почти всѳ подобнґя проишведенїя, не проишводитъ на постороннґяго читателя никакого впечатлѳннґ, крѳмъ скуки. Авторъ писалъ эту вещь у вѳ болѳзненномъ состоянїи, какъ это видно нзъ примѳчанїя издателя. Потому, можетъ быть, она н вышла плоше всего, чѳ намъ нзвѳстно нзъ его печатнґхъ украинскїхъ стихотворенїй. Появилася она вѳ *Украинскомъ Вѳстникѳ* сѳ французскимъ эпиграфомъ собственнаго авторскаго сочиненїя, который н мы удерживаемъ вѳ нашей перепечаткѳ.

## ТЮХТИЙ ТА ЧВАНЬКО.

*Побрежєнька.*

Mes jours sont le tissu d'un contraste étonnant:  
 Je ne vis qu'en pleurant, et je mourrai riant!  
 L'amour, pour tant de coeurs l'object de plus doux charmes,  
 Fut pour le mien la source et des maux et des larmes!  
 Pour adoucir mon sort et mes regrets cuisants,  
 En poussant des soupirs j'écris des vers plaisants.  
 Qu'ils sont droles, ma foi, ces destins que les autres!  
 Quoi!... je pleure, et morbleu! j'en fais rire les autres!

Нашъ Віршомазъ *Тюхтій* старіхъ людєй шанє,  
*Гарасько* якъ звелівъ, вінъ такъ и компоує.  
 Чи справжки, чи й на жартъ щобъ тільки напписавъ,  
 То такъ на дєвять рїкъ те въ скрїню и запхавъ!  
 А на десїтїй рїкъ якъ вїйме, прочитавъ:  
 Побачить самъ здоровъ, що тамъ ладú бїсъ має;  
 То въ грúбу такъ тїки и впре шпартїлли все!  
 Отъ братъ єго *Чванько* слабкїй ужє на се:  
 Щобъ начеркавъ, то такъ въ дрюкарню и несє!  
 Алє громада їхъ однїко поважє:  
 Тогó нї сномъ не зна, другогó не читє.  
 Скажїть, будь ласкаві: хто зъ їхъ дурнїший двохъ?  
 Та глúду, грїхъ казатъ, скупєнько у обòхъ!  
 Такъ першїй же хочъ тимъ за прїцю надолужить,  
 Що въ дєвять рїкъ хочъ разъ теплòмъ собї услужить;  
 Другїй такїй дурнїй, що мєрєне вінъ, дрижїть,  
 А книжокъ же єгò сь пять сїжнївъ тїкъ лежїть!...

## ДЕ-ЩО ПРО ГАРАСЬКА.

Вонò-то, бачъ, по нашòму *Гарасько*; а по-москòвськїй *Горїцїй*. О!  
 вже вонї хочъ щò, то по свòбему перековерсїють. Тамъ-то вже предивєн-  
 на ємú мòва! Отъ часòмъ трїпїтцї такъ, що зъ годїну стоїшь передъ  
 нимъ, а вінъ тобї сїчє та рубї: щò жъ? пєсъ, колї й слївцє уторòпа-  
 ешь, щò вінъ тамъ гергòчє! Отъ тїльки бúцїмъ-то й дочувєшь: *еотъ*  
 та *еотъ*; та *штїо*, та *штїо*; та *заварю-кажю*, *заварю-кажю*!!... а щò вінъ  
 тамъ тобї *говòрїть-кажє*, тогò, дїлїбї, й зъ попòмъ не розберєшь! Пщє  
 бъ то щось сказавъ, бо язїкъ дúже свербїть; та цуръ їмъ: у насъ, бачъ,  
 усї старшїна москòвська, чи то далєко до лїха? Я жъ кажю — цуръ  
 їмъ: вїзьмєшь, їкь-то кїжуть, лїчкомъ, а оддасї ремїнцємъ.... Я-то тїль-  
 ки, знєєшь, хотївъ сказатъ отъ про тòго *Гараська*, бо вінъ ужє пòдавнò  
 сказавъ: що колї вже Лудїпїръ пїдцькує когò маглюватъ вїршї, то нехїй  
 наалòзєнтъ та й *монїт претєт in апїт*. Вінъ-то оцє сказавъ, бачъ, по-  
 лїтєїнськїй, — бо вінъ бувъ, собї на лїхо, *Лїтєїнє*; а по-нашòму, то во-

но значить ще: що коли вже написавъ щоб, то нехай кудї запровають такъ, щоби тільки мїші та пацюки про те знали.

Одже я ёго часомъ, такъ якъ и *Чванько*, не дуже-то слухаю—байдуже! Инше діло у Литві, а йнша річ у Москві: може, вонб тамъ колись и добре було. А у насъ тїі погани *віршомазїив* стїльки наплодїлось, що, якъ бї кожний ховавъ те на десять рїкъ, що за годїну набазгра, то бъ нїгде було чоловікові и хати нанїтъ за паперами!...

Ви, дурні, я жъ кажу, на се лишъ не вважайте;  
 Людїи питаїтєся, та и свїи ви рбзумъ майте.  
 Не вамъ *Гарасько* сеї указъ скопновавъ:  
 Вїнъ самъ розумний бувъ, розумнимъ и писавъ;  
 Пишїть, и крамарївъ, паперникївъ годїйте!  
 У насъ холодний край, а лїсъ ставъ дорогїи;  
 Дурні нї по-чому: що ступишъ, то и дурний.  
 Пишїть, будь ласкаві, — подїкують вамъ людє:  
 За дурнями та и всїмъ розумнимъ тбplo бїде....

На этихъ трехъ пьесахъ, столь неравныхъ по достоинству, утвердилась известность г. Артемовскаго-Гулака, какъ украинскаго поэта. Но это было не все, что написалъ онъ: ходили въ рукописи оды его, переложенныя изъ Горация, баллада *Твердовський*, переведенная изъ Мицкевича, и еще кое-что. *Твердовський* появился въ печати въ журналѣ *Славянинъ* 1827 года; прочія стихотворенія напечатаны въ *Украинной Звездѣ*, альманахѣ 1834. Уже по одному тому, что это переводы и передѣлки съ чужого, нельзя ихъ ставить наравнѣ съ первымъ его опытомъ, хотя языкъ въ нихъ до того хорошъ, что дѣлается грустно, зачѣмъ было автору останавливаться на пробѣ пера! Предоставляемъ судить самому читателю:

### ТВЕРДОВСЬКИЙ

*Малороссійская баллада.*

«Нїте, хлбци! швидко, шпарко!  
 Музики, заграїте!  
 Гей, шинкарю! гей, шинкарко!  
 Горїлки давайте!»

Рїжуть скрипки и бандури!  
 Дївчата гопцюють;  
 Хлбци, пїть ажъ лєтца зъ шкурї,  
 Коло їхъ гарцюють.

Бряжчѣть чаркѣ, люлькѣ шкварчѣть,  
Шумѣ горѣлка;  
Стукъ, гармидеръ, — свистѣть, кричѣть,  
Голоситъ сопѣлка.

Панъ Твердовський въ кінці столѣ  
Съ поставці черкае:  
»Гуляй душа! тра-ла-ла-ла!  
На весь шинкѣ гукѣе!

Въ бѣтька и мѣтьрь отѣмана  
И громаду лае;  
Скрутивъ жѣда, якъ Гѣмана,  
Ще и усомъ моргае!

Сикнувся улань, — вінъ вдовжъ ёго  
Шаблюкою тріснувъ.  
Улань — тю-тю! га-га! го-го! —  
Зайцемъ въ куткѣ пріснувъ!

Взявъ набѣкирь писарь шапку:  
Панъ грѣшнѣ забрѣзжавъ;  
Ажъ гулькѣ! — писарь верть въ собаку,  
И на всіхъ загѣвкѣвъ.

А шевцѣви панъ Твердовський  
Въ такі знакѣ дався,  
Що, мабуть, изъ часъ москѣвський  
Барѣломъ качѣвся.

Въ нѣсь втерѣбивъ двѣ бурѣльки;  
Зъ бурѣлкѣ, мовъ зъ кѣхви,  
Бьютъ пидъ стѣлю черезъ рѣльки  
Джерелѣ сивѣхи.

Бьютъ джерѣла... панъ-гульвіса  
Кѣхоль пидставляе;  
Ажъ зпрѣвъ въ кѣхоль — що у бѣса?  
Вьюнъ на днѣ играе!

»Духъ Святѣй, мнрѣне, зъ нами!  
Вѣлупитъ лишъ банькѣ!  
Вьюнъ утікѣ, а цапъ зъ рогѣми  
Вилѣзпѣ изъ шкѣлѣнки.

Мѣкнувъ, мовъ ёго родѣмець  
 Почавъ мордувати,  
 Та й стрибъ въ коминъ; ажъ гулькь — Немець  
 Стоить середъ хати!

Нисъ — карлючка, ротъ свиначий,  
 Гіра вся въ щитіні;  
 Ніжки кўрачі, собачий  
 Хвість, ріжкі цапні!

Дригъ ногою! круть ріжками!  
 Въ побісь поклонівся:  
 »Ну, Твердівський, часъ, изъ нами  
 Щобъ ти расплатівся!

»Гулявъ еси, верховодивъ,  
 Усімъ въ знакі дався;  
 Дівчаты любивъ, жінокъ зводивъ,  
 Надъ всіми знущався.

»Чого душа забажала,  
 Мавъ всёго ти стільки!...  
 Курей, ковбасъ, мѣса й сала,  
 Бочками горілки.

»Нагрівъ и намъ ти чуприну,  
 Якъ самъ здорівъ знаєшь:  
 Окульбачишь, мовъ скотину,  
 Та всюди й гасяєшь!

»Гді глузувати зъ чортами!  
 Слова — не полова:  
 Чи забудъ, якъ міжъ нами  
 Зъ тобою умова?

»Ліса горá... брѣтва... палець...  
 Папѣру півъ картя...  
 Гайда въ пѣкло! кровъ не смалець,  
 Зъ чортами не жарти.

»Въ пісьмі стоить (читай сміло):  
*На кажда бисовський*  
*Зъ начинкою дўшу й тіло*  
*Одписавъ Твердівський.*

*Служить ему чорты мають*  
 (Такъ пришлось въ умову),  
*Поки въ Римі не піймають.*  
*Аминь сѣму слову!*

»Що тепѣрь, Твердовський, буде,  
 Про те въ пеклі знають:  
 Сю корчмѣ хрещені люде  
 Римомъ називають.»

— «Бачъ, чортіка! бачъ, надлюка!  
 Якъ умудрувася!  
 Се вже, бачъ, німецька штѹка»,  
 Твердовський озвася.

»Та вже жъ, чи йти въ пекло справді,  
 То й підемъ, байдуже!  
 Але й ти робі по правді  
 И не чванься дуже.

»Заглянь въ контрактъ твій зо мнѣю,  
 Яка тамъ умова?  
 Ще три штѹки за тобою;  
 Вітнешъ — ні пивъ-слова!

»Отъ бачъ, висить надъ дверіма,  
 Завбільшки изъ цапа,  
 Передъ твоїми очіма  
 Малѣвана шкѹпа!

»Нехай шкѹпа підо мнѣю  
 Огиремъ гарцює;  
 Нехай крутить головою,  
 Стриба и басѣе.

»Ти, тимъ часомъ, піску въ жибню:  
 Гаранникъ тройчатий  
 Сплеті зъ піску, якъ зъ ремѣню,  
 Коня поганяти.

»Ще жъ попасать коня треба,  
 Стать на одпочінокъ:  
 То вже, гляді, щобъ якъ зъ неба  
 Вродився будінокъ, —

»Будінокъ зъ лущинъ горіха,  
Отгінъ за байракомъ;  
Изъ борідъ жидівськихъ стріха,  
Цвяхована макомъ.

»Отъ и гвѣздокъ на починокъ,  
Чверть локтя завздбавки:  
По три въ кожну вбни зъ мацінокъ,  
А мѣше ні трѣшки.«

Бісъ перістий свѣснувъ, класнувъ, —  
Ажъ кінъ вже басуе;  
Батігъ зъ піску въ руді ласнувъ.  
Твердовський сумѣ.

Скїхъ въ стремѣна, давѣй драла....  
Ажъ — що за одмінокъ? —  
Стрїха въ хмѣрахъ заблїщала,  
И стоїть будінокъ!

»Вигравъ справу! Бачъ, псаюха,  
Здихавсь, мовъ скажѣнни!  
Ну, тепѣрь скупайсь по уха  
Въ водїці свѣченїй.«

— »Змїлуйсь, свѣте, я въ сїй зъ рѣду  
Лазні не купався.  
Скѣрчивсь, змѣрщивсь, — шубовствъ въ воду!  
Та й назадъ порвавсь.

Захлинувся, чхнувъ и прїснувъ;  
Трїйчи закрутївся,  
Трїйчи гупнувъ, трїйчи свѣснувъ,  
Ажъ шинкѣ затрусївся.

Хмѣра якъ нічъ налетїла,  
И сонце сховалося;  
Гѣлокъ, крюківъ, воронъ сіла  
На стрїсі зїбралося!

Крїюкають, кавчѣть, мекѣчуть  
Всіми голосами:  
То завїють, то шепѣчуть.  
Бряжчѣть ланцюгами!



»Ну, Твердовський, другу справу  
Віграли чортяки.«  
— »Не кваптесь лиш, ще на славу  
Втру я вамъ кабаки.

»Куць програвъ, куць вігравъ справу, —  
Ще якъ доведѣтца.  
Віграй трѣттю. Глянь на лаву:  
Що тобі здаѣтца?

»Цмокинсь зъ жінкою моєю.  
Вона твої буде;  
Якъ я живъ на свѣті зъ нєю —  
Про те знають люде.

»Будь ти їй за чоловіка  
(Остатня умова),  
Присягайся любити до віка,  
Та тоді й ні слова!

»Нехай піпъ вамъ руки зв'яже.  
Теперъ, по сій мові,  
Люде добрі, що чортъ скаже —  
Бувайте здорові!»

А чортові не-до-сбли;  
Хвостикомъ киває,  
Нісь скопаливъ, мовъ гряджбли,  
И дверей шукає.

Стрибъ по хаті, хапъ за клімку;  
Твердовський по піці,  
Трісь по гірі! — розбивъ шклянку  
И горщикъ зъ полиці.

»Эй, не бійсь, кажу, Твердовський!  
Гвалть, рятуйте, люде!  
Бо в'ялаю по-бісовській,  
Тяжко слухать буде.«

А тимъ часомъ скікъ къ одвірку —  
Ну цапомъ стрібати!  
Зъ прогоница зуздрий дірку,  
Та й шморгнувъ нзъ хати....

»Ой! держіть, ловіть псаюху!  
Усі загукали;  
А псаюхи нема і дѣху:  
Поминай, якъ звали!

»Жінко люба, годі плакати,  
Твердовський озався:  
»Хотівъ зъ чортомъ вась посвѣтати,  
Та и чортъ излякався.

»Мабуть, всі чорті — бурлаки  
Та ще и розумъ мають,  
Знають, де зімуть раки —  
Одъ жінокъ втікають.

»Можє, въ пеклі инше діло;  
Въ насъ сѣгѣ немає:  
Жінка гривє дѣшу и тіло,  
Мужикъ попиває.

»Нїте жъ, хлопці, швидко, шпарко!  
Музики, заграйте!  
Гей, шинкарю! Гей, шинкарько!  
Горілки давайте!»

## РИБАЛКА.

*Малоросійская баллада.*

Das Wasser rauscht, das Wasser schvull,  
Ein Fischer sass daran,  
Sah nach dem Angel ruhevoll,  
Kühl bis ans Herz hinan.

*Goethe.*

Водá шуміть!... водá гулі!...  
На березі *Рибалка* молодѣнький  
На поплавець гадіть и примовлі:  
Ловітца, рибонькі, великі и малѣнькі!

Що рібка смикъ, то сѣрце тѣхъ!...  
Сердѣнько щось *Рибалочці* віщує:  
Чи то тугу, чи то переполохъ,  
Чи то коханничко?... не зна вінъ, а сумує.

Сумує вінъ, — ажъ ось реве!  
Ажъ ось гудѣ! — и хвила утікѣ!...

Ажъ — гулькы!... зъ воді дівчинонька пливе,  
И кіосу счісуе, и брівками моргає....

Вона и морга, вона и співа:

»Гей! гей! не надь, *Рибалко* молоденький,

»На зрадний гакъ ні щўки, ні лива!...

»На щб ти нівечишь мій рідъ и плідъ любенький?

»Колибъ ти знавъ, якъ *Рибалкамъ*

»У мбрі жить нзъ рибками гарненько,

»Ти бъ самъ пірнуъ на дно къ ливамъ

»И парубоцькее оддавъ би намъ сердёнко!

»Ти жъ бачивъ самъ, — не скажешъ: *мі*,—

»Якъ сонечко и місяць червоненький

»Хлюпощутця у насъ въ воді на дні

»И нзъ воді на світъ виходять веселенькі!

»Ти жъ бачивъ самъ, якъ въ тёмну нічъ

»Блищятъ у насъ зіроньки підъ водою:

»Ході жъ до насъ, покійни ти ўдку причъ:

»Зо мнѡю будешъ жить, якъ братъ живє зъ сестрою!

»Зирні сюді!... чи се жъ вода?...

»Се дзеркало: глянь на свою урѡду!...

»Ой, я не зъ тимъ прийшла сюдъ,

»Щобъ намовліть зъ воді на парубка незгѡду!»

Вода шуміть!... вода гудє....

И нівеньки по кісточкі займає!...

*Рибалка* вставъ, *Рибалка* иде,

То спивитця, то впять все глібшенько пірнає!...

Вона жъ морга, вона и співа....

Гулькы!... приснули на сїнімъ мбрі скалки!...

*Рибалка* хлюпъ!... За нимъ шубѡвсть вона!...

И бїльше вже нїгдє не бачили *Рибалки*!...

## БАТЬКО ТА СНИЪ.

*Басня.*

»Эй, Хведьку, вчивсь! Эй, схаменісь!»

Такъ Панотєць казавъ своїй дитїні:

»Шануйсь! бо, дїлибі, колись

*Тму, мму, здо, тло* — спиву на спїні!»

Хведько не вчивсь — и скоштувавъ

Берєзової кашки,

Та впять не вчивсь и пустувавъ:

Побіть шибкі и плішки;  
 И щобъ не скоштуватъ одъ Батька різочокъ,  
 Вінъ різку вперъ въ огонь, та и заховавсь въ кутокъ.  
 Ажъ батько за чубъ хіпъ! и, не знайшовши різки,  
 Дрючкомъ Хведька разівъ изъ шість оперезавъ!...

Тоді Хведько крізь слізки  
 Такъ Батькові сказавъ:  
 »Колибъ було знатті, що гаспидська дрючіна  
 Такъ дуже дошкулі, то, песька я дитіна,  
 Колибъ я такъ робивъ:  
 Я бъ вперъ дрючокъ въ огонь, а різки бъ не паливъ!

## РИБКА.

Басня.

Въ ставбчку Пліточка дрібненька  
 Зъ нечевья зүздріла на ўдці червяка,  
 И такъ була раденька!  
 И думка-то була така,  
 Щобъ підвечіркувать смачненько.  
 Ну, дівко до ёго швиденько!  
 То зъ-обку ускубне,  
 То зъ-переду поцүпнть,  
 То хвостика лизне,  
 То зъ-нізү впять підстүпнть,  
 То вірне, то пірне,  
 То сіпне, то смикне,  
 Вовтүзнтца, лобзнтца и пріе,  
 Та ба! те ротиня такé узеньке, бачъ,  
 Що нічого не вдіе!  
 Хочъ садъ, та и плачъ!  
 »Ой горенько мені на світоньку«, мовіле,  
 »За що мене такъ дѳля зневажае?  
 Тимъ пельку и живіть далá сь ковальський міхъ,  
 Тимъ зүби мовъ шпичкі, а намъ, на глумъ, на сміхъ,  
 Ротъ шпилькою ненáче простроміла!...  
 Ой, правду дідина небѳга говоріла:  
 Що тільки на світі великимъ рѳбамъ жити!  
 А намъ малимъ въ кулакъ трубіть!»  
 Такъ Пліточка въ воді на дѳлю нарікае,  
 А на гачкү червякъ все хвостикомъ кивае!...  
 Червякъ кивá, — ажъ ось, зі дна  
 Гулькъ Щүка! бовтъ!... вона  
 За ўдку хіпъ!  
 А ўдка сіпъ!

Зъ водѣ шубовствъ въ окріпъ!...  
 »Онъ лішечко! оцѣ жъ якъ дѣдина збрехала!...«  
 Изъ ліку Пліточка сказала,  
 И бильшъ не скържилась на долю пліточокъ  
 За ласенькый на ўдочці шматокъ:  
 Щѣ Богъ пославъ, — чи то багáто, чи то грѣшки —  
 Въ кушіръ залізши, іла мѣвчки.

## ДО ПАРХОМА.

## I.

*Aequam memento rebus in arduis  
 Servare mentem: non secus in bonis, etc.*

*Horat. Lib. II. Od. 5.*

Пархѣме! въ щáсті не брикáй!  
 Въ нудзі притьомѣ не лизъ до нѣба,  
 Людѣй питáй — свій рѣзумъ май;  
 Якъ не мудруй, а вмерти трѣба!  
 Чи каратáешъ вѣкъ въ журбі,  
 Чи то, за поставцѣмъ горілки,  
 Въ шинку нарізують тобі  
 Цимбáли, кѣбзи и сопілка;  
 Чи п'яний підъ тинѣмъ хропѣшъ,  
 Чи до госпѣди лизешъ рáчки  
 И жінку макогномъ бѣешъ,  
 Чи самъ товчѣсса на вкулáчки;  
 Орѣ и засівáй ланá,  
 Косá ширѣкі перелѣги,  
 И грѣшки за баштанá  
 Лупí,— та все одкáнешъ нѣги.  
 Покáнешъ все: стáжки и скіртá,  
 Всі лáсоці: паслiвъ, цибúлю;  
 Загáрба йнший все, а ти  
 Ззiсá за гiрку прáцю дúлю....  
 Чи сѣцькимъ батъко твiй въ селi,  
 Чи самъ на нáнщинi працúе,  
 А смерть зрiвнiе всiхъ въ землi:  
 Пi зъ кимъ скажѣна не жартúе....  
 »Чи читъ, чи лiшка?« загукá;  
 Ты крiкнешъ: читъ!... »Ба брѣшешъ, сiну!  
 Озвѣтца пánлюга съ кутá,  
 Та и зцúпить зъ пѣчi въ домовiну....

## ДО ЕГО ЖЪ.

## II.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi quem tibi  
Finem Di dederint, Leuconoe; nec Babylonios  
Tentaris numeros, etc.

*Horat. Od. 12.*

Пархóме! не мудруй, ворóжки не пита́й,  
Якъ довгий вікъ прокарата́нешь;  
Що вікувала вже *зозу́ла*, — прожива́й,  
А білше.... шко́да, що й бажáнешь!  
Хочь всіх ти уприві́ збері́ и знахуриві́,  
Хочь покума́йся ти зь відьма́ми:  
Ніхтó не ска́же намъ, такъ я́къ би ти хотівъ,  
Що дóля за́втра зрóбить зь на́ми.  
Чи доведéтца ще поду́шне запла́тять?  
Чи до снагі́ вже розплати́вся?  
На щó, про щó тобі надъ цимъ чуприну́ грить!  
Дурний, дурний! а вь шко́лі вчѣвся....  
Терпій! за дóлю, кудя́ повхне́, хилѣсь,  
Якъ хилѣтца одъ вітру́ гѣлка.  
Чи бóдешь жити́, чи вмрешъ, Пархóме, — не журѣсь;  
Журѣсь обь тѣмъ, чи є горѣлка!...  
А є, такъ при на стѣлѣ! часту́й, та й самъ круглі́й.  
Чи намъ, Пархóме, трéба скѣльки?  
Та вже жъ — чи вкорочáть свѣй вікъ, то вкорочáй  
Вь шинку́ надъ бóчкою горѣлки.  
Отъ, ми базѣкаемъ, а часъ, мовъ вілъ зь горѣ,  
Чухрá, ёго́ не палѣ́нешь.  
Отъ, скѣльки бь вѣпили до сѣ́ ми порѣ,  
Такъ ти жъ будѣ́мъ не дочувáнешь.  
Ну жь! цупъ остáнню ти гривни́ку зь каншукá,  
Покѣ старá перб ганчѣрки;  
Бо вже — якъ вѣрнетца, то думка, бачъ, такá,  
Що помремó обѣдва безъ горѣлки.

Вотъ все, что намъ известно, посредствомъ печати, изъ украинскихъ сочинений г. Артемовскаго-Гулака. Какое же мѣсто занимаетъ онъ въ нашей юной словесности, получившей права гражданства только въ недавнее время? Мы говорили о природныхъ задаткахъ его таланта. Если бы г. Артемовскій-Гулакъ умеръ, написавши только *Пана та Собаку*, то, по надеждамъ, какія должно возбудить подобное произведение начинающаго писателя, мы бы сказали, что лишились въ немъ великаго по-

эта. Но авторъ стихотворной трагикомедіи благополучно остается въ живыхъ, даритъ насъ еще нѣсколькими пьесами, уже слабѣйшими по изложенію и не столь значительными по содержанию, наконецъ совѣтъ умолкаетъ. Эти обстоятельства сбавляютъ много цѣны первому его произведенію и ставятъ его талантъ въ разрядъ пассивныхъ талантовъ, которые слишкомъ подчинены общему настроенію умовъ своего времени, не въ страхъ сдѣлаться органомъ благороднѣйшаго меньшинства, иногда безразлично затеряннаго въ толпѣ, и неспособны стоять одиноко посреди общества съ своими безсмертными убѣжденіями. Отдавая, однакожь, должную дань уваженія предшественникамъ нынѣшнихъ писателей, сошедшимъ съ литературной арены, мы должны признать за г. Артемовскимъ-Гулакомъ великую заслугу относительно развитія украинскаго слова послѣ Котляревскаго. Его языкъ до сихъ поръ не потерялъ цѣны своей и заслуживаетъ прилежнаго изученія. Въ наше время измѣнился вкусъ относительно выбора предметовъ рѣчи и самихъ оборотовъ; но, независимо отъ этого поворота, произведеннаго въ насъ болѣе шимъ противъ прежняго уваженіемъ къ народу, формы языка, сила выраженія, разнообразіе оттѣнковъ слова, глубокость и вмѣстѣ мужественная дебелость рѣчи — все это придаетъ немногочисленнымъ произведеніямъ г. Артемовскаго-Гулака высокое достоинство. Мы тѣмъ болѣе дорожимъ его стихотвореніями, что въ послѣднее время нечисленныя нами литературныя достоинства начали упадать у нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей, подававшихъ большія надежды, и замѣняться небрежностью и слабосиліемъ, обыкновенно сопровождающими работу спѣшную и такъ сказать насильственную. Такимъ писателямъ языкъ г. Артемовскаго-Гулака можетъ быть полезнымъ упрекомъ въ неуваженіи къ дѣлу литературы. Глядя съ этой стороны на его литературную дѣятельность, мы должны приписать его продолжительное молчаніе благородному, чуждому пустого славолюбія, сознанію, что сдѣлано имъ столько, сколько, по его силамъ, возможно было сдѣлать. *Quid potui, feci; faciant meliora potentes.* Эти слова мы вкладываемъ въ мысль безмолвствующаго поэта, для котораго наступило уже потомство, съ новыми воззрѣніями на предметы творчества, съ новыми, въ его время неизвѣстными, стремленіями.

## П. К у л и ш ь.

6 января 1861.

С. Петербургъ.

# ЧЕРТЫ

## НАРОДНОЙ ЮЖНОРУССКОЙ ИСТОРИИ.

### I.

ЮЖНОРУССКАЯ ЗЕМЛЯ. — ПОЛЯНЕ-РУСЬ. — ДРЕВЛЯНЕ (ПОЛЫСЬЕ). — ВОЛЫНЬ. —  
ПОДОЛЬ. — ЧЕРВОВАЯ РУСЬ.

Древнѣйшія извѣстія о народахъ, занимавшихъ Южнорусскую Землю, очень скудны; впрочемъ, не безъ основанія, руководствуясь какъ географическими, такъ и этнографическими чертами, слѣдуетъ отнести къ южнорусской исторіи древнія извѣстія объ Антахъ, по крайней мѣрѣ къ юго-западной отрасли этого народа. По извѣстію нашего лѣтописца, Улучи, Бужане и Тиверцы имѣли много городовъ, по Бугу и Днѣстру, вплоть до устья Дуная и до моря; они назывались у Грековъ Великая Скуфъ. Лѣтописецъ нашъ понималъ такъ, что подъ этимъ народомъ должно разумѣть народъ, извѣстный Грекамъ; и дѣйствительно мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей Антоу — народъ славянскаго происхожденія, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Не возможно, чтобъ подъ именемъ Антоу разумѣлись только Днѣстрянскіе жители; безъ всякаго сомнѣнія, этому имени придавали пространнѣйшее географическое значеніе. По толкованію ученыхъ, *антъ* есть прозваніе старовѣмецкое (Szafarzik, 402) и значитъ *великанъ*; это наводитъ насъ на предположеніе, что слово Антъ должно быть тоже названіе, что и *Великая Скуфъ* нашего лѣтописца. Невольно мы встрѣчаемъ соотношеніе съ южнорусскимъ преданіемъ о томъ, что въ Украинѣ, въ древности, жили люди исполинскаго роста — *Вѣлетмі*, т. е. великаны, ходившіе съ цѣлой сосной въ рукѣ, опираясь на нее какъ на палку. Это высокорослое племя оставило свои слѣды въ тѣхъ земляныхъ валахъ и *могилахъ* (курганахъ), которыми усыпана Южная



Русь. За свои грѣхи и за вражду между собою, они были потоплены; послѣ нихъ явились другіе великаны, — погибли тоже въ свою очередь, — и съ тѣхъ поръ родъ человѣческій началъ мельчать. Преданіе о великанахъ теперь уже сбилось съ пути и, кажется, въ немъ надобно искать два преданія: въ одномъ, народъ признаетъ великановъ предками своими, воображаетъ, что прежде родъ человѣческій былъ рослѣе и массивнѣе, а впоследствии измельчалъ, а въ другомъ признаетъ великановъ враждебными предкамъ народа, къ которому принадлежатъ рассказчики, и даже перѣдко самихъ этихъ великановъ считаетъ болѣе фантастическими чудовищами, чѣмъ людьми. Эти великаны имѣютъ соотношеніе съ зміями, столь значительное мѣсто занимающими въ нашихъ сказкахъ, и, какъ видно, суть тоже, что въ лѣтописныхъ преданіяхъ древніе Обры (Чешск. Обр, Польск. Olbrzym — великанъ), враги и мучители Славянскаго племени.

Слово *Вѣлетні* и преданія о древнихъ исполинахъ указываютъ на сходство, а, можетъ быть, и единство ихъ со словомъ *Вельняне*, которымъ, по словамъ нашей лѣтописи, замѣнились народныя названія Бужанъ и Дулибовъ. У лѣтописца нашего говорится въ одномъ мѣстѣ »Бужане, послѣ же Вельняне«, а въ другомъ мѣстѣ, ниже перваго, »Дулѣбы сядяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельняне«. Или Дулибы были славянская вѣтвь, впоследствии замѣщенная другою, или же одно названіе, древнее, одного и того же народа замѣнилось другимъ — Вельняне.

Слѣды названія Дулибовъ остались до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Горыни. Такъ на рѣкѣ Туріи есть деревня Дулибы, между Никополемъ и Гушцю (въ Ровенскомъ уѣздѣ); три деревни подъ этимъ именемъ, въ восточной Галиціи, на рѣкѣ Стрипѣ и въ губерніи Подольской; сверхъ того, созвучныя названія попадаются и въ другихъ мѣстахъ Руси, даже не южной; напримѣръ — Дулебчина въ Гродненской губерніи. Это распространеніе имени Дулибовъ по пространству Русскаго міра указываетъ, что оно нѣкогда имѣло значеніе шире и не ограничивалось однимъ только краемъ на Волыни.

Слово Вельняне кажется имѣть тождество съ *Вельнянами* Массуди, которые были нѣкогда сильнымъ народомъ, имѣли своего князя Мажека. Это указываетъ какъ бы на то, что въ древности народы южнорусскіе составляли одно тѣло, въ известной степени сильное, которое приняло названіе Вельнянъ, т. е. великаго народа. *Велинний* значитъ тоже, что *великій*, тоже что *антъ*. А какъ подъ именемъ Антовъ разумѣли не какой-нибудь частный этнографическій признакъ, но большой отдѣлъ сла-

вляскаго племени, то, вѣроятно, и подѣ Вельнянами разумѣется не одинъ какой либо народъ, а союзъ южнорусскихъ народцевъ. Итакъ, названіе Антовъ и Вельнянъ и преданія о *вѣстникахъ* состоятъ между собою въ связи и указываютъ на древнее единство и взаимную связь народовъ Южной Руси.

Западная часть этого народа, уже близъ самыхъ горъ Карпатскихъ, носила названіе *Хорватовъ*. Правдоподобно производить это имя отъ *hrb* — *холмъ*, и въ такомъ случаѣ Хорваты будутъ тоже, что Гуцулы (или Горалы) — жители Карпатскихъ горъ и ихъ подножія. Назывались ли Хорватами жители восточной Галиціи къ границамъ нынѣшней Россіи? Едва ли. По Днѣстру, какъ говорятъ, жили Улучи и Тиверцы; следовательно, жители прибрежья этой рѣки не назывались Хорватами.

Хорваты, конечно, были близки къ Тиверцамъ и Улучамъ, ибо теперь потомки Хорватовъ, какъ потомки послѣднихъ, — Южноруссы по языку, съ незначительными мѣстными отнѣнами.

Давнее знакомство съ Греками, вѣроятно, способствовало цивилизаціи южнорусскаго народа и, конечно, она бы стояла на значительной степени, если бы притомъ не препятствовали ей развитію безпрестанные находы съ востока дикихъ ордъ, причинившихъ ему разореніе. Онъ былъ народъ земледѣльческій: объ этомъ свидѣлствуютъ Греки въ описаніи Антовъ; да и изъ нашихъ лѣтописцевъ это видно, какъ показываетъ самое преданіе о томъ, что Обры запрягали Дулибовъ въ плугъ. Обрядъ, отпавляемый отцомъ семейства въ сочельникъ, по своему сходству съ обрядомъ Свантовитова богослуженія въ Арконѣ, указываетъ на свою древность и, своимъ характеромъ, свидѣлствуетъ о древности земледѣлія у южно-русскихъ Славянъ.

Множество городовъ у Днѣстрианскихъ жителей, Улучей, показываетъ, съ одной стороны, небезопасность края, гдѣ жители подвергались непріятельскимъ набѣгамъ и должны были укрываться въ укрѣпленныхъ городахъ; съ другой — извѣстное развитіе осѣдлости и цивилизаціи, ибо, не смотря на опасности, они, вмѣсто того, чтобы, подобнономадамъ, уйти прочь, предпочитали лучше оставаться въ опасномъ краѣ и изыскивать средства для своего огражденія. Устройство городовъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на существованіе въ странѣ администраціи, ибо гдѣ были города, тамъ, конечно, къ городамъ принадлежали округа: такъ вездѣ было у Славянъ. Сильнымъ и энергичнымъ народомъ въ тѣ времена, кажется, они не были, потому что ихъ легко покоряли чужеземцы, какъ и удалось Олегу.

Степень цивилизации частей южнорусского народа издревле была различна. Такъ, по извѣстіямъ нашего лѣтописца, Поляне изображаются цивилизованнѣе Дрeвлянъ. Поляне знаютъ бракъ; у Дрeвлянъ, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, удерживалось *умиканье* дѣвицъ. Какъ ни подозрительно могло бы казаться предпочтеніе, оказываемое, въ отношеніи нравственнаго образованія, Полянамъ предъ Дрeвлянами лѣтописью, но дѣйствительно Поляне имѣли болѣе залога цивилизации, чѣмъ Дрeвляне: первые обитали близъ большой рѣки и, слѣдовательно, могли завести удобнѣе знакомство съ образованною Греціей и съ берегами Тавриды, гдѣ еще сохранялись остатки древней образованности; походъ Кія подъ Цареградъ, переселенія Кія на Дунай и обратно, — все это преданія, въ которыхъ несомнѣнно одно: давнее знакомство Полянъ съ Греціей.

Договоры Олега и Игоря достаточно показываютъ древность сношеній Полянъ-Руси съ Югомъ. Все, что говорится въ этихъ договорахъ о Руси, относится должно не только къ чужеземной Руси, пришедшей въ кievскую сторону, но и къ туземцамъ — Руси-Полянамъ, ибо въ договорѣ Олега говорится о *возобновленіи* бывшей между христианами и Русью любви. Эта бывшая любовь конечно существовала между славянскими племенами и Греками. И не только у Поляновъ, но отчасти и у другихъ Славянскихъ народовъ, которые чрезъ посредство Полянъ имѣли сношенія съ Греками. Видно, что они строили лодки и плавали по Днѣпру, ходили на море не для разбоевъ, а для мирныхъ сношеній; одни ловили рыбу на Бѣлобережьѣ, то есть, у устья Дуная, другіе, съ тою же цѣлю, плавали къ берегамъ Тавриды. Нѣкоторые ходили въ Царьградъ на работы и проживали на службѣ въ императорскомъ войскѣ. Очевидно, что эти извѣстія въ договорѣ относились не къ одной Русской Руси, но и къ тѣмъ, съ которыми смѣшалась эта Русь. Въ Царьградѣ жили русскіе торговцы и, вѣроятно, торгъ, который они вели съ Греками, былъ выгоденъ для послѣднихъ, когда гости получали отъ императора мѣсячину. Договоры Олега и Игоря говорятъ много объ огражденіи какъ Русскихъ, такъ и Грековъ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, отъ порабощенія личностей. Отсюда кажется достовернымъ, что самыя войны Олега и Игоря возникали вслѣдствіе споровъ между Полянами въ Кіевѣ и Византіи, — что однимъ изъ предметовъ этихъ споровъ было то, что торговцы и промышленники попадались въ рабство; ибо тотъ и другой договоръ стараются прекратить торговлю людьми и обязуютъ съ обѣихъ сторонъ отпускать и выкупать изъ плѣ-

на какъ Русскихъ, такъ и Грековъ, въ ихъ взаимныхъ дѣлахъ. Существованіе гостей у Полянъ показываетъ, съ одной стороны, значительное развитіе экономическаго быта, а съ другой — неравенство въ распределеніи состоянія. Уже тогда существовали *челядники*. Неизвѣстно, въ какомъ отношеніи они были къ другимъ сословіямъ — наемные или рабы, — и на какихъ началахъ? У Русскихъ были продажные рабы въ X столѣтіи: это видно изъ Святославовыхъ словъ, что *изъ Руси идетъ шкура, воскъ и челядь*. Такимъ образомъ, въ числѣ вывозныхъ русскихъ товаровъ въ Грецію были невольники. Но въ договорахъ Олега и Игоря хотя и говорится о *бьголюмъ челядинъ*, но въ тоже время духъ договоровъ клонится къ пресѣченію порабощенія личностей, такъ-что подѣ *челядиномъ* можно повидимому разумѣть служителя, убѣжавшаго отъ договора съ господиномъ, ибо выраженіе *поработить* равносильно — *убить: аще обращуть Русь кубару греческую въвержену на коемъ мьсть, да не пребидятъ ея; аще ли возметъ отъ нея кто что, ли челоувька поработить, или убьеть, — да будетъ повинекъ закону руску и греческу*.

Отправляя въ Грецію шкуры, медъ и воскъ, Поляне получали оттуда паволоки, матеріи, бывшія тогда въ употребленіи, и одежды; предметы эти были признакомъ богатства и зажиточности. Другіе товары, приходившіе изъ Греціи, были: вино, овощи и металлы. Поляне знали употребленіе металловъ и монеты. Изъ Греціи они получали золотыя номизмы, съ Дуная (изъ Угровъ) серебро. Въ договорахъ Олега и Игоря цѣнность означается *греческими златницами*. Все это показываетъ достаточную зажиточность, по крайней мѣрѣ между нѣкоторыми, и знакомство съ цивилизаціей.

Знакомство съ Греціей распространило между Полянами христіанство. Едва ли можно предположить, чтобъ только съ половины IX вѣка, то есть съ Аскольда и Дира, проникло христіанство въ Кіевъ; легенда объ апостолѣ Андрѣе есть не что иное, какъ апофеозъ памяти о древнемъ христіанствѣ въ той странѣ. Не можетъ быть, чтобы христіанская вѣра не проникла туда издавна путемъ торговли и путемъ проповѣди. Съ половины IX вѣка мы узнаемъ уже объ открытомъ крещеніи Руси, отъ многихъ византійскихъ лѣтописцевъ. Патріархъ Фотій, въ окружной своей грамотѣ, оповѣстилъ отрадное и счастливое для всей христіанской Церкви событіе — обращеніе Руссовъ. Съ тѣхъ поръ христіанская вѣра расцвѣтала въ Кіевѣ и разширялась. Въ договорѣ Игоря мы встрѣчаемъ и церковь, — церковь Иліи, которая была соборная; изъ этого видно, что были

еще и не соборныя. Лѣтописецъ, назвавъ эту соборную церковь, замѣтилъ, что и многіе Варяги были крещены. Видно, христіанство было настолько распространено, что могло привлечь къ себѣ скоро пришельцевъ; еслибъ число Христіанъ было не значительно, то христіанство едва ли могло бы имѣть такое вліяніе на нихъ, будучи религіею только немногихъ. Христіанству можно было научиться въ Кіевѣ; такъ научилась ему и сдѣлалась христіанкою мать Святослава. Язычество, хладнокровно смотрѣвшее на то, что новая вѣра болѣе и болѣе пріобрѣтала поля, только при Владимірѣ оказало дѣятельную оппозицію. Владиміръ поставилъ на холмѣ боговъ, собравши какихъ могъ — и славянскихъ и литовскихъ. Онъ, какъ кажется, облакалъ прежнее язычество въ болѣе опредѣлительныя формы. Подъ 983 годомъ лѣтописецъ рассказываетъ о человѣческой жертвѣ, устроенной Владиміромъ; кажется, этотъ поступокъ былъ не жертвоприносительнымъ, но выраженіемъ мщенія, ибо для жертвы избранъ былъ христіанинъ; точно такъ и впослѣдствіи Литовцы вообще отличались нетерпимостію къ христіанству, всегда ссорились съ новою вѣрою и приносили въ жертву своимъ богамъ изъ Христіанъ, напримѣръ, пльнниковъ и ѳемцкихъ. Такъ какъ вѣра Христіанская стала уже сильно распространяться, Владиміръ принялъ сторону язычества и, тогда, конечно возникла оппозиція со стороны Христіанства. Владиміръ отличался деспотическими наклонностямъ. Кажется, этому способствовало, съ одной стороны, вліяніе Грековъ, которые уже приносили въ Кіевъ понятіе о царственности и величіи своихъ царей, съ другой — вліяніе Хазарь. Не даромъ, въ рѣчи своей на память Владиміра, Іаковъ называлъ его Каганомъ. Коль скоро Хазарское слово Каганъ вошло въ Русь, то, конечно, вошли до извѣстной степени и понятія восточныя. Именно хазарскимъ правамъ слѣдуетъ приписать и это сладострастіе Владиміра, эту толпу женъ и наложницъ. Онъ началъ преслѣдованіе на Христіанъ, и жертвоприношеніе Варяга было однимъ изъ проявленій такого преслѣдованія. Подъ 988 годомъ рассказывается у лѣтописца, что вдругъ являются въ Кіевѣ разныхъ вѣръ учителя: они всѣ хотѣли обратить въ свою вѣру князя и народъ. Что значитъ такое внезапное явленіе, отъ чего они узнали, что въ Кіевѣ можетъ быть перемѣна вѣры? Что заставило Владиміра искать вѣры, когда онъ передъ тѣмъ былъ такимъ ревностнымъ язычникомъ и притомъ, какъ кажется, утвердителемъ языческой религіи? И вдругъ этотъ князь измѣняетъ ей? Вѣроятно, оппозиція язычеству со стороны Христіанства взяла въ Кіевѣ верхъ; князь долженъ былъ уступить, и самъ князь, вѣрно, увлекаясь большипи-

ствомъ, началъ сомнѣваться въ божественности своихъ болвановъ. Подобное стеченіе вѣроучителей въ одно время могло быть только тогда, когда къ этому располагали внутреннія обстоятельства страны, куда сошлись эти вѣроучители. Почти несомнѣнно, что принятіе крещенія Владиміромъ было не безъ того, что къ этому располагало его существованіе сильной партіи между Кіевлянами, исповѣдывавшей Христіанство и притомъ Христіанство православнаго закона, восточнаго. По извѣстію лѣтописца, когда онъ собралъ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и началъ съ ними совѣтоваться, какую ему вѣру выбирать изъ нѣсколькихъ предлагаемыхъ, тогда большинство признало, что лучше избрать греческую, и указывало на примѣръ Ольги, называемой ими мудрѣйшею всѣхъ челоуѣковъ. Конечно, коль скоро образовалось понятіе о превосходствѣ Греческой вѣры предъ другими, то это показываетъ знакомство съ нею и, слѣдовательно, большее въ сравненіи съ другими ея распространеніе. Многочисленностію православныхъ христіанъ въ Кіевѣ до крещенія Владиміра объясняется и та покорность толпы, съ которою Кіевляне стремились креститься по приказанію Кіевского князя. Вѣрно, многіе изъ некрещеныхъ уже были расположены къ Христіанству по наученію своихъ близкихъ и сами не смѣли креститься, а были очень довольны, когда князь уступилъ общему духу. Совсѣмъ иное произошло въ Новѣ-городѣ, куда Христіанство проникало не такъ удачно и не такъ давно, какъ въ Кіевѣ. Тамъ Добрыня долженъ былъ употреблять оружіе и огонь, чтобъ приводить Новгородцевъ на путь истины и спасенія.

Безъ сомнѣнія, сравнительное предъ сосѣдями превосходство цивилизаціи Кіева и Полянъ еще въ язычествѣ, содѣйствовало тому, что этотъ народецъ содѣлался послѣ крещенія центромъ, связующимъ остальные племена Славянъ. Иными являются Древяне, ихъ сосѣди. Здѣсь опять приходится тоже сказать, что сказано уже по поводу Полянъ. Описаніе Древянъ въ черныхъ краскахъ, какъ, напротивъ, противниковъ ихъ Полянъ въ свѣтлыхъ, показываетъ, что лѣтописецъ не былъ изъятъ отъ народной нелюбви къ Древянамъ, какъ не былъ изъятъ отъ привязанности къ Полянамъ. Но если мы сознаемъ, что и географическія условія и обстоятельства располагали Полянъ къ полученію и развитію въ себѣ болѣе образованности, то съ другой стороны Древянамъ подобныя условія препятствовали къ ея достиженію. Древяне жили въ непроходимыхъ, дремучихъ лѣсахъ, а лѣсная жизнь, извѣстно, способствуетъ къ одичанію; земля ихъ была менѣе плодородна, скуднѣе было путей сообщенія, которые бы знакомили ихъ съ образованнымъ міромъ. Изъ рассказовъ,

которые лѣтопись помѣщаетъ по поводу прибытія пословъ Мала къ Ольгѣ, видно, что о нихъ ходили такіе же анекдоты, обличающіе ихъ глупость, какіе и теперь ходятъ о Полѣщукахъ, потомкахъ старинныхъ Древлянъ. Такъ, древлянскіе послы нехотятъ говорить: «мы не идемъ и не ѣдемъ на лошадахъ, а несите насъ въ ладьяхъ»; и когда ихъ несли въ ладьи, о нихъ говоритъ лѣтописецъ, что они *въ переиблахъ въ великихъ суступлахъ гордящеся*. Ольга заманила ихъ въ западню. Цѣль разсказа такова, чтобъ показать глупость и несмышленость Древлянъ, что они не могли предвидѣть своей бѣды. Въ томъ вѣкѣ, когда такъ слабы были умы обществъ, сила и хитрость брали верхъ и умъ измѣрялся именно тѣмъ, чтобъ не попасть въ обманъ. Повѣсть не ставитъ въ упрекъ Ольгѣ ея вѣроломныхъ поступковъ, но выставляетъ глупымъ народъ, который легко было надуть. Древляне не были знакомы съ духомъ мести, и потому такъ доверились; это показываетъ, что у Славянъ вообще она была мало развита: иначе, если бы даже предположить, что у Полянъ существовала святость мщенія, а у Древлянъ ея не было, то все-таки послѣдніе не доверились бы своимъ врагамъ; но еще не зная пришельцевъ съ Балтійскаго поморья, они думали, что можно и съ ними поссориться, и потомъ помириться безопасно. Ольга пользуется новостью обычая, а уважительный тонъ повѣсти объ Ольгѣ показываетъ, что Славяне стали сами заимствовать этотъ обычай; впоследствии онъ какъ будто пропадаетъ, ибо даже въ дракахъ нашихъ позднѣйшихъ князей замѣчается, какъ онъ смягчался и исчезалъ; несомнѣнно, что, кромѣ христіанства, на ослабленіе его дѣйствовала также перевѣсъ Славянскаго элемента среди пришлымъ. Изобіеніе Древлянъ на трізніѣ, устроенной Ольгой въ честь Игоря, и самое затѣйливое мщеніе княгини посредствомъ воробьевъ и голубей—все это показываетъ, что Древлянъ почитали глуповатыми и простаками.

Изъ всѣхъ извѣстій, переданныхъ намъ лѣтописцемъ, видно, что у этого народа сохранились первобытные обычаи, которые у Полянъ уже измѣнились подъ вліяніемъ нѣсколькихъ высшихъ понятій. У Древлянъ было неправошесее лѣтописцу умыканье дѣвицъ у воды, столь общее всѣмъ почти первобытнымъ народамъ. Имъ извѣстно было земледѣліе, ибо Ольга, склоняя Коростѣянъ поддаться, выражается о другихъ Древлянахъ, что они *дѣлаютъ нивы свои и землю свою*; они занимались скотоводствомъ и овцеводствомъ, когда употребляютъ сравненіе Игоря съ волкомъ, когда этотъ звѣрь ворвется между овецъ; какъ у лѣснаго народа, у нихъ было въ изобиліи звѣрловство и пчеловодство, ибо дава-

ли дань шкурами и медомъ. Они были, какъ кажется, раздѣлены на мелкія области, ибо говорятъ: *наши князи*. За одного изъ нихъ, можетъ быть главнаго, Мала, приглашали итти замужъ Ольгу; — несчастное сватовство, кончившееся порабощеніемъ Древлянъ.

Живя въ лѣсныхъ деревняхъ, Древляне строили города, которые, по общему славянскому обычаю, имѣли значеніе господствующихъ мѣстностей. вмѣстѣ съ тѣмъ, города были мѣстомъ большей цивилизаціи, состоящей въ земледѣліи; города древлянскіе не были тѣмъ, чѣмъ впоследствии обозначалось это названіе, а селами: жители занимались земледѣліемъ. Въ деревняхъ занимались болѣе звѣроловствомъ. Всѣ города съ землями составляли одну союзную Землю, и существовало сознание о ея единствѣ, потому что когда Ольга покоряла Древлянъ, то обходила съ сыномъ Святославомъ всю Древлянскую землю.

По покореніи Древлянской земли, Ольга установила въ ней ловища, мѣста для ловли и сноса звѣриныхъ шкуръ, которыя составляли дань! Древляне должны были ловить звѣрей и доставлять шкуры въ Кіевъ и Вышгородъ. Покореніе Древлянъ было не только подданствомъ, но порабощеніемъ: Ольга оставила только *прокъ ихъ* для платежа тяжелой дани, а другихъ отдала въ работу своимъ мужамъ. Соображая богатства Русской Земли, шедшія, по словамъ Святослава, въ Грецію, видно, что дань, наложенная на Древлянъ, была выгодна для Кіева по торговлѣ съ Греціею. Плоды трудовъ Древлянъ переходили въ Кіевъ въ руки князей и бояръ и отправлялись въ Византію, промѣнивались тамъ на произведенія юга и, конечно, сами Древляне не имѣли никакой выгоды; порабощенные, они должны были работать для господъ.

Покореніе Древлянъ способствовало въ формированію и усиленію высшаго класса, ослѣдлости пришлыхъ Руссовъ и смѣшенію народностей. Еслибы принимать произвольно созданную нашими историками-ислѣдователями теорію родового быта съ патриархами—родоначальниками, еслибъ родовая связь поглощала семейную, тогда надобно было бы принять издревле строгое аристократическое начало, возвышеніе нѣсколькихъ родовъ, униженіе и порабощеніе другихъ. Но зная исторію Славянскихъ народовъ и въ особенности Русскаго, замѣчая слѣды старые въ древнихъ памятникахъ, не видно, да и предположить нельзя, чтобъ на родовыхъ основаніяхъ семьи находились подъ какой нибудь зависимостью отъ извѣстныхъ лицъ-родоначальниковъ; а поэтому невозможно было образоваться родовому рабству, то есть, такому рабству, когда прежняя власть отеческая, по мѣрѣ родственной отдаленности тѣхъ, которые



должны были находиться къ ней, такъ сказать, въ сыновнемъ отношеніи, перешла во власть господскую. Семьи дѣлились отъ ней, и каждая семья, если бы и сознавала связь съ другою, то не была зависима одна отъ другой.

Покореніе Древлянъ, если не вносило въ жизнь Южнорусскихъ Славянъ рабства вновь, то усиливало его, распространяло, упрочивало тѣ начатки его, которые существовали изстари, ибо цѣлый народъ объявленъ былъ въ рабствѣ. И это возвысило высшій классъ. Отсюда-то эти бояре, сильные, подобно князьямъ имѣвшіе свои дружины въ Кіевѣ, о которыхъ осталась память даже въ пѣсняхъ (напримѣръ Иванъ Годновичъ, Чурило Пленковичъ). По проісхожденію своему, эти бояре, какъ они назывались, были во-первыхъ Руссы—пришельцы и, во-вторыхъ — Руссы-Поляне, съ массою которыхъ совершилось поработеніе Древлянскаго народа. Поляне, и прежде ставшіе уже въ уровень съ пришельцами, скоро усвоившими ихъ народность, теиерь еще болѣе сливались; они пользовались равенствомъ господскихъ правъ надъ покореннымъ народомъ: и пришлецъ-Русинъ и Полянинъ-Русинъ равнымъ образомъ были господа, высшій классъ въ отношеніи Древлянъ. Часть поработеннаго народа переведена была въ землю Полянъ—русскую, другая осталась на мѣстѣ, и Руссы съ Полянами сдѣлались владѣльцами въ землѣ Древлянъ. Иначе не могло быть: надобно же было держать въ покорности поработенный народъ. Слово *становища*, которое упоминается въ лѣтописи разомъ со словомъ ловища, указываетъ на учрежденіе новыхъ жилыхъ мѣстъ, назначенныхъ быть административными пунктами. Они именно могли быть повѣрены только Руссамъ или Полянамъ, но никакъ не Древлянамъ. О становищахъ говорится, что то были *ел* (Ольги) становища. Слѣдовательно здѣсь идетъ рѣчь о такой части покоренной земли, которая досталась собственно на долю княгини и ея семейства. Если принять во вниманіе, что въ то время другимъ отданы были въ рабство Древляне, то открывается, что въ Древлянской землѣ явилось два рода господъ: одни—владѣльцы тѣхъ, которыхъ отдали въ рабство, другіе—въ качествѣ должностныхъ лицъ находившіеся на становищахъ. Ольга установила *уставы* и *уроки*, слѣдовательно опредѣленные обязанности. Последнее слово (*уроки*) указываетъ на обязательныя работы; надзирать надъ уроками и собирать дань по уставамъ должны были конечно тѣ, которые поставлены были на становищахъ. Здѣсь исторія наша невольно, по сходству обстоятельствъ, совпадаетъ съ западною, гдѣ господствовала земельная раздача. Часть страны оставляетъ Ольга для себя въ дань, другую раздастъ мужамъ сво-

имъ, дружинѣ. Но остается неизвѣстнымъ, какал часть Древлянскон земли была такимъ образомъ порабощена? Нельзя думать, чтобъ одинъ Искоростѣнь. Ибо хотя Ольга и говоритъ Искоростѣнянамъ: всѣ ваши города предались мнѣ и рѣшили платитъ дань и обдѣлывать свои нивы и земли, а вы хотите умереть отъ голода, не повинуюсь и не хотя платитъ дань; — но здѣсь Ольга обманываетъ Древлянъ, сообразно своему обычаю; это видно изъ того, что лѣтописецъ прежде этого замѣтилъ, что Древляне побѣжали и затворились въ своихъ городахъ, слѣдовательно не сдались, какъ увѣряла Ольга. Хотя, послѣ завоеванія Искоростѣня, вса земля Древлянская была подчинена и Ольга усталила въ ней уроки, становища и ловища, но, вѣроятно, не всѣ подверглись такой горькой судьбѣ, какъ Искоростѣнь, ибо послѣдній долженъ былъ подвергнуться особому мщенію. Такимъ образомъ, вѣроятно, болѣе степенн порабощенія подвергся Искоростѣнь, чѣмъ другіе, и конечно тѣ, которые добровольно сдавались, пользовались болѣею льготою, чѣмъ тѣ, которые оказывали упорство. Но, какъ видно, Ольга повсемѣстно въ Древлянскон землѣ разставляла своихъ мужей.

Такое отношеніе двухъ сосѣднихъ народовъ должно было развитъ въ обоихъ разные взгляды и характеры. Поляне были народъ побѣдительный, Древляне — покоренный; первые — господа, вторые — рабы; и, конечно, должны были изъ этого произойти разные проявленія общественнаго и домашняго быта, разное теченіе исторіи. Кіевъ дѣлался центромъ управленія народовъ не только близкихъ, но и болѣе далекихъ. Покореніе Древлянъ, показывавшее силу Русскон Земли, еще болѣе должно было утвердить мысль о первенствѣ ея надъ другими народами. Но такъ какъ ни обстоятельства не способствовали утвержденію централизаци, ни понятія о ней не развивались, то вмѣстѣ съ другими землями и Древляне скоро начали жить самобытною жизнью уже въ удѣльномъ порядкѣ; это началось тогда, когда Свитославъ далъ одному изъ сыновей своихъ, Олегу, въ удѣлъ Древлянскую или Деревскую землю. Центромъ всей Древлянскон земли сталъ тогда Овручъ. Граница Древлянскон земли протягивалась по сосѣдству къ Кіеву: ибо выѣхавши изъ Кіева на охоту, можно было охотиться на Древлянскон землѣ. Кто знаетъ, не проявилось ли возстаніе побѣжденныхъ во враждѣ двухъ братьевъ и что побѣжденные настроили Олега убить Свѣнелдова сына? Это было въ 975, чрезъ пять лѣтъ послѣ воцаренія Олега въ Древлянскон земли и черезъ 20 лѣтъ послѣ покоренія Древлянскон земли. Когда Олегъ вышелъ противъ Ярополка, то у него былъ полкъ, а не дружина, слѣдовательно (какъ выходитъ постоянно

по смыслу слова полкъ) были ополченые жители края собранные на битву. Здесь снова Древляне воиственною силою ополчаются на Полянъ, хотя и подъ нѣмѣнными условіями. Но когда Олегъ былъ убитъ, Ярополкъ, перенявъ волость своего брата, не видѣлъ сопротивленія. Въ продолженіе тридцати лѣтъ разселившіеся по Древлянской землѣ Русины успѣли пустить въ народѣ идею, что надъ ними имѣетъ право княжескій родъ; а потому оппозиція, еслибъ и была, то ужъ проходила бы подъ вліяніемъ этого новаго, умѣряющаго начала.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ отношенія Полянъ къ другимъ южно-русскимъ народамъ: Дульбамъ, Улучамъ, Тиверцамъ, Хорватамъ. Еще въ концѣ IX вѣка, съ Улучами и Тиверцами Олегъ не могъ скоро справиться, и подъ годами 884 — 885 сказано, что Олегъ имѣлъ съ ними рать. Во время похода въ Царьградъ (904 — 907). эти народы, а равно и Хорваты, участвуютъ въ его ополченіи противъ Грековъ. Изъ этихъ извѣстій заключили, что тогда, значить, народы эти были уже покорены Олегомъ. Можетъ быть, до нѣкоторой степени. Но такъ какъ Олегъ взялъ ихъ въ свое войско, то едвали это было бы возможно, еслибъ покореніе ихъ сопровождалось такимъ же порабоженіемъ, какъ Древлянъ Ольгою, ибо въ тотъ вѣкъ участіе въ войнѣ было принадлежностію свободныхъ. Въ договорѣ Олега говорится, что этотъ договоръ съ Греками заключенъ отъ имени его, великаго князя, и свѣтлыхъ князей, сущихъ подъ его рукою. Вѣроятно, послѣ войны съ Улучами и Тиверцами, Олегъ какъ нибудь долженъ былъ съ нимъ помириться, и они стали отъ него въ зависимости на выгодныхъ для себя условіяхъ. Что касается до Хорватовъ, то они первый разъ были подчинены, и отняты у Поляковъ, только при Владимірѣ.

Приливъ пришлаго варяго-русскаго народонаселенія сообщилъ новый оттискъ характеру Полянъ и развилъ въ нихъ воинственный элементъ. Это поддерживалось походами противъ Грековъ. Мы не знаемъ поводовъ, руководившихъ Руссами въ этихъ набѣгахъ; но это не были просто одни разбойничьи набѣги, потому что въ договорахъ виденъ народъ торговый и Греки дорожили сношеніями съ нимъ. Скорѣе всего надобно предположить, что повѣствователь, по обычаю лѣтописцевъ, умалчиваетъ о причинахъ, не выставляетъ пружинъ, руководившихъ походами Русскихъ, исключая Святославова похода; а эти причины, вѣроятно, заключались въ столкновенія съ Греками преимущественно по торговлѣ. Поляне долго, кажется, не могли показывать своей самостоятельности и должны были уступать Грекамъ; но когда явились къ нимъ воинственные мореходцы, когда

сошлись они съ Полянами, которые также были плавателями, но только мирными, тогда послѣднимъ сообщился духъ отваги и охота мести за тѣ поступки, которые они считали несправедливыми со стороны Грековъ. Походы въ Грецію способствовали къ утверженію власти князей и соединенію народовъ. То была приманка для удалыхъ того вѣка — собираться подъ знамена вѣщаго князя, идти на далекую сторону и воротиться оттуда съ добычею, привезти паволоки и золота, хвастаться предъ тѣми, кто оставался дома, передавать добычу дѣтямъ на память отцовской славы. Предводители народцевъ легче становились подчиненными Киевскому князю, когда онъ ихъ обогащалъ. Это, соединяя народы, мало по малу подклоняло ихъ подъ власть единого рода и приготавливало къ новому порядку, когда въ разныхъ частяхъ русскаго міра должны были явиться князья, хотя особые, но связанные между собой и родомъ и единствомъ страны.

По понятіямъ того времени у Русскаго народа, успѣхъ служилъ залогомъ покорности, ибо успѣхъ приписывался вліянію таинственной силы. Такъ Олега прозвали *вплцимъ*, *вѣдуномъ*. А коль скоро онъ былъ вѣщій для народа, то и покорность ему утверждалась. Слава побѣдъ располагала къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Сильнѣе всего развился духъ удалства и предприимчивости при Святославѣ, когда удача слѣдовала за удачей. Удалыя толпы ходили съ нимъ на степи, побѣдили Хазарь, которымъ ихъ предки шѣюгда платили дань. Это должно было сильно возвысить народное чувство и еще болѣе прикрѣплять народы къ Киеву и внушать къ нему уваженіе, ибо изъ Киева исходили такіе славные подвиги. Толпы охотниковъ отправились со Святославомъ въ Переяславль, удачи далѣе и далѣе заводили духъ воинственности. Завоеваніе Болгаріи, по современнымъ понятіямъ, не было чѣмъ либо отличнымъ отъ покоренія Древянъ и Тиверцевъ, или присоединенія ихъ къ Киеву. Болгары были самая близкая къ русскимъ Славянамъ народность; тогда еще языки ихъ и нравы не такъ различались, какъ послѣ; между ними такъ было много общаго, что Киевляне именно шли туда не съ мыслию о завоеваніи чужаго, а руководясь побужденіемъ близости соединенія Славянскихъ народовъ, долженствующихъ войти въ закладку новой державы. Предѣлы этой державы расширялись по мѣрѣ того, какъ народный взоръ встрѣчалъ сходственное съ своею народностію. О Болгарахъ явилась также мысль, что они должны войти въ русскій міръ. Можно съ этимъ вмѣстѣ проникнуть, какимъ образомъ у Святослава и у товарищей его возникла идея поселиться въ Переяславль Дунайскомъ. Конечно, съ перваго взгляда пока-

зывается здѣсь какъ бы недостатокъ осѣдлости. Итътъ; Поляне были осѣдлы, ибо занимались земледѣліемъ; скитались только тѣ, которые занимались торговлею, но договоръ показываетъ, что и послѣдніе, живучи въ Константинополь, не утрачивали связи съ родиною; ибо когда умиралъ гость въ Греческой землѣ, то имущество его слѣдовало перенести въ Русь къ милымъ сродникамъ. Изъ этого же договора видно, что русскіе торговцы только временно посѣщали Цареградъ и Грецію, и воротались всегда домой. Это не могло развить у Полян охоты перемѣнять навсегда мѣсто жительства. Духъ долженъ былъ измѣняться отъ стеченія молодецвъ изъ разныхъ славянорусскихъ народцевъ въ дружинѣ князей. Князья своими походами привлекали ихъ съ разныхъ сторонъ Славяно-русскаго міра, составляли изъ нихъ подвижное населеніе кочующихъ молодецвъ, набѣдниковъ и пиратовъ, готовыхъ жить вездѣ, не жалѣя о родинѣ; отечествомъ ихъ дѣлалось море или степь; то были Запорожцы своего вѣка; вотъ этихъ-то удалыхъ и увелъ Святославъ въ Болгарію. Явились Печенѣги. Въ 968 году они осадили Кіевъ. Лѣтописецъ указываетъ, что въ то время некому было охранять города безъ Святослава. Является воевода съ другой стороны Днѣпра, слѣдовательно не Кіевскій. Оборонять Кіевъ въ Кіевѣ было некому. Такія событія должны были неизбежно внушать Руссамъ необходимость не пускаться болѣе въ далекіе походы и не лишать своей земли вооруженной силы. Поззія геройской отваги начала находить себѣ поле на родной землѣ, а не на чуждомъ югѣ и не на морѣ. Преданія о Печенѣгахъ, записанныя въ лѣтописяхъ, расцвѣчены колоритомъ героическаго эпоса, какъ это видно изъ сказки о кожевникѣ, сказки, до сихъ поръ существующей въ народныхъ преданіяхъ. Но такой духъ господствовалъ не долговѣчно. Поляне увлеклись только на время присутствіемъ между ними чужаго народа. Проявившійся при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ завоевательный элементъ въ характерѣ народа скоро ослабѣваетъ; ибо онъ явился временно въ слѣдствіе толчка, даннаго пришельцами. Конечно, къ обузданію этой завоевательности помогало и принятіе христіанства, но несомнѣнно и племенное вліяніе; ибо собственноодно христіанство, еслибъ и огрѣдило Византію отъ нападений Руссовъ, то обратило бы воинственность послѣднихъ въ другую сторону. Но христіанство даже не перервало сразу и вошедшей прежде въ привычку враждебности къ Грціи; ибо при Ярославѣ, уже по принятіи Христіанства, сынъ великаго князя съ Вышатою сдѣлалъ морской походъ на Византію. То были уже послѣдніе отголоски прежняго угасавшаго теперь героизма. Воинственность народа уже

и прежде стала обращаться не къ завоеваніямъ, а только къ охраненію предѣловъ своей страны. Этому измѣненію содѣйствовали не перестававшіе набѣги народовъ турецкаго племени. Половцы смѣнили Печенѣговъ, отрѣзали у Руссовъ море, разсѣялись по степямъ и остановили распространеніе русскаго элемента на югъ и востокъ по степямъ. Окруженные кочующими впродциами, Русскіе уже не могли думать о завоеваніяхъ. Не мало располагала къ измѣненію воинственности Кіевлянъ и междоусобія, возникшія между ихъ князьями. Какъ народъ молодой, Славяне легко могли увлечься сообщеннымъ имъ отъ чужихъ воинственнымъ духомъ, и героизмъ завоеванія блеснулъ у нихъ на короткое время, но южнорусскій народъ уже прежде познакомился съ спокойною жизнью и получилъ наклонность къ ея удобствамъ. Какъ бы ни были преувеличены рассказы о богатствахъ Кіева, о множествѣ церквей, о восьми торговыхъ площадяхъ у Дитмара, все это имѣетъ свое историческое основаніе. Что Кіевъ былъ дѣйствительно богатъ, это показываетъ то, что здѣсь было издавна важнѣйшее торговое мѣсто для сѣвера съ Византіей. Разумѣется, Олеговы и Игоревы грабежи еще болѣе обогащали его; собираемыя съ покорныхъ народовъ дани способствовали стеченію богатствъ къ Кіевлянамъ. Славянскіе народы, подвластные Кіеву, платили опредѣленную дань, которая шла князю, но князь дѣлился ею съ боярами и дружиною; такимъ образомъ, эта дань обогащала и Кіевъ. Мы знаемъ изъ нашей лѣтописи, что одинъ Новгородъ платилъ ежегодно двѣ тысячи гривенъ въ Кіевъ, а тысячу гривенъ гридямъ, содержа гарнизонъ при князѣ. Предъ концемъ жизни Владиміра, сынъ его Ярославъ вздумалъ-было не отдавать отцу этой дачи, и отецъ хотѣлъ на него идти войною, разбить его, но отъ огорченія умеръ. У Кіевлянъ, въ то время, неволью образовался нѣсколько высокоумѣрный взглядъ на другіе русскіе народы. Такъ, во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, когда Святополковъ воевода увидѣлъ противъ себя Новгородцевъ, назвалъ ихъ пресзрительно хоромниками и плотниками, и говорилъ, что заставитъ ихъ рубить имъ (Кіевлянамъ) хоромы. Но то было выраженіе не воинственнаго завоеванія, а скорѣе зазнавшася господства, привыкшаго къ хорошей жизни на счетъ другихъ.

Въ характерѣ Кіевлянъ было что-то мягкое, роскошное, сибаритское. Не далѣе какъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ крещенія, Болеславъ, пришедши на помощь Святополку, и самъ потерялъ свою царственно побѣдительную крѣпость и войско свое развратилъ и обезсилилъ. Кіевскія женщины славились сладострастіемъ. Богатство, роскошь и веселая жизнь приманивали всякого, кто только могъ поселиться между Кіевлянами. Черезъ пол-

вѣка послѣ приключенія съ Болеславомъ Храбрымъ точно тоже сдѣлалось съ внукомъ его Болеславомъ Смѣлымъ: тутъ Поляки забыли и своихъ женъ въ Польшѣ и свои дворы и хозяйства. Какъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ о пирахъ Владиміровыхъ, такъ и пѣсни стараго времени, сохранившіяся у Великоруссовъ, подтверждаютъ репутацию сибаритства, которую приобрѣлъ себѣ Кіевъ на Западѣ. Волокитство считалось удалствомъ; волокиты хвастали своими подвигами и поставляли въ нихъ достоинство, какъ въ героическихъ наѣздахъ. Вотъ, напримѣръ, на пиру краснаго солнышка Владимира одинъ богатырь расхвастался, и говоритъ, что онъ гулялъ молодець изъ земли въ землю, загулялъ къ королю;

Король меня молодца любилъ, жаловалъ,  
Да и королева вить молодца также,  
А Настасья королевишна у души держитъ.

Отцы берегли своихъ дочерей, по выраженію пѣсень, за три-девятью замками, за три-девятью ключами, чтобъ и вѣтеръ не завѣялъ, и солнце не запекло.

О кокетствѣ женщинъ кіевскихъ упоминаетъ и Даниилъ Заточеникъ, говоря: *нѣкогда же видѣхъ жену злообразну, приищю.ну зеркалу и мажущюся румянцемъ*. Кажется, что вліяніе княжескаго двора, гридницы, поддерживало это сибаритство и развращеніе женщинъ, какъ говорится, напримѣръ, въ пѣснѣ о Маринѣ:

Водилася съ дѣтьми княженецкими.

На кіевскихъ женщинъ въ преданіяхъ, сохранныхъ въ пѣсняхъ, легла память легкомысленности, развращенія и вмѣстѣ съ тѣмъ колдовства. Кіевская кокетка привораживаетъ къ себѣ любовниковъ и мѣняетъ ихъ по произволу. Такова Марина Игнатьевна въ пѣснѣ о Добрынѣ Никитичѣ. Она собираетъ къ себѣ и дѣвицъ и женъ, сводитъ ихъ съ молодцами и сама водится съ дѣтьми со княженецкими и со змѣемъ Горынчищемъ — олицетвореніемъ силы, враждебной Русскому элементу, чужеземной, указывающей на пребываніе въ Кіевѣ разнородныхъ племенъ. Она привораживаетъ богатырей къ себѣ:

Разжигаетъ дрова палещатымъ огнемъ;  
И сама она дровамъ приговариваетъ:  
Сколь жарко дрова разгораются  
Со тѣми слѣды молодецкими,  
Разгаралось бы сердце молодецкое  
Какъ у молодца Добрынюшки Никитыча.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она умѣетъ перевертывать людей въ звѣрей:

А я-де обернула девять молодцовъ  
Сильныхъ, могучихъ богатырей гвѣдыми турами,  
А и вышѣ-де отпустила десятого молодца  
Добрыню Никитѣевича:  
Онъ всѣмъ отамапъ — златы рога.

Другая такая же кокетка грозитъ оборотить ее въ суку:

А п хошь, п я тебя сукой оберну.

И сама чародѣйка умѣетъ принимать образы:

А п женское дѣло перелестное,  
Перелестнос, перенадчивое:  
Обернулася Марипа косаточкой.

Отсюда, конечно, укоренилось въ народѣ прозвище: кievская вѣдьма. Кокетство соединилось съ чародѣйствомъ и волшебствомъ, ибо если женщины привлекали къ себѣ мужчинъ, то это приписывалось волшебству.

Типы добрыхъ женъ рѣдки; въ примѣръ можно указать на Василису Микулишну Денисову, которая лучше рѣшилась умертвить себя, чѣмъ измѣнить мужу; но за то сама княгиня, жена князя Владиміра, изображается совѣмъ не нравственно; и о княжескихъ женахъ осталось въ народѣ тоже воззрѣніе, какъ и вообще о женщинахъ. Жена Владиміра красна солишка любезничаетъ со змѣемъ Тугаринымъ.

Мужской типъ волокитства, и вмѣстѣ извѣженности, является типически въ Чурилѣ Плѣнковичѣ. Это — щеголь, кружитель женскихъ головъ, старорусскій Донъ-Жуанъ, или Ловласъ. Онъ такъ занимается собою, что когда ѣдетъ по двору своему, то передъ нимъ несутъ подсолнечники, чтобъ не запекло солнце бѣла лица его. Владиміръ князь ни на что болѣе не могъ употребить его при своемъ дворѣ, какъ только на то, чтобъ созывать гостей на пиръ. Пиръ длится во всю ночь, а когда богатыри разъѣзжаются по домамъ,

Въ тотъ день выпадало спѣгу бѣлаго,  
И нашли они свѣжій слѣдъ.  
Сами они дивуются:  
Либо заяка скакалъ, либо бѣлъ горпостай.  
А ппы тутъ усмѣхаются,

говорять:

Знать это не заяка скакалъ, не бѣлъ горпостай,  
Это шель Чурило Пленковичъ .



Къ старому Берлатѣ Васильевичу,  
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной.

Сладострастіе Владиміра-язычника, столько наложницъ, жившихъ въ его загородномъ дворцѣ—все это гармонируетъ какъ нельзя болѣе съ распущенностью нравовъ въ то время вообще. Пиръ былъ душею общественной жизни. Замѣчательно, что Владиміръ когда крестился и, естественно, потому получилъ склонность къ мягкости нрава, то, по неизмѣнному народному понятію, показывалъ эту мягкость, эту кротость и любовь христіанскую — въ пирахъ, которые задавалъ народу. Пиръ устраивался послѣ всякаго отраднaго народнаго событія, особенно послѣ побѣдъ, какъ и значится подобный пиръ послѣ побѣды на день Преображенія Господня надъ Печенѣгами, когда построена была церковь въ Василевѣ. Освященіе было ознаменовано праздникомъ. На всякую недѣлю князь устраивалъ пиръ въ гридницахъ на дворѣ. На пирахъ этихъ ѣли мясо скотское и дичь, рыбу и овощи, а пили вино, медъ, который мѣряли проварами (варя 300 проваръ меду). Медъ былъ національнымъ напиткомъ. На пиръ созывались не только кіевляне, но и изъ другихъ городовъ. Въ гридницу допускались пировать бояре, гридничіе, сотскіе, десятскіе, народъ; люди простые и убогіе обѣдали на дворѣ; сверхъ того, по городу возили на колесахъ пищу (хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи) и раздавали тѣмъ, которые не могли, по нездоровью, придти на княжескій дворъ.

Эти пиръ происходили въ то же время не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ городахъ; поэтому, въ пригородахъ кіевскихъ, князь держалъ запасы напитковъ, такъ называемые *медуши*.

Какъ такіе пиръ были привлекательны, видно изъ того, что на далекіе вѣка прошла о нихъ память и пирующій князь сдѣлался идеаломъ русскаго довольства жизни, и Владиміръ красно солнышко сталъ синонимомъ добраго и веселаго князя вообще. Въ пѣсняхъ, онъ показывается не просвѣтителемъ Русской земли, а идеаломъ роскошнаго господина; потому онъ остается столько же языческимъ, какъ и христіанскимъ княземъ: одно, что даетъ ему нѣсколько христіанскій колоритъ, это то, что онъ угощаетъ и щихъ и калѣкъ. По старому русскому понятію, пиръ не долженъ былъ обходиться безъ угощенія щихъ и калѣкъ. Вообще въ сказкахъ южнорусскихъ, добрый князь или король, когда учреждаетъ пиръ, то непременно приглашаетъ ихъ. Даже если князь чѣмъ-нибудь затрудняется, что-нибудь хочетъ получить отъ судьбы, то пиръ на весь міръ и угощеніе бѣдняковъ есть средство къ

приобрѣтенію удачи. Памятью древняго сознанія богатства и довольства Кіева и его земли остается въ лѣтописи разсказъ о томъ молодцѣ Бѣлого-родцѣ, который обманулъ Печенѣга (а Печенѣгъ также глуповатъ былъ, какъ и Древлянинъ, въ глазахъ Руссовъ кievскихъ). Подводя его къ колодецу, гдѣ была поставлена кадъ съ киселемъ, Русскій увѣрилъ Печенѣга, что земля сама производитъ имъ кисель. Здѣсь неволью вспоминаются кисельные берега, медовыя и молочныя рѣчки. Такой же смыслъ роскоши и богатства страны представляетъ разсказъ лѣтописца о томъ, какъ дружина сказала Владимиру: *зло нашимъ головамъ! намъ псть деревянными ложницами, а не серебрянными!* Кіевскій князь приказалъ исковать серебрянныя ложки для дружины, и говоритъ: я серебромъ и золотомъ не найду дружины, а дружиною найду серебро и золото, какъ отецъ мой и дѣдъ донскался дружиною злата и сребра.

Это довольство привлекало въ Кіевъ и въ русскую землю съ разныхъ сторонъ жителей. Населеніе Кіева и русской земли не было однородное: тутъ были и Греки и Варяги, Шведы и Датчане и Поляки, и Печенѣги и Нѣмцы, и Жиды и Болгаре. Эта пестрота народонаселенія объясняетъ и преданіе о предложеніяхъ Владимиру принять ту или другую вѣру; если здѣсь нужно искать исторической истины, то предлагавшіе Владимиру вѣру были скорѣе жители Кіева, чѣмъ иноземные апостолы. При Владимирѣ, послѣ его крещенія, при Святополкѣ и при Ярославѣ, Кіевъ быстро развивался и процвѣталъ. При веселой жизни и распущенности нравовъ, кievляне не имѣли ничего строгаго, подавляющаго; оттого въ Кіевъ и Русскую Землю сбѣгались, по извѣстію Титмара, разнаго рода бѣгле рабы, — тутъ они находили себѣ пріютъ и пропитаніе. Вѣроятно тутъ же себѣ находили люди рабочіе хорошіе заработки; охота строить зданія, украшать дома, призывала туда рабочихъ. Въ Кіевской Землѣ мяте, чѣмъ гдѣ нибудь, могъ сохраниться чистый типъ одной народности, когда люди всякаго званія и ремесла скоплялись тамъ отовсюду. Даже тѣ, которые составляли княжескую дружину, — класъ возвышавшійся надъ массою, по значенію и силѣ, — были не Кіевляне по происхожденію, а пришельцы. Это показывается въ былинахъ стараго времени Владимірова цикла. Богатыри пріѣзжаютъ служить Владимиру, — кто изъ Мурома, кто изъ Ростова, кто изъ Царягорода, или съ береговъ Дуная, изъ чуждыхъ далекихъ странъ. Все это даетъ поводъ воображать себѣ старыи Кіевъ въ родѣ тѣхъ городовъ, гдѣ наплывъ разнородныхъ типовъ даетъ жителямъ вообще физиономію смѣси. Даже и Кіевская Земля была населена такою же смѣсью. При Владимирѣ, на лѣвой сто-

ронѣ Днѣпра, населеніе увеличилось не посредствомъ природнаго размноженія народа и не подвиженіемъ его съ правой стороны Днѣпра, а переселеніемъ изъ разныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, странъ Русской системы. *И нача* — говоритъ нашъ лѣтописецъ (подъ 988 г.) — *стави ти города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежи, и по Суль, и по Стугнѣ, и нача нарубати мужь лучшій отъ Словенъ, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели города.* Въ 990 г., онъ населилъ Бѣлгородъ также точно: «наруби въ не отъ нѣхъ городовъ и много людей сведе въ оныя». И здѣсь тоже заселялся городъ вмѣстѣ своднымъ народонаселеніемъ изъ разныхъ странъ и городовъ. (Что значить *наруби*? Вѣроятно при сводѣ народа для населенія новыхъ мѣстъ употреблялся какой-нибудь обычай дѣлать *зарубки* или замѣтки, по жребію). Такимъ образомъ, переселеніе въ Русскую Землю совершилось изъ Бѣлоруссін, изъ Средней Россін, изъ Новгородской Земли и наконецъ изъ Чюди. Нельзя думать, чтобы это было первое заселеніе лѣвой стороны, ибо мы знаемъ, что тамъ жили уже народы, и притомъ лѣтописецъ влагаетъ въ уста Владиміру слова: «се малъ городъ около Кіева», т. е. мало городовъ, а не мало жителей. Жители жили въ деревняхъ и для защиты ихъ не нужно было городовъ, и поэтому онъ призвалъ или переселилъ лучшихъ людей изъ чужихъ народовъ — не земледѣльцевъ, не смердовъ, но способныхъ къ оружію. Это должно было способствовать образованію въ нѣкоторомъ смыслѣ высшаго сословія, ибо въ тотъ вѣкъ люди, посвященные военнымъ занятіямъ и оборонѣ края, должны были пользоваться уваженіемъ и преимуществами предъ простымъ народомъ; а военные — мужи города — были люди разнаго происхожденія и, слѣдовательно, составляли сами по себѣ общество, отдѣльное отъ массы народа и несвязанное съ ними этнографическимъ единствомъ и мѣстными преданіями.

При свободѣ и распущенности, при стеченіи разнохарактернаго народа изъ близкихъ и далекихъ сторонъ, не удивительно, что отъ этого древняго періода нашей исторіи сохранились черты, показывающіе тогда дурное состояніе нравственности. Въ Кіевѣ и въ Русской Землѣ происходили убійства и безчинства. Лѣтописецъ говоритъ: *умножишася разбоеве*; слово *разбоеве*, какъ видно изъ Русской Правды, нельзя принимать въ нашемъ смыслѣ этого слова; оно выражало тогда ссоры, поединки и драки. Какъ вообще въ торговомъ городѣ, гдѣ любятъ богатства, гдѣ комфортъ своего рода предпочитается всему, въ Кіевѣ человекъ дѣлался продажнымъ. Эта продажность очень высказывается и тѣмъ, что еписко-

пы и старцы сказали о казни убійць: у насъ войны часто, а когда виру брать, то будетъ на оружье и на лошадей (Рать много; оже вира, то на оружьи и на конехъ буди). У князей Святополка и Ярославъ являются черты, воспитанныя на Кіевской почвѣ: и дикость язычества и развращеніе столицы. Святополкъ былъ пьяница и сибаритъ, гуляка и наглый злодѣй. »Люти бѣ граду тому, въ немже князь юнъ, любий пиры, вино съ гусльми и съ младыми совѣтниками«. Святополкъ любилъ пожить, повеселиться и не останавливался ни предъ какимъ злодѣяніемъ. Ему мѣшали братья. За чѣмъ съ ними дѣлаться, когда можно взять одному? Едва ли здѣсь, какъ нѣкоторые толковали, руководила имъ месть за отца Ярополка, и ни въ какомъ случаѣ не подвигало его сознательное стремленіе къ единовластію, съ видами политическими: то былъ порывъ необузданного пьяницы, развращеннаго гуляка и легко было ему найти исполнителей въ массѣ разноплеменнаго и развращеннаго края; имена ихъ указываютъ на иноземное происхожденіе. Имя Еловитъ—какъ-будто Сербское, имя Лешко показываетъ, что отецъ его былъ Ляхъ родомъ. И съ другой стороны, у Бориса былъ отрокъ Угринъ. Совершивши злодѣянія, Святополкъ долженъ былъ обезопасить себя отъ Кіевлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же они признаютъ княземъ братоубійцу? Но Кіевлянъ легко было привести къ признанію княжескаго достоинства за злодѣемъ. »Созавъ люди, пача даяти овѣмъ коръзи (одежды), а другимъ кунами, и разда множество«. Кто были эти люди — или передовые въ городѣ, бояры, или простой народъ? И то и другое возможно, а неясность поставляетъ насъ въ неумѣнное отношеніе относительно этого важнаго обстоятельства. Отъ кого бы ни зависѣла судьба Кіева, а съ нимъ и цѣлой Руси, въ то время: отъ избранныхъ ли классовъ, или отъ народа, — въ томъ и другомъ случаѣ легко можно было торжествовать неправдѣ и прикрыться продажности. Дѣйствительно, Святополкъ даже могъ обдарить цѣлый Кіевъ. Все вознаградилось бы, коль скоро онъ начнетъ собирать дань съ подвластныхъ народовъ и областей. Вотъ здѣсь открывается народная мѣстная черта. Еще народъ Кіевскій не впалъ въ рабскую покорность, но могъ подпасть подъ всякую неправую власть посредствомъ приманки его матеріальными выгодами. Съ другой стороны, Ярославъ, прославленный лѣтописцемъ столько же, сколько былъ проклипаемъ Святополкъ, по нравственнымъ своимъ понятіямъ недалеко былъ выше Святополка; хитрый, жестокій, онъ вполне обрисовывается въ поступкѣ своемъ съ Новгородцами, которыхъ, за избіеніе чужеземцевъ Варяговъ,

создавши тайно къ себѣ, перебилъ. Другой, не менѣе возмутительный, поступокъ этого князя былъ съ роднымъ братомъ Судиславомъ.

Чувственность, порывы наслаждаться жизнью, производя развращеніе нравовъ, не убивали однако въ народѣ воинственнаго элемента, не доводили его до той изнѣженности, при которой народъ дѣлается неспособнымъ ни къ общему предпріятію, ни къ общему самосохраненію. Столкновенія съ иноплемениками, какъ выше мы сказали, не давали успѣту его молодымъ силамъ. Въ пѣсняхъ великорусскихъ о Кіевскомъ періодѣ, гдѣ хотя послѣдующіе вѣка положили сильно свой колоритъ, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, несъезя не видѣть основы глубоко древней, въ характерѣ тогдашнихъ богатырей, вмѣстѣ съ чувственностію, показывается и удаля и богатырство. На самыхъ пирахъ отиравались разные пробы удалства: борьба, стрѣлянье изъ лука въ цѣль:

Будетъ день въ половицу дня,  
Будетъ столъ въ полустолѣ,  
Богатыри прирасхвастались молодецкой удалю.  
Алешенька Поповичъ, что бороться гораздъ,  
А Добрыня Никитичъ — гораздѣ его,  
А Дунай сынъ Шваповичъ изъ лука стрѣлять,  
По той было мѣточкѣ стрѣлять въ золотъ перстень,  
Что во ту было ставочку муравлену.

Даже женщины показываютъ удалство. Такова жена Дуная, погибшая нечаянно отъ любившаго ея мужа, который хуже ея стрѣлялъ въ цѣль; такова жена Ставра-боярина, героиня, освободившая своего супруга отъ тюрьмы. Всѣ онѣ не Кіевлянки. Но въ Кіевъ, вмѣстѣ съ крещеніемъ и развращеніемъ, приходили и свѣжія нравственныя стхія жизни. Разгульная, веселая жизнь Кіевлянъ смущалась безпрестанными набѣгами Печенѣговъ. Битвы съ ними носятъ на себѣ поэтическій характеръ. Къ намъ перешли черезъ лѣтописи два разсказа, очень поэтическіе, о битвѣ на мѣстѣ нынѣшняго Переяслава и о хитрости въ Бѣлгородѣ. Какъ народны были эти разсказы и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ народны и значительны были тогдашнія войны съ Печенѣгами, достаточно видно изъ того, что разсказъ о богатырѣ, побѣдившемъ Печенѣговъ, до сихъ поръ живъ въ памяти народной. Въ древніе годы — разсказываетъ преданіе — явился подъ Кіевомъ змѣй и побѣдивъ Кіевлянъ, наложилъ на нихъ дань — по юношѣ и по дѣвицѣ. Давали горожане; пришла очередь и князю (замѣтимъ мимоходомъ, что это уравненіе правъ князя съ простыми смертными есть, въ существующей теперь пѣснѣ, остатокъ древняго взгляда, когда дѣйствительно о князѣ, хотя бы сильномъ и самовластномъ по обстоятель-

ствамъ, не имѣли такого понятія, какъ о государѣ). Князь далъ змѣю дочь свою. Змѣй полюбилъ ее страстно. Однажды кievская княжна приласкалась къ нему и говоритъ: а що, змѣюню, чи е такой на свѣтѣ, щобъ тебѣ подужавъ? Змѣй отвѣчалъ: есть, не далеко отъ Кіева, Кожемяка Кирило: какъ затопить печь, такъ дымъ стелется подъ облака; а какъ выѣдетъ на Днѣпръ мочить кожи, то несетъ ихъ не по одной, а разомъ двѣнадцать штукъ; какъ онѣ напитаются водою, то такъ отяжелѣютъ, что я, пробуя, цѣплялся за нихъ, думалъ вытянуть, анъ нѣтъ! а онъ какъ потянулъ, такъ и меня чуть съ ними не вытащилъ.

Былъ у княжны голубокъ, съ которымъ она пришла къ змѣю. Она написала записочку и привязала къ голубку; въ записочкѣ, она дала знать отцу: есть въ Кіевѣ человекъ Кирило Кожемяка; просите его черезъ старыхъ людей, не побьется ли онъ со змѣемъ и меня бѣдную не вызволитъ ли?

Когда голубокъ спустился на землю въ княжескомъ подворьѣ,—княжескіе дѣти играли по двору и, увидѣвши голубка, закричали: татусю, татусю! голубокъ одъ сестрички прилетѣвъ! Поймали голубка. Прочитавъ записку, князь созвалъ старцевъ и допросился отъ нихъ о силачѣ. Послали стариковъ къ Кирилу Кожемякѣ. Отворивъ двери его хаты, они застали его сидящаго за работою къ шмъ спиною: онъ мялъ кожи. Старцы кашлянули, какъ обыкновенно дѣлаютъ малороссіане, желая дать знать о своемъ присутствіи. Кожемяка вздрогнулъ, испугавшись внезапности, и разорвалъ двѣнадцать шкуръ, которыя держалъ въ рукахъ и чрезвычайно разсердился на гостей, обезпоковившихъ его и надѣлавшихъ ему убытку. Никакъ не могли упробить его. Князь послалъ къ нему молодыхъ (дружину),—и тѣ не упробили разсерженнаго богатыря. Наконецъ послали къ нему дѣтей: тѣ упробили его. Онъ явился къ князю, потребовалъ двѣнадцать бочекъ смолы и двѣнадцать возовъ конопляныхъ *ловисомъ*, намазалъ повѣсма смолою, обмотался ими, взялъ въ руки десятипудовую булаву, и пошелъ къ змѣю. Змѣй, увидя его, спрашиваетъ:—що, Кирило, чо́го приишовъ до мене: бѣтьця, чи мирѣтьця?—Дѣ вже тамъ мирѣтьця! отвѣчалъ богатырь: приишовъ зъ тобою бѣтьця.—Змѣй вырвалъ съ Кожемяки зубами коноплю; Кожемяка билъ булавою змѣя въ голову. И когда змѣй, разъярившись, не могъ вытерпѣть и бѣгалъ пить днѣпровскую воду, чтобъ сколько нибудь придти въ свѣжія силы, Кожемяка успѣвалъ снова обматывать коноплями мѣста, вырванныя змѣиными зубами; и снова начинался бой. Кожемяка билъ булавою въ голову змѣя, и расходился по окрестностямъ такой стукъ, какой бываетъ отъ множества работаю-

щихъ кузницъ. Въ Кіевѣ между тѣмъ звонили въ колокола, служили молебны, а народъ стоялъ на горахъ съ поднятыми къ небу руками и испрашивалъ Божіей помощи своему богатырю. Наконецъ змѣй палъ. Кирило сжегъ мертвое чудовище и пустилъ на четыре стороны свѣта его пепель, — и сдѣлалъ не хорошо: изъ этого пепла расплодилось всякая дрянь на свѣтѣ: комары, мухи, мошки. Но это послѣ испытали люди; а въ тотъ день, когда Кирило привелъ къ князю освобожденную дочь его, радость была неимовѣрная въ Кіевѣ.

Эта народная повѣсть, по своей основѣ, есть остатокъ древняго языческаго эпоса. Связь ея съ исторіей того богатыря, о которомъ говорится въ лѣтописи, не подлежитъ сомнѣнію. Черты: его гнѣвъ, его упрямство, его занятіе — все представляетъ сходство съ разсказомъ нашего лѣтописца. До сихъ поръ подъ Кіевомъ существуетъ *байракъ* съ хатами, висящими на двухъ обрывистыхъ горахъ. Это мѣсто называется *кожемяки* и народъ связываетъ это названіе съ именемъ Кирила Кожемяки.

Одною изъ разительнѣйшихъ чертъ древняго времени было *побратимство* или *названное братство*. Это былъ союзъ двухъ, трехъ и болѣе постороннихъ, не родныхъ между собою, лицъ, обязавшихся другъ другу помогать, другъ за друга сражаться, другъ друга избавлять, вызвать отъ опасностей, другъ за друга жертвовать жизнію и хранить пріязнь и братство дружбы ненарушимо. Этотъ обычай очень древень. Его слѣды встрѣчаются у Скивоувъ. Г. Новосельскій, въ своемъ сочиненіи—*Lud Ukraiński*, очень кстати представилъ на видъ разсказъ изъ діалоговъ Лукіана о трехъ Скивовахъ, заключившихъ между собою союзъ дружбы. Грековъ изумлялъ тогда этотъ варварскій обычай. Какое отношеніе имѣли къ намъ древніе Скивы, до этого нѣтъ дѣла при опредѣленіи значенія нашего побратимства или названнаго братства; довольно только, что оно существовало издавна на нашей почвѣ. Одинакія обстоятельства производятъ сходныя слѣдствія. » У васъ, Грековъ, — говорилъ имъ Скивоу, — нѣтъ истинной дружбы; но у насъ, гдѣ безъ войны не обойдешься, гдѣ надобно или нападать, или ждать нападенія, или оборонять свои поля, или грабить чужія, — дружба необходима; нужно имѣть друзей, которые бы на всякую бѣду отважились. « Въ такомъ сходномъ положеніи была тогда Южная Русь. Богатыри, которыхъ имена блестятъ такимъ эпическимъ сіяніемъ, не многи. Владиміръ часто долженъ былъ посылать удалыхъ высматривать, нѣтъ ли Печенѣговъ, а послѣдующіе князья — Половцевъ; другіе должны были ѣздить къ князьямъ

или отъ князей, или помогать имъ отъ себя для сбора даней; и тамъ и здѣсь имъ было небезопасно: надобно было пріобрѣтать друзей. Свято читлось это названіе братства или побратимства: измѣна брата чувствительнѣе казалась всякаго лишенія. Въ былинѣ о Василісѣ Даниловой, когда, угождая неубузданному произволу сладострастнаго князя, пошелъ на ея мужа, Данила Денисьевича, названный братъ Добрыня Никитичъ, Данило заплакалъ горькими слезами:

И гдѣ это слыхано, гдѣ видано:  
Братъ на брата съ боемъ идетъ?

И Данило не пережилъ такого ужаса:

Береть Данило свое востро копьё,  
Тупымъ концемъ втыкать во сыру землю,  
А на вострый копецъ самъ упалъ.

Это-то уваженіе къ святышѣ дружбы произвело болгарское сочиненіе и распространило свою у насъ легенду о братствѣ, гдѣ Иисусъ Христосъ устанавливаетъ братство.

Вотъ начало того братства, которое такъ еродно южнорусскому народу и составляетъ нѣкоторую характеристическую черту позднѣйшей исторіи его.

Видѣть съ богатырскимъ побратимствомъ, или названнымъ братствомъ, является подобное же въ монастыряхъ — братство духовное. Названные братства Алексѣя Поповича, Ильи Муромца, отозвались впоследствии въ Запорожской Сѣчи, а духовное братство первыхъ монастырей приготовило церковныя братства XVII в., отстоявшія религію греческую отъ насилія западнаго.

Побратимство никогда не прекращалось въ Украинѣ, какъ и въ Дунайскихъ Славянскихъ земляхъ. Главный и древнѣйшій символическій знакъ этого нравственнаго обычая есть обмѣна драгоценныхъ вещей или взаимный даръ. Теперь существуетъ этотъ обычай не только между мужчинами (или лучше — не столько между мужчинами, сколько между женщинами), но и женщинами — *посестримство*. Оно состоитъ въ обмѣнѣ крестовъ. Такой же обрядъ побратимства видѣнъ и въ разговорѣ воеводы Претича съ печенѣжскимъ княземъ въ 962 году: *рече же князь печенѣжскій къ Претичу: буди ми другъ. Онъ же рече: то же творю. И подаста руку межю собою, и въдасть печенежскій князь Претичю: конь, сабля, стрѣлы; онъ же дастъ ему: броню, щитъ, мечь.*



Во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, Кіевъ первый разъ попадаетъ въ руки чужеземцевъ. Болеславу такъ понравилось въ Кіевѣ, какъ нѣкогда Святославу въ Переяславцѣ. Народъ южнорусскій былъ въ такомъ же отношеніи къ Польскому, какъ Болгарскій къ Русскому. Какъ Русскіе, при Святославѣ, могли принять Болгарію за продолженіе Руси, такъ и Болеславъ—Русь за продолженіе Польши. Русскіе не противились, когда Болеславъ поставилъ на покорѣнь, по городамъ, свои дружины, а самъ засѣлъ въ Кіевѣ. Но потомъ, когда чужеземное сообщество имъ надоѣло, приняты были средства не рыцарскія, именно такія, какія были вполне согласны съ характеромъ населенія. Святополкъ, князь Кіева, руководилъ народомъ. Поляковъ избивали тайно. Поляки бѣжали, Ярославъ сдѣлался княземъ Кіевскимъ и правилъ, окруженный чуждою сплюю. Роль однихъ чужеземцевъ, Поляковъ, смѣнилась ролью другихъ—Варяговъ-Шведовъ. Это было время, когда Скандинавы, просвѣтившись христіанствомъ, начали показывать энергическую дѣятельность въ новой сферѣ; охота странствовать по-свѣту для разбоевъ замѣнилась нѣсколько болѣе законнымъ способомъ — стали занимать въ военную службу греческихъ императоровъ. Явились собственно такъ называемые Варенги или Варяги; они во множествѣ проходили черезъ Русь по Днѣпру. Кіевъ былъ ихъ временнымъ пристанищемъ. Тогда князья нашли удобнымъ приглашать ихъ, и вотъ они также, какъ и въ Греціи, у насъ являются съ тѣмъ же значеніемъ наемнаго сословія. Связь съ Норманами уже была очень значительна при Владимірѣ, какъ показываетъ сага Олафа Тригвасона. Князь Ярославъ, еще живучи въ Новгородѣ, женился на Ингердѣ, дочери короля Свенона. По поводу этого брака, много Нормановъ приходило къ намъ. По связямъ съ Швеціей, Ярославъ воспитывалъ у себя Олафова, сына Магнуса и отдалъ дочь свою за Гаральда Гардраде, Норвежскаго короля. Около княгини были одноземцы. По брачному договору съ Ингердой, Ладога была уступлена Ярлю Рагвальду. Съ помощію Варяговъ удержался князь на столѣ Кіевскомъ. Но какъ видно, Варяги вскорѣ надоѣли ему, и Ярославъ, видя, что уже устллся крѣпко, выпроводилъ ихъ въ Грецію. Тѣмъ кончилось кратковременное норманское вліяніе, продолжавшееся лѣтъ около 70-ти.

Намъ неизвѣстны подробности управленія Кіева и другихъ городовъ Южнорусскаго края, на столько, чтобы судить отношеніе его къ народному быту. Мы, однако, видимъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, что народъ раздѣлялся на сотни и десятки, были сотскіе и десятскіе, вѣроятно, выборные; по городамъ вмѣсто князя были княжескіе посадники (нашѣтщи-

ки) и старцы — старѣйшины изъ туземныхъ жителей. Близкіе князю лица носили общее названіе *дружины*; это было вмѣстѣ и военное сословіе и стража княжеская и совѣтники его. Владиміръ, по извѣстію лѣтописца, совѣтовался съ дружиною о строеніи землянѣмъ, и о ротахъ и уставѣ землянѣмъ. Слово бояре употребляется въ другихъ мѣстахъ въ смыслѣ первенствующихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ составу дружины. Бояре, какъ кажется, были старѣйшины Земли, или народа. Коль скоро былъ народъ, была и земля, съ землею соединялось понятіе бояра. Такъ различаются бояре по городамъ, бывшимъ центрами земли или ея отдѣловъ, наприм. бояре вышгородскіе, бояре бѣлгородскіе: это были лица, которыхъ значеніе соединялось съ мѣстностію, по какой они назывались. Что бояре отличались отъ мужей княжескихъ, это указываетъ въ житіи св. Владиміра, гдѣ говорится, что св. князь ставилъ трапезу *собѣ и бояромъ своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ*. Часть дружины, окружавшей князя, составляла то, что называлось *гриди* (лит. greitis — присѣлники, служители). Въ важныхъ дѣлахъ князь не начиналъ самъ собою ничего, а совѣтовался съ боярами, и дружиною, и старцами людскими. Подъ послѣдними разумѣлись выборные народомъ должностные лица. Какъ ихъ выбирали и какой объемъ былъ ихъ власти и обязанности, теперь напрасно хотѣли бы мы разяснить. Со времени побѣды надъ Хазарами съ одной стороны, а потомъ съ знакомствомъ съ Греціею, на князѣ, предводителѣ дружины, отчасти ложится отпечатокъ восточнаго вліянія. Замѣчательно, что, въ словѣ Иларіона, Владиміръ называется Хаганомъ. Это указываетъ на вліяніе восточно-хазарскаго элемента, который могъ бы, совокупно съ византійскимъ, водворить, подтвердить и укрѣпить единовластіе и значеніе царственности княжескаго достоинства, если бы развитіе удѣльности не помѣшало этому тотчасъ же. Невозможно опредѣлять, что брало перевѣсъ — восточный элементъ или свобода; и то и другое было въ зародышѣ, какъ и удѣльность и единоедержавіе. Возвышеніе челоуѣка за услуги могло быть по волѣ князя. Такъ богатыря, который побѣдилъ Печенѣжскаго исполина на мѣстѣ, на которомъ построены были Переяславль, Владиміръ сотворилъ великимъ мужемъ. Слѣдовательно, существовало понятіе о нареченіи на высшее достоинство, о пожалованіи. Даже существовали вышнія украшенія, означающія отличія. Такъ на Георгіи Угринѣ, отрокѣ Бориса, была гривна золотая, повѣшенная княземъ ему на шею, въ знакъ особаго расположенія.

Недостаточность источниковъ не даетъ намъ права представить, до

какой степени власть князя поглощала личную дѣятельность народа и общественную. Не было институцій ни поддиравшихъ княжескую власть, ни указывающихъ ей предѣлы. Несомнѣнно то, что, съ одной стороны, князь не утвердилъ еще въ себѣ понятія о царственности и о недоступности своей особы для прочихъ смертныхъ, съ другой—и народъ не развилъ въ себѣ идеи свободы въ отношеніи съ властію. Князь Владиміръ совѣтовался съ боярами и старцами людскими, призвалъ также къ себѣ сотскихъ и десятскихъ народа. Ни въ это время, ни послѣ, не видимъ мы ничего, что бы ставило князя на неприступную высоту величія. Владиміръ пируетъ со своими богатырями, какъ съ равными, или по крайней мѣрѣ не такъ, какъ съ рабами. Но бояре и дружина не имѣли, кажется, ничего строго родового, ибо послѣ смерти Владиміра, по извѣстію лѣтописца, плакали по немъ два рода людей: *бояре и убоиѣи*. Раздѣлая такимъ образомъ народъ, лѣтописецъ хотѣлъ выразить словомъ бояре—люди съ достаткомъ, въ противоположность бѣднякамъ—убогимъ. Виѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же мѣстѣ, поясняется слово бояре выраженіемъ: *плакали бояре, яко заступника ихъ земли, а убоиѣи, яко заступника и кормителя*. И такъ бояре были владѣтели земля, ибо земля представляется ихъ достояніемъ; охраняя землю, князь охранялъ бояръ. Въ Русской Правдѣ также имя бояринъ употребляется въ смыслѣ владѣтеля земли. Естественно, что тѣ, которые владѣли землями, имѣли и голосъ и составляли виѣстѣ съ княземъ власть; дружина же состояла изъ тѣхъ, которые охраняли князя и города, подвергавшіеся непрерывнымъ опустошеніямъ.

Вообще, однако, древній духъ южно-русскаго народа представляетъ уравнительное начало общественныхъ условій, какъ это показываютъ древнія сказки, на которыхъ лежитъ отпечатокъ глубочайшей старины. Хотя въ нихъ являются князья, короли и королевичи, за то сказка всегда хочетъ представить своего богатыря изъ незначительнаго происхожденія, или если даже сына королевскаго, то даетъ ему значеніе по чьему нибудь унижительное предъ другими, дабы послѣ выставить на показъ ту мысль, что вотъ тотъ, который сначала былъ меньшимъ всѣхъ по людскому понятію, стоить уваженія; на кого меньше возлагали надежды, тотъ вышелъ и дѣльте и полезнѣе всѣхъ. Много есть сказокъ, гдѣ играетъ роль мужицкій сынъ и притомъ сынъ мужика бѣднаго, а въ одной, въ фантастической, сынъ собаки (сучичъ) беретъ верхъ надъ сыномъ королевскимъ и спасаетъ его отъ всякихъ бѣдъ.

Въ то время, когда въ Кіевѣ образовывалось такое, повидимому, раслѣнное общество, явилась нравственная оппозиція этому развращенію

въ монастырѣ Печерскомъ. Съ самого появленія христіанства, новый духовный элементъ долженъ былъ ратовать противъ языческаго образа понятій и всего течения жизни подъ языческими привычками. Въмѣсто эгоистической преданности своимъ чувственнымъ пожеланіямъ, являются примѣры любви къ ближнему, помощи страждущему. Духовенство является съ оружіемъ одного слова, становится на челѣ народа, живущаго матеріальною силою. Уваженіе новокрещеннаго Владиміра къ епископамъ указываетъ на первую готовность подчинять языческую гордыню и необузданность христіанскому смиренію. Князь построилъ десятипуную церковь, — со всѣхъ его доходовъ назначена 10 часть на эту церковь; изъ житія св. Владиміра, писаннаго близкимъ къ нему по времени лицомъ, видно, что это назначалось для содержанія *духовенства и помощи сиротамъ и вдовамъ* (Христ. Чт. 1849, II. 307).

Вмѣсто уваженія къ силѣ и презрѣнія къ слабости (это столь естественно въ первобытныя времена цивилизаціи) является противное тому — уваженіе къ нищетѣ, и даже обоготвореніе страданія. Вѣра христіанская указываетъ другую цѣль жизни, открываетъ надежду на загробныя блага; вся здѣшняя жизнь не имѣетъ цѣны сама для себя. Страданія, терпѣніе за правду, ведутъ къ достиженію царствія Божія. Кто страдаетъ, тотъ получаетъ награду за свое страданіе по смерти. Отъ этой идеи возникла другая: не только не должно убѣгать отъ страданія — слѣдуетъ искать его. Это идея, новая для Русскихъ, вошедши къ намъ съ Православіемъ, какъ вообще всякое новое направленіе, пріобрѣла себѣ тотчасъ же горячихъ послѣдователей. Образовался такой взглядъ на новую вѣру, что сущность ея состоитъ въ постѣ, удрученіяхъ плоти и самопроизвольномъ страданіи. Увлеченные этимъ убѣжденіемъ искали страданія. Симонъ, епископъ Владимірскій, питомецъ Печерскаго монастыря, въ своемъ посланіи выразился: *вопрошаю же тя: чимъ хочещи спастися? аще и постникъ еси или трезвитель о всемъ и нищъ и безъ сна пребывая, а досажденія не терпя, не оузриши спасенія*. Подъ влияніемъ этого, внесеннаго къ намъ извпѣ, убѣжденія о необходимости страданія и терпѣнія для угожденія Богу, образовалось у насъ скоро послѣ принятія христіанства аскетическое направленіе: монастырское затворничество, изпуреніе себя голодомъ, безсонницею и трудами, и безпрестаннымъ обращеніемъ мысли и чувства къ духовному міру. Направленіе это, конечно, разнесли у насъ Греки, монахи и паломники, которые тотчасъ же послѣ крещенія Руси странствовали по городамъ и селамъ Русской Земли. Это видно изъ житія Осодосіева. Настроенный уже

къ чудесному, къ которому имѣлъ наклонность по своей натурѣ, Θεодосій встрѣтился со старцами и любезныя цѣлова ихъ и вопросы ихъ: откуда суть и камо грядуть? Опять же рекшимъ, яко отъ святыхъ мнѣтъ есма. Вотъ, видно, вскорѣ послѣ принятія христіанства, у насъ странствовали восточныя паломники между народомъ и они-то, своими разсказами, своимъ ученіемъ, своими образами блаженства будущей жизни, бросили сѣмя аскетическаго направленія въ Россіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, начали распространяться книги, переведенныя съ греческаго, житія святыхъ, гдѣ аскетическая жизнь выставялась, какъ образецъ.

Говоря въ обширномъ смыслѣ, православное ученіе о страданіи и терпѣніи за правду и вѣру можетъ быть очень разнообразно и способно избрать тотъ, другой и третій исходъ, смотря по настроенію и характеру народнаго быта. Идея терпѣнія можетъ различно проявляться. У насъ, по-видимому, сначала это аскетическое направленіе стало проявляться въ паломничествѣ или страшничествѣ, ибо Антоній, первый изъ подвигоположниковъ, отправился на Афонскую гору; Θεодосій также устремился было къ святымъ мѣстамъ, но скоро это направленіе измѣнилось и обратилось къ отечеству. Центромъ подвижничества сдѣлался Кіевъ. Страннымъ можетъ показаться нѣкоторымъ то обстоятельство, что люди, искавшіе уединенія, избрали мѣсто близъ многолюднаго и, какъ мы уже показали, сластолюбиваго города, а не гдѣ-нибудь вдалекѣ отъ центровъ гражданственности и торговли. Но вмѣстѣ съ желаніемъ спастись въ уединеніи самому, аскетами руководило еще желаніе и другихъ увлечь къ такому же добровольному терпѣнію, а Кіевъ былъ изъ всѣхъ городовъ болѣе христіанскій въ то время, слѣдовательно, какого бы рода ни была христіанская проповѣдь, нигдѣ столько не могла имѣть успѣха и найти себѣ послѣдователей. Примѣръ Θεодосія, отъ котораго осталось нѣсколько проповѣдей, показываетъ, что эти аскеты были не только труженики, но и проповѣдники, учителя, пропагаторы монастырскаго житія.

Вмѣстѣ съ религіозными преданіями Востока, зашлп къ намъ повѣсти о богоугодившихъ Оувандскихъ отцахъ, которые жили не въ домахъ, а въ пещерахъ, и сами себѣ ихъ искапывали. Въ древности, какъ извѣстно, кромѣ аскетическаго настроенія, къ этому побуждали и гоненія на христіанство и необходимость прятаться отъ преслѣдователей и враговъ. Это правило у насъ и сохранялось даже до позднѣйшихъ временъ. Многіе, желая угодить Богу, копали пещеры. Первый, начавшій копать пещеру, былъ Иларіонъ, священникъ бывшій въ Берестовѣ, котораго

Ярославъ послѣ сдѣлалъ кievскимъ митрополитомъ. Богоугожденіе въ копаніи пещеръ заключалось въ томъ, что человекъ томилъ себя произвольнымъ трудомъ, съ мыслию — принести себя самого въ жертву. Явился Антоній. Житіе, внесенное и въ лѣтопись, не говоритъ о томъ, какъ вошла къ нему идея итти въ Афонскую гору и кто былъ его наставникомъ. Вѣроятно, любечскій юноша, будущій начальникъ монашескаго житія въ Россіи, получилъ первыя сѣмена этого аскетизма отъ какихъ нибудь грековъ, какъ и Теодосій, о которомъ говорится, что онъ встрѣтилъ старцевъ изъ Святой Земли и пожелалъ съ ними итти на Востокъ. Неизвѣстность, какимъ образомъ вошла Антонію мысль итти въ святую гору и съ кѣмъ онъ дошелъ туда — для насъ большая потеря. Несомнѣнно то, однако, что полное развитіе аскетизма въ немъ совершилось уже на Святой Горѣ, ибо и житіе его (въ нашей лѣтописи) говоритъ, что онъ, обходявъ афонскіе монастыри, получилъ желаніе принять иноческій образъ; тогда монахи греческіе отправили его въ Русь и сдѣлали изъ него проповѣдника аскетическаго благочестія. Ему предсказали, что отъ него *черницы мнози быти имуть*. Антоній, слѣдовательно, возвращался въ отечество съ сознаниемъ призванія своего и съ убѣжденіемъ, что ему суждено основать въ Россіи монашеское житіе; онъ явился въ Кіевъ, а не куда-нибудь, въ Кіевъ, потому что тамъ уже были и монастыри, заведенные тотчасъ же прозелитами послѣ крещенія. Но, какъ видно, эти монастыри были не таковы, какъ святогорскіе, и житіе въ нихъ не было то, какого образъ составилъ въ созерцательной головѣ Антонія. Антоній поселился въ пещерѣ, ископанной Иларіономъ; получивши митрополитчій санъ, послѣдній оставилъ ее; Антоній полюбилъ это мѣсто и началъ тамъ жить, изнуряя себя воздержаніемъ, вкушая только хлѣбъ и воду, и то чрезъ день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Кіеву: христіане, зная изъ поученій своихъ священниковъ, что древніе святые проживали въ пещерахъ и тѣмъ угождали Богу, приходили къ Антонію, приносили ему все потребное и удивлялись его подвигамъ. Такъ, это была первая школа, не только словомъ, но и дѣломъ и примѣромъ распространенная и утвердившая въ народѣ то неизмѣнное до сихъ поръ понятіе, что сущность христіанскаго спасенія достигается самопроизвольными трудами, изнуреніемъ и всевозможнѣйшимъ терпѣніемъ и страданіями. Антоній не былъ однимъ изъ такихъ лицъ, которые способны энергическою практическою дѣятельностію основать, укрѣпить и поддержать создаваемое зданіе. Это была натура, какъ видно, короткая, мягкая. Біографъ его необинуясь говоритъ, что онъ былъ

*крость умолю.* Когда къ нему сошлось пѣсколько братіи, то онъ устроилъ имъ церковь, пазначилъ игумена, а самъ удалился въ пещеру, гдѣ пробылъ сорокъ лѣтъ. Лѣтописное житіе говоритъ, что онъ не выходилъ оттуда никогда; въ житіи св. Θεодосія говорится, что онъ вышелъ къ его матери.

Напротивъ, другой святой мужъ, Θεодосій, послѣдовавшій за Антоніемъ, былъ совсѣмъ другого характера. Это былъ человѣкъ столько же суроваго аскетизма, сколько и практической дѣятельности. Это былъ человѣкъ, для котораго недостаточно было думать о собственномъ спасеніи, онъ чувствовалъ въ себѣ силы дѣйствовать на ближнихъ, это былъ человѣкъ, желавшій спасти и другихъ — мужъ, дающій инициативу, руководящій духомъ времени. Въ терпѣніи онъ не уступалъ Антонію. По ночамъ, говоритъ жизнеописатель его, святой Θεодосій выходилъ надъ пещеру, обнажалъ свое тѣло до пояса и въ такомъ положеніи прядъ волну, отдавая тѣло свое на съѣденіе комарамъ и мошкамъ, и въ тоже время пѣлъ псалтырь; но этотъ человѣкъ не довольствовался самозаключеніемъ въ пещерѣ. Онъ создалъ монастырь, устроилъ общину воздержанія и самопроизвольнаго терпѣнія и истязанія. Въ немъ является качество законоположника, зодчаго; потому онъ прежде всего выписалъ изъ Греціи студійскій уставъ, пославъ въ Константинополь одного изъ благочестивыхъ братій. Когда принесли этотъ уставъ, устроитель приказывалъ читать его передъ братіей, ввелъ строгій порядокъ, наблюдавшійся во всѣхъ видахъ повседневной жизни. Прежде чѣмъ построенъ былъ монастырь, братія жила подъ землею въ тѣсныхъ пещерахъ, по подобію Оивандскихъ отцевъ, и спльно скорбѣла — говоритъ ихъ жизнеописатель — отъ тѣсноты мѣста. Попятно, что для русской натуры, любящей просторъ, показывающей эту склонность повсемѣстно, не могло быть ничего хуже тѣсноты. Братья ѣли хлѣбъ и воду, *въ субботу же и въ недѣлю сочива вкушашу; многажды и въ тѣ два дни, не обрътающуюся сочиву, земля сваривше, и то ядиху едино.* Трудъ постоянный считался необходимостью, отщельникъ долженъ былъ питаться непремѣнно отъ своихъ трудовъ: *еще же руками своими дѣлашу — ово ли копытця плетуше и колбуку и иная ручная дѣла строуще и тако, косяще въ градъ, продаваху и тѣмъ житю куплшху и се раздѣлашу, да каждо въ ноци свою часть измѣлше, на оустровіе хлѣбомъ; таже потомъ начатокъ пльию утрениему створяшу, и тако пакы дѣлашу ручное свое дѣло; друюйци же въ оградѣ копаху зеленнаго ради растенія —*

*дондеже бываше утреннему славословію, и того часа въкупъ съшедшея въ церкви, пѣнія часовъ творящу, и тако святу ю мѣтурію свершивше и тако вкушивше мало хлѣба, и пакы дѣло свое каждо имѣяше, и тако по вся дни трудящеса.* Когда наконецъ состроенъ былъ Печерскій монастырь и Θεодосій былъ его начальникомъ, онъ старался *умножить* монаховъ, принималъ всякаго, но держалъ ихъ въ подчиненіи и постоянно наблюдалъ, чтобы братія не облегчала себѣ подвиговъ спасенія. Уже тогда братія жила въ кельяхъ; каждую ночь Θεодосій обходилъ кельи и смотрѣлъ, кто что дѣлаетъ; не входя въ кельи, онъ не рѣдко подслушивалъ у дверей, и если слышалъ, что въ кельѣ разговариваютъ монахи между собою, то ударялъ палкою въ дверь и уходилъ, а на другой день призывалъ и дѣлалъ обличенія. По его правилу, монахи должны были избѣгать разговоровъ другъ съ другомъ по вечерни, но отслушавъ вечерню и павечерницу, каждый долженъ былъ отходить въ свою келію, и тамъ молиться. Ни у кого не должно быть ничего собственнаго, иначе св. Θεодосій бросалъ все въ огонь, что ни находилъ въ кельи монаха. Строгое послушаніе предписывалось безъ изыятія всѣмъ и для всякаго случая. Къ какому бы благому дѣлу ни приступалъ монахъ, онъ долженъ былъ испросить разрѣшенія и благословенія игумена, а безъ того — и хорошее дѣло считалось нехорошимъ. Θεодосій, предписывая строгость для другихъ, не только не дѣлалъ для себя изыатій, но налагалъ на себя еще болѣе томительныя тяжести, чѣмъ на подчиненныхъ. Онъ самъ перѣдко носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печь, ходилъ въ самой дурной, разодранной одеждѣ. Θεодосій любилъ дѣлать поученія и говорилъ ихъ монахамъ.

Трудясь для монастыря, онъ не оставлялъ своими поученіями и міра, не вполне, какъ Антоній, былъ чуждъ мірскихъ дѣлъ. Къ нему часто приходилъ князь Изяславъ Ярославичъ и бояры съ нимъ совѣтовались о жизни; онъ давалъ душеспасительные совѣты, исповѣдывалъ во грѣхахъ, разрѣшалъ и налагалъ епитимьи. Замѣчательно, что въ поученіи его князю о постѣ, онъ гораздо снисходительнѣе къ свѣтскимъ въ отношеніи поста, чѣмъ можно было ожидать отъ такого строгаго аскета. Но за то — главное — онъ требуетъ подчиненія духовенству, власти духовной. Вотъ чѣмъ отличается духъ его посланія. Не смотря на то, что постъ для него высшее проявленіе христіанства, онъ даже и постыться не дозволяетъ, если іерей не прикажетъ. Не думай и будь покоренъ власти духовной — вотъ сущность его аскетическаго ученія; послушаніе безъ размышленія есть долгъ. Вратарь у пе-



черскаго монастыря не пустилъ даже князя Изяслава, когда не приказалъ никого пускать игуменъ. Жизнеописатель Θεодосія рассказываетъ, что въ дѣтствѣ надъ нимъ господствовала мать; онъ убѣждалъ отъ нея въ монастырь и можетъ быть, что эта суровость родительской власти оставила вліяніе на тотъ строгій порядокъ, какой ввелъ онъ въ монастырь, и какой посредственно переходилъ и въ міръ, съ благочестивыми понятіями. Напримѣръ, видно въ вину келарю то, что въ противность Θεодосію игумену, онъ предложилъ пожертвованные хлѣбы братіи за трапезою не въ тотъ день, когда приказалъ игуменъ, а на другой. Этого мало: самые хлѣбы уже черезъ то сочтены оскверненными, и св. мужъ приказалъ ихъ пометать въ огонь, *яко вражую часть*.

Вмѣстѣ съ этимъ духомъ безусловной покорности, Θεодосій предостерегалъ братію отъ общенія съ иновѣрцами вообще. Жизнеописатель Θεодосія говоритъ, что нерѣдко онъ выходилъ тайно изъ кельи и монастыря къ Жидамъ и ругалъ ихъ въ глаза отметниками и беззаконниками, желая, чтобъ они его убили, и дабы такимъ образомъ сподобиться пострадать за христіанскую вѣру.

Въ пищѣ проповѣдывалось имѣть воздержаніе и неприхотливость, крайнюю умѣренность. Но святые поставляли въ томъ подвигъ, чтобъ ѣсть дурное и невкусное. Такимъ образомъ одинъ изъ нихъ, Прохоръ, прозываемый Лебедникомъ, во время голода осудилъ себя ѣсть хлѣбъ изъ лободы; онъ былъ горекъ и противенъ, но Богъ превращалъ его въ сладость.

Церковь заботилась объ аскетическомъ совершенствѣ чловѣка, смотря по силамъ, — начиная отъ суроваго воздержанія печерскихъ затворниковъ, до легкаго соблюденія постовъ мірянами. Лишать себя того, что правится, — вотъ въ этомъ состояла заслуга, на этомъ основывается такое уваженіе къ посту, которое привилось въ Русскомъ народѣ тотчасъ съ знакомства съ Христіанствомъ. И первые религіозные споры наши были о постѣ, ибо еще Изяславъ Ярославичъ спрашивалъ Θεодосія о томъ, можно ли ѣсть мясо въ Господскіе праздники. Θεодосій не только разрѣшилъ ему, но считалъ протпвзаконнымъ постъ въ большіе праздники. Такъ снисходительно смотрѣлъ онъ на мірянъ, когда такого суроваго воздержанія требовалъ отъ монаховъ.

Вмѣстѣ съ воздержаніемъ соединялось уваженіе къ труду; иногда трудъ этотъ предпринимался безъ опредѣленной цѣли, или лучше сказать, цѣль его была въ самомъ себѣ; трудиться было спасительно, ибо это Богу угодно, хотя бы не имѣлось въ виду никакой пользы. Такъ, трудились мужи святые по кельямъ; но большею частію трудъ, по понятіямъ, разви-

вавшимися въ Печерскомъ монастырѣ, былъ соединенъ съ униженіемъ и смиреніемъ. Такъ, напримѣръ, игумень Θεодосій носилъ братіи дрова въ избу и это ставилось ему въ заслугу потому, что онъ былъ начальное лицо, и потому уже собственно, по его сану, не должно было бы трудиться. Ставили въ большую заслугу то, что князь Никола Святоша служилъ въ монастырской поварнѣ, потомъ былъ вратаремъ; именно это ставили ему въ заслугу потому, что онъ былъ князь. Примѣръ уваженія къ дѣвству представляетъ повѣсть о Моисей Угрипѣ, сложенная очевидно такими, которые, живя въ монастырѣ, не знали міра и воображали его себѣ такимъ, какимъ онъ могъ казаться только тѣмъ, кто разошелся съ его тревоженіями. Моисей былъ взятъ Болеславомъ въ плѣнъ (братъ его былъ слугою Бориса и съ нимъ вмѣстѣ былъ убитъ). Какая-то знатная Полька хотѣла сочетаться съ нимъ, онъ упорствовалъ; она жаловалась королю и король хотѣлъ его заставить, но святой мужъ вмѣсто того сдѣлался евнухомъ.

Печерскій монастырь сообщалъ нашему религиозному убѣжденію неприязнь ко всему веселому, ко всему, что можетъ сообщить прелесть земной жизни. Вмѣстѣ съ пирами преслѣдовалось всякое смѣхотворство, всякое даже невинное увеселеніе. Θεодосій, заставши князя Святослава пирующимъ съ боярами и гуслирами, со слезами представлялъ ему, что такого не будетъ на томъ свѣтѣ.

На слезы и грусть смотрѣли, какъ на нѣчто священное. Одинъ изъ святыхъ, Θεофілъ (въ житіи Марка Печерника) выплакалъ глаза; ожидая много лѣтъ часа кончины, предсказанной ему Маркомъ, онъ мучился безпрестаннымъ ожиданіемъ смерти, — и когда умиралъ, то ангелъ показалъ ему сосудъ съ благовоннымъ муромъ, въ которое превратились его слезы; однако было столь мало, что превратившихся въ муро было мѣнѣ случайно упавшихъ на землю и оставшихся на платкѣ, отъ тѣхъ, которыя святой, плача, имѣлъ терпѣніе собирать въ сосудъ, который подставлялъ всегда, какъ собирався плакать. Объ одномъ изъ затворниковъ говорится: *оттоль разумьша вси, яко уюди Господеви: никогда же бо изыде и видѣ солнце, и 12 лѣтъ и плача не преста день и ночь; ядше бо мало хлѣба и воды, по скуду піше и то черезъ день.*

Страданія, болѣзни принимались также за благополучіе. Пимень многострадаальный терпѣлъ ужасныя болѣзни и сознавалъ, что если бы онъ захотѣлъ, то Богъ бы его помиловалъ, но онъ самъ не хочетъ, и лежа въ смрадной болѣзни, другихъ исцѣляетъ: »здѣ убо скорби и туга

и недугъ вмагѣ, а тамъ радость и веселіе, идѣже нѣтъ болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная; того бо ради, брате, сія терплю; Богъ же, иже тебе мною исцѣливый отъ недуга твоего, той можетъ и мене вѣставити отъ одра сего и немощь мою исцѣлѣти, но не хочу; претерпѣвый же до конца, той спасень будетъ», и такъ далѣе.

Сколько можно заключить, самое правило: дѣлать добро ближнимъ и не дѣлать ниъ зла, связывалось съ тѣмъ понятіемъ, что въ сердцахъ лежать побужденія дѣлать зло, а добро дѣлать трудно. Вообще — трудъ и лишенія — вотъ-что ставилось на первомъ планѣ въ дѣлѣ спасенія. Сдѣлать доброе дѣло важно было не для того, кто получаетъ, а для того, кто дѣлаетъ и даетъ; ибо давать и дѣлать добро, по понятію тогдашнему—было несприятно, и потому спасительно. Поэтому Русское нравственное вѣроученіе и не старалось о томъ, чтобы всѣмъ было хорошо здѣсь, чтобы въ обществѣ каждый могъ наслаждаться жизнію: это было не въ его цѣли, ибо несприятности, страданія ведутъ въ царствіе небесное, и слѣдовательно все благодѣаніе, какое могла оказать Церковь, относиться могло только къ лицамъ въ отдѣльности, а не къ цѣлому обществу.

Богатство считалось уже само по себѣ корнемъ зла. Желаящій спастись лучше ничего не могъ сдѣлать, какъ раздать нищимъ свое состояніе и итти въ монастырь въ произвольную нищету. Св. Феодоръ, по указанію бѣса отыскавшій сокровище въ землѣ, зарылъ его въ землю снова и молилъ Бога забыть о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погребъ его. При раздачѣ имущества нищимъ, цѣлью не было обогатить своихъ ближнихъ, а только цѣль—достичь самому царствія Божія. Замѣчательно, что святому, пожальвшему о растратѣ имѣнія, другой святой предложилъ, что онъ возвратитъ ему все, но съ тѣмъ, что милостыня отъ Бога ему вѣннтся.

Эта философія, отвергающая земное стяжаніе, облеклась въ сказаніе объ Іоаннѣ и Сергіѣ въ Патерикѣ. Іоаннъ и Сергіѣ заключили между собою *духовное братство* (древнее побратимство, осѣненное теперь церковнымъ освященіемъ) и Іоаннъ оставилъ сыну своему Захару наслѣдство, которое поручилъ названному брату; названный братъ счелъ лучше самому чужимъ достояніемъ воспользоваться и не отдалъ Захару, когда онъ требовалъ отцовскаго достоянія, не отдалъ даже и тогда, когда Захаръ просилъ не болѣе половины, даже трети. Тогда Захаръ призвалъ его къ клятвѣ предъ иконою Богородицы въ Печерской монастырѣ. Обманщикъ не могъ приблизиться къ иконѣ и принужденъ былъ сознаться въ своей випѣ. Лучшаго конца повѣсть не представляетъ намъ, кромѣ

того, что Захаръ все золото и серебро свое пожертвовалъ на монастырь, и онъ и его обиратель — постриглись въ монастырь.

Нищета считалась первою принадлежностію монашескаго быта. Однако усердіе дателей не было отвергаемо, и вскорѣ монастырь сталъ богатъ. Жертвовать на монастырь было такое же доброе дѣло, какъ и дарить нищимъ и кормить ихъ. Печерскій монастырь надѣляли богатыми по тому времени вкладами звонкаго металла, разныхъ драгоценныхъ вещей, записывали въ его вѣчное владѣніе недвижимыя имѣнія, села. *И припошаху ему (князья и бояре) отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на устроеніе монастыря, друзіи же села вдающе на церковную потребу.*

Монастыри создались двумя способами, или 1) строили ихъ князья и знатные богатые люди по душѣ, или по данному обѣту, во время испрошенія какой нибудь особенной Божіей помощи; 2) основывались они и такъ, какъ основывался Печерскій: собирались добровольные любители аскетическаго житія.

Основаніе церкви печерской приписуютъ Варягу Шимону — вѣроятно Шведу родомъ; это былъ сынъ Африкана, брата Якуна-Слѣпного, того самого, который помогалъ Ярославу въ сраженіи противъ Мстислава Владиміровича на Лиственской битвѣ и отбѣжалъ золотой луды. По смерти Африкана, братья его выгнали изъ отечества Шимона, какъ это обыкновенно случалось въ Скандинавскомъ мірѣ. Онъ убѣжалъ къ Ярославу въ Гардерикъ. Якунъ Слѣпой послѣ службы Ярославу возвратился на родину и тамъ участвовалъ въ несправедливостяхъ къ племяннику. Впослѣдствіи рассказывалъ о себѣ Шимонъ слѣдующее: »Былъ у моего отца Африкана крестъ съ изображеніемъ Христа вапною (известью), очень великъ, въ десять локтей; якоже *Латины и муть*. На этомъ изображеніи былъ золотой поясъ въ 8 гривенъ золота и золотой вѣнецъ на главѣ. Когда Шимону приходилось убѣгать изъ родины, онъ захватилъ съ собою этотъ поясъ и вѣнецъ. *Тогда ему гласъ бысть: никакоже сею не возложи на главу свою, неси сія на уготованное мѣсто, идѣ строится церковь матери моя и отдай въ руки преподобнаго Еводосія, пусть повѣситъ надъ жертвенникомъ.* Послѣ этого видѣнія, когда онъ плылъ по морю въ Гардарикъ, сдѣлалась буря; Шимонъ испугался и подумалъ, что это наказываетъ его Богъ за то, что онъ взялъ украшенія отъ Христова образа; началъ онъ въ этомъ каяться, и тогда увидѣлъ на воздухѣ изображеніе церкви и услышалъ голосъ, объясняющій, что это за церковь: »это церковь,

которая хочет создатися отъ преподобныхъ во имя Божіей Матери; въ ней и ты будешь положенъ; размѣръ поясомъ 20 лактей въ вышину, 30 въ длину и 30 въ ширину. « Не смотря на то, когда пріѣхалъ Шимонъ въ Кіевъ, то долго, какъ видно, не думалъ строить церкви: впоследствии объяснилъ онъ, что не зналъ и мѣста, на которомъ указано отъ Бога быть этой церкви. Шимонъ прибылъ въ Кіевъ еще при Ярославі и служилъ у сына его Всеволода; когда же, по смерти князя Ярослава, появились впервые Половцы, Шимонъ отправился противъ нихъ съ Русскимъ ополченіемъ и обратился вмѣстѣ съ князьями Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ къ преподобному Антонію. Богвдохновенный старецъ предрекъ имъ всѣмъ несчастье. Шимонъ въ простотѣ сердца палъ къ ногамъ преподобнаго и молилъ сохранить его ото вражескаго меча. Преподобный отвѣчалъ ему: «о чадо! многіе падуть отъ острія меча и убѣгутъ отъ сопостать, будутъ попираемы и уязвляемы, будутъ тонуть въ водѣ; ты же останешься спасенъ, ибо тебѣ суждено лежать въ печерской церкви, которая создается твоимъ попеченіемъ. « Несчастно для русскихъ было пораженіе на Альтѣ; Шимонъ былъ раненъ и лежалъ на полѣ посреди труповъ и умирающихъ, и вдругъ въ воздухѣ увидѣлъ то же изображеніе церкви, которое нѣкогда представилось ему надъ Балтійскими волнами. Тогда онъ вспомнилъ, что съ нимъ прежде было, началъ молиться о спасеніи. Онъ потомъ выздоровѣлъ. Тогда пришелъ онъ къ Антонію, отдалъ ему поясъ для размѣренія церкви и вѣнецъ, который слѣдовало повѣсить надъ трапезою. Потомъ онъ явился къ Θεодосію и просилъ благословить себя не только въ жизни, но и по смерти. Θεодосій отвѣчалъ, что самъ еще не знаетъ, будетъ ли угоденъ Богу своими молитвами по смерти, но Шимонъ представлялъ, что ему былъ отъ образа гласъ, которой свидѣтельствовала о святости Θεодосія и о томъ, что ему суждено основать церковь, поэтому Шимонъ просилъ молиться о себѣ и о своемъ сынѣ Георгіѣ. Θεодосій изъявилъ желаніе молиться за него и за его семейство наравнѣ, какъ и за всѣхъ Христіанъ. Шимонъ этимъ былъ не доволенъ; онъ требовалъ, чтобы Θεодосій далъ ему свое благословеніе на письмѣ. Θεодосій согласился и далъ ему молитву. По этому примѣру на Руси начали влагать въ руки мертвымъ при погребеніи рукописаніе. Шимонъ, готовясь строить храмъ, хотѣлъ прежде всего взять для себя еще выгоднѣйшія условія: онъ потребовалъ отъ святаго мужа отпущенія грѣховъ своихъ родителей. Θεодосій, воздвигнувъ руки, сказалъ: да благословитъ тя Господь отъ Сіона и до послѣднихъ рода твоего! Шимонъ принялъ

православную вѣру и нареченъ Симономъ. О родѣ Симона Печерскій Патерикъ присовокупляетъ, что сынъ его Георгій былъ отправленъ съ Мононахомъ, съ сыномъ его Юрьемъ въ Суждальскую землю и потомъ былъ тамъ поставленъ управлять всею Суждальскою землею.

Повѣсть эта многозначительна въ исторіи жизни Русской. Это былъ у насъ первообразъ множества подобныхъ событій, когда, вслѣдствіе укрѣпившагося вѣрованія о спасеніи души посредствомъ постройки монастырей, богатые люди благодѣтельствовали монастырямъ, давали имъ села, доходы, и такимъ образомъ способствовали развитію монастырской жизни.

Вслѣдъ за повѣстью о Шимонѣ, образовались тогда же старинныя сказанія о пришествіи церковныхъ мастеровъ изъ Греціи и объ основаніи Печерской церкви. Придавая еще болѣе въ глазахъ народа святости печерской обители, повѣсть приводитъ изъ Греціи мастеровыхъ людей, которые получаютъ отъ пресвятыя Богородицы указаніе идти въ Русь и строить церкви. Ангелы являлись въ видѣ *благообразныхъ скопцовъ* звать ихъ къ Богородицѣ во Влахернѣ. Образъ ангеловъ въ видѣ скопцовъ перѣдкость въ византійской легендарной литературѣ. Аскетизмъ и самонистязаніе достигаютъ до умерщвленія плоти и способствуютъ дѣвственному житію. То же сказаніе говоритъ, что икона, которая впоследствии сдѣлалась въ Печерскомъ монастырѣ мѣстною, была принесена прибывшими греческими мастерами, она была имъ вручена самою Богородицею и есть произведеніе не земного, а небеснаго, сверхъестественнаго искусства. Вотъ начало благоговѣйнаго почитанія явленныхъ иконъ, столь распространеннаго впоследствии въ религиозной сферѣ русской жизни. Эта вѣра въ явленныя иконы съ востока принесена была къ намъ прежде всего въ Печерскій монастырь, на Кіевскую почву, точно какъ и многія другія священныя вѣрованія.

Отыскивали мѣсто для будущей церкви, и ея заложеніе сопровождалось чудесами, подобными восточнымъ чудесамъ ветхаго завѣта и сходнымъ съ ними позднѣйшимъ церковнымъ преданіямъ Востока. Подобно Гедену и Или, святой Θεодосій, желая узнать, какое именно мѣсто пріятно Богу для возвиженія церкви, молился, чтобъ вездѣ была роса, а на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть церкви, не было росы; а на другую ночь просилъ обратно, чтобъ именно тамъ была роса, когда повсюду не было росы. Все совершалось по его желанію. На томъ мѣстѣ, гдѣ высшее знаменіе указало быть церкви, росли кустарники; они были истреблены огнемъ, низведеннымъ съ неба силою молитвы св. Θεодосія. Когда нужно было копать ровъ для закладки храма, эту работу пред-

принялъ первый князь Святославъ, и богатые люди жертвовали вклады на созданіе святыни съ тѣмъ, чтобъ по смерти быть погребенными на этомъ благословенномъ мѣстѣ.

Уже повѣсти о Варягѣ Симонѣ и о греческихъ мастерахъ придаютъ особое значеніе погребенію въ Печерской церкви. Въ словѣ, составляющемъ часть Патерика и называющемся: *Слово, еже когда основана бысть церковь Печерская*, говорится: *блаженъ и треблаженъ сподобивыйся положенъ быти; блаженъ и треблаженъ сподобивыйся въ той написанъ быти, яко оставленіе пріиметь грѣховъ*. Преп. Θεодосій говоритъ: *всякъ положенный здѣ, помилованъ будетъ*. Вотъ какое важное значеніе получила тогда Печерская церковь и Печерская обитель! Не удивительно, что эта обитель скоро процвѣла. До построенія церкви Θεодосій говоритъ пришедшему къ нему Варягу Симону: *а вѣси, чадо, оубожество наше, иже многа множажды и хлѣба не обрѣтаетъ въ дневную пищу*. Но скоро послѣ того, когда Θεодосій, по откровенію Божію, готовился отойти отъ міра сего и собиралъ братію, то уже многая братія жила въ разныхъ селахъ монастырскихъ. Князья и княгини давали и записывали въ монастыри богатые вклады, имѣнія. Такъ князь Ярополкъ Изяславичъ далъ въ монастырь Неблоскую волость, Деревскую и Лутскую и около Кіева; зять его Глѣбъ Всеславичъ — 60 гривенъ золота и 50 гривенъ золота, а по его смерти назначилъ 600 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота и по смерти села съ челядью (Ип. сп. лѣт. 82). Монастырь Печерскій сдѣлался даже хранилищемъ чужихъ сокровищъ. Въ тотъ вѣкъ достояніе не было слишкомъ обезпечено отъ произвола, и потому многіе отдавали туда на сохраненіе и серебро и золото, и этотъ обычай распространился на все монастыри.

Преподобный Θεодосій оградилъ свое твореніе отъ притѣсненій въ будущія времена со стороны князей и духовныхъ сановниковъ. Преданіе, записанное въ Патерикѣ, сообщаетъ, что предъ смертію онъ видѣлъ князя Святослава и молилъ его, чтобъ церковь Печерская была освобождена отъ власти и князей и владыкъ; ибо не люди, а сама Богородица ее создала. Такъ на долго обитель пребывала независимымъ обществомъ. Мудрый Θεодосій установилъ самъ твердую нравственную связь между всеми принадлежащими къ обители. Онъ предвидѣлъ, что обитель сдѣлается разсадникомъ игуменовъ и владыкъ въ Россіи. Конечно, уже и прежде, вѣроятно, она начала имѣть свое важное значеніе; поэтому онъ сказалъ, что если кто изъ братіи будетъ призванъ на какое нибудь начальническое мѣсто въ Россіи, то выходитъ изъ обители можетъ только

съ позволенія старшихъ и всегда долженъ искать успокоиться въ Печерской обители; только за такихъ общается съ. Феодосіи молиться предъ Богомъ. Понятно, какъ послѣ такого завѣщанія, впоследствии Печерскіе иноки, гдѣ бы они ни были, не теряли связи съ монастыремъ, какъ показываетъ письмо Симона, епископа Владимірскаго. Напутствуемый мысленнымъ благословеніемъ великаго основателя обители, такой питомецъ Печерской обители, будетъ ли онъ въ Ростовѣ, во Владимірѣ, въ Новгородѣ, въ Полоцкѣ — всегда обращался къ Кіеву, къ завѣтной обители, сердцемъ, какъ къ обѣтованной землѣ спасенія, и хранилъ тѣ преданія, тѣ вѣрованія и правила, которыя получилъ въ этомъ монастырѣ, и сообщалъ ихъ повсюду, куда простиралось его вліяніе.

Печерскій монастырь указалъ Русской религіозности и то направленіе, которое въ дѣлахъ общественныхъ обращало дѣйствіе христіанскаго правоученія со всеми наставленіями единственно къ совершившемуся факту, а не касалось самаго общественнаго порядка. Преподобные святые Печерскіе развили это начало. Антоній былъ благорасположенъ и къ Изяславу и ко Всеславу, и за послѣдняго былъ первымъ изгнанъ. Феодосій жилъ въ согласіи и осыпалъ благословеніями Изяслава, а потомъ изгнавшаго его брата Святослава. Онъ менѣе укорялъ его за изгнаніе Изяслава, за похищеніе стола кіевскаго, чѣмъ за то, что засталъ Святослава въ пирушкѣ съ гусярами, и восхвалялъ его, когда князь удалялъ веселыя сцены отъ преподобнаго мужа, коль скоро преподобный приходилъ ко князю. Однажды пришла къ Феодосію убогая вдовица жаловаться на судью, который ее обобралъ и рѣшилъ неправо ея дѣло. Феодосій упросилъ судью возвратить ей неправильно взятое. Но Феодосій не считалъ своимъ дѣломъ стараться, чтобъ такихъ судей не было. Онъ заступался — говорить его житіе — за утѣшенныхъ передъ княземъ и судьями, и это ставится въ заслугу его милосердію, но съ точки зрѣнія Феодосія не было потребности измѣненія того порядка, отъ котораго зависѣли утѣшенія, облегчаемыя его заступничествомъ. Точно такое направленіе получило и послѣ него вліяніе церковныхъ мужей на общественную жизнь. Благочестіе съ радостію оказывало пособіе страждущимъ, гонимымъ, но мало вопіяло противъ тѣхъ, которые были виновниками несчастій, поражавшихъ тѣхъ, кто искалъ утѣшенія въ религіи; оно не заглядывало внутрь земныхъ побужденій. Покорность настоящему, отсутствіе мысли объ общественномъ движеніи — было основой нравственнаго понятія, выработаннаго на религіозной почвѣ. Пусть каждый только о себѣ заботится, о своемъ сна-



сеніи помышляетъ — это было правило нравственное; такимъ образомъ даже слово Христово о неосужденіи брата своего примѣнялось болѣе къ собственному самоуничженію, чѣмъ къ сохраненію чести другого. Зачѣмъ тебѣ разсуждать и умиствовать; помни, что ты хуже всѣхъ челоуѣкъ, долженъ Христа ради смиряться! всѣмъ слѣдуетъ угождать, всѣхъ хвалить, всѣмъ покорствовать; только тогда и можно спастись. Самостоятельнымъ слѣдуетъ быть только тогда, когда дѣло идетъ о постѣ и о соблюденіи церковныхъ правилъ и обрядовъ: тутъ должно отвращаться отъ житейскихъ удовольствій, слѣдуетъ быть упорнымъ и не склоняться ни передъ какою властію. Но во всемъ прочемъ не слѣдуетъ быть строптивымъ.

До какой степени простиралась важность покорности изчальству и считалась первѣйшею добродѣтелію, видно изъ того, что въ одной изъ повѣстей умершій, воскреснувъ, не могъ сказать братіи въ монастырѣ большей истины; какую могъ вынести изъ будущей жизни, какъ только то, что слѣдуетъ быть покорнымъ игумену. Замѣчательно, что даже самый суровый аскетизмъ и плотенствзанія не помогутъ, если монахъ не будетъ отличатся безмолвнымъ послушаніемъ.

Война со всѣми ея ужасами мало смущала благочестіе. Развитое на почвѣ Печерскаго монастыря, оно заботилось о томъ, чтобъ давленіе войны проходило мимо его и не лишало обителя законнаго ея достоинства. Вотъ, напримѣръ, Георгій, Симоновъ сынъ, бывшій въ Суждалѣ, сознается, что когда онъ съ Юріемъ Долгорукинымъ и при помощи Половцевъ воевалъ противъ Изяслава Мстиславича, то напалъ онъ съ Половцами на какой-то городъ, но это было село монастырское, которое показалось градомъ, чтобъ не даться Половцамъ на разграбленіе; ибо враги, видя его твердыни, не рѣшились отваживаться на приступъ. Такимъ образомъ, по понятіямъ времени, не считалось предосудительнымъ воевать, брать села и города и разорять ихъ, но слѣдовало щадить монастырскія имуществва.

Главные признаки аскетическаго настроенія: покорность, воздержаніе и предписанный правиломъ страхъ мысли, страхъ земныхъ удовольствій и внутренняя борьба со злымъ духовнымъ существомъ. Послѣ принятія христіанства, въ Печерскомъ монастырѣ настала война съ бѣсами. Бѣсъ — ирачное, злое существо... Какъ скоро святой мужъ обречетъ себя на сугубое воздержаніе, запретя въ тѣсной кельѣ или пещерѣ, начнетъ день и ночь изнурять плоть свою поклонами, языкъ безмолвіемъ, а умъ бѣганьемъ грѣховныхъ помысловъ, — тотчасъ являются къ нему эти искусители, отвлекаютъ его отъ богомыслія и силятся сдѣлать съ нимъ какую нибудь пакость. Святой мужъ долженъ не поддаваться и муже-

ственно бороться съ ними. Сначала дѣйствуютъ духи невидимо, а потомъ являются и тѣлесному зрѣнію. Они принимаютъ образъ похожій на обезьяну, въ шерсти, съ когтями, съ хвостомъ, да въ добавокъ, чего нѣтъ у обезьяны, съ рогами и съ крыльями; но иногда являются вполне въ человѣческомъ видѣ, только чаще всего въ видѣ человѣка неправославнаго. Однажды святой, одаренный прозорливостію, увидѣлъ бѣса въ образѣ Ляха; онъ сыпалъ цвѣтами на братію во время заутрени: на кого цвѣтокъ упадетъ и прилипнетъ, тотъ братъ разслабѣвалъ, уходилъ изъ церкви и ложился спать; но были такіе строгіе подвижники, что цвѣтки не прилипали къ нимъ. Здѣсь цвѣтокъ — символъ грѣшнаго удовольствія. Когда братъ уходитъ изъ монастыря, тутъ-то было бѣсамъ раздолье. Одинъ святой видѣлъ однажды бѣса, ѣхавшаго верхомъ на свинѣ; лукавый духъ величался и посмѣивался надъ монахомъ, который успѣлъ ускользнуть послѣ заутрени за монастырскую ограду. Обыкновенно бѣсы старались развлечь, склонить къ чему нибудь подвижника и мѣшать ему, когда онъ погружался въ безмолвіе и творилъ надъ собою истязанія, и чѣмъ сильнѣе старался угодникъ преодолѣть лукаваго, тѣмъ больше лукавый старался его искусить. Притѣръ искушенія въ исторіи затворника Исакія, котораго бѣсы довели до того, что заставляли его проплясать, а потомъ привели въ совершенное истощеніе, такъ что нужны были годы, чтобъ святой могъ поправиться. Торопецкій купецъ по происхожденію, по прозвищу Чернь, онъ вступилъ въ монастырь, раздалъ все свое имѣніе на монастырь и нищимъ, и принять быль; потомъ *облечеса во власяницу и повелъ себѣ кумити себѣ козлицъ и одрати его мѣхомъ и взелече на власяницю и осие около его; затворися въ пещерь въ единой улицы въ кельици малъ, яко четири лакотъ суци, и ту моляше Бога со слезами; сплъдъ же бляше просфира едина и то чрезъ день.* Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, бѣсы явились ему въ образѣ ангеловъ и Исакій, по простотѣ, поклонился имъ; тогда одинъ изъ бѣсовъ сказалъ: *возмѣте соплъи и бубны и зусли, и ударяйте, ать Исакій намъ сплящеть. И удариша въ соплъи и въ бубны и въ зусли и начаша имъ ирати и утожиша его и оставиша ѱ оле жива суца, и отыдоша, поругавшеса ему.* Іоанна многострадальнаго бѣсы мучили похотью, и святой мужъ истязалъ себя сначала тѣснымъ заключеніемъ, голодомъ и молчаніемъ, носилъ на тѣлѣ желѣзныя вериги, а потомъ на время поста зарывалъ себя въ землю, оставляя наружи только руки и голову. Бѣсы пугали его то огнемъ съ-низу, то ему

представлялось, будто онъ горитъ, то являлся змѣй и грозилъ его поглотить. Іоаннъ выстоялъ всякія искушенія. Святой особенно подвергался искушенію въ затворничествѣ и долженъ былъ помнить, что предъ появленіемъ къ нему непременно слѣдуетъ заставить приходящаго прочтати молитву Іисусову, и если бы кто не захотѣлъ этого сдѣлать, то явная улика, что онъ бѣсъ. (Не даждь ему бесѣдовать съ тобою и прежде, даже молитву сотворить, тогда разумѣши, яко бѣсъ есть). Одному подвижнику бѣсъ явился въ образѣ его друга и сподвижника, помогъ ему отыскать золото и велъ было его къ тому, что онъ собирався убѣжать изъ монастыря. Но къ счастью обманъ открылся скоро и святой этотъ (Феодоръ) лучше разсчитался съ бѣсомъ, чѣмъ Исакій. Когда нужно было изгнать отъ себя лукавыя помышленія, приходящія въ праздности, подвижникъ осудилъ себя на тяжелыя работы, — сначала молоть муку на ручной мельницѣ съ ручнымъ жерновомъ; другой разъ, когда сгорѣла печерская церковь — таскать лѣсъ съ берега Двѣира на гору. Бѣсъ вздумалъ было искусить его, и когда святой отдыхалъ однажды отъ своей мукомольной работы, бѣсъ сталъ молоть, но святой своими заклинательными молитвами принудилъ его въ самомъ дѣлѣ трудиться и продолжать работать на жерновѣ, а самъ въ это время молился. Потомъ, когда святой таскалъ на гору лѣсъ, тогда собралось уже много бѣсовъ, товарищей проказника, творившаго пакости надъ святымъ; они бросили съ горы наношенное дерево. Тогда святой силою своихъ молитвъ принудилъ бѣсовъ все дерево, сколько его ни было изготовлено подъ горою, перетаскать на гору въ одну ночь. Бѣсы рѣшились отомстить за такое униженіе, которое было тѣмъ для нихъ чувствительнѣе, что они не могли забыть, какъ люди ихъ нѣкогда чествовали подъ именами идоловъ. Сначала научили они извозчиковъ, которые подрядились въ монастырь возить лѣсъ, требовать платы за перевозку того дерева, котораго они не возили и которое вмѣсто ихъ возили бѣсы. Когда дѣло дошло до суда, то судья, выслушавши простосердечныя оправданія святого, сказалъ ему, что бѣсы помогутъ ему и заплатятъ, какъ помогли свезти. Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣла эта тяжба; но бѣсъ явился во образѣ Василія къ одному изъ княжескихъ совѣтниковъ, боярину Святотопка и сына его Мстислава, жадному и злему, какъ князя его, и доносилъ, что Феодоръ отыскалъ сокровище въ Варяжской пещерѣ и не являетъ князьямъ. За это потребовали Феодора и стали мучить, когда онъ отговаривался, говорилъ что забылъ, гдѣ зарылъ снова кладъ. Потомъ послали за Василіемъ, не выходявшимъ уже 45 лѣтъ изъ пещеры: Василій,

разумѣется не зная, что происходило подъ его именемъ, приваля въ недоумѣніе и досаду князя Мстислава своими неясными отвѣтами, и тотъ думая, что онъ запирается, тогда какъ самъ же прежде ему доносилъ, застрѣлилъ его стрѣлою. Василий, умирая, предрекъ Мстиславу лютую смерть, и она сбылась въ битвѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ.

При умственной покорности — знаніе не считалось достоинствомъ. Въ повѣстьяхъ печерскаго монастыря знаніе и земная мудрость являются даромъ бѣсовъ. Такъ о преподобномъ Никитѣ рассказываютъ, что къ нему явился бѣсъ и научилъ его понимать одни только книги Ветхаго завета, такъ что онъ могъ пророчествовать. По составившемуся нѣкогда юному понятію о знаніи, вмѣстѣ съ нимъ соединялось вѣрованіе въ пророчество; знать, быть мудрымъ, значило вмѣстѣ — дѣлать чудеса, говорить то, чего другой не скажетъ, однимъ словомъ — дѣлать то, чего другой никто не можетъ сдѣлать и для чего нельзя придумать обыкновенныхъ способовъ. Но когда святые отцы, сошедши около Никиты, прогнали бѣсовъ, Никита сталъ прежнимъ невѣждою и сподобился впоследствии низводить дождь съ неба на произрастенія земныя. О Лаврентіѣ затворникѣ рассказывается, что когда онъ пошелъ въ затворъ и получалъ благодать дѣлать бѣснующихся и къ нему приводили больныхъ, бѣсы научили его по гречески, изощрили его способности; но когда другой святой молитвами исцѣлилъ его отъ бѣсовскаго искушенія, Лаврентій забылъ все свои знанія.

Печерскій монастырь не благоволялъ къ иновѣрцамъ. Такъ въ житіи св. Агапита, безмезднаго врача, рассказывается, что когда къ нему пришелъ врачъ Армянинъ, то не смотря на свое смиреніе, какъ скоро онъ узналъ, что это *Армянинъ*, то воскликнулъ: *почто смѣль еси внити и осквернити келію мою и держати за зръшную мою руку? Изыди отъ мене, невѣрне и нечестиве!* Въ отвѣтъ св. Θεодосія Изяславу Ярославичу на вопросы о Варяжской вѣрѣ, святой мужъ порицалъ варяжскую вѣру; тамъ не только обвиняютъ послѣдователей западнаго христіанства въ яденіи кошекъ и псовъ и удавленныя, но говорятъ и о крайнихъ непристойностяхъ при брачномъ обрядѣ. Въ поученіи и отвѣтѣ совѣтуется не давать католикамъ ѣсть и пить изъ сосуда своего, и если придется дать по крайней нуждѣ, то непременно вымыть сосудъ; приказывается не только не принимать чужевѣрнаго къ себѣ, но проклинать всякое чужевѣрье.

Такъ какъ раздаваніе богатствъ нищимъ не имѣло въ себѣ цѣли, а само по себѣ составляло цѣль, такъ точно и трудъ предпринимался и

считался полезнымъ не по плодамъ его, а самъ по себѣ, въ своемъ процессѣ.

Видно, что въ южной Руси оставались языческіе обычаи; долго еще смотрѣли Русскіе на жизнь сквозь языческое покрывало и въ-самые христіанскіе обычаи и обряды вносили языческое содержаніе. Вотъ, напримѣръ, Θεодосій воспрещалъ, что въ его время многіе ставили на кутію яйца, приставляли къ кутьѣ воду, ставили обѣды по умершимъ, и носили въ церковь съѣтное, однимъ словомъ — отправляли тризны, ибо у язычниковъ погребеніе сопровождалось пьянствомъ. Святый соблазнуя вопіялъ противъ соблазнительнаго цѣлованія мушницъ съ женщинами на пирахъ. Отъ этого христіанство противодѣйствовало языческой чувственности строгою стороною своей духовной чистоты, а аскетическое ученіе дѣлалось единою нравственною философіею для всего христіанства вообще.

Самая мірская жизнь не имѣла, съ церковной точки зрѣнія, другого идеала, кромѣ аскетизма. Это было тѣмъ естественнѣе, что вотъ, напримѣръ, въ словѣ отца къ сыну (последній очевидно не готовился въ монастырь, но намѣревался жить въ мірѣ семейно), отецъ, представляя ему примѣръ добродѣтели подвижниковъ, *уже мало свѣта сею причащахуся*, говоритъ: *изволи себѣ тѣхъ житье и тѣхъ правий путь приими, тѣхъ нравы и ты, чадо мое, възми со всею силою и со всею крѣпостью*. Въ томъ же словѣ отецъ заповѣдаетъ сыну давать десятую часть отъ своего имѣнія Господу (то есть, въ монастыри и духовенству). Такимъ образомъ видно, что понятіе о десятинѣ переходило изъ княжескаго быта въ частный, домашній

Понятно, что при направленіи заботиться каждому лишь о собственномъ спасеніи, не удержалось вполнѣ согласіе, миръ и братство въ Печерскомъ монастырѣ, и уже въ раннія времена встрѣчаются слѣды взаимной зависти и вражды и обмановъ между братіею. Такъ въ житіи Алимпія Иконописца разсказывается, что монахи брали деньги съ одного богатаго господина, заказывали Алимпію икоу, но въ самомъ дѣлѣ не давали объ этомъ знать Алимпію, а боярину говорили, что Алимпій просить втрое.

Не смотря на аскетическое исключительное направленіе, въ церквахъ читались однако поученія переведенныя съ греческаго, гдѣ аскетизмъ представляется недостаточнымъ безъ добрыхъ чувствъ, любви: *аще ли кто отъ хлѣба ся удержитъ, а имѣетъ имать, и таковыи подобенъ есть звѣрю; тѣ бо не ѣсть хлѣбъ: аще же отъ*

и мѣтъ и отъ рыбы кто оудѣржится и на юль земля легасть, а злобу и мѣтъ и неправду дѣла, не хвалится оубо: пушци есть и скота.

Добродѣтель были: постъ, грусть; смѣхъ и веселіе — грѣхъ. Одинъ подвижникъ, по имени Памва, далъ обѣтъ никогда не смѣяться. Бѣсы употребляли всевозможнѣйшія уловки, чтобы разсмѣшить святого, — долго все было напрасно; наконецъ, когда бѣсы привязали маленькое перышко къ огромному бревну и потащили его мимо подвижника съ крикомъ: алай, алай! Памва улыбнулся, и бѣсы всплескали и запрыгали отъ радости, восклицая: Авва Памва засмѣяся! Авва Памва засмѣяся, засмѣяся! — Я засмѣялся немощи вашей — сказалъ имъ святой, — что вы и то только съ трудомъ можете это бревно сдвинуть. Въ одной древней нравоучительной бесѣдѣ говорится: »смѣхъ не създаеть, не хранитъ, »но погубляеть и създанія раздроушаеть, смѣхъ Духа Святаго печалитъ, не пользуетъ и тѣло растлѣваеть; смѣхъ добродѣтели прогонитъ, не имать бо памяти смертныя, ни поученіе моукамъ. Отъини, »Господи, отъ мене смѣхъ и дароуи плачь и рыданіе, егоже присно »ищещи отъ мене (Имп. Публ. Библ. Погод. Сб. № 1297, стр. 91).

Съ женщиною не слѣдовало даже говорить, женщина было существо, располагающее къ согрѣшенію: »Не достонтъ мнхоу ясти съ женою или пити или что промышляти с женами или инакъ како разоумъ имѣти съ »ними; прелюбодѣйство есть, велико прелюбодѣйство женское соужитъ »ство: еда камень еси? человекъ еси, общемоу естеству подлежаи в па »деніи, огонь имаша въ лонѣ — не изгориши ли? како имать слово: положи »свѣщу на сѣно, тогда възможещи рещи, яко не горитъ сѣно? аще не »отмещеши, яко горитъ сѣно, и мнѣ глаголи, но невѣдущему тайныхъ.

Убѣгая отъ женскихъ очей, слѣдуетъ избѣгать и помышленій о женщинахъ. »Всякъ бо възрѣвый на жену съгрѣшаеть. »Надобно имѣть постоянно блѣдное лицо и дурныя одежды: *блѣдъ и щоуби видъ и рызы хоуды подобаетъ имѣти* (Пог. Сб. 1288, стр. 226).

Монашеское самоистязаніе, уединеніе отъ всего, что составляетъ матеріальную прелесть на землѣ, открывало идею торжества духовнаго начала надъ грубою силою. Въместо богатыря съ оружіемъ, страстующаго по чужеземнымъ странамъ, ищущаго опасностей, побѣждающаго ихъ, получающаго въ награду богатства, и т. п. являются богатыри духа, страстующіе въ таинственной области видѣній, вступающіе въ борьбу съ духами; они побѣждаютъ ихъ, отваживаются на всякія лишенія добровольно, и за все терпѣніе получали награду высшую, награду на

небѣ. Такъ какъ богатырь не сидитъ на мѣстѣ, богатырь ищетъ приключеній, то и въ сферѣ духовнаго подвижничества явились странствующіе богатыри — паломники, скитавшіеся по святымъ мѣстамъ и съ сѣвера отправлявшіеся въ Палестину. Они-то назывались въ древнихъ пѣсняхъ *каликами переходжими*. Походженія въ Іерусалимъ, видно, были значительно въ ходу на Руси вскорѣ по водвореніи Христіанской вѣры, когда такъ часто встрѣчается въ пѣсняхъ, носящихъ печать стараго происхожденія, имя калікъ. Въ походженіи Данила Паломника говорится, что въ его время были *мнози доходившіе до Іерусалима*. Это было до такой степени обычно, что иные старались ходить, видно, какъ можно скорѣе (*тицацеся вборзъ*) и навлекали за то нареканія отъ истинно благочестивыхъ; Данилъ замѣчаетъ, что *се то путь вборзъ нельзя ходити*, и укоряетъ ихъ въ томъ, что они, *много добра невидѣвшие*, возвращались; но путешествіе было предметомъ общественныхъ разговоровъ, и бывшій въ Іерусалимѣ пользовался уваженіемъ; онъ могъ быть вездѣ принятъ съ честью и потому они, по словамъ Данила, *вознесшеся умомъ, яко нѣчто добра сотворивше, погубляютъ мзду труда своего*.

Идея торжества ума надъ матеріальною силою, въ народной умственной жизни проложила себѣ не одну религіозную тропинку. Заявленіемъ ея потребности могутъ служить и такія сказанія, гдѣ или дурачокъ или ребенокъ, признаваемый слабымъ и глухимъ, торжествуетъ надъ сильными. Такова замѣчательная повѣсть о купцѣ Кіевскомъ, Дмитріѣ и его сынѣ, Борзомыслѣ Дмитріевичѣ, семилѣтнемъ мудрецѣ, — хотя сохранившаяся въ позднѣйшихъ спискахъ, но показывающая несомнѣнные слѣды своего существованія въ древнюю Кіевскую эпоху нашей образованности. Дѣйствіе происходитъ на югѣ; купецъ богатый съ кораблями выѣзжаетъ изъ Кіева, странствуетъ по отдаленнымъ чужестраннымъ землямъ. Проплававши тридцать дней по морю, купецъ прісталъ къ берегу и увидѣлъ приморскій городъ, близъ котораго стояло въ гавани безчисленное множество кораблей. » Удивился Дмитрій Кіевскій купецъ и рече: что сіи корабли безчисленно много стояща? мнѣ зѣло земля блага есть и кушцы въ немъ » и много торгуютъ здѣ. Сице съ корабля купецъ Дмитрій и поиде подъ » градъ, и срѣтоша его граждане и вопрошаху его: отъ коя страны и коя земля? Онъ же сказася имъ: азъ есмь отъ Рускія земли и вѣрую въ » Отца и Сына и святаго Духа. И рекоша ему граждане: брате купецъ! единыя есть вѣры съ нами Русская земля, — только за наше согрѣшеніе по » слалъ намъ Богъ царя законопреступника и отступника отъ Бога, ел-

лискія вѣры, и тѣшитъ ны, хотя привести къ своей вѣрѣ; мы же, не могуще терпѣти бѣдъ тѣхъ, неволею пожрохомъ и доломъ, видѣхомъ себе въ великихъ нуждахъ: всегда боярами мучаше насъ, овогда силою приво- жаше насъ ко своимъ идоломъ, овогда заповѣданіемъ намъ, не велаше хлѣ- бовъ на торгъ печи и гладомъ морить насъ для своей вѣры; се видиши, купче, въ пристанищи семъ 300 кораблей стояще, купцы же со всѣхъ странъ прихождаху къ сему граду, и приходяще къ царю зъ дары, хо- таше торговати въ его царству; царь же дары отъ нихъ пріемлетъ и довелѣваетъ имъ 3 загадки отгадывати свои, а все то приводяще къ своей вѣрѣ; они же, не могуще отгадати загадки, царь же глаголаше къ нимъ: уже все загадокъ моихъ не отгадаете и вы пребывайте въ моей вѣрѣ, пожрите идоламъ; купцы же не хотяще того сотворити и того ради въ темницу посажены бывше, терпяще всякую нужду и гладъ и тяготу и скорбь имени ради Христова; и заповѣдываетъ царь, не велитъ хлѣба печи 3 годы, дабы они гладомъ померли.»

Услышавъ объ этомъ, купецъ Дмитрій хотѣлъ было тотчасъ отплыть, и повернулъ на свой корабль; но когда пришелъ къ нему, то увидѣлъ, что тамъ уже стояла стража. Нечего было дѣлать, надобно было являть- ся къ царю. Царя звали Несмѣянъ Гордѣевичъ. Донесли царю, что при- шелъ купчишко изъ Русской земли, принесъ дары и проситъ позволенія торговати въ его царствѣ. Царь ласково пригласилъ Дмитрія обѣдать; а послѣ обѣда спросилъ: *купче! которыя ты вѣры?* Купецъ отвѣчалъ, что вѣруетъ во имя Отца и Сына и святаго Духа.—А я чаялъ, сказалъ царь, что у насъ вѣра общая; ты же сказываешься не нашей, а Русской вѣры. Я же хотѣлъ было тебѣ позволять торговати и отпустить въ твою землю; но теперь отгадай, купче, три загадки, что азъ тебѣ загадаю; аще ли отгадаешь, и азъ тебѣ велю торговати въ своемъ царствѣ вся- кимъ товаромъ, и зъ дары и съ проводниками отпущу ты въ свою зем- лю; аще ли не отгадаешь ни единыя загадки и въ вѣрѣ моей не пребу- деши, вѣдомо жъ буди тебѣ, купче, велю ты смерти предати, а товары твоя взяти будутъ въ мою царскую казну.»

Купецъ испросилъ у царя срока на три дни, и пришедши на свой ко- рабль, плакалъ, видя себѣ неминуемую смерть. Семилѣтній сынъ его игралъ на кораблѣ и ѣздилъ верхомъ на палочкѣ, «на древцѣ сѣдяще, «рукою за древцы конецъ держаше, а другою рукою плеткомъ побиваше, «и ѣздяше, аки на конѣ скакаше.» Увидя плачь отца, ребенокъ сталъ его спрашивать; отецъ сначала не сталъ было и рассказывать ему, но ког- да сынъ умно ему обѣщалъ помочь въ напасти, отецъ рассказалъ. Сынъ



сказалъ, что онъ за него отгадаетъ: «а ты, отче, не скорби и не тужи, яждь, пей, веселися и молися Богу, вся печали возлагай на Бога». Сынъ продолжалъ играть на кораблѣ. На четвертой день позвали ихъ къ царю. Мальчикъ объявилъ, что онъ отгадаетъ загадку за отца и потребовалъ пить. Царь налилъ золотую чашу съ медомъ и подаль ее дитяти; отрокъ далъ отцу, и когда отецъ хотѣлъ возвратить чашу, отрокъ сказалъ: *отче! не отдавай чаши, закрой въ нѣдра своя!* Царь далъ другую, и съ тою еѣлось тоже: также царь требовалъ возврата чаши; отрокъ сказалъ: *данное царево всмять не возвращается*. Загадка царева была такова: «много ли того, или мало, отъ востока до запада?» Дитя на это отвѣчало: «отъ востока и до запада день и ночь, весь кругъ небесный единымъ днемъ и единою нощію едино солнце преидеть отъ сѣвера до юга; то твоей загадкѣ мой отвѣтъ». Царь удивился, далъ третью чашу купцу и купецъ спряталъ ее въ пазуху. Другая загадка отсрочена на другой день.

На другой день собрались «ипаты и тираны, и стратилаты и воеводы, и князи и бояри и вси людіе, маліи и велиции, и вси граждане на предивное чудо отрока, якоже всѣмъ гражданамъ не вмѣстится въ царевѣ дворѣ. Царь спросилъ: что десятая часть изъ моря днемъ убываетъ, а нощію прибываетъ? — Отвѣтъ былъ: то есть, царю, что десятая часть воды солнце выѣдаетъ; нощію же прибываетъ, занеже солнцу зашедшу и не сушашу. То тебѣ, государь, моя отгадка.»

Удивися царь и потребовалъ третьей отгадки; отрокъ попросилъ сроку на три дни, но съ тѣмъ, чтобы созваны были всѣ граждане отъ мала до велика: пусть при этомъ имъ объявится, что *имъ добро будетъ во вѣки*. Это сдѣлано. Люди собрались по приказу царя. Отрокъ потребовалъ, чтобы царь сошелъ съ своего престола, далъ ему одѣяніе царское и жезлъ, и что онъ тогда отгадаетъ загадку. Царь отдалъ ему свои регалии и въ томъ числѣ мечъ. Тогда отрокъ, зная, что въ толпѣ есть христіане, нелюбящіе невѣрнаго царя, закричалъ: хотите ли вѣровать въ святую Троицу? — Всѣ отвѣчали утвердительно. Отрокъ срубилъ мечемъ голову царю, сказавши: *вотъ тебѣ мол третья отгадка!*

На слѣдующій за тѣмъ вопросъ отрока: кого они хотятъ поставитъ себѣ царемъ? — всѣ единодушно вручили ему власть, какъ своему избавителю. Послали за патріархомъ, который былъ въ заключеніи. Онъ былъ встрѣченъ торжественно и отслужилъ литургію. «Постави патріархъ надъ главою отрока рогъ златъ съ масломъ надъ нимъ и благослови его патріархъ на царство; людіе же вси кликнуша отъ мала до

» велика единогласно: много лѣтъ тебѣ, государю нашему, Борзому сы Дмитріевичу на царство! И возрадывашася ему вси людіе великою радостію; царь же сотвори въ тотъ день пировище великое.» Потомъ оказалось, что у оставшейся прежней царицы была дочь осьми лѣтъ; Борзомыслъ сочетался съ нею бракомъ, окрестивши ее напередъ и обвѣнчавшись чрезъ сорокъ дней послѣ ея крещенія (сороковицей). — На сказкѣ этой легло то понятіе о страдательномъ состояніи женщины, которое отражается въ русской, особенно великорусской, поэзіи. Когда Борзомыслъ призываетъ царицу и узнаетъ, что у ней есть дочь, то не спрашиваетъ ея, желаетъ ли она отдать за него дочь, не спрашиваетъ и невѣсты, а просто приказываетъ ее крестить и потомъ беретъ въ жену, и только по просьбѣ матери, даетъ ей сроку на семь дней. Семилѣтній царь приказалъ привести всѣхъ заключенныхъ купцовъ, » и удивися царь, на нихъ смотря; бысть лице ихъ аки земля, а власы ихъ отросли до пояса, и ризы ихъ изодрашася, лежаша отъ гаду и тѣсноты, а голоса ихъ аки пчелиные». Царь » учреди имъ праздникъ«, и возвративши имъ имѣнія, отпустилъ каждого въ свою землю. По волѣ царя, отецъ поѣхалъ домой, привезъ свою жену, мать царя. Они жили вмѣстѣ и царь Борзомыслъ похоронилъ стараго родителя своего, Дмитрія, купца кіевскаго.

Ткань этой повѣсти показываетъ древнее ея происхожденіе. Побѣда посредствомъ загадокъ есть видоизмѣненіе той первообразной кашвы, по которой составлялись разнообразныя редакціи сказанія о вѣщей мудрой дѣвницѣ, происходящей изъ простаго званія и, посредствомъ отгадыванія мудреныхъ загадокъ, выходящей замужъ за знатнаго мужа, — сказаніе, которое, въ южнорусской народной словесности, выразилось повѣстью *про дівку семилітку*. Замѣчательно, что сынъ Дмитрія также семи лѣтъ отъ роду. Ничтожное дитя оказывается не только сильнѣе взрослыхъ и славныхъ, но измѣняетъ судьбу цѣлаго края своею смышленостію. Народъ какъ будто себя тутъ выражаетъ: онъ ничтоженъ и юнъ, но въ немъ такія силы, которыя могутъ побѣдить могущество силы и обмана. Онъ сознаетъ, что умственная сила выше всякой ручной; нужно только ума, — и все преодолѣть, все побѣдить можно. Умъ этотъ выражается, какъ и должно быть у молодого народа, вступающаго въ жизнь, не теорією, не логичною послѣдовательностію понятій и процессомъ размышленій, а быстротою, смѣтливостію, находчивостію во-время. Отгадки мудреной загадки — форма, во которой высказывается умъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на различное значеніе двухъ загадокъ, предложенныхъ царемъ; одна изъ нихъ основывается на мудреномъ выра-

женіи того, что само въ себѣ просто. Очевидно, здѣсь какъ бы насмѣшка надъ затѣйливостію выраженія, которое только для простака—мудрость, а сама по себѣ—вещь обыкновенная, и умная голова отгадываетъ ее безъ всякаго затрудненія. Другая загадка—предметъ знанія. Мальчикъ не только отгадываетъ то, что кроется подъ таинственностію, но показываетъ свое знаніе естественнаго феномена; такимъ образомъ народъ сознаетъ, что знаніе природы есть также мудрость и достоинство мудраго человѣка. Отрокъ обманулъ царя; понятіе народное таково, что обмануть злого не составляетъ ничего нравственно-неодобрительнаго, напротивъ служить также доказательствомъ ума и способностей. Онъ убилъ царя, но убилъ справедливо, спросивъ прежде народъ, и потому потребовалъ, чтобы все сошлось отъ мала до велика; онъ поступилъ именно потому справедливо, что воля всего народа считается мѣриломъ справедливости. Народъ былъ склоненъ къ христіанству и даже исповѣдывалъ христіанство; власть имѣла другое убѣжденіе и насилвала къ нему народъ. Здѣсь народный смыслъ высказываетъ сознаніе, что народная воля можетъ проявиться только тогда, когда ей придется дать отвѣтъ на вопросъ, и тотъ есть истинный мудрецъ, кто найдетъ возможность задать ей вопросъ. Власть несправедливаго царя потому и держалась, что народъ не имѣлъ случая выразить свою волю отвѣтомъ. Воплощенная юная мудрость даетъ перевѣсъ народной волѣ: новый царь избирается по волѣ народа. Дѣтскій образъ мудрости, посрамившій тѣхъ, которые являлись въ ея обычномъ земномъ видѣ, въ видѣ стариковъ и сильныхъ властію, показываетъ въ народномъ понятіи сознаніе, что юное поколѣніе, не смотря на то, что играетъ верхомъ на палочкѣ, носитъ въ себѣ зародыши того, къ чему уже неспособны взрослые...

Н. Костомаровъ.

## ЛИСИЦЯ Й ОСЕЛЪ.

»Відкіль бредешъ ти, голово лиха?»

Лисиця такъ мовля Ослові.

— Дивився, якъ тамъ Левъ здиха,

Ажъ генъ, у тій діброві! —

Піді, паньмátko, подивись, —

Тї жъ зналася изъ нїмъ колїсь...

И! щó тепѣра зъ нїмъ зробїлось!

Дѣ въ бїса й сїла таа ділась!..

Атó, булó, якъ гуконó, —

Не втїмишь зъ-ляку, дѣ бъ сховався!

Такѣ булó те пугало страшнѣ!

Мабуть, ёго весь свїтъ боявся....

Тепѣръ лежить, ненáче пень,

И нїчъ, и день...

Нїхтó ёго вже не боїтця,

Усякъ беспѣшно їде дивїтьця;

Хтó схóче — дóбре скубонѣ

За врáжий чубъ ёго зубáми,

А хтó — підъ бóки стусонѣ

Чи дрюкомъ, чи рогами.« —

»А ти, вїстїмо, не посмївь?!«

Ёму підсмїює лисиця.

— Оцѣ-такї! чогó жъ дивїтьця?

И я ёго разъ захмїлївъ.

Нехáй и нáшихъ знаѣ!«

А й въ людіхъ тáкнчки бувáо...

Чи тó вже свїтъ тепѣръ такїй!..

Покї ти чнїмъ комú страшнїй,

Усякъ тебѣ и поважáє,

А тїлько якъ-небóдь спїткнїсь, —

Дивїсь —

Хтó й почитáвъ, то лáє...

А. Глѣбовъ

## ПО ПОВОДУ АКТОВЪ ОТНОСЯЩИХСЯ ДО ЮГО- ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Международныя отношенія составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, особенно привлекающихъ, въ настоящее время, вниманіе Европы. У насъ тоже есть вопросъ, который настоятельно требуетъ уясненія: это—давнее политическое и народное отношеніе Польши и Руси со времени соединенія ихъ въ одну Рѣчь Посполитую. Истина, открытая и доказанная, равно убѣдительная для всякаго, кто, принадлежа къ особой націи, способенъ ради правды, отказаться отъ взятной теоріи относительно чужой національности, — только такая истина можетъ прекратить бесплодные литературно-историческіе споры, устранить заносчивые планы и обратить на прямой путь безпристрастнаго изученія и уваженія всѣхъ народностей.

Кіевская Коммиссія, обладающая громаднымъ запасомъ актовъ, относящихся до Юго-западной Руси, издавна оказываетъ великую услугу внутренней и вѣшной исторіи этого края.—Новымъ своимъ изданіемъ (II томъ *»Архива Юго-западной Россіи«*) она блистательно содѣйствуетъ къ несомнѣнному разрѣшенію упомянутаго вопроса, издавна затѣваемаго, преимущественно за границу, то невѣднѣемъ, то предвзвѣреннымъ извращеніемъ фактовъ.

Благодаря благосклонному согласію авторовъ, мы, съ признаніемъ всей важности вопроса о давнихъ отношеніяхъ Польши и Руси, переносимъ на страницы *»Основы«* двѣ превосходныя статьи Предсѣдателя Коммиссіи, М. В. Юзюковича, и дѣятельнѣйшаго Члена ея, Н. Д. Ивашишева, недавно помѣщенные въ *»Архивъ«*, который къ сожалѣнію, такъ мало еще оцѣненъ и распространенъ въ нашей публикѣ. Вопросъ, разъясняемый Н. Д. Ивашишевымъ и М. В. Юзюковичемъ до очевидности, не разъ возбуждался и у насъ, и въ польской литературѣ, и за границею, но, обыкновенно, споръ оканчивался тѣмъ, что противники, не придя къ окончательному рѣшенію, расходились въ разныя стороны, обвиняя другъ друга въ пристрастіи, въ ненависти, въ непониманіи исторіи, а нѣкоторые даже заподозрѣ-

ваши честныхъ дѣателей науки въ разсчитанномъ служеніи постороннихъ исторической истинѣ дѣляемъ. Теперь все ясно: »домашній, давній споръ« былъ не болѣе какъ *qui pro quo*, которыхъ такъ много въ исторіи, особенно Славянской; теперь уже несомнѣнно то, что не подчиненіе одного народа другому, даже не подчиненіе части—цѣлому, а федеративное, равноправное отношеніе частей составляло сущность и цѣль того политическаго порядка, который желали создать, упрочить и расширить лучшіе дѣатели своего времени, порядка, основаннаго на вѣчномъ мирѣ и крѣпкомъ союзѣ, къ которому, какъ надѣялись даже во 2-й половинѣ XVII в., пристанетъ и Московскій государь съ народомъ <sup>(1)</sup>. Польская шляхта, по признанію всѣхъ безпристрастно-мыслящихъ историковъ и публицистовъ польскихъ, не умѣла, или не хотѣла, понять этой благородной задачи, хотя разумное рѣшеніе ея давалось само собою, потому что лежало въ природѣ вещей, въ племенномъ и географическомъ единствѣ Славянскаго міра. Сословный эгоизмъ извратилъ естественный ходъ Польско-Русской, а слѣдовательно—и Всеславянской исторіи и послужилъ источникомъ кровавыхъ бѣдствій, переполнившихъ насильственно—связанную жизнь племенныхъ братій, со времени Люблинскаго сейма. Шляхта, подчинившись холодной и безчувственной теоріи іезуитовъ, первая разорвала звенья, которыя соединяли между собою сосѣдніе славянскіе народы—и только грядущему времени, только справедливому разуму и покаянію этихъ народовъ, быть можетъ, удастся обновить естественныя начала, ихъ одушевлявшія, но, сплюснутыя неправедныхъ дѣлъ, сословныхъ и религіозныхъ преслѣдованій, глубоко потрясенныя.

Въ справедливыхъ отношеніяхъ къ простому народу лежитъ начало новой эры. Событія покажутъ, въ какой степени исторія послужила урокомъ для тѣхъ, кто наследовалъ пороки и добродѣтели предковъ; до сихъ же поръ историческая литература и политическія теоріи польскія—къ нашему глубокому сожалѣнію—знушаютъ намъ мало вѣръ въ безпристрастіе потомковъ.

Припишемъ такое странное, въ наше время, явленіе недостатку вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о Югозападной Руси, и пожелаемъ, чтобы прилагаемые трактаты, написанные съ возвышеннымъ безпристрастіемъ и умѣренностью историческаго убѣжденія, послужили въ пользу и намъ, и польскимъ историкамъ и публицистамъ.

(1) См. статью г. Костомарова, во 2-й книжкѣ «Основы».

Г.

ОБЪЯСНЕНИЕ

ОТЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ КІЕВСКОЙ КОМПССІИ

ДЛЯ

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ.

---

Съ нѣкотораго времени, въ заграничныхъ Польскихъ журналахъ начали появляться статьи, съ явною цѣлю увѣрить общее мнѣніе Европы, что Западно-русскій край, по Днѣпръ, есть край Польскій, и что имя *Русинъ* вовсе не означаетъ Русскаго человѣка, а есть провинціальное названіе Поляка, какъ Мазуръ, Краковякъ, Велико-поляинъ. Эта послѣдняя теорія была, какъ извѣстно, изобрѣтена первоначально въ Галліціи. Оттуда она перенесена сюда, какъ опора для стремленій неумѣреннаго Польскаго патріотизма, чувствующаго здѣсь, какъ и тамъ, слабость почвы, для утвержденія своихъ притязаній.

Посягнувъ, такимъ образомъ, на историческую и этнографическую правду, этотъ патріотизмъ нашелъ себя въ необходимости посягнуть и на достовѣрность историческихъ памятниковъ, издаваемыхъ «Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ» и свидѣтельствующихъ о совершенно другомъ значеніи здѣшняго края, слѣдовательно—разрушающихъ въ самомъ корнѣ приведенную выше теорію. Въ слѣдствіе того, неумѣренные Польскіе патріоты рѣшились не только бросить тѣнь сомнѣнія на добросовѣстность дѣйствій Коммисіи, но формально обвинять ее въ искаженіи и даже подлогѣ издаваемыхъ ею актовъ.

Такого рода обвиненія, конечно, не обязываютъ къ отвѣту, и Коммиссія могла бы не отвѣчать на нихъ, если-бы дѣло касалось только ея личности; но здѣсь требуетъ отвѣта интересъ науки, потому-что всякій научный актъ долженъ быть строго оправданъ, для утвержденія за нимъ несомнѣнной достовѣрности. Вотъ почему я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ, въ опроверженіе взведенной на Коммиссію клеветы.

Такъ-какъ всѣ человѣческія дѣйствія имѣютъ свою причину въ побужденіяхъ вещественнаго или нравственнаго интереса, то разсмотримъ отношеніе Коммиссіи къ этому источнику побужденій.

Всѣ участвующіе въ ученыхъ занятіяхъ и трудахъ Коммиссіи, съ самого ея учрежденія, не пользуются никакими служебными правами и не получаютъ никакого содержанія отъ Правительства. Во все время ея существованія, ни одинъ изъ ея членовъ не получалъ отъ Правительства никакой награды. Одному мнѣ, и то лично, во вниманіе къ моей прежней долговременной службѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, дарованы служебныя права, но тоже безъ жалованья. Слѣдовательно, никакія побужденія вещественнаго интереса не могутъ управлять дѣйствіями Коммиссіи.

Что касается до интереса нравственнаго, то онъ могъ бы проявиться въ Коммиссіи развѣ въ стремленіяхъ ложнаго патриотизма. Но для патриотическихъ увлеченій вообще нужны сильныя поводы, а тѣмъ болѣе для такихъ увлеченій, которыя, заглушая голосъ совѣсти и чести, могутъ доводить до такого рода дѣйствій, какъ подлогъ памятниковъ давно-минувшаго времени или искаженіе живой, несомнѣнной истины. Всякій, конечно, согласится, что у насъ, Русскихъ, нѣтъ такихъ поводовъ въ отношеніи къ Польшѣ. Тяжба между нами кончена, и у насъ нѣтъ ни одного нравственнаго интереса, который побуждалъ бы насъ къ такого рода дѣйствіямъ, а есть у насъ, напротивъ, нравственный интересъ, строго внушающій намъ совѣстные побужденія: это интересъ нашего народнаго достоинства, требующаго отъ насъ, въ отношеніи къ Польшѣ, безукоризненной честности. И этотъ интересъ мы соблюдаемъ свято. Я ссылаюсь на всю нашу современную литературу, отражающую общее мнѣніе Россіи: найдется ли у насъ хоть одинъ журналъ, хотя одна печатная по-русски строка, гдѣ бы выражалось неблагоклонное чувство къ Польской народности, и гдѣ бы не выражалось, когда говорится о ней, полное къ ней уваженіе и сочувствіе? Мы не только не враждуемъ



съ Польскою народностію, но первые теперь отъ души радуемся и благодаримъ Правительство за введеніе въ здѣшнія учебныя заведенія Польскаго языка, который не только необходимъ для *своихъ*, по можетъ быть полезень и для *нашихъ*, по близкому намъ родству и богатству его литературы. И такъ, и съ этой стороны не существуетъ побужденій, которыя могли бы хоть сколько нибудь поддерживать дѣлаемое противъ Коммиссіи обвиненіе.

Нѣтъ вообще никакого основанія связывать съ назначеніемъ нашей Коммиссіи какую-нибудь политическую цѣль.—Точно такая же Коммиссія открыта и въ Вильнѣ, гдѣ ея составъ, съ самаго начала и до сего времени, былъ и есть весь почти Польскій. Уже это одно обстоятельство достаточно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи всякой политической мысли въ основаніи этихъ археографическихъ учреждений. Задача наша—не политическіе извороты и сплетни, которые не оправдываются никакою потребностію Россіи, а историческія изысканія въ письменныхъ памятникахъ здѣшней старины, особенно въ громадномъ хранилищѣ Кіевскаго Центрального Архива (\*), заключающаго въ себѣ драгоценные источники для исторіи древней внутренней жизни Русскаго народа. Эти источники тѣмъ для насъ драгоценнѣе, что нигдѣ не существовало у насъ, кромѣ Западной Руси, благодаря господствовавшимъ въ ней Литовско-русскимъ юридическимъ обычаямъ, счастливаго для исторической науки учрежденія—такъ называемыхъ актовыхъ книгъ, куда вписывалась, такъ-сказать, вся юридическая жизнь народа, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Поэтому, только въ архивахъ Западной Руси могутъ находить данныя для своего окончательнаго разрѣшенія многіе, самые основные, коренные вопросы древне-русской жизни, какъ напримѣръ, вопросъ о древней нашей сельской автономіи. Эти-то данныя и составляютъ главный интересъ, имѣющійся въ виду у Коммиссіи, ту задачу, которую она преимущественно преслѣдуетъ въ своихъ изысканіяхъ, не оставляя, разумѣется, безъ вниманія и всего того, что служитъ къ объясненію исторіи собственно Западно-русскаго края. По бывшему отношенію этого края къ Польшѣ, открытія наши не могутъ не соприкасаться съ нею. Чѣмъ-же мы виноваты, если историческіе памятники не представляютъ здѣшняго прошедшаго въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ же—

---

(\*) См. о содержаніи этого Архива въ предисловіи къ 1-му тому Архива Югозападной Россіи.

ладо бы его видѣть Польское патріотическое чувство? Но вѣрно ли это чувство отзывается въ груди Польскихъ патріотовъ? Вотъ вопросъ. У какаго народа не осталось въ исторіи слѣда пороковъ, злоупотребленій, преступленій? Къ чему же гнѣваться на историческую правду? Исторія, какъ наука народнаго самопознанія, должна быть вѣрнымъ и ясно отражающимъ зеркаломъ. Желать фальшиваго зеркала, скрывающаго недостатки, можно развѣ смѣшному тщеславію отжившей наружную красоту и немѣющей внутренняго содержанія женщины. Пастъ, Русскихъ, всего менѣе, кажется, можно упрекнуть въ самолюбивомъ пристрастіи къ себѣ: мы сами о себѣ издаемъ, какъ драгоценныя свидѣтельства, такіа сказанія, какъ сочиненіе Флетчера о Русскомъ государствѣ, и не серясь смотримся въ зеркало Гоголя. — При такомъ направленіи духа, несправедливо предполагать въ насъ склонность выгораживать себя на счетъ другихъ.

Обращая наши слова къ неумѣреннымъ Польскимъ патріотамъ, мы вовсе не думаемъ, однакожъ, смѣшивать съ ними всѣхъ Поляковъ: напротивъ, Комиссія пріятно засвидѣтельствовала, что Польскіе истинные ученые постоянно сочувствовали и содѣйствовали трудамъ ея. Однимъ изъ первыхъ участниковъ въ ея дѣятельности былъ извѣстный Польскій патріотъ и ученый, *Свидзинскій*, который, до самой смерти своей, не переставалъ быть ея усерднымъ сотрудникомъ и постоянно доставлялъ ей значительные матеріалы изъ своего богатаго собранія рукописей (\*). Почти наканунѣ своей кончины, (когда я посѣтилъ его), послѣднія слова, мнѣ имъ сказанныя, выражали жалобу на медленное печатаніе IV тома памятниконъ, въ которомъ польскій текстъ издавался подъ его редакціей. И въ настоящее время, Комиссія пользуется сочувствіемъ нѣсколькихъ лицъ изъ Поляковъ, которымъ горячая любовь къ своей народности не мѣшаетъ любить безкорыстно науку. Эти факты я приглашаю опровергнуть открыто, если они невѣрны.

Но для полнаго утвержденія достовѣрности какъ бывшихъ, такъ и будущихъ изданій Комиссіи, я приглашаю всѣхъ и каждаго изъ желающихъ повѣрить вошедшіе, въ эти изданія, памятники съ ихъ подлинниками, обращаться ко мнѣ, и формально обязуюсь доставлять

---

(\*) Въ четырехъ томахъ изданныхъ Комиссіею памятниконъ, большая часть актовъ, относящихся къ Исторіи Малороссіи, поступили въ Комиссію изъ этого источника.

каждому всё нужны къ тому средства, если подлинники находятся въ Киевскомъ Центральномъ Архивѣ; если же они заимствованы изъ другихъ источниковъ, то, для желающихъ повѣрки, во всѣхъ изданіяхъ Коммиссіи, у всѣхъ актовъ имѣются указанія, откуда именно они почерпнуты. Этого правила Коммиссія постоянно держалась, въ общемъ интересѣ науки.

Смѣю удостовѣрить всѣхъ, кому было бы угодно обратиться ко мнѣ для указанной цѣли, что Коммиссія не только не приметъ требуемой отъ нея повѣрки за выраженіе недовѣрія къ ней, а напротивъ, съ полною благодарностью оцѣнитъ такой трудъ, какъ содѣйствіе ея искреннему желанію довести вопросъ о несомнѣнности издаваемыхъ ею памятниковъ до окончательнаго, безвозвратнаго разрѣшенія.

Имѣя въ виду одну историческую истину, Коммиссія, сверхъ того, всегда будетъ готова внести въ свои изданія всякій древній актъ, еще необнародованный, на который ей укажутъ, или который ей доставятъ, и который свидѣтельствовалъ бы въ пользу Польскаго здѣсь начала.

Что касается до теоріи превращенія здѣшняго края въ Польшу, то мы постараемся отвѣчать на нее не придуманными на этотъ счетъ теоріями же, а положительными документами и изслѣдованіями на нихъ построенными, къ чему и приступаемъ въ настоящемъ (II) томѣ. Пусть рѣшить между нами судъ безпристрастной исторической критики, которую мы желаемъ видѣть совершенно свободною и гласною съ обѣихъ сторонъ.

Независимо отъ того, да позволено будетъ намъ, одноплеменникамъ здѣшней Русской народности, предложить на рѣшеніе 'самыхъ Поляковъ, любящихъ и уважающихъ правду, слѣдующіе вопросы:

Въ Киевской, Подольской и Волынской губерніяхъ, общее народонаселеніе составляетъ 5,253,549 душъ. По вѣроисповѣданію и народности, они находятся въ слѣдующемъ численномъ отношеніи: Православныхъ, говорящихъ Русскимъ нарѣчіемъ, 4,128,193 души; Евреевъ 611,370 душъ; Римско-католиковъ 485,056 душъ; Русскихъ Старообрядцевъ и Раскольниковъ 18,827 душъ; Лютеранъ 9,291; Армянъ 290; Магометанъ 271 и Караимовъ 251 душа (\*).

Чтобы съ точностью опредѣлить цифру здѣшней Польской народ-

---

(\*) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ мѣстныхъ оффиціальныхъ источниковъ.

ности, слѣдовало бы изъ числа Римско-католиковъ отдѣлить ту массу простого народа, которая хотя исповѣдуетъ латинскую вѣру, но говоритъ Южно-русскимъ нарѣчіемъ и, потому, принадлежитъ по крови и языку, къ Русской народности. Но, не имѣя вѣрныхъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія отношенія здѣшнихъ Русскихъ Римско-католиковъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые вполне усвоили Польскую народность, мы принимаемъ въ пользу этой послѣдней весь итогъ исповѣдующихъ здѣсь латинскую вѣру. Этотъ итогъ составляетъ около  $\frac{1}{11}$  доли общаго народонаселенія.

Спрашиваемъ: справедливо-ли, законно-ли и даже, рѣшаемся сказать, благоразумно-ли *одинацатой* долѣ населенія притязать на господство своей народности?

Неужели въ нашемъ XIX вѣкѣ еще можно серьезно думать, не только утверждать, а тѣмъ менѣе стремиться къ осуществленію мысли, что шляхетскія преимущества даютъ право на такое господство?

Неужели аксіома, что есть народы безъ шляхты, но нѣтъ и не было шляхты безъ народа, и что народъ здѣсь Русскій, можетъ быть серьезными людьми отрицаема?

Предлагаемъ эти вопросы безъ вражды и страсти, а потому искренно желаемъ, чтобы тѣ, къ кому мы обращаемся, признавъ законъ исторической необходимости и общественной правды, подали намъ въ отвѣтъ руку, къ которой мы такъ охотно протягиваемъ свою, во имя взаимнаго уваженія къ обоюднымъ правамъ, во имя права каждаго челоуѣка на свою народность, во имя кровнаго родства и дружбы въ совмѣстной жизни, какую опредѣлила для насъ Исторія.

Предсѣдатель Коммисіи М. Юзефовичъ.

## II.

### СОДЕРЖАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ

#### ДВОРЯНСКИХЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ СЕЙМОВЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

---

Во II-мъ т. *Архива* заключаются акты, со времени присоединенія Юго-западной Руси къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ, въ 1596 году, по 1654 годъ, въ которомъ Украина, въ слѣдствіе народнаго возстанія, возбужденнаго Богданомъ Хмельницкимъ, отдѣлилась отъ Польши и присоединилась къ Восточной Руси. <sup>1)</sup>

Большая часть этихъ актовъ заключаетъ въ себѣ постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ Югозападной Руси; къ нимъ прибавлены историческіе матеріалы, пополняющіе и поясняющіе сеймовыя постановленія. Провинціальные сеймы установлены были въ Югозападной Руси жалованною грамотою короля Сигизмунда Августа, въ 1565 году. За нѣсколько недѣль предъ генеральнымъ сеймомъ, король приглашалъ дворянъ собираться въ главныхъ городахъ каждаго воеводства, для совѣщаній о нуждахъ Рѣчи Посполитой. По окончаніи совѣщаній, дворяне, постановивъ рѣшеніе, избирали изъ среды своей пословъ и, вручивъ имъ инструкціи, отправляли на генеральный сеймъ <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Помѣщенные, въ настоящемъ изданіи, историческіе матеріалы извлечены нами изъ хранящихся въ Киевскомъ Центральномъ Архивѣ актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Киевскихъ; къ этимъ матеріаламъ присоединено нѣсколько актовъ, извлеченныхъ нами изъ книгъ Трибунала Люблинскаго и Метрики Коровной, хранящихся въ Варшавѣ, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго. Окончательнсю редакцію Польскаго текста завѣдывалъ Библіотекаръ Университета св. Владиміра, начальникъ Киевскаго Центрального Архива, *Красовскій*, принявъ за правило печатать текстъ рукописей съ дипломатическою точностію.

<sup>2)</sup> Акты, относящіеся до исторіи Западной Россіи, т. III, стр. 138.

Въ этихъ сеймовыхъ постановленіяхъ находимъ предположенія западнорускаго дворянства по части законодательной, судебной и исполнительной, мѣры къ охраненію Русской народности, пзображеніе того состоянія, въ какомъ находилась Югозападная Русь, наконецъ просьбы о награжденіи лицъ, оказавшихъ важныя услуги государству. При изложеніи содержанія издаваемыхъ нами актовъ, мы заставимъ говорить западнорусское дворянство, воздерживаясь отъ собственныхъ нашихъ воззрѣній. Пусть сами дворяне скажутъ намъ, къ какому народу они причисляли себя, какъ они смотрѣли на устройство и состояніе Рѣчи Посполитой, и чего они желали для общественнаго благосостоянія. Но прежде нежели мы приступимъ къ изложенію содержанія актовъ, считаемъ нужнымъ изложить тѣ основанія, на которыхъ Литва и Югозападная Русь соединилась съ Польшею въ одну Рѣчь Посполитую.

Въ 1386 году, Великое Княжество Литовское, заключавшее въ своемъ составѣ Югозападную Русь, соединилось съ Польшею, подъ властію одного государя, великаго князя Литовскаго, Ягеллы. Это соединеніе имѣло чисто-федеративный характеръ. Цѣль союза состояла въ томъ, чтобы соединенными силами отражать внѣшнихъ неприятелей и содѣйствовать политическому могуществу обохъ государствъ <sup>1)</sup>. На основаніи такого федеративнаго союза, каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранять главныя условія политической независимости, именно, отдѣльную территорію и особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Территорія Литвы и Югозападной Руси строго отдѣлялась отъ территоріи Польскаго королевства; объ этомъ заботилось Литовско-Русское дворянство и неоднократно подавало свои просьбы королю. Дворяне жаловались, что папы-Поляки, переходя границы, отдѣляющія Польшу отъ великаго княжества Литовскаго, наносятъ пограничнымъ владѣльцамъ нестерпимыя обиды, производятъ разбои, убиваютъ людей и отнимаютъ земли. Для предотвращенія кровопролитія, Литовско-русское дворянство просило короля, чтобы границы между

---

<sup>1)</sup> -*Contra insultus quorundam hominum assistere, regem et coronam, regnum et regnicolas Poloniæ et eorum necessitates perpetuo adjuvare, quod et ipsi (i. e. regnicolæ Poloniæ) nobis pari modo tenebuntur facere vice versa.* -*Privilegium prælatorum Lithvaniæ 1401. Vol. Legg. T. I. p. 60.* -*Pro defensione fortiori, subsistentia dominiorum eorundem firmiori, unionem et connexionem ad effectum deducere conabantur.* -*Ibid. p. 288.*

Польшою и великимъ княжествомъ Литовскимъ приведены были въ несомнѣнную извѣстность. Объ этомъ оно подавало просьбы на Влеленскомъ сеймѣ, въ 1547, 1551 и 1554 годахъ. Такія же просьбы особо подавало дворянство Волинское въ 1551 и 1554 годахъ, жалуясь на разбои, убійства и грабежи, претерпѣваемые пограничными владѣльцами отъ пановъ-Поляковъ. Въ слѣдствіе этихъ просьбъ, король отправлялъ посланцовъ, какъ со стороны Литвы и Югозападной Руси, такъ и со стороны Польши, чтобы постановить между этими государствами точныя и вѣчныя границы <sup>1)</sup>. Польша, отдѣленная отъ Литвы и Югозападной Руси вѣчными границами, была для Литовско-Русскаго народа страной чужеземною <sup>2)</sup>; Поляки считались людьми заграничными, чужеземцами (*liudi zagranicznjuje, cziuzozemcy*) <sup>3)</sup>.

Поляки, наравнѣ съ другими чужеземцами, не могли занимать, въ Литвѣ и Югозападной Руси, никакихъ государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Желая устраничь всякое участіе Поляковъ во внутреннемъ управленіи Литвы и Югозападной Руси, Литовско-русское дворянство неоднократно обращалось съ просьбами къ королю о томъ, чтобы Поляки, какъ чужеземцы, не были допускаемы ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, въ предѣлахъ Литвы и Югозападной Руси <sup>4)</sup>. Такія просьбы подавало Литовско-русское дворянство королю въ 1544

<sup>1)</sup> Zbiór praw Litewskich. Poznań, 1841, стр. 428, 469, 474, 490 и 501. Также Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, изданные Археогрaфическою Коммисією Т. III, стр. 10, 42, 46.

<sup>2)</sup> Это подтверждается слѣдующею статьею Статута Литовскаго 1529 года: «Też ustawujem, ktoruju by dewku otec abo matka dali do cziuzois zemli z wielikoho kniazstwa Litowskoho, do Polski, abo do Mazowsz, abo do ktoroie kolwe zemli- etc. Разд. IV, арт. IX.

<sup>3)</sup> Въ отвѣтахъ короля на просьбы Литовско-русскаго дворянства, на Брестскомъ сеймѣ, въ 1544 году, сказано: «Zatym szto jeste prosili, aby Poliakom cziuzozemcom wradow i unych dostojnostej u wielikom kniakstwie nedawano» и проч. Zbiór praw Litewskich стр. 405.

<sup>4)</sup> Литовско-русское дворянство основывало свою просьбу на слѣдующей статьѣ Статута Литовскаго 1529 года: «Też szlubujem i obiecujem, iż w zemlach naszich toho wielikoho kniazstwa, zeml, i horodow, i mest, i ktorych kolwe dedictw, i derżania, i też ktorych kolwe wradow naszich, abo czestej i dostoinosi, obczomu, ale tolko prirożonym a tubylcom tych zeml naszich wielikoho kniazstwa, ne budem dawati, i potomki nasi ne budut dawati w derżanie i w pożiwanie. Разд. III, арт. 3. Также Zbiór praw Litewskich, стр. 45.

году, на Брестскомъ сеймѣ, и въ 1547 году, на сеймѣ Виленскомъ. Польскіе чиновники, сопровождавшіе короля во время поѣздки его въ Литву и Югозападную Русь, должны были останавливаться на границѣ, а если въѣзжали съ королемъ въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго, то считались чужеземными гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ общественныя дѣла. При королѣ оставались только придворные чины, необходимыя для его личныхъ услугъ <sup>(1)</sup>.

Чужеземцы не имѣли права прибрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и Югозападной Руси <sup>(2)</sup>; это ограниченіе распространялось и на Поляковъ. На Виленскомъ сеймѣ, въ 1554 году, дворянство Волинское жаловалось королю, что нѣкоторые паны-Поляки, женившись на дворянкахъ въ Землѣ Волинской и живя въ имѣніяхъ своихъ женъ, обижаютъ мѣстныхъ дворянъ, дѣлая имъ великія непріятности. Желая не только лишить Поляковъ права прибрѣтать поземельную собственность на Волини, но и устранить ихъ отъ владѣнія и пользованія имѣніями, дворянство Волинское просило короля, чтобы дозволено было ближайшимъ родственникамъ выкупать имѣнія дворянокъ, вышедшихъ замужъ за Поляковъ. Король приказалъ руководствоваться, въ этомъ случаѣ, законами о чужеземцахъ, поставленными для всего Великаго Княжества Литовскаго <sup>(3)</sup>. Право прибрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и Югозападной Руси предоставлено было Полякамъ только въ 1564 году, на Варшавскомъ сеймѣ <sup>(4)</sup>.

Изъ приведенныхъ нами узаконеній слѣдуетъ, что Литва вмѣстѣ съ Югозападною Русью, заключивъ федеративный союзъ съ Польшею, сохраняла свою политическую независимость, имѣла свою отдѣльную территорію и особую внутреннюю администрацію, считая Польшу чужеземною страной, а ея жителей—чужеземцами. Западнорусскіе

(1) Zbiór praw Lit., стр. 433. «Także szto jeste mowili jeho krolewskiej miłosci, iż był tot obyczaj zawždy iz starodawna, za szczasnoho panowania prodkow jeho miłosci, iż khdykolwek ich krolewskaia miłost s koruny polskoj je jeźdczali do wielikoho kniaźstwa litovskoho, tohdy na hranicy wsi wradniki dwornyje korunnnye ostawali; a jestli kotoryj do kniaźstwa litovskoho jechał, tohdy bywał jakobi hostem, a żadnoje mocy i władnosti w sprawowaniu wradu swojeho ne meł, ani sia w to wstupował.» Также стр. 405. Акты Западной Россіи. Т. III, стр. 13.

(2) Zbiór praw Lit., стр. 481. Акты Западной Россіи, т. III, стр. 53.

(3) Zbiór praw Litew., стр. 505. Акты Западной Россіи, т. IV, стр. 66.

(4) Voll. Legg. T. I, p. 649, art: 23.



дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ Русскимъ, безъ разлічія вѣроисповѣданій <sup>(1)</sup>. Этимъ же именемъ и Польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій Югозападную Русь. Поэтому грамоты, данныя Польскимъ правительствомъ для охраненія православной религіи, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Югозападной Руси, назывались дипломами Русскому народу <sup>(2)</sup>.

Характеръ федеративнаго союза Литвы съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, на Люблинскомъ сеймѣ. Въ этомъ году, Югозападная Русь, заключавшая въ себѣ Волынское и Брацлавское воеводства, а также княжество Кіевское, отдѣлены были отъ Литвы и включены въ составъ Польскаго королевства, въ формѣ провинцій, какъ части къ своему цѣлому, какъ членъ къ своему тѣлу и главѣ <sup>(3)</sup>.

Такое соединеніе должно было имѣть послѣдствія, гибельныя для обоихъ народовъ. Двѣ, почти равносильныя, но, по своимъ основнымъ началамъ, совершенно противоположныя народности, отличавшіяся образомъ правленія, языкомъ и религіею, должны были находиться въ непрерывномъ столкновеніи и парализовать развитіе государства. Съ этихъ поръ, ни Польша, ни Югозападная Русь не знали покоя. Между-тѣмъ-какъ другія государства, подъ защитою централизирующей монархической власти, осаживались на своихъ территорияхъ, обособляли свою народность и укрѣплялись въ силахъ, для того, чтобы перейти къ новымъ, болѣе совершеннымъ, формамъ государственной жизни, Польша и Югозападная Русь истощали свои свѣжія силы во внутренней борьбѣ противоположныхъ народностей и въ распряхъ аристократіи, неспособной къ самоуправленію.

Литовскорусское дворянство предвидѣло эти невыгодныя послѣдствія, и поэтому старалось противудѣйствовать политическимъ видамъ Польскаго правительства. Еще въ 1526 году, дворяне просили короля Сигизмунда I, чтобы онъ короновалъ своего сына на Великое Княжество Литовское, для того только, чтобы, возведя это государство на степень королевства, сдѣлать окончательное сліянiе его съ Польшею невозможнымъ. »Когда Великое Княжество Литовское,« писа-

<sup>(1)</sup> N. XVII, стр. 203.

<sup>(2)</sup> N. XX, стр. 223, и XXXII, стр. 370.

<sup>(3)</sup> Jako własny a prawdziwy członek ku własnemu ciału a głowie. Voll. Legg. T. II, pag. 753, art. 2.

ли дворяне королю, «будетъ имѣть свою корону, то тогда нельзя будетъ присоединить его къ Коронѣ Польской, потому, что одна корона въ составъ другой короны войти не можетъ. Тогда панамъ Полякамъ нельзя будетъ желать, чтобы это государство было унижено и присоединено къ нимъ, но будетъ равное братство и пріязнь заодно, противъ каждаго непріятели (1)».

Присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ, постановленное на Люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сягизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партією западнорусскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ Польскими аристократами. Хотя король, въ своихъ грамотахъ, утверждалъ, что соединеніе совершилось по искреннему желанію и добровольному согласію всѣхъ сословій Земли Волынской и Княжества Киевскаго (2); однакожъ это увѣреніе опровергается позднѣйшими королевскими распоряженіями. По окончаніи Люблинскаго сейма, король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозѣ, для того, чтобы принудить западнорусскихъ дворянъ дать согласіе на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою. Съ этою цѣлю, разосланъ былъ королевскій универсалъ, которымъ предписана была форма присяги, съ прибавленіемъ слѣдующихъ словъ: «А кто бы совершить эту присягу воспротивился, у того, какъ у сопротивляющагося власти нашей и государственнымъ законамъ, имѣніе конфисковать будемъ». Королевскимъ старостамъ повелѣно было доставить королю присяжные списки съ поименованіемъ лицъ, присягавшихъ, и не явившихся къ присягѣ, для того, чтобы король могъ подвергнуть непослушныхъ законному наказанію (3). Впрочемъ, изъ присяжныхъ листовъ, подписанныхъ обывателями повѣтовъ Луцкаго и Владимірскаго, видно, что, не смотря на королевскую угрозу, весьма многія лица, и притомъ представители знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, не явились къ присягѣ. Изъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія находимъ въ присяжномъ листѣ только подпись Іоны, архимандрита Жидичинскаго, да подпись извѣстнаго своимъ буйствомъ епископа Луцкаго, Іоны Красенскаго (4). Изъ лицъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣда-

(1) Ак. Зап. Рос. Т. II, стр. 175.

(2) «Z woli uprzejmej y za dobrowolnym pozwoleniem wszystkich stanów». Voll. Legg. II, 754.

(3) N. I, стр. 1 во II-мъ томѣ *Архива*.

(4) Архивъ югозападной Россіи, томъ I, стр. 29, 162, 191.

ній присягалъ и подписался одинъ только Армянскій попъ Вар-  
тикъ <sup>(1)</sup>.

Изъ сеймовыхъ постановленій, нами издаваемыхъ, можно видѣть  
всѣ невыгоды, которымъ подверглась Югозападная Русь, по присо-  
единеніи ея къ Польшѣ. Въ этихъ постановленіяхъ, мы находимъ  
безпрерывныя жалобы Западнорусскаго дворянства на своеволие ма-  
гнатовъ, захватывавшихъ въ свои руки власть законодательную, на  
несправедливую раздачу староствъ и высшихъ государственныхъ долж-  
ностей, на противузаконныя дѣйствія власти судебной и исполнитель-  
ной, на грабежи и нечестовства жолнеровъ и на преслѣдованія право-  
славной религіи.

Законодательная власть, по основнымъ законамъ, принадлежала  
генеральному сейму, состоявшему изъ короля, сенаторовъ и земскихъ  
пословъ, которые избираемы были дворянствомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ  
какъ усиливалась власть аристократіи, уменьшалось значеніе осталь-  
ныхъ представителей законодательной власти: короля и посольской  
избы. Такимъ образомъ нарушено было равновѣсіе политическихъ  
силъ, необходимое для правильного государственнаго устройства. Дво-  
рянство Волинское, въ 1645 году, поручило посламъ своимъ обра-  
тить вниманіе генеральнаго Варшавскаго сейма на этотъ недоста-  
токъ въ государственномъ устройствѣ. «Земца нашихъ вольностей,»  
говорили дворяне, «есть посольская изба; но въ настоящее время,  
осталась одна только тѣнь этого установленія. Въ дѣйствительности,  
шляхетское сословіе исключено изъ сейма; бесполезно гнбнуть бла-  
городнѣйшія желанія республики, инструкціи, даваемая дворянствомъ  
посламъ на Варшавскій сеймъ, и проекты законовъ, предлагаемыхъ  
въ посольской избѣ». Въ этомъ отношеніи, неустройство Польской  
республики, по мнѣнію дворянъ Волинскихъ, было такъ велико, что  
законы Польскіе служили посмѣшищемъ для иностранныхъ народовъ,  
(*rozmięwiskiem u postronnych narodów*) <sup>(2)</sup>.

Эти недостатки государственнаго устройства особенно обнаружи-  
вались во время междуцарствія. По смерти короля, представителемъ  
верховой власти являлся примасъ королевства, архіепископъ Гнѣз-

---

<sup>(1)</sup> N. I, стр. 4. См. также Жизнь князя Курбскаго въ Лптовѣ и на Во-  
лыни, т. I, стр. 19. Изъ лицъ, показанныхъ не явившимся къ присягѣ, нуж-  
но исключить нѣкоторыхъ дворянъ, бывшихъ на Люблинскомъ сеймѣ и тамъ  
присягавшихъ.

<sup>(2)</sup> N. XXV, стр. 292 и 293.

ненскій; но власть примаса, большею частію старика, удрученнаго лѣтами, была только тѣнью монархической власти, и притомъ слабою и отдаленною. Государство, во время междуцарствія, распалось на нѣсколько аристократическихъ республикъ, слабо связанныхъ между собою. Всѣ королевскія судебныя мѣста прекращали свои дѣйствія; верховная власть государя, въ отношеніи къ суду и мѣрамъ внутренней безопасности, переходила къ дворянамъ. Дворянство каждаго воеводства избирало изъ среды своей депутатовъ, для управленія краемъ, устанавливало порядокъ судопроизводства и опредѣляло наказанія за нарушеніе законовъ. Депутаты рѣшали дѣла окончательно. Для строгаго исполненія приговоровъ, дворяне обязывались, на непослушнаго депутатскому суду, возстать, всѣ вмѣстѣ и каждый особо, идти войной, какъ противъ врага отечества, опустошить его имѣнія и лишить его жизни и чести (1). Не смотря на эти строгія мѣры, междуцарствіе было для народа временемъ опасностей, раздоровъ и внутреннихъ безпорядковъ, производимыхъ буйными, мятежными людьми (2). Сосѣдніе народы, пользуясь внутренними безпорядками и слабостію исполнительнѣйшей власти, принимали угрожающее положеніе. Польскіе аристократы придумывали, для своей пользы, постановленія, ограничивавшія монархическую власть и доводившія ее до совершеннаго безсилія. Вновь избранный король, согласившись на эти постановленія и подтвердивъ ихъ присягою, часто принималъ на себя неисполнимыя обязанности и дѣлался клятвopреступникомъ. Тогда вспыхнулъ народный ропотъ, подданные считали себя въ правѣ не повиноваться государю, составлялись мятежные союзы и кофедераціи, разрушавшія частное и государственное благосостояніе. По смерти короля Сигизмунда III, дворянство Волынское отправило пословъ своихъ на генеральный сеймъ, съ горькими упреками покойному государю и его сенаторамъ: «Святой памяти король,» говорили дворяне, «обѣщалъ намъ, подъ присягою, построить на свой счетъ пять замковъ, для защиты края отъ татарскихъ набѣговъ, и не исполнилъ своего обѣщанія; отъ этого наши Украинскія воеводства подвергаются великимъ бѣдствіямъ. Король обязался не только не уменьшать, но, напротивъ, расширять предѣлы королевства; между тѣмъ, княжество Прусское отдалъ князю Бранденбургскому, на ленномъ правѣ, къ ве-

(1) N. II, стр. 30.

(2) N. II, стр. 19.

ликому вреду государства. Король обязался построить флотъ; отъ неисполненія этого обязательства, княжество Прусское было завоевано непріятелемъ. Земля Лифляндская, завоеванная неоптѣненною кровію народа Польскаго и Литовскаго, утрачена и завоевана непріятелемъ, къ великому вреду государства. Король обѣщаль присоединить къ коронѣ Польской Эстонію, но не исполниль этого обѣщанія. Всѣ военные спаряды, какъ-то: пушки, пули, порохъ и другіе, король обязанъ былъ доставлять на свой счетъ, на каждую войну; между тѣмъ, всѣ эти спаряды принуждена была поставлять Рѣчь Посполитая, на счетъ тяжкихъ податей и сборовъ. Сеймы были назначаемы трехнедѣльные, двухнедѣльные и чрезвычайные; на этихъ сеймахъ были вымышляемы новые поборы, которыми было обременено дворянство. Государственный доходъ, назначенный на содержаніе кванцяннаго войска, для защиты Украины, тратился на другіе предметы. Упомянутыя Татарамъ, назначенныя Рѣчью Посполитою, отдаваемы не были. Дурная монета причинила великій вредъ государству; объ этомъ разсуждаемо было на многихъ сеймахъ, но безъ всякаго успѣха (1)».

Предметомъ жалобъ со стороны дворянства была также неправильная раздача староствъ, переходившихъ въ руки немногихъ аристократовъ, отъ чего ихъ могущество безмѣрно увеличивалось. Нѣкоторые изъ нихъ, захвативъ въ свои руки болѣе 10 староствъ, продавали ихъ, уступали своимъ приверженцамъ, между тѣмъ какъ люди, оказавшіе важныя услуги государству, лишены были всякой надежды получить награду (2).

(1) № XVI, стр. 191.

(2) № XXVI, стр. 323. Фамилія Казановскихъ имѣла 15 староствъ, Зборовскихъ — 12, Мышковскихъ — 16. Яну Замойскому принадлежало 10 староствъ, Вишневецкому — 10, Станиславу Потоцкому — 10, Лукашу Опалинскому — 15, а т. д. *Siarczyńskiego*. *Obraz wieku panowania Zygmunta III. Poznań, 1843. T. I. str. 262.* Управление староствъ было весьма тяжело для народа. Въ 1638 году, Владиславъ IV требовалъ на судъ наследниковъ Адама Калиновскаго, старосты Брацлавскаго, по жалобѣ жителей города Брацлава. Въ этой жалобѣ сказано, что Калиновскій, отнявъ самовольно права, Брацлаву предоставленныя, принуждалъ жителей къ ежедневнымъ холопскимъ работамъ, обременялъ ихъ произвольными податями и сборами, и довелъ до такой крайности, что они принуждены были уходить изъ города, бросивъ свои дома и свое хозяйство. Въ слѣдствіе такого управленія, изъ двухъ тысячъ жилыхъ домовъ осталось въ Брацлавѣ только 100 съ небольшимъ. См. Книги Главнаго Трибунала Люблинскаго Воеводства Брацлавскаго, въ Главномъ Варшавскомъ Архивѣ, 1638 года, № 18, справа 311.

Устройство Главнаго Трибунала Люблинскаго, какъ высшей судебной инстанціи, западнорусское дворянство полагало основать на началѣ самоуправленія, утверждая, что народъ только тогда можетъ назваться свободнымъ, когда онъ самъ себя даетъ законы и самъ себя судитъ (1). Поэтому, Трибуналъ Люблинскій состоялъ изъ лицъ, опредѣляемыхъ на одинъ годъ, по выбору дворянства. Но начало самоуправленія, при тогдашнемъ состояніи общества, имѣло невыгодныя послѣдствія. Дворяне жаловались, что трибуналъ, не имѣя законодательной власти, отмѣняетъ своими приговорами законы, несправедливо лишаетъ дворянъ шляхетскаго достоинства и подвергаетъ ихъ безчестію и изгнанію изъ отечества (2). Вотъ какъ изображало дворянство Волынское недостатки Трибунала Люблинскаго, высшей судебной инстанціи: «Трибуналъ запутываетъ дѣла, производя судъ не по предписаніямъ закона, но по произволу; назначаетъ наказанія по собственному усмотрѣнію, а не по мѣрѣ преступленій; полагаетъ приговоры не на основаніи судебного изслѣдованія, но по несправости къ лицамъ или къ ихъ религіи, постановляя по однимъ и тѣмъ же дѣламъ различныя рѣшенія. Наконецъ Трибуналъ, подавляетъ всякое благородное и свободное мнѣніе. Народъ, который позволяетъ отнимать у себя по произволу жизнь и имущество и подавляетъ совѣсть, не есть вольный, но рабскій народъ. Избираемые нами короли, государи наши, предоставляютъ намъ право отказываться отъ повиновенія, если бы они, въ своемъ управленіи, вздумали нарушать вольности и права наши, а чтобы судьи, избираемые нами на одинъ годъ, могли угнетать насъ,—не дай того Боже!» (3).

При крайней слабости исполнительной власти, приговоры трибунала часто оставались безъ всякаго исполненія. Люди сильные, совершавшіе уголовныя преступленія, пренебрегали трибуналомъ и не являлись, по его требованію, на судъ. Трибуналъ приговаривалъ ихъ къ баниціи, то есть лишалъ ихъ чести и осуждалъ на изгнаніе изъ отечества; но осужденные, если принадлежали къ могущественной аристократіи, или вовсе не обращали вниманія на судебные приговоры, или получали изъ королевской канцеляріи охранительныя грамоты и, такимъ образомъ, избѣгали наказанія. Государство наполня-

(1) № XXV, стран. 393.

(2) № XXVI, стран. 321 и 322.

(3) № XXV, стран. 293 и 294.

лось людьми, лишенными чести и осужденными на изгнаніе изъ отечества. Эти лица не только не боялись правосудія, но безнаказанно совершали новыя преступленія, падавая вооруженною рукою на мелкихъ дворянъ и отнимая у нихъ имѣнія (1). Недовольные судопроизводствомъ въ трибуналъ Люблинскомъ, дворяне Волынскіе изъявляли желаніе освободиться отъ власти этой высшей судебной инстанціи и учредить для себя особый трибуналъ въ Луцкѣ (2).

Неустройство судебной власти и слабость власти исполнительной подвергали западнорусскихъ дворянъ обидамъ отъ ксендзовъ, козаковъ и особенно жолнеровъ. Жалуясь на ксендзовъ, дворянство Волынское говорило: «Нхъ милости ксендзы сильно обременяютъ дворянское сословіе такими десятинами, на которыя нѣтъ никакихъ законныхъ и несомнѣнныхъ записей. Ксендзъ доказываетъ свое право или какими нибудь реестрикомъ, или аттестациею другаго ксендза, но безъ всякаго законнаго основанія; а судъ, въ обиду дворянскому сословію, требуетъ только, чтобы ксендзъ истецъ подтвердилъ свой искъ присягою (3)».

На козачество смотрѣли дворяне какъ на причину внутреннихъ смутеній и главный поводъ къ войнамъ Польши съ Султаномъ Турецкимъ. Такъ какъ первые удары непріятели падали на южнорусскія воеводства, составлявшія охранительную стѣну рѣчи посполитой, то по этому западнорусское дворянство изыскивало средства, чтобы удерживать козаковъ въ повиновеніи. Въ 1618 году, дворянство воеводства Кіевского поручало посламъ своимъ просить на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы козачество какъ разбойничья шайка (*lotrowstwo kozackie*), или совершенно было уничтожено, или по крайней мѣрѣ приведено въ прежній порядокъ, чтобы оно не ссорило Польши съ Султаномъ Турецкимъ (4). Объ этомъ же ходатайствовало на сеймѣ дворянство Волынское въ 1622 году, говоря, что для спокойствія цѣлаго государства и для прочнаго мира съ Султаномъ Турецкимъ, необходимо принять мѣры къ удержанію козаковъ въ порядкѣ и повиновеніи (5). По усмиреніи козацкаго возстанія, бывшаго въ 1637 году, дворяне Волынскіе просили на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы на

(1) № XXVI, стран. 330 и 331.

(2) № XXV, стран. 295.

(3) № XIII, стран. 141.

(4) № XII, стран. 118.

(5) № XIII, стран. 136.

будущее время начальникомъ запорожскаго войска былъ назначаемъ Польскій шляхтичъ, чтобы украинскіе старосты постоянно находились въ укрѣпленныхъ замкахъ, для предупрежденія козацкихъ бунтовъ, и чтобы крѣпость Кодакъ снабжена была сильнымъ военнымъ отрядомъ, для препятствованія козакамъ выходить на море и чрезъ то нарушать мирные трактаты Польши съ Султаномъ Турецкимъ (1).

Великимъ бѣдствіемъ для края было войско, вознаграждавшее себя грабежами за неисправное полученіе жалованья. Опустошеніе, имъ произведенное, ни чѣмъ не было хуже непріятельскаго. Жолнеры предавались распутному своеволю, разоряя крестьянъ и помѣщиковъ постоями и котрибуціями. Выведенные изъ терпѣнія дворяне Волынскіе поручили, въ 1645 году, посламъ своимъ спросить на главномъ Варшавскомъ сеймѣ: «Долго-ли отчизна наша, къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ войска свои, и долго-ли мы этими войсками сами себя воевать будемъ (2)? Бѣдствія, причиняемыя жолнерами, еще болѣе увеличивались частыми набѣгами Татартъ, истреблявшихъ города и селенія и уводившихъ въ плѣнъ огромное количество народа. Всѣ эти бѣдствія преимущественно обрушивались на пограничныя воеводства югозападной Россіи, служившія оборонительною стѣною для всей рѣчи посполитой. Въ 1522 году, дворянство Волынское поручило посламъ своимъ представить Варшавскому сейму жалкое состояніе края. Дворяне говорили:

«За грѣхи наши, мы покараны отъ Господа Бога различными казнями и бѣдствіями. Мы доведены до нищеты то частыми контрибуціями, то непрерывными войнами, то переходами войскъ чрезъ наши края, то толпами своевольныхъ людей, ежегодно появляющихся. Мы раззорены нынѣшнею конфедераціею, измѣненіемъ монеты и ея недостаткомъ, дороговизною и неурожаемъ. Нѣсколько лѣтъ съ ряду, мы подвергались нападеніямъ невѣрныхъ, производившихъ опустошенія огнемъ и мечемъ, такъ что намъ осталось только смотрѣть съ горестію на пепелища имѣній, какъ своихъ собственныхъ, такъ и братій нашихъ. Мы истощались, платя за выкупъ изъ плѣна сыновей, женъ и дѣтей, братьевъ и родственниковъ своихъ. Мы до того стѣснены въ своихъ дворянскихъ имѣніяхъ, что и крестьяне наши

(1) № XXI, стран. 230, № XXII, стр. 277.

(2) № XXV, стр. 399 и 300.



едва дышуть отъ крайней бѣдности и нужды, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умирають съ голоду (¹)».

Вотъ плоды, которыми наслаждалась югозападная Россія, по присоединеніи ея къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ!

Вступая въ союзъ съ Польшею, западнорусское дворянство старалось оградить свою народность отъ чужеземнаго вліянія и сохранить ее неприкосновенною. Главныя основы западнорусской народности были: Русскій языкъ и православная вѣра (²). Однимъ изъ главныхъ условій присоединенія Югозападной Руси къ Польшѣ было сохраненіе Русскаго языка во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ, какъ въ судахъ городскихъ и земскихъ, такъ и въ королевской канцеляріи. Въ грамотѣ о присоединеніи земли Волынской къ Польшѣ постановлено: «Акты по всѣмъ судебнымъ дѣламъ, въ судахъ нашихъ городскихъ и земскихъ, какъ то: позовы, записи въ книги и другіе акты, и всѣ дѣла, также декреты наши, выдаваемые изъ канцеляріи нашей коронной, и листы, посылаемые по всѣмъ дѣламъ, какъ нашимъ королевскимъ, такъ и земскимъ короннымъ, должны быть писаны не инымъ письмомъ, какъ только Русскимъ, *на вѣчныя времена*» (³). Это же самое постановленіе повторено и въ актѣ о присоединеніи къ Польшѣ княжества Кіевского (⁴).

Вскорѣ по присоединеніи югозападной Руси къ Польшѣ, учреждены были два высшія государственныя установленія: метрика Русская и главный трибуналъ Люблинскій. Метрика Русская учреждена была при королевской канцеляріи, для вписыванія административныхъ и судебныхъ актовъ короля и генеральнаго Варшавскаго сейма, для воеводствъ: Кіевского, Волынскаго, Брацлавскаго и, въ послѣдствіи, Черниговскаго. Всѣ дѣла вписывались въ книги этой

(¹) № XIII, стр. 138.

(²) Третьимъ элементомъ западнорусской народности было древнее Русское право, но изслѣдованіе этого предмета будетъ напечатано въ одномъ изъ дальнѣйшихъ изданій Коммиссіи.

(³) Voll. Legg. T. II. pag. 757. «To też za prozbą wszecch wołynskiej ziemie przerzeczonych stanow, zostawuiemy: iż we wszelakich sprawach ich sądowych, iako pozwy, wpisowanie do ksiąg, acta, y wszelakie potrzeby, tak u sądow naszych grodzkich y ziemskich, iako y z kancelaryi naszej koronney dekreta nasze y we wszystkich potrzebach naszych krolewskich y ziemskich koronnych do nich listy, nie jakim innym, jedno Ruskim pismem pisane y odprawowane bydź mają czasy wiecznemi».

(⁴) Voll. Legg. II, p. 764.

метрики на Русскомъ языкѣ. Въ 1632 году, на Варшавскомъ съѣздѣ, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства, чтобы всѣ акты, касающіеся воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, были писаны въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы изъ нихъ на Русскомъ языкѣ, и что акты, написанные на другомъ языкѣ, не должны имѣть никакой силы. Для этой цѣли положено имѣть при канцеляріи короной особаго чиновника изъ западнорусскихъ дворянъ, который обязанъ былъ завѣдывать всѣмъ, что касалось Русскаго письма (1).

На провинціальномъ сеймѣ 1638 года, дворянство Волынское поручило посланъ своимъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ, ходатайствовать о томъ, чтобы при метрицѣ Русской состоялъ особый чиновникъ, избираемый дворянствомъ Кіевскаго, Волынскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго воеводствъ. Онъ обязанъ былъ завѣдывать метрикой, писать на Русскомъ языкѣ и отправлять по принадлежности акты, касавшіеся четырехъ означенныхъ выше воеводствъ (2).

Въ главномъ трибуналѣ Люблинскомъ, составлявшемъ высшую судебную инстанцію, ведены были особыя актывыя книги для воеводствъ Волынскаго, Брацлавскаго, Кіевскаго и Черниговскаго. Всѣ дѣла постановлено было записывать въ эти книги Русскимъ языкомъ; на этомъ же языкѣ писались и выдавались тяжущимся судебныя рѣшенія (3).

(1) Статья, постановленная на Варшавской конвокаціи въ 1632 году, вписана въ акты городскіе Варшавскіе (Obligationum) № 8., подъ заглавіемъ: Oblata punctorum exorbitantium. Статья 27 заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Pisanie Ruskich praw. Jako dawne prawo mieć chciało y iako dotąd w zwyczaju było, wszystkie przywilegie, listy, mandaty y insze wszystkiei sprawy Kijowskiego, Wołynskiego, y Bracławskiego woiewodstw Ruskim ięzykiem w Cancellariach J. K. M. pisane y wydawane być maią sub nullitate wszystkiei sprawy, którą by kto inakszym charakterem z cancellariei wyniosł; g woli czemu ma być zawždy prcy cancellarij coronney pisarz urodzenia szlachezkiego, osiadły y przysięgły, krory by tego Ruskiego pisania we wszystkim doglądał. Akra obligaticnum grodu Warszawskiego 1631—1632. pag. 2449, въ Вланномъ Архивѣ Царства Польскаго.

(2) № XXI, стр. 238. Акты Метрики Русской хранятся въ С. Петербургѣ, при третьемъ департаментѣ Правительствующаго Сената.

(3) Трибуналъ для воеводствъ Волынскаго и Брацлавскаго учрежденъ былъ въ 1589 г.—Въ уставѣ трибунала сказано: Pisarze Ziemszy onych woiewodstw maią księgi osobne mieć, a wszystkie sprawy do tych ksiąg pismem Ruskim zapisywać. Dekreta y sprawy wszelkie, także pismem Ruskim wydawać. Voll. Legg. T. II pag. 1237. Воеводство Кіевское подчинено было трибуналу Люблинскому въ 1590 году, на томъ же самомъ основаніи, какъ и воеводства Волынское и Брацлавское. Voll. Legg. T. II. p. 1340.

Въ статутѣ Литовскомъ постановлено, что всѣ листы, выписи и позовы, въ судахъ городскихъ и земскихъ, должны быть писаны Русскимъ языкомъ (1).

Западнорусское дворянство не только старалось о томъ, чтобы языкъ Русскій употребляемъ былъ въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ, но заботилось и объ его чистотѣ. Конституціе Варшавскаго сейма предложено было воеводствамъ Волынскому и Брацлавскому заняться исправленіемъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Югозападной Руси, при этомъ было постановлено, чтобы законы писаны были Русскимъ языкомъ и письмомъ, безъ примѣси словъ латинскихъ (2).

Слѣдующіе случаи доказываютъ, съ какою заботливостію западнорусское дворянство старалось о томъ, чтобы означенныя выше постановленія объ употребленіи исключительно одного только Русскаго языка, въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ, были исполняемы во всей ихъ силѣ. Въ 1576 году, король Стефанъ Баторій потребовалъ къ себѣ нѣкоторыхъ Брацлавскихъ дворянъ позовными листами, писанными польскимъ языкомъ. Дворянство Брацлавское не позволило своей братіи исполнить королевское приказаніе, замѣтивъ королю, что листы, присылаемые къ нимъ изъ королевской канцеляріи, должны быть писаны на Русскомъ языкѣ: «Найяснѣйшій милостивый король» — писало дворянство Брацлавское: «нарушаются наши вольности и права тѣмъ, что изъ канцеляріи вашей королевской милости посылаются къ намъ листы, писанные Польскимъ письмомъ. Поэтому мы просимъ вашу королевскую милость покорными просьбами, на будущее время сохранять въ цѣлости привилегіи и свободы наши, приказавъ, чтобы къ намъ, изъ канцеляріи вашей королевской милости, присылаемы были листы на Русскомъ языкѣ (3)».

Въ 1605 году, Кіевскій городской судъ судилъ дѣло о бѣгломъ крестьянинѣ. Ответчикъ былъ оправданъ потому только, что уполномочіе, данное истцомъ адвокату, было написано попольски. Въ судебномъ приговорѣ сказано: «Судъ городской Кіевскій, видя, что уполно-

(1) Ст. Лит. 1566 года. «А писарь земскій маєт поруску литерами и словы Рускими вси листы и позовы писати, а не пишииъ языкомъ и словы». Разд. IV. арт. I. Тоже повторено и въ статутѣ 1588 года въ разд. IV. арт. 1.

(2) Voll. Legg. T. II. pag. 1340 «Statuta, według ich prawa, Ruskim ęsikiem u piśmie maia być pisane, nie mieszaiąc słow łacinskiach».

(3) Акты Западной Россіи. Т. III. стр. 187.

мочіе, предъявленное адвокатомъ со стороны истца, написано попольски, а наши законы, по которымъ судится земля Кіевская, повелѣваютъ, чтобы всё дѣла не инымъ были писаны письмомъ, какъ только русскимъ, признать уполномочіе незаконнымъ и отвѣтчика отъ позва вольнымъ учинилъ.» Истецъ подавалъ апелляцію въ Люблинскій трибуналъ, но не явился на судъ; поэтому трибуналъ утвердилъ рѣшеніе, постановленное Кіевскимъ городскимъ судомъ (1).

Языкъ Русскій былъ употребляемъ въ Литвѣ и югозападной Руси не въ однихъ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ: онъ былъ во всеобщемъ употребленіи между частными лицами, духовенство писало на немъ свои проповѣди и другія сочиненія, этому языку обучалось юношество въ училищахъ, на немъ писались завѣщанія. Самые знатные и образованные изъ западнорусскихъ патриотовъ завѣщевали дѣтямъ своимъ учиться Русской грамотѣ, не забывать своего Русскаго письма и Русской рѣчи, не оставлять добрыхъ Русскихъ обычаевъ, пребывая вѣрными своей православной вѣрѣ, до самой смерти (2).

Изложивъ свѣдѣнія объ употребленіи Русскаго языка въ Литвѣ и Югозападной Руси, извлеченныя нами изъ официальныхъ актовъ, не лишнимъ считаемъ прибавить мнѣшіе объ этомъ предметѣ одного изъ ученыхъ и безпристрастныхъ Польскихъ писателей, Сярчинскаго. «Въ древнія времена, Литва, во всѣхъ письменныхъ памятникахъ, не употребляла другаго языка, какъ только Русскій. На этомъ языкѣ писаны были лѣтописи, уставы и жалованныя грамоты князей, письма княжескаго двора, поученія духовенства. Западная Русь, вышедшая изъ состоянія дикости гораздо прежде Литвы, передала ее обитателямъ свои обычай, вѣру, законы и языкъ. Множество Руси, спасая жизнь и имущество отъ дикихъ Татаръ, уходили въ Литву и тамъ поселялись. Стрыйковскій, который имѣлъ объ этомъ предметѣ вѣрныя свѣдѣнія, и которому нельзя было не вѣрить, утверждаетъ, что еще въ продолженіи XVI вѣка, Литва, въ церквяхъ, судахъ и школахъ, не знала другаго языка, кромѣ Русскаго. Сошниковъ утверждаетъ, что Русь, въ Польшѣ и Литвѣ, до самаго конца XVII вѣка, всё свои духовныя книги писала на Русскомъ языкѣ. Этотъ языкъ Сошниковъ на-

(1) Книга главнаго трибунала Люблинскаго, воеводства Кіевскаго 1607 г. Ж 6, справа 120, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго.

(2) См. завѣщаніе Василія Загоровскаго, костеляна Брацлавскаго, въ Арх. Югозападной Руси. Т. I, стр. 67.

зывается Бѣлорусскимъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ Сопикова, Лянде называется языкъ, на которомъ написанъ былъ Статутъ Литовскій, также Бѣлорусскимъ. Но для чего употреблять это особое названіе? Я нисколько не отвергаю, что языкъ Русскій, которымъ говорила и писала Польская и Литовская Русь, былъ отличенъ отъ Великорусскаго и Церковнославянскаго; но недостаточно ли называть этотъ языкъ просто Русскимъ? Небольшія отличія въ говорѣ, встрѣчающіяся у Русскихъ въ Червоной, Бѣлой, Черной, Малой и Великой Руси, не уничтожаютъ характера языка; этотъ языкъ, какъ говоритъ Шлёцеръ, вездѣ Русскій. Языкъ Польскій, которымъ говорятъ въ Великой Польшѣ, въ Малой Польшѣ, въ Мазови и Пруссіи, имѣетъ отличія; не смотря на то, на письмѣ не дѣлается отличія между языками великопольскимъ, малопольскимъ, мазовецкимъ и т. д. » (1).

Мы видѣли, какъ дорожило западнорусское дворянство своимъ роднымъ языкомъ, и какія усилія оно употребляло для его сохраненія, но еще съ большею ревностію оно заботилось о сохраненіи своей народной православной религіи. Православную религію западнорусское дворянство старалось поддерживать и охранять отъ вліянія иностранныхъ исповѣданій учрежденіемъ церковныхъ братствъ, монастырей и учебныхъ заведеній. Уцѣлѣвшія, до настоящаго времени, церкви и монастыри, разсѣянные на всемъ пространствѣ Югозападной Руси, гробницы князей и

---

(1) См. *Obraz wieku panowania Zygmunta III przez. X. Franciszka Siarczyńskiego. Poznań. 1843. Т. I, стр. 198.* Вопросъ о Западнорусскомъ языкѣ и его отношеніи къ Великорусскому мы предоставляемъ епѣологамъ. Замѣтимъ только, что въ оффиціальныхъ актахъ до XVI вѣка, Западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ современнымъ ему языкомъ Восточной Руси. Съ XVI вѣка, Западнорусскій языкъ начинаетъ заимствовать изъ Польскаго языка слова и грамматическія формы; не смотря на то, онъ всегда сохранялъ болѣе сходствъ съ Великорусскимъ, нежели съ Польскимъ языкомъ. До конца XVI столѣтія, законъ объ исключительномъ употребленіи Русскаго языка въ оффиціальныхъ актахъ соблюдался во всей строгости. Къ концу этого столѣтія начинаютъ встрѣчаться въ актовыхъ книгахъ правительственныя распоряженія и частныя записи на Польскомъ и Латинскомъ языкахъ. Необходимость входить въ частыя сношенія съ Польшею, а также недостатокъ народнаго образованія, заставлявшій дворянъ отдавать дѣтей въ іезуитскія школы, имѣли слѣдствіемъ быстрое распространеніе Польскаго языка въ Западнорусскомъ дворянствѣ, такъ что во второй половинѣ XVII вѣка, этотъ языкъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ Русскимъ. Но вліяніе означенныхъ выше причинъ ограничивалось преимущественно дворянскимъ сословіемъ; напротивъ того, простой народъ, составлявшій главную массу населенія, всегда сохранялъ свой родной Русскій языкъ неприкосновеннымъ.

дворянъ съ Русскими надгробными надписями, наполненные княжескими и дворянскими фамиліями древніе помпальные синодики, хранящіеся въ православныхъ церквахъ и монастыряхъ, свидѣтельствуютъ, что западнорусское дворянство, причисляя себя къ Русскому народу, пребывало до гроба вѣрнымъ своей православной религіи. Иногда дворяне заключали между собою договоръ, обязываясь защищать и поддерживать учрежденныя ими религіозныя установленія соединенными силами. Такъ въ 1601 году, сорокъ четыре представителя важнѣйшихъ дворянскихъ фамилій на Волыни заключили между собою обязательство о защитѣ церковнаго Люблинскаго братства, назначивъ ему на содержаніе земли. Подъ этимъ обязательствомъ находимъ подписи: князя Копстантина Острожскаго, князя Сангушка Кошпрскаго, князя Яхима Корецкаго, князя Юрія Друцкаго-Горскаго, Василія Семашка, Лаврина Древни-скаго, князя Курцевича-Булыги, князя Юрія Чарторыйскаго, Фридриха Тшкевича, князя Григорія Четвертинскаго, князя Друцкаго-Любецкаго, Мартина Бутовича и многихъ другихъ <sup>(1)</sup>.

Предметомъ особенной заботливости для западнорусскаго дворянства была Кіевопечерская Лавра. Дворяне поручали посламъ своимъ ходатайствовать на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы Кіевопечерская Лавра, домъ Божій, какъ они ее называли, была защищаема отъ притѣсненій и пользовалась древними правами своими, такъ какъ лица знатныхъ фамилій посѣщаютъ въ этомъ монастырѣ гробы своихъ предковъ, а простой народъ стекается для поклоненія святымъ угодникамъ <sup>(2)</sup>. Съ древнихъ временъ, дворянство исходатайствовало себѣ право избирать архимандрита Кіевопечерской Лавры. Тотчасъ по смерти архимандрита, соборное духовенство оповѣщало князей и дворянъ православной вѣры, прося ихъ пребыть въ Кіевъ для выбора архимандрита изъ лицъ дворянскаго сословія, знающихъ догматы православной религіи и изучившихъ богословскія науки. Избирательный листъ, съ подписями избирателей, посылался королю на утвержденіе <sup>(3)</sup>.

Король Сигизмундъ III и окружавшіе его іезуиты весьма хорошо поимали всю важность Кіевопечерской Лавры, имѣвшей религіозное вліяніе не только на Западную, но и на Восточную Россію. Поэто-

<sup>(1)</sup> N. IV, стр. 35.

<sup>(2)</sup> № XII, стр. 123.

<sup>(3)</sup> Образецъ такого избирательнаго листа напечатанъ подъ № XXVII, стр. 336.

му, какъ только нѣкоторые изъ православныхъ іерарховъ изъявили согласіе на унию, тотчасъ явилась мысль предоставить этотъ монастырь въ распоряженіе столицы апостольской. Іезуиты понимали, что, захвативъ въ свои руки эту всероссійскую святыню, они сдѣлали бы изъ нея средоточіе обширной католической пропаганды, которая могла бы распространять свое вліяніе на весь народъ Русскій. Въ этихъ видахъ, Сигизмундъ III, еще до принятія униі на Брестскомъ соборѣ, попросилъ у папы Климента VIII особую буллу, которою Кіевопечерская Лавра, со всеми ея имѣніями и доходами, предоставлена была во власть митрополитовъ кіевскихъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они пребывали въ соединеніи съ Римскимъ костеломъ (1). Такое распоряженіе возбудило сильный ропотъ и негодованіе въ Югозападной Русси. Дворянство отправило пословъ на Варшавскій сеймъ и требовало, чтобы папская булла была отменена, такъ какъ право назначать архимандрита Кіевопечерской Лавры не принадлежитъ ни королю, ни папѣ, а только православнымъ дворянскимъ фамиліямъ. Негодованіе народа и дворянъ было такъ сильно, что угрожало опасностію государству и заставило короля просить папу съ отменѣн буллы и о возвращеніи Кіевопечерской Лавры въ прежнее положеніе. Папа, для успокоенія государства (*pro regni tranquillitate*), согласился на просьбу короля, и двумя бресе, данными на имя короля и папскаго пунція, разрѣшилъ освободить Кіевопечерскую Лавру отъ власти униатскихъ митрополитовъ и возвратить дворянству право избирать архимандрита (2). Такимъ энергическимъ усиліемъ западнорусскаго дворянства, Кіевопечерская Лавра сохранена была въ своей первобытной святости и спасена отъ разрушенія, которому подверглась большая часть православныхъ церквей и монастырей, поступившихъ во власть униатскаго духовенства.

Удерживая за собою право избирать митрополита, нѣкоторыхъ епископовъ и архимандритовъ важнѣйшихъ монастырей, западнорусское дворянство считало обязанностію заботиться о приготовленіи изъ среды своей лицъ, способныхъ для поступленія въ духовное званіе. Для этой цѣли, дворянство Вольнское, въ 1607 и 1608 годахъ, ходатайство—

---

(1) Эта булла папы Климента VIII, 1595 марта 4, вписана въ книгу гродскую Житомирскую 1760 г., листъ 1099 на оборотѣ.

(2) N. V, стр. 40. N. VI, стр. 44.

вало на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы митрополиту, епископамъ и архимандриту Кіевопечерской Лавры вѣщено было въ обязанность учредить, на счетъ монастырскихъ и епископскихъ доходовъ, семинаріи, въ которыхъ бы постоянно воспитывались дворянскія дѣти, для пригтовленія къ духовному званію (1). Но наиболѣе выразилась непоколебимая приверженность западнорусскаго дворянства къ православной вѣрѣ въ борьбѣ противъ униі.

По мнѣнію западнорусскихъ іерарховъ, для измѣненія релігіозныхъ догматовъ, не достаточно было постановленіе одного только духовенства, но необходимо было согласіе свѣтскихъ лицъ, какъ дворянскаго сословія, такъ и посполитаго народа, чтобы не было наслія людямъ въ ихъ вѣрѣ и совѣсти (2). Это начало, отличавшее западнорусскую православную церковь отъ католической, давало возможность дворянству участвовать, вмѣстѣ съ духовенствомъ, въ совѣщаніяхъ соборовъ и въ постановленіи соборныхъ опредѣленій. По этому, когда созванъ былъ въ 1596 году, Брестскій соборъ, для совѣщанія объ униі, то на этомъ соборѣ явилось многочисленное собраніе дворянъ и свѣтскихъ сановниковъ, изъ Литвы и Югозападной Руси. Всѣ эти лица, вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ, участвовали въ соборныхъ совѣщаніяхъ, претестовали противъ униі, требовали низложенія іерарховъ, отступившихъ отъ православія, и съ своимъ протестомъ отправили послать къ королю (3). Но когда дворяне увидѣли, что постановленія собора были отвергнуты Польскимъ правительствомъ, что малочисленная православная іерархія оказалась безсильною для защиты своей вѣры, что ижѣнія, пожертвованныя ихъ предками на содержаніе церквей, монастырей, братствъ и училищъ, были отобраны въ пользу униатовъ: тогда они рѣшились принять народную Русскую вѣру подъ свою непосредственную защиту и сдѣлали ее предметомъ совѣщаній на своихъ провинціальныхъ сеймахъ.

Не вдаваясь въ богословскія прѣнія, дворяне защищали свою релігію на основаніи законовъ, обеспечивавшихъ свободу вѣроисповѣданія. Они говорили, что православная релігія издавна имѣла права свои, подтвержденныя многими королями Польскими и великими князьями Литовскими, что эти права никогда не были нарушасмы до вре-

(1) N. VIII, стр. 75. N. X, стр. 92.

(2) Архивъ Югозападной Руси Т. I, ст. LII.

(3) Тамъ же, стр. 509.



мени короля Сигизмунда III, и что религія православная начала подвергаться преслѣдованію только съ тѣхъ поръ, когда митрополитъ и нѣкоторые изъ епископовъ, измѣнивъ своей вѣрѣ, признали надъ собою власть Римскаго папы (¹). Защищая начало вѣротерпимости, православное дворянство заботилось не только о правахъ своей церкви, но требовало, чтобы всѣ христіанскія вѣроисповѣданія могли спокойно отправлять свое богослуженіе, на основаніи давнихъ правъ и привилегій, утвержденныхъ присягами короля Сигизмунда III, и его предшественниковъ (²).

Со времени Брестскаго собора, на которомъ принята была унія въ 1596 году, не проходило ни одного почти сейма, на которомъ бы не раздавался голосъ западнорусскаго дворянства въ защиту православной вѣры.

Въ 1606 году, король Сигизмундъ III находился въ затруднительномъ положеніи. Недовольная его управленіемъ шляхта, составивъ многочисленное войско, подняла мятежь, упрекая короля въ замыслѣ, на присвоеніе неограниченной власти, въ нарушеніи государственныхъ законовъ, въ недостаткѣ правосудія и въ разстройствѣ финансовъ. Государству угрожала междоусобная война. Этимъ случаемъ рѣшилось воспользоваться западнорусское дворянство для того, чтобы возстановить древнія права религіи православной, нарушенныя введеніемъ уніи. Дворяне Волынскіе, соединившись съ дворянами воеводства Киевскаго, на съѣздѣ подъ Сендомиромъ, постановили просить короля, чтобы унія была уничтожена, чтобы митрополитъ и епископы, принявшіе унію, были лишены должностей и всѣхъ іерархическихъ правъ, имъ предоставленныхъ, чтобы, на будущее время, всѣ іерархическія должности и церковныя имѣнія были раздаваемы только лицамъ православнаго исповѣданія и притомъ по свободному выбору дворянства (³).

Угрожаемый мятежными конфедератами король, желая привлечь на свою сторону западнорусское дворянство, обѣщалъ, что, на будущее время, православный Русскій народъ не будетъ подвергаться преслѣдованію за свою вѣру, что ему будетъ предоставлена свобода богослуженія по древнимъ обрядамъ, что лица православнаго исповѣданія будутъ имѣть право отправлять городскую службу и заниматься реме-

---

(¹) N. VIII, стр. 69.

(²) N. XII, стр. 120.

(³) N. VIII, стр. 69.

сламп. Все тяжбы возникшія изъ религіозныхъ споровъ были признаны недействительными, и духовныя лица, присужденныя къ наказаніямъ по дѣламъ вѣры, объявлены свободными. Но митрополитъ и епископы, согласившіеся на унію, не были лишены духовнаго сана, сохранили свои іерархическія должности и продолжали владѣть церковными имѣніями (1).

Видя упорство короля и желая прекратить гибельныя для государства раздоры, дворяне Вольпскіе, на провинціальномъ сеймѣ 1607 года, согласились сдѣлать уступку въ пользу уніатскаго духовенства. Они объявили, что уніатскіе епископы могутъ сохранять свой духовный санъ и пользоваться іерархическими почестями, но должны отказаться отъ всякой власти надъ православнымъ духовенствомъ. Имъ должна быть назначена на содержаніе третья часть церковныхъ имѣній, въ которыхъ они могли бы жить и исполнять церковныя обряды до самой смерти, а по смерти ихъ, церковныя имѣнія должны возвратиться къ православнымъ епископамъ. Вместе съ тѣмъ дворяне просили, чтобы съ этого времени, король назначалъ имъ только православныхъ епископовъ, которые бы состояли подъ властію патріарха Константинопольскаго, и чтобы это правило утверждено было особою сеймовою конституціею (2).

Въ слѣдствіе этой просьбы, въ конституцію Варшавскаго сейма 1607 года, внесена была особая статья о православной вѣрѣ. Король обѣщалъ не тѣмъ раздавать іерархическія должности и церковныя имѣнія, какъ только на основаніи записей и жалованныхъ королевскихъ грамотъ, и притомъ лицамъ дворянскаго сословія народа Русскаго, исповѣдующимъ истинную православную религію. Король обязался не нарушать правъ народа Русскаго въ отношеніи къ религіи и не запрещать ему свободнаго отправленія церковныхъ обрядовъ, по древнимъ обычаямъ. Сверхъ того постановлено, что церковныя православныя братства, должны сохранять свои права и привилегіи (3).

Этимъ постановленіемъ не удовлетвовалось западнорусское дворянство. На провинціальномъ сеймѣ 1608 года поставлено было просить короля, чтобы епископіи раздаваемы были только лицамъ, посвященнымъ въ епископскій санъ восточными патріархами. Если бы та-

(1) N. VII, стр. 55.

(2) N. VIII, стр. 72 и 73.

(3) Voll. Legg. II, p. 1698.

кой епископъ, принявъ унию, подчинился власти Римскаго костела, то онъ долженъ оставить епископію, и на его мѣсто долженъ быть поставленъ другой епископъ, исповѣдующій истинную православную вѣру и признающій надъ собою власть восточныхъ патріарховъ. Эта просьба предложена была послами западнорусскаго дворянства, на Варшавскомъ сеймѣ въ 1609 году <sup>(1)</sup>; но король отложилъ дѣло до слѣдующаго сейма, приказавъ, чтобы между православнымъ и униатскимъ духовенствомъ не было никакихъ раздоровъ, чтобы тѣ и другіе оставались спокойно на своихъ мѣстахъ, угрожая за нарушеніе мира штрафомъ въ десять тысячъ копъ грошей <sup>(2)</sup>.

Всѣ обѣщанія короля и постановленія Варшавскаго сейма оставались мертвою буквою. Западнорусское дворянство продолжало жаловаться на преслѣдованія, которымъ подвергался народъ Русскій въ отправленіи церковныхъ обрядовъ, на поруганіе православныхъ церквей, на принужденіе священниковъ къ принятію униі. Почти на каждый Варшавскій сеймъ дворяне посылали просьбы о защитѣ православной вѣры, ссылаясь на конституцію и привилегіи, подтвержденныя королевскими присягами, и на грамоту о присоединеніи Югозападной Руси къ Польшѣ <sup>(3)</sup>; но всѣ ихъ просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. Король и Варшавскій сеймъ или вовсе не обращали вниманія на просьбы дворянъ, или откладывали рѣшеніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или провозглашали свободу православной вѣры, но не принимали никакихъ мѣръ къ ея защитѣ <sup>(4)</sup>. Такъ продолжалось до смерти короля Сигизмунда III.

Смерть Сигизмунда III, основывавшаго свою внутреннюю и вѣшнюю политику на фанатизмъ и религиозной нетерпимости, оживила надежды западнорусскаго народа. Дворянство считало долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ и начало новую борьбу за свои права и свою народность. Въ 1632 году, іюня 3, болѣе двухъ-сотъ дворянъ Волынскихъ явилось на провинціальный сеймъ въ Луцкѣ, и главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Дворяне обвиняли покойнаго короля въ томъ, что народъ Русскій, съ 1596 года, безуспѣшно жа-

<sup>(1)</sup> N. X, стр. 90 и 91.

<sup>(2)</sup> Voll. Legg. II, pag. 1666.

<sup>(3)</sup> N. XI, стр. 105. N. XII, стр. 119 и 120. N. XIII, стр. 134. N. XIV, стр. 153 и 154.

<sup>(4)</sup> Voll. Legg. II, p. 326, 379, 450, 517, 669.

ловался о нарушении правъ, подтвержденныхъ конфедераціями и грамотами королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ. На основаніи этихъ постановленій, король обязанъ былъ раздавать іерархическія должности туземному православному дворянству; между тѣмъ, митрополія Кіевская, епископіи и архимандріи раздаваемы были лицамъ постороннимъ и притомъ униатамъ. Православное дворянство не было допускаемо къ государственнымъ должностямъ, мѣщане, несогласавшіеся принять унию, были отставляемы отъ городскихъ должностей, лишены были права вступать въ цехи и заниматься ремеслами. Православныя церкви насильственно отдаваемы были униатамъ, запрещалось строить новыя православныя церкви, и невинные люди, за свою вѣру, томимы въ темницахъ. Избранные дворянствомъ послы должны были изложить эти жалобы на генеральномъ Варшавскомъ сѣздѣ, предшествовавшемъ избранію новаго короля, и требовать, чтобы свобода вѣры, для всѣхъ и вездѣ, была постановлена и обезпечена ясными законами, и чтобы вновь избираемый король подтверждалъ это постановленіе присягою. Посламъ вмѣнено было въ обязанность не приступать ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, пока православная вѣра не будетъ совершенно успокоена, и пока не будутъ возстановлены ея древнія права и привилегіи (1).

Такъ какъ просьбы и жалобы пословъ, отправленныхъ дворянствомъ на генеральный Варшавскій сѣздъ, не имѣли успѣха, то дворяне Волынскіе снова собирались на провинціальный сеймъ. Здѣсь они, торжественно объявляя себя народомъ Русскимъ, постановили отправиться, лично и всѣмъ вмѣстѣ, на Варшавскій сеймъ назначенный для избранія новаго короля, стоять крѣпко за свои права и особенно стараться о свободѣ вѣры и о возстановленіи правъ, предоставленныхъ православною религіею. Дворяне дали обѣтъ не приступать къ избранію новаго короля до тѣхъ поръ, пока ихъ требованія не будутъ исполнены (2).

Дворяне Волынскіе сдержали свое обѣщаніе. На избирательный Варшавскій сеймъ, бывшій въ сентябрѣ 1632 года, явилось сто-сорокъ дворянъ Волынскихъ, къ нимъ присоединилось двадцать-пять дворянъ воеводства Кіевского и двадцать воеводства Брацлавскаго. Фамиліи этихъ дворянъ, явившихся на Варшавскій сеймъ для защиты

(1) N. XVI, стр. 188.

(2) N. XVII, стр. 202, 203.

правъ западнорусскаго народа, мы считали долгомъ напечатать въ настоящемъ изданіи, чтобы сохранить ихъ для исторіи (¹).

Усилія западнорусскаго дворянства на избирательномъ Варшавскомъ сеймѣ обращены были преимущественно на защиту двухъ главныхъ основъ Русской народности: Русскаго языка и православной религіи.

Мы уже видѣли, что на генеральномъ Варшавскомъ съѣздѣ 1632 года, іюня 22, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства, чтобы всѣ акты, касавшіеся воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, писаны были въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы были на Русскомъ языкѣ, и чтобы акты, писанные на другомъ языкѣ, не имѣли никакой силы.

Для возстановленія правъ религіи православной, дворяне, не смотря на фанатическое сопротивленіе католическаго и униатскаго духовенства, исходатайствовали постановленіе, которымъ данъ былъ рѣшительный перевѣсъ православной церкви надъ униатскою. Этимъ постановленіемъ предоставлено было Русскому православному народу свободное отправленіе богослуженія и всѣхъ церковныхъ обрядовъ, право строить новыя церкви и обновлять старыя, учреждать церковныя братства, богадѣльни, семинаріи, школы и типографіи; мѣщане православнаго исповѣданія допущены были къ городскимъ должностямъ, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Рѣчи Посполитой. Власть высшаго униатскаго духовенства была весьма ограничена и заключена въ тѣсныя предѣлы. Униатскому митрополиту оставлена была власть надъ одними только униатами, и назначенъ для жительства Выдубитскій монастырь; всѣ прочія имѣнія митрополіи Кіевской постановлено было передать православному митрополиту, который долженъ быть избираемъ западнорусскимъ дворянствомъ и получать посвященіе отъ патріарха Константинопольскаго. Дворянству предоставлено было также право избирать православныхъ епископовъ на епархіи: Львовскую, Луцкую, Премысльскую и Мстиславскую, а также архимандритовъ Кіевопечерской Лавры и Уневскаго монастыря. Кіевопечерская Лавра со всѣми ея принадлежностями, Михайловскій и всѣ прочіе монастыри и церкви, какъ находившіяся въ Кіевѣ, такъ и приписанныя къ этому городу, возвращены были православнымъ. Для прекращенія споровъ, постановлено избрать комиссаровъ, которые должны были распределить мо-

(¹) N. XIX, стр. 215.

настыри и церкви, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, между православными и униатами, сообразно съ количествомъ народонаселенія. Каждому предоставлено было право переходить изъ униі въ православіе и на оборотъ. Затѣмъ, какъ униаты такъ и православные обязаны были прекратить всякіе раздоры и жить между собою въ покоѣ, любви и согласіи <sup>(1)</sup>. Эти примирительныя статьи подтверждены были особою грамотою короля Владислава IV, которая названа дипломомъ, даннымъ Русскому народу <sup>(2)</sup>,

Но примирительныя статьи короля Владислава IV и дипломъ, данный Русскому народу, не успокоили религіозныхъ раздоровъ и не прекратили преслѣдованій, которымъ подвергалась православная вѣра. Народъ Польскій, какъ и всѣ другіе Славянскіе народы, никогда не обнаруживалъ, въ своемъ національномъ характерѣ, религіозной нетерпимости. Разсмотрѣвъ нѣсколько сотъ актовыхъ книгъ Волинскихъ, Кіевскихъ и Брацлавскихъ, также акты Трибунала Люблинскаго и Метрики Коронной, мы не нашли ни одного случая, который бы доказывалъ фанатическую ненависть Польскаго народа къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Мы даже видимъ изъ актовъ, что католики, жившіе въ Югозападной Руси, не дѣлая строгаго различія между католическою и православною религіею, приглашали священниковъ крестить дѣтей и принимали отъ нихъ святое причастіе; православные священники совершали надъ католиками обряды вѣнчанія и погребенія <sup>(3)</sup>. Большинство Польскаго дворянства на сеймахъ подавало голосъ въ пользу вѣротерпимости и охотно соглашалось на всѣ мѣры, которыя предлагаемы были для примиренія враждовавшихъ религіозныхъ партій, что особенно замѣтно было во время междуцарствій, когда дворяне получили право дѣйствовать по внушенію собственной своей совѣсти <sup>(4)</sup>. Но въ государственномъ составѣ древней Польши существовала чуждая народнымъ интересамъ, иноземная власть, старавшаяся наложить оковы на разумъ и совѣтъ Польскаго и западнорусскаго народа; эта власть заключалась въ Римской пропагандѣ. Религіозный фанатизмъ, занесенный въ Польшу Римскою пропагандою, поселялъ раздоръ между единоплеменными народами; онъ какъ погреб-

<sup>(1)</sup> N. XVIII, стр. 208.

<sup>(2)</sup> N. XX, стр. 223.

<sup>(3)</sup> Архивъ Югозападной Руси. Ч. I, т. I, стр. XXXVIII.

<sup>(4)</sup> Krzyżanowsky, Dawna Polska, 1857, I. LXLI.

бальный факель, бросалъ свой зловѣщій свѣтъ на всю исторію Рѣчи Посполитой и велъ это государство къ политической смерти. Какъ только король и сеймъ, для предотвращенія междуусобной религіозной войны, постановили означенныя выше примирительныя статьи и подтвердили ихъ дипломомъ, даннымъ Русскому народу, тотчасъ раздались протесты высшаго католическаго и униатскаго духовенства. Примасть королевства и, въ слѣдъ за нимъ, клерикальная партія объявили, что всѣ постановленія короля и сейма, въ пользу православной религіи, не могутъ имѣть никакой законной силы, пока не будутъ утверждены столицею апостольскою. Въ слѣдъ за тѣмъ отправлено было, со стороны католическаго и униатскаго духовенства, посольство къ папѣ Урбану VIII, съ жалобами на распоряженія Польскаго правительства, нарушившаго права Римскаго костела, въ пользу еретиковъ и отступниковъ. Напрасно Владиславъ IV старался убѣдить столицу апостольскую, что возстановленіе религіозныхъ правъ Русскаго народа основано на непреложной справедливости, что неминуемо возникаетъ междуусобная война, и что самая унія подвергнется опасности, если папа не утвердитъ статей, постановленныхъ сеймомъ, для примиренія религіозныхъ раздоровъ. Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи, учрежденной для распространенія католицизма. Конгрегація отвергла всѣ сеймовыя постановленія въ пользу православной религіи и дипломъ, данный Русскому народу, объявивъ ихъ противными божескимъ и человѣческимъ законамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ цовелѣно было папскому нунцію Гонорату издать, отъ имени столицы апостольской, манифестъ противъ всякихъ правъ, какія бы ни были предоставлены православной религіи (1).

Такое рѣшеніе столицы апостольской было причиною новыхъ религіозныхъ смуть и несчастій для западнорусскаго народа. Дворянство принуждено было попрежнему посылать на Варшавскій сеймъ горькія жалобы. Оно жаловалось, что права, предоставленныя православному Русскому народу, при возшествіи на престолъ Владислава IV, не только не приводятся въ исполненіе, но подвергаются явному нарушенію, что церковь православная претерпѣваетъ жестокія обиды, особенно отъ униатовъ, что униатскій епископъ Хелмскій Меодій Терлецкій, за-

---

(1) *Ostromskiego*, Dzieje y prawa kościoła Polskiego. Warszawa 1793. T. III, str. 484. *Lukasiewicz*, Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Litwie. T. I, str. 201.

владѣвъ православными церквами, позамыкалъ ихъ и позапечатывать, что онъ мучитъ православныхъ священниковъ въ тюрьмѣ, что люди умирають безъ исповѣди и св. причастія, а дѣти безъ крещенія, и что умершіе погребаются въ полѣ, безъ церковныхъ обрядовъ (¹). На провинціальномъ сеймѣ 1645 года, дворянство Волынское поручило своимъ посламъ говорить на Варшавскомъ сеймѣ: «Религія православная, издревле принятая нашими предками, признавая основными законами государства, подтвержденная привилегіями, условіями, постановленными при избраніи королей, и священной присягою нынѣшняго короля, пана нашего милостиваго, такимъ подвергается насмѣямъ въ христіанскомъ католическомъ государствѣ, въ вольной и свободной республикѣ, какихъ не претерпѣвають и христіане, Греки, въ неволѣ у невѣрныхъ. Церкви, монастыри и соборы у насъ отобраны, запрещено свободное отправленіе церковныхъ обрядовъ, бѣдные христіане умирають безъ св. причастія и не смѣють публично погребать умершихъ. Въ Люблинѣ, въ Сокалѣ, Бѣльскѣ и другихъ городахъ, православные христіане принуждены тайно погребать умершихъ въ подвалахъ и домахъ своихъ. Можетъ ли быть еще большее рабство?» Дворяне обязали пословъ своихъ вѣроу, честью и совѣстію не соглашаться ни на какое сеймовое постановленіе, пока народъ Русскій ни будетъ избавленъ отъ такого тяжкаго угнѣтенія (²). Такія жалобы безуспѣшно продолжались до 1648 года, когда Западнорусскій народъ, выведенный изъ терпѣнія, возсталъ поголовно, подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго. Вопросы, которыхъ не могло рѣшить дворянство посредствомъ сеймовыхъ совѣщаній и постановленій, принуждаютъ былъ рѣшить народъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Въ слѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ надъ войсками Рѣчи Посполитой, народъ Русскій, по заключеніи Зборовскаго трактата, получилъ въ 1650 году, отъ короля Яна Казимира, новый дипломъ, подтверждавшій для православной религіи всѣ тѣ права, которыхъ добивалось Западнорусское дворянство, со времени принятія уніи на Брестскомъ соборѣ (³).

Народное возстаніе, возбужденное Богданомъ Хмельницкимъ, поставило западнорусскихъ дворянъ въ самое затруднительное положеніе. Въ

(¹) № XXI, стр. 234. № XXII, стр. 254. № XXIII, стр. 270.

(²) № XXV, стр. 287. Эта же жалоба повторена и на сеймикѣ 1646 года, № XXVI, стр. 319.

(³) № XXXII, стр. 370.



инструкціяхъ посламъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ, дворяне воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Волынскаго изображаютъ свое состояніе мрачными красками. Они жалуются, что, потерявъ свое здоровье и имущество для спасенія отечества, принуждены скитаться по чужимъ дворамъ; что они съ своими имѣніями отданы на жертву распутному своеволю жолнеровъ и волонтеровъ, служащихъ Рѣчи Посполитой; что возвратившись въ свои имѣнія, опустошенныя огнемъ и мечемъ, они нашли одиѣ только развалины и трупы непогребенныхъ братій своихъ. Отъ Буга и до Днѣстра осталась одна степь, дикія поля и опустошенные города и селенія, а все спасенное отъ непріятеля истребляется войсками Рѣчи Посполитой. Напрасно они умоляли короля и республику о помощи и состраданіи, припоминая условія о взаимной защитѣ, постановленныя на Люблинскомъ сеймѣ, когда Югозападная Русь присоединялась къ Польшѣ. «Пусть вспомнить», говорили дворяне, «отчина, мать наша, какъ мы заслоняли ее своею грудью, какъ защищали военною стражею, хоругвями и полками; какъ мы удѣляли хлѣбъ многимъ изъ братій нашихъ, а теперь скитаемся съ своими семействами и не можемъ выпросить ни куска хлѣба, ни бѣднаго пристанища. Убогіе братья наши, прокармливаясь милостынею, ожидаютъ и не могутъ дожидаться утѣшенія. Ни оружіе, ни мирные переговоры не возвращаютъ намъ нашей собственности, и напрасно надѣемся мы на помощь и состраданіе, какъ повелѣваетъ Богъ и его святая правда». Крестьяне терпѣли еще большія бѣдствія. Ихъ вопли, по выраженію дворягъ, проникали въ небеса, отъ переходовъ войска, которое уже высосало изъ нихъ и самую кровь. Селенія были опустошены огнемъ, рабочій скотъ истребленъ, крестьяне отстали отъ земледѣлія, и число ихъ до того уменьшилось, что помѣщики принуждены были сами обрабатывать земли, на свой счетъ и собственными трудами своими (1).

Напрасно западнорусскіе дворяне, въ постигшемъ ихъ несчастіи, ожидали помощи отъ Польскаго правительства. Поляки смотрѣли на Русскихъ подозрительно, предполагая въ нихъ сочувствіе къ народному возстанію и готовность къ измѣнѣ (2). Поэтому, многіе западнорусскіе

---

(1) Ж XXXIV, стр. 394.

(2) Эта недовѣрчивость доказывается перепискою военныхъ и гражданскихъ Польскихъ сановниковъ, напечатанною въ I томѣ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Коммиссіею. Такъ въ письмѣ отъ пана Чернаго къ канцле-

дворяне, для сохраненія своей жизни и имущества, принуждены были или пристать къ Козакамъ, или сдѣлаться Поляками, отрекшись отъ своей народности и принявъ католическую вѣру; потому что католическая вѣра служила тогда знаменемъ Польской національности. Вѣсть съ тѣмъ какъ народная война принимала болѣе широкіе размѣры и угрожала большими бѣдствіями, содержаніе сеймовыхъ дворянскихъ постановленій совершенно измѣняется. Въ этихъ постановленіяхъ, дворяне уже не разсуждаютъ ни о Русской народности, ни о православной религіи; напротивъ того, они являются ревностными защитниками католической вѣры.

По заключеніи Зборовскаго трактата, дворяне воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Волынскаго, на провинціальныхъ сеймахъ, бывшихъ въ 1651 году, поручили послать своимъ жаловаться на нестовства Козаковъ надъ ксенздами и костелами и ходатайствовать о томъ, чтобы костелы, разрушенные и опустошенные Козаками, были восстановлены и возвращены прежнимъ владѣльцамъ <sup>(1)</sup>, чтобы приняты были мѣры для защиты костеловъ и ксенздовъ отъ козацкаго своеволія <sup>(2)</sup>, чтобы комиссары, назначенные для заключенія Блѣцкерковскаго трактата съ Козаками, старались обезпечить неприкосновенность костеловъ и свободу католической вѣры <sup>(3)</sup>. Дворяне Волынскіе просили, правда, и о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православнаго духовенства, но уже не изъ усердія къ древней народной религіи, а только для того, чтобы предотвратить новые бунты и возстанія въ народѣ <sup>(4)</sup>.

Такая внезапная перемѣна въ духѣ сеймовыхъ постановленій заставляетъ предполагать, что колонизированіе западнорусскаго дворянства, подготовленное іезуитскимъ воспитаніемъ, начало быстро усмливаться;

---

ру коронному сказано: «У Вишневецкаго находится 8000 войска, по онъ ему не довѣряетъ, потому что оно — Русь» Отд. II, стр. 26. Въ письмѣ синдика Львовскаго: «Мы опасаемся тайныхъ замысловъ отъ людей православной вѣры. Несомнѣнно, что лица православной религіи съ радостію ожидаютъ непріятеля». Отд. 2, стр. 57. Подчаскій коронный писаль къ коронному канцлеру: «Трудно найти шпіона между Русскими, потому что всѣ они измѣнники». Отд. 2, стр. 438. Даже воевода Кисель, которому поручаемы были переговоры съ Козаками, возбуждалъ къ себѣ недовѣріе. Поляки называли его тайственнымъ (tajemny Kissiel) и подозрѣвали, что онъ обманываетъ Рѣчь Посполитую. Отд. 2, стр. 266 и 291.

(1) № XXXV, стр. 419.

(2) № XXXVI, стр. 429.

(3) № XXXIV, стр. 397.

(4) № XXXIV, стр. 398.

при чемъ дворяне, переходившіе въ католическую вѣру, уже начали считать себя Поляками и такое заблужденіе, укоренившееся въ общественномъ мнѣніи, продолжается до настоящаго времени, такъ что потомки древнихъ Русскихъ дворянъ и даже владѣтельныхъ князей Русскихъ считаются Поляками, если только исповѣдываютъ католическую вѣру. Эти природные Русскіе дворяне, отрекшіеся отъ своей народности и скрывшіе свое отступничество подъ чужеземнымъ названіемъ, разорвали внутреннюю, моральную связь съ Западнорусскимъ народомъ и, съ тѣхъ поръ, перестали быть истинными его представителями.

Изъ вышеизложеннаго изслѣдованія можно вывести слѣдующія заключенія:

Литва и Югозападная Русь соединены были первоначально съ Польшею федеративнымъ союзомъ. Каждое изъ соединенныхъ государствъ, состоя подъ властію одного государя, сохраняло отдѣльную территорію и имѣло особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Въ этомъ федеративномъ союзѣ, Польша въ отношеніи къ Литвѣ и Югозападной Руси, считалась страной чужеземною, Поляки—людьми заграничными, чужеземцами. Поляки, наравнѣ съ другими иностранцами, не могли занимать, въ Литвѣ и Югозападной Руси, государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Западнорусскіе дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ Русскимъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Этимъ же именемъ Польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій Югозападную Русь.

Федеративный союзъ Литвы и Югозападной Руси съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, постановленіемъ Люблинскаго сейма. Этимъ постановленіемъ, Югозападная Русь присоединена была къ Польшѣ въ видѣ провинціи; но это присоединеніе не можетъ быть названо добровольнымъ, такъ какъ оно вынуждено было угрозою конфискаціи дворянскихъ имѣній.

Присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ имѣло гибельныя послѣдствія для обоихъ государствъ: двѣ почти равносильныя, но совершенно противоположныя, народности должны были постоянно приходиться въ столкновеніе и вести гибельную борьбу, которая препятствовала правильному развитію государства.

Главные основы Западнорусской народности были: Русскій языкъ и православная религія. Западнорусское дворянство дорожило своимъ роднымъ Русскимъ языкомъ и старалось о томъ, чтобы употребленіе этого языка въ официальныхъ актахъ было утверждено законами; за права религіи православной, дворянство вело продолжительную и упорную борьбу съ римскокатолическою пропагандой.

Причины, содѣйствовавшія колонизированію западнорусскаго дворянства, не коснулись цѣлой народной массы. Народъ, населяющій Юго-западную Русь, рѣзко отдѣлявшійся отъ дворянскаго сословія частнымъ и общественнымъ бытомъ, всегда былъ и остается въ настоящее время народомъ Русскимъ, свято сохраняя главные основы своей народности: Русскій языкъ и Православную вѣру.

Н. Иванишевъ.

---

# ХМЕЛЬНИЦЬНА.

(Частина) (1).

## XLV.

Ще не зійшовъ снігъ п травá тільки де-не-де зеленіла, а вже Україна кров'ю скрізь полив'алася. Люде своїхъ держáвцівъ п королівськихъ старобсть зъ України впругóували; жовніре за панівъ стояли; козаки, що зъ своїхъ осáдъ посхóдили, зноу вертáлися п вкúпí зъ селянами жовнірівъ побивáли. Хмельницький тимъ часомъ до Молдавáнъ сйна женíти ходíвъ п на Батóзі, надъ Бóгомъ-рiкóю, зъ Ляхáми спiткáвся. Не пощастíло Ляхáмъ, побíли козаки корóнне вiйсько п самого гетьмáна iхъ убíли, п за Берестечко п за Трпiси дóбре надъ нiми помстíлися. По всiй Україні розлилась слáва про щасливу потребу на Батóзі; народъ по тiй поголóсцi вiрiсць угóру; жовніре потрiвóжились, почали зъ України тiкати, а козаки охóчi п реестрóвi iхъ переймáти, доганяти, шáрпати, на переправахъ топiти. Зноу народня вóля одъ Стáродуба та ажъ по Кáмянець-Подiльский ризаниною себе огласiла. Затрусiлися Ляхi вь Варшáвi, якъ почúли, що на Батóзi козаки шлáхту вигубили, а зъ України жовніре п держáвци повтiкали. Зноу за посполите рушення булi вхопилися, та вже не стáло ёдности мiжъ панáми; мýсили хiтроку лáскою Хмельницько-

---

(1) Предлагаемая статья заимствована изъ печатающейся общедоступной истории Украины П. А. Кулиша, по выходъ которой появится, съ теченiемъ времени, другой, болъе важный п несравненно обшпрiйшiй трудъ того же автора, — именно История Украины, на украинскомъ языкъ, обработанная строго-научнымъ образомъ.

Ред.

го вгнобити, а тимъ часомъ до воєни налагодитись. Наступивъ 1653 рікъ. Випустили пані въ Брацлávщину Чарнєцького, тако́го жъ безсердєчного ризунá, якъ и князь Вишневецький Ерема. Хочъ не багáто въ ёго було вїйська, та багáто завзяття. Де пройшовъ Чарнєцький по Брацлávщині — дїмомъ взялись городі и сєла. Зупинивъ ёго Богунъ полковникъ, побивъ ёго підъ Монастирищемъ. А тимъ часомъ Ляхі въ Литовському Брєсті сеймъ сеймували и нові потуги собі готувли. Самъ король вїззавсь вєстї Лядське вїйсько на Хмельницького. А Хмельницькому бїдá велика склалась: сїна ёго Тимоша, на повороті зъ Молдавщини, Ляхі въ городі Сочаві-застукали и зъ гармáти на валу вбїли. Зъ гїркимъ серцемъ двїнувъ Богданъ Хмельницький свої потуги на короля и спїткавъ Ляхівъ підъ Жванцемъ, надъ Днїстромъ, недалєко одъ Камянця-Подільского. Велике було въ короля вїйсько, напасти на ёго булá не сїла; мусивъ Хмельницький їншимъ рóбомъ воєнне дїло зробїти. Не даючи́ королєві поля, вінъ ёго вїйсько порозницею шарпавъ, запаси одбивавъ, живности въ Польский тáборъ не пускавъ; а тимъ часомъ Ордú съ Крїму на Ляхівъ клікавъ. Пóки жъ прїшли Татарє, а вже королівці почалї голодомъ голодувати, по домівкахъ розбїгатися, а тутъ хворóба въ тáбури одъ осїннєго холоду та одъ нєпогоди вкїнулась. Бáчать Ляхі, що зъ одного бóку Хмельницький напїрає, а зъ дрúгого Ордá вже веремїя крутить, почалї хáна благáти, великі дáри єму поступáти, и який хóче ясїръ по Рýськихъ зємляхъ дозволили єму засягувати. Пропáла Хмельницького спрáва: король съ хáномъ побратáлись. Двїнувъ вінъ свої потуги наповоротмá въ Україну. А Татарє одъ Днїстра до Люблина грасувáли, сєла палили, людєй у неволю брали, а идучї Україною, те жъ сáме и по Вкраїні чинїли. Страшенний слїдъ по Татарáхъ довго въ тихъ сторонахъ зоставсь.

## XLVI.

Ще, скóро побивъ Хмельницький Ляхівъ підъ Кóрсунемъ, до ёго гонці тáйно зъ Москви прїїздили и тимъ ёго докоряли, що невїрнихъ Татаръ до воєнної компанїї закликавъ, а не Христїянъ православнихъ, котóрі не розлили бъ стїлько кровї, якъ Татарє. Москва по Днїпру землєю володїти бажáла, и за те обїцáла Ляхівъ за

Вісла прогнати. Ще жъ тоді не було въ Хмельницького й думки одъ рѣчи посполітої одриватись и до Москóвського царства прилучатись. Після Збарáзької потреби, царські послы вже явно въ Переяславъ завітали и одні рѣчи прилюдне говорили, а інші насамоті съ Хмельницькимъ радували. Ще жъ и тоді Хмельницький добре памятавъ, що підъ сонцемъ дрúгої рѣчи посполітої немає и нігдє такої волі козакі шаблею не здобúдутъ. А теперъ ужє Ляхі зъ Ордою поєднались; сила козацька підупала, та й людєй на Україні помєншало. Край бувъ перше багатий, а теперъ спустóшений; здобичъ воєнну крамарі чужоземці въ козаків пови́манювали, грóши козакі вже на меді та горілки попереводили, а що найбільшъ — гетьмана чернь не такъ-то поважала и про дрúтого гетьмана потаємне радилась. Треба єму було вже хочъ Москóвською ласкою себе забезпечити. И оцє вже вінъ свої посланці у Москвú посліає. А царь изъ боярамъ и зъ виборними одъ усякого стану людми велику раду на Москві радивъ, чи приймати бъ то, чи ні, підданство одъ Хмельницького. Передъ усімъ ніби-то світомъ Москвá тимъ великимъ зємськимъ собóромъ оправдилася, що не за що, якъ за віру, вона вступаєтця и не козаківъ, а церкви святі, за котóрі бъ то козакі воюють, підъ своєю обороною берє. Отъ и шле царь Олексій Михайловичъ свої послы въ Переяславъ одъ козаківъ присягу приймати. Вся старшина козацька въ Переяславъ позъїздилася, за себе и за всю Україну присягнула и мещанъ Переяславськихъ до присяги змúсила. Не присягнувъ тілько Сірко, отаманъ кошовий Запорóзький, та Богунъ, полковникъ Винницький, зъ своїми козаками. Не присягли ще въ Київі митрополитъ Сильвєстеръ Кóсовъ и архимандритъ Печерський Іосифъ Трізна съ попами и ченцями. Сі не хотіли Москóвському патріарсі підклонитися: самі собою звикли правуватися. Отó жъ прочитали Переяславські пункти въ Переяславі, и бояре за царя присягли: що бúde царь ціло всю Україну по обидва бóки Дніпра держати; що не бúдутъ єго урядники въ козацькі суді втручатися; де два бúde козакі, тамъ вони третєго судитимуть; реєстръ козацький бúde шість-десять тисячъ; гетьмані и всі урядники вільними голосами обіратимутця, и всякий станъ: дворяне, духовні, мещане, козакі и посписьтво по своїхъ давніхъ правахъ и звичаяхъ житимуть. Козакі братимуть плату за слúжбу зъ Українського скарбу; зъ тогó жъ

скарбу нїяке дань на царські потребізни, тільки що не царські збірщики її збірїтимуть. Козакї царєві посилокъ підъ воєнний часъ давїтимуть, а царь їхъ одъ Ляхівъ и одъ їншихъ ворогівъ боронїтиме. Такъ распочався 1654 рікъ.

## XLVII.

Того жъ року Московський царь своє військо послїає місто Смоленське зпідъ Лядської дєржави вїзволити, а Хмельницький одъ себе послїає на підмогу царєві вісімъ полківъ и надъ ними Ніженському полковникові Васїюти наказне гетьманство дає. Вїзволїли Смоленське, побрїали мїста Вітепске, Пболоцьке, Дубрѡвщю, Оршу, Шкловъ, Могилєвъ, Бїховъ и їншихъ багато. Вся Біла Русь и Литва царєві підклонїлася: такъ єму козакї допомагали. А поки Москалі самї воювали, то въ сихъ сторонахъ Ляхї та Литва надъ Москвою гору брали и далеко вже въ царство були врізались. Друге військо царське вкупї съ Хмельницькимъ на Україні стоїло, а Богунъ на Подолї Потѡцького летучимъ бѡемъ дражнївъ и на Україну замїанювавъ. Якъ жє вгвївся Потѡцький за Богунѡмъ ажъ до Уманя, пристїгъ Хмельницький съ царськимъ бояриномъ Шеремѡтомъ Богунѡві на одсїчъ, спїткалися зъ гетьманѡмъ Потѡцькимъ на Дрижї-полї, мїжъ Ставїщамъ и Охматовимъ. Дїялося дїло зїмою. А Ляхамъ уже Орда помагєє и великого дїху додає. Мїцно Ляхї на нашїхъ налягали; добре ї нашї оборонїлися; кругѡмъ трїпомъ обѡзъ окїдали и съ того мєрзлого трїпу валъ кругъ себе зложїли и зъ-за того валу одбивалися. Круто вже нашимъ вельми приходилось; ажъ тутъ Богунъ пзъ Уманя вїскочивъ и на Ляхівъ зненїцька вдїривъ. Ляхї вжахнїлися, Татарва въ-рѡстичъ кїнулася, а нашї до Білої Цѣрки, до головнїхъ потугъ своїхъ, вернїлися. Тимъ часѡмъ Побужанъ Чарнєцький и Лянцѡрѡнський тїжко воювали. Жїденъ бо гѡродъ, жїдне село не хотїло їмъ підклонїтися; всї до загїну бїлися, самї своє добрѡ палили и слїхати про пїдданство Ляхамъ не хотїли. И по Днїстру скрїзь рїзанїна, скрїзь пожєжа, скрїзь лѡментъ несказанний дїявся. Мїстѣчко Бїша, остїтнїй прїтулокъ козакамъ и поспїльству, завзїято одъ Ляхівъ одбивалася. Багато втерїли Ляхї вїйска підъ Бїшею, вже ї сабого Чарнєцького въ



ногу пострілено, вже й ёго жолніре вонтпипи почпнають, великого крові рózливу жалкуютъ. Тоді Потóцький, Ляницгорóньський и Чарнецький, скүпивши навкругі всі свої потуги, разомъ зъ усіхъ бóківъ на скéлі, на мўри, на паркани ползип и сїлу сїлою почали перемогати. Бачять Бушане погібель, кинулись хати и осéлі свої запáлювати и самі себе почали губіти, щобъ на поталу ворогамъ не достáтись. Жінки самі порохи підпáлювали и въ пороховому імпеті, що та перина, гїнули; а кўпа живóцтва въ камяну печéру заліла, и поти звідти на Ляхівъ зъ самопáлівъ грюкала, пóки Ляхи ривчакъ зъ горі направипи и героїнь тихъ Бушанськихъ перетопили. Пóпсомъ Бўша взялася, и тїлько кривáва и слава остáлась. Нічимъ було й жолнірамъ за свої труді и рани поживітись. И такъ скрізь люта війна бушувала. Ласкавими Лядськимъ универсаламъ люде віри не дїмали, на Ляхівъ адомъ дїхали, зъ жінками и дітьми на кривавихъ пожаріщахъ бьючи́сь гїнули.

## XLVIII.

Тутъ же Ляхи въ Україні надъ селянами й мїщанами лютуютъ, а на нихъ одъ півночи лпха годїна піднімається. Вже давнó Хмельницький Шведá на тихъ гордихъ панівъ захо́чувавъ, подаючи звістки про їхъ упадокъ. Осъ же теперъ уже Шведи добру годїну влүчили и въ Пóльщу черезъ мóре Балтику порїнули. Зомліла Пóльща, городі скрізь королéві Шведському піддавались. Вже й Варшава ёму підклонїлася, вже й Краківъ піддãвся; вже й король Янъ Казимірь у Нїмéццину втікъ; вже Шведський король королёмъ Пóльскимъ обїзãвся. Великі Пóльські дўки, ті горді Вишневецькі, Конецьпóльські, Радзівіли — не казавъ би панство лукаве — почали Шведському королéві присягати, абї свої дёржави при собі зоставити. А Москóвський царь уже и Мінське й Кóвно позаймавъ, и въ столéчне мїсто Лптовське Вїльню ввійшовъ, и великимъ Лптовськимъ княземъ себе звелїв величати. Хмельницький же зъ боїриномъ Бутурлиномъ пішли тимъ часомъ Червону Русь підъ Москóвського царя нахилати. Червона Русь ще въ чотирнадцятому віку Пóльському королéві підклонїлася; нанї Ляхи гўсто въ иї займанцини позаймали, ста-

роства въ королі повипрошували, до впадоби собі притакувалися, и надъ тубольцями гору взяли. Теперъ козакі зъ Москалямп павські маѣтки скрізь пліндрували, зъ гóрода Львова óкупъ великпй взяли, а Люблінъ зрабували и половину ёго надпустóшили, Жидівські ўлиці палючи, Жидівське добро жакуючи. Тільки жъ незгода міжъ гетьманомъ и Бутурлиномъ стала; почали вони свої потуги розрізняти, а Орда, помагаючи Ляхамъ, зненацька налітала и шарпала. Москалямъ и геть-то вона въ знаки черезъ ту незгòду вдалася. Ще якъ прийшли посліи зъ Московськимъ полкомъ присягу одъ козаківъ прийма́ти, вже и тогди козаківъ и мичанъ значнихъ Москалі въ серце дѣчимъ уразили. Того бояре не збагнули, що сей людъ звичаївъ Московськихъ не знае и цареві по-своёму служити хоче. Отъ же съ того часу и пішла малá йскра таёмно міжъ козацствомъ тліти, а всяка зневага, всяка зачінка одъ Москалівъ її роздувала и нові біді лю́дямъ готóвила. Уже и Богданъ Хмельницький почавъ пóтай царя про Україну промишляти, зъ Ляхамп, съ Татарамп, съ Турецькимъ султаномъ лпстуватися, а царь, того дознаючись, пославъ бояръ своё царськѣ пересердя ёму вичітувати. А тимъ часомъ Пóльща сякътакъ противъ Швѣда поправилася, бо Швѣдъ, бóвши Лютерскої віри, кинувся католицькі святині жакувати, та и панівъ надто вже тóго новими уставами закрудзёвувавъ. Не звикли пані Ляхі королеві попуску попускати, підняли шляхту на нóвого короля своёго, почали Швѣда різати и зъ Пóльщи виругóвувати. Чарнецький найбільшъ підпіравъ Пóльську силу. Король Янъ Казиміръ до Московського царя посліи шло, Швѣда воювати вку́пи закликае, и царство своё ёму після себе въ спáдокъ поступае. Тяжкі думки гóлову Хмельницького обгортають, щобъ Україну Ляхамъ на примірьі не óддано, въ задáтокъ спільнёго колісь царства Пóльско-Московського. И козацство почало скрізь трівожитись, и въ поспільство пішла та жъ поголо́ска. Тутъ-то кинувсь Хмельницький собі підмоги шукати, и почавъ съ пограничними панствами трактувати, щобъ до остáтку Пóльщу рúшити. Незабаромъ стали зновъ козакі зъ Венграми и Швѣдами по Пóльші грасувати, Пóльщу до-щенту руйнувати, палити, рабувати. Почавъ тоді король Янъ Казиміръ жалібними лпстами Хмельницького благати, посліи до ёго послаати, договори писати, гравіцію Українську спільними комисарами значити, щобъ уже до-

віку Ляхі Україну за свою зємлю не вважали и въ неї зь своїмъ правомъ Польскимъ не втручалися.

## XLIX.

Стала грянїця міжъ Польшею и Україною 1657 року така. Одъ устья Дністра по Дністріу вгору до Покуття; одъ Покуття до річки Горіві, а, пройшовши Горівню и Припетью до Дніпра, грянїця йшла вгору до старого Біхова; одъ Старого Біхова, перехопившись черезъ Дніпрó, йшла грянїця річкою Сожею до її верхівья, абó до Рославля гóрода, а одъ Рославля спускалась вона, старою грянїцею Московського царства, до самого Чóрного моря, по той бiкъ .Имáну, а Чóрнимъ моремъ — одъ Дніпра до Дністра. Тимъ часомъ Шведи вийшли съ Польши своє царство одъ Датчанъ обороняти, а князя Рокóчого зь Венграми виругувавъ съ Польши Чарнецький, а Татаре, перестривши ёго, и зовсімъ звокували. Хмельницький своїхъ козаківъ задалегідь одозвавъ на Вкраїну. Вже жь отсе десятий годъ Хмельницький воюе; вже й снаги въ ёго не стае воювати, хитримъ розумомъ на всі сторони розкидати, по походахъ труді великі, жару, холоду, голоду и всяку нуду приймаєти. Упало здоровья, почавъ на силахъ знемогати и до землі хилитися. Занедужавъ, занепавъ Хмельницький въ своєму гóроді Чигрині, усіхъ полковниківъ, сотниківъ и козаківъ до себе иззивае. На велику раду козацьку підъ руки ёго виводять. Вінъ козаківъ доземнимъ поклономъ вптает; вінъ їмъ за честь и шанóбу дякуе; булаву, бунчукъ и всі військові клейводи отдае, просить за ёго живота другого собі гетьмана настановити. Рае вінъ їмъ вібрати, абó Анто́на Жданóвича Київського, абó Павла Тетерю Переяславського, абó Марті́на Пушкаря Полтавського, а надъ усіхъ Іва́на Вигóвського, писаря свого генерального прекладае, що вінъ усю політику міжнародню знае и змігъ би найкраще надъ козаками реїментарювати. Запáкали козакі, вислухавши гетьманське слово; не схотіли ні Жданóвича, ні Тетери, ві Пушкаря, ні Вигóвського, а бажали сина Хмельницького, молодого хлопця Юрася гетьманомъ настановити. Зрадівъ старий батко, а все жь козакамъ одмовляе, що вінъ у мене, каже, розумомъ слабевкний, та й тіломъ недугуе. А ко-

закі: »Ми будемо коло ёго старіхъ людѣй держати, будуть во-  
ні ёго на все добре навчати.« Згодивсь Богданъ Хмельницький  
на козацьку волю, и, хочъ не люבו було старшині козацькій ма-  
лому хлѣпцеві підъ рейментъ підклонітпся, та мўсили громадську  
волю вволіти и старого батька засмутити передъ смѣртію не важи-  
лись. Помѣръ же Богданъ Хмельницький въ городі Чигирині, на  
Паліі, 27-го іюля, а поховано ёго въ селі Суботові. Оставсь  
Юрась гетьманувати, а надъ Юрасемъ дорадцями старій батько  
зоставивъ обѣзного генерального Носача, Тетѣрю Переяславсько-  
го, Пушкаря Полтавського, генерального осаула Ковалѣвського и  
судію генерального Григорія Лисницького.

## L.

Годітця намъ тепѣрь назадъ озпрнўтися и навкругі спогля-  
нути, якою заставъ Хмельницький Україну и якою покинувъ, бо  
уже не вернўлись прѣдсі літа панування Пѣльського, якъ усѣ ще  
було впѣвнї, незруйноване, непожаковано, щѣ панї державці и  
дозѣрці королївськихъ добрь на Вкраїні понадбѣвували и впо-  
рядкували. Зновъ же ѣ те, що Хмельницький після себѣ поки-  
нувъ, не вдѣржалось у своєму порядку, бо після ёго великої руї-  
ни, котѣру вінъ панамъ Ляхамъ заподіавъ, почали козакі самі  
себѣ руїнувати, одинъ бѣрегъ Днїпра на другий піднімаючись,  
одинъ полкъ зъ другимъ воюючи, одні козакі царѣві Московсь-  
кому радіючи, а другі королѣві Пѣльському слўжачи, або ѣ Ту-  
рѣцькому султанові підклоняючись.—Наїстарійше въ насъ на Вкраї-  
ні право було народне. Якъ побїли та порозганяли Татарѣ князь-  
ківъ варягъ, зъ їхъ хижими дружинами, якъ повтікали по чу-  
жїхъ сторонахъ, та лўщахъ, та нѣтрахъ непрохіднихъ багаті дер-  
жавці, позабїравши зъ собою всю рухомість, якъ осталися на Вкраї-  
ні тїлько убѣгі люде, котѣримъ нічимъ гараздъ було втікати и  
нічого по гаяхъ и нѣтрахъ крїтп; то, платючи Орді данїну, мў-  
сили вони самі міжъ собою про поле, про риболовство, про  
бортяні ухажї, або пасїкі, про спашъ, чи яку шкоду правувати-  
тпся. Отѣ жъ сходились вони кўпам, на віче, чи на раду, и се-  
редъ кўпи, середъ громади поголосниї судъ живїмъ словомъ су-  
дїи. Хто ѣ вертався съ панівъ державцівъ на свої держави піс-

ля Татáрського óстраху, то знаходивъ уже й райцiвъ и речникiвъ готóвнихъ, котóри порядокъ усéму селу давали и передъ Татáрськимъ баскакомъ чи збирщикомъ за все село становилися. Вернувшись же, мусивъ панъ ласки въ тихъ мужiвъ громадськихъ запобiгати, бо вже село зъ селомъ черезъ нихъ сходилось и въ обiду себé лихимъ людянь не попускало. Отó жъ кúпи й громади съ тихъ давнихъ давень на Украiнi повелися, а, може, ще й одъ пёрвихъ до-варязькихъ часiвъ одригнулися. Вже й Литви почала Украiна голдувати, вже Литóвські княжата, унуки и щадки Годимiновичи, великi займища собi на Украiнi позаймали и меншимъ панамъ, то въ спáдокъ, то за слúжбу подавали, а кúпи й громади сiльскi своé прáво при собi здержували, лихихъ державцiвъ силённёю силою гамували, лякали, абó й на судъ у своé судне колесо позивали. *Громада* — великий чоловікъ, съ того-то часу се прислiвъя пішло. Отъ же такi помалу-малу почали панóве державцi зновъ у своi руки судъ громадський брати. Спёршу вони передъ попомъ, при мужахъ громадськихъ, людськi справи розбiрали, а далi вже й самi народъ сiльскiй судили. Найшлись такi, що людянь и збиратись кúпами чи громадами не дозволяли, зъ своimi надвiрними слугами селянь розганяли и въ хурлигу речникiвъ громадськихъ сажали. Якъ же побратались изъ Пóльскими державцями, котóри здавна вмили собi одъ короля княже прáво вiмогти, то й собi королiвський привилей набули, щобъ своixъ слугъ и пiдданцхъ, не то пенёю, вязённямъ, чи кнёвiмъ бóемъ, та й самою смёртю карати.

## II.

Такъ вонó тодi велось, що вся земля здавна княжою, а потiмъ королiвською звалася, то, поставивши король надъ нёю одъ себé наместникiвъ и дозорцiвъ, дававъ имъ своé владичне прáво — комú треба, й голову одтати. Хто жъ бувъ державецъ зъ дiда-прáдiда, то той, зъ ласки свого пана, князя, чи короля, изъ рóлу въ рiдъ зёмлю державъ, а державши не мусивъ ни́жчимъ одъ переминного корóвного наместника бúти; тiмъ-то и княжого прáва панóве державцi въ короля допевнялися. Якъ почали жъ городi зпiдъ руи́ни Татáрської вставати, почали й городами абó корóни

дозорці, або доживотні и потімні державці орудувати. Въ городяхъ же людѣ багатшии почавъ осідати и правомъ миськимъ щититися. А те миське право було те жъ право громадське, що купами люде збіралися, тільки що вже тутъ люде тісніише одиінъ поузеъ одпого осідали, безпечниише за валоми и палисадоми одъ находу ворогивъ спділи, більше користи торгоми, чи ремествомъ добували, то вкупі и боронитися одъ лихого чоловіка більше здолали. Отъ и вишло право миське, чи городове, се бъ то звичіи життя мщанського, которихъ старі голови держалися та и молодшимъ передавали, а послі вже въ королі уставні грамоти випрошувати, щобъ король обіцавсь, якъ то писано, «старшии не ршити, а новшии не вводити». Въ тихъ ужэ грамотахъ все прописувалось, який одбутокъ миський чоловікъ, чи мщанинъ, повинень місту одбувати, яку подати у скарбовнию миську складати, яку данину одъ усякого диму платити, які податки зъ земли, зъ двора, съ крамниці давати и якъ поміжъ собою громадськимъ судомъ правуватися. Торгуючи зъ Німецькими людми и городами, наші городи и собі одъ Німцівъ способъ черепмали, якъ одъ панської кривди и утиску оборонитися. Которі були багатші городи, ті-собі въ королівъ Німецьке городове право, складаючи гостинець, випрошували. Магдебурськимъ се право звано. Въ такі городи ніякий панъ, ні староста и ніякий урядникъ коронний не втручався, бо король такі городи припвлеемъ своимъ взволявъ одъ усіхъ панськихъ судівъ, одъ усіхъ воеводськихъ и старостянськихъ мочей. Въ такихъ городяхъ жовнире постоемъ не стояли; на воині мщане съ такихъ городівъ не ходили, опрідъ хпба король своєю головою потягне, підводъ у війско не давали, мита и промита не платили, свій скарбъ особний мали и съ того скарбу для городської оборони війско своэ держали. Судъ бувъ у городяхъ Магдебурськихъ верхній бурмистерський у магистраті (тамъ бурмистеръ засідавъ зъ раіцями) и нижчий виітовський у ратуши (тутъ виітъ сидівъ зъ лавниками), и що раіці зъ бурмистромъ поставляли, те лавники зъ виітомъ виконували. Въ давній Україні на Магдебурському праві були городи: Брацлавъ, Винница, Черкаси, Васильківъ, Овручъ, Київъ, Переяславъ, Остеръ, Ніжень, Чернігівъ, Погаръ, Мглинъ, Козелець, Новгородъ-Сиверський и Стародубъ. Которі жъ городи и не добули собі Магдебурського права и мусили свого державца або старости слухати, то и ті, на-

взірть значнихъ городівъ, у своїхъ громадахъ порядкувалися, свого вііта обірали и лавниківъ изміждо себе оглашали. Та й по селахъ той же самий звичай тоді всюди повівся, тільки що сільський вііть противъ городського мѣншу повагу мавъ. Все ремѣство, всякий торгъ тоді спільнимъ товариствомъ люде одбували, щобъ одінь одному супротивъ безправья помагати, одному за одного заступатися и товариша въ обиду не пускати. Браталися міжъ собою шевці, кравці, ковалі, кушнірі, и всяке ремѣство свій цехъ особний мала, свій особний короговъ у церкві ставило, свого особного райцю абб лавника у спільню раду посвяляло, а всі братства, чи цехи, вкупі противъ судної кривди стояли, одъ жовнірства оборонялись, до воеводъ, до королівъ супілки посиляли, а якъ коли, то й боємъ себе одъ папости обороняли. Якъ же не стало й міжъ духовнимъ людми порядку ставати, тоді почали церковні братства по городяхъ и селахъ заводитися, щобъ віра давня въ народі, черезъ недбалість попівську, не забувалася та щобъ миряне, не знавши доброї церковної науки, у Латинство черезъ унію не переходили, та й щобъ уніти съ католиками сплومیть людой простихъ до папи Римського не нахилили. У церковні братства всякого стану люде и прости й панн вписувались, вступного по шість грошей на братські потреби платили и подачку одъ часу до часу въ братську скарбовню клали. Коли братъ брата словомъ зневаживъ, чи діломъ обидивъ, вони судомъ братськимъ, а не якимъ иншимъ судилися, вповатиш пеню чи виню плативъ, на дзвіниці сидівъ и прилюдне брата перепрошувавъ, панську, чи яку бь ні було, свою гордіню смиряючи. Хто живъ не по закону Божому, чи мирянинъ, чи піпъ и єпископъ, чи прости чоловікъ, чи панъ, того середъ братського собору словами картали и одъ братства одлучали. Такъ въ речі посиолітій Польській народъ Український самъ себе скілько змігъ оборонявъ, на правоті державъ и про старосвітську віру громадськимъ розумомъ піклувався.

## III.

Сей-то звичай — добримъ зъ добримъ, правимъ съ правимъ брататися и вкупі противъ ворогівъ стояти одригнувъ и за По-

рогамп, якъ наазбіралась туді кўпа людѣй чимала пазъ усякіхъ абігівъ, которі воеводської, старостянської, жовнірської, абѣ панської-державської нахаби не стѣрпівши, въ дикі степі безлюдні зъ городівъ и зъ сілъ похѣдшли. Вони міжъ собѣю Низовѣ братство уставили и кошового отамана замість виїта, а куринне отаманнє за бурмістрівъ и рѣшцівъ собі малп; вони тїсячамп, якъ одна сімтѣя, пробувалп и, мовлявъ, рѣди душі спасіння, на невірнихъ ходили, частину здѣбичи похѣднѣи на церкви подавали, другу на похоронъ одкладували, а остатокъ зъ добримп людьми пропівали и проїдали. Вони *братчиками, товариствомъ* себѣ величали. Вони спершу въ городі тїлько торгомъ ходили, рѣбу зъ Нізу Дніпра возили, а послѣ почали и самі по городѣхъ осідати и мїщанськимъ рѣбомъ жити, військовихъ звичаївъ и воли не покидали. Вони жъ то мїщанъ добре и противъ панської чи жовнірської кривди підпирали и бучи зъ людомъ оружинимъ заводили, що и воеводи и старѣсти и жовніре проходѣчи и консистуючі на ихъ озиралєся и ихъ найбільшъ опасувались. Тимъ-то и панѣве урядники и дозорці корѣннї козаківъ, що тихъ, мовлявъ, уживъ, зненавиділи и бїльшъ, нїжъ на поспїльство, на нихъ налягали: не вважаючи на ихъ службу військову, до панщини ихъ потягали, по замкахъ ихъ до всѣкої послуги держали, зъ листами по городѣхъ ганяли, до коней старостянськихъ представляли, дворі змїгати, грѣби топїти змушали и всѣкі імъ наруги и кривди чинили. Якъ же не стали козаківъ корѣннї гетьманѣве ще и на морѣ за здѣбичю воєнною пускати, тоді почали козакі и мїщанъ та и поспїльство до спїльнѣи воєннї на панівъ підѣходувати. Мїщанѣ до козаччини, мабуть, добре торгували, бо знаємо, що імъ права Магдебурскі корѣли за великі грѣши давали, а войтами до нихъ самі воеводи впрѣшувались, и великі пані, живучі въ городѣхъ, мїські одбѣтки за свої дворі одбували. Тимъ-то и звадїво було городянамъ роскїшнимъ Жидівські орѣнди терпїти, що нї горїлки, нї мѣду, нї пїва не вїльво було въ своѣму домѣ держати; тимъ-то тяжко було и одъ жовнірства зневагу и здїрство за стѣці, абѣ одъ панства всѣкі кривди и нахаби перенѣсити. Тимъ вони и брались охѣю козакѣмъ харчами, припасомъ и рѣчми паробками помагати. Якъ жѣ піднялися братства церковні своєю прѣдєю віру одъ унї наукою церковною, книжками друкованими та школами братськими боро-



ніти, тоді козаків міщане коштомъ своїмъ, яко воїнство Христове, споружали и, вкўні съ пошамі, на войнў за віру благословляли. — Що до поспільства сільского, то вонó бѣ то (каже нашъ літописецъ) жилó— хочъ, певно, не у всякого пана — обфито въ збѣжахъ, въ бѣдлахъ, въ пасікахъ, тілько що велікі вимисли почали панове старѣсти, державські намісники и Жиді оравдари вимпшляти. Самі бо дўки державці не жили на Україні, тілько урядъ держали и про кривди посполітихъ людѣй мáло звáли, хоть же й довідувались, такъ гостінцями одъ своїхъ дозорцівъ и Жидівъ засліплювались, не розуміючи, що їх же, мовлявъ, сáломъ по їх же шкўрі й мáжуть, обідрáвши їх підданнихъ, та імъ же дарують. Колибъ самъ панъ узявъ съ підданого, то не такъ би булó підданому й жалко, атó, мовлявъ, ледáча Жидовá богатітця, по два, по три цугі коней справляе, вимпшляючи велікі чинши, поволовщини, дўди, осіпи, мірочки сухі, пла́ту зъ жорнівъ, та ще убогого селяніна й словами зневажаючи и панамъ на ёго наговорюючи. Отъ сего-то селяне не стѣрили, почасти въ козакі на Низъ одъ Жидівської й панської нахаби утікали, а описля до козаків и цілими селами вже прихлялися.

## LIII.

Вонó-то правда, що въ рѣчи посполітій Польській часами тяжко городамъ и селамъ, міщанамъ и селянамъ, попамъ и мнрянамъ жити приходилось; вонó правда, що пані ніякого впливу собі не звáли и що-хотя зъ убогимъ людомъ чинили; правда, що вбогому зъ багатимъ шкода булó судомъ правуватися; що велікі панове и на сѣймахъ, маючи за собою поплічниківъ, чо́го хотіли доказували, а бували такі міжъ панами розбшáки, що, черезъ їхъ наїзди та розбѣи, шляхи бурьянами заростали: а все жъ бо такі, поглянувши на життя людське огўломъ, треба забу́ту правду виявити, що «пѣки, якъ-то співають, були на Україні пані въ ладівницяхъ, то въ мужиківъ пироги лежали на полицяхъ; якъ же почали швѣндяти по Україні козакі съ порохівими рогами, залягли скрізь степі й поля облогамъ». Торги по городахъ були въ давнішихъ часахъ безпечні, и черезъ Київъ що-

року переходили великі каравани кіньми, волами и верблюдами, везучи в Московське царство, в Швецію и Данію всяке добро з Малі Азії, Персії, Індії, Арабії, Сирії. Бувало такъ, що шовк у Київі йшов урівень з лёномъ, а перецъ—дешевше одъ солі. Якъ же піднялась козацька руїна, городи одинъ за однимъ до тла горили и пустили, а крамарство по іншихъ земляхъ розбігалось. »Ой я, каже, свій крамъ у коробку склавъ, козакамъ пятами наживавъ.« Се-то, глузуючи зъ Жидові, виспівували такъ за Хмельницького козарі, а воно и правда була, що йтки и крамні комори в козацьку руїну скрізь попіломъ лжали, або пустізною стояли. Ще за Наливайка зложено пісню: »Ой в городі Могилеві та сталося пусто, якъ повіяли козаченьки з самопалівъ густо.« Спустивъ же такъ одъ козацькихъ самопалівъ и Київъ, и Брацлавъ, и всі Магдебурські и не-Магдебурські городи по Україні. Погорили не то що крамниці з шовками и Турецькими габанами, та и школи, которі братства церковні своїмъ коштомъ споружали; погорили друкарні, в которихъ вільно було що хоті друкувати и не то лукаву увію, та и самого пана Римського з ёго прелатами якъ хоті перепірати; поросходились по чужихъ земляхъ, повмірали в походахъ, бояхъ, пожарахъ и гвнлихъ хоробахъ військовихъ учені люде, которі съ чужихъ сторінъ до насъ науки вольні персажували, та и самі хроніки козацькі, в которихъ криваві подвиги, мовлявъ, за віру Християнську позаписувани, и те все в людській крові потонуло и засипано десь попеломъ на жаріщахъ; и та химерна оповідь про козацьке лицарство необачне не вся дійшла до нашихъ рукъ за самими жъ козаками. Які були суди и трибунали, все козацька руїна, мовъ лютий вихоръ, позносила; які були права и судові звичаї, все підъ ту страшенну заверуху забувалося. Не багато людей письменнихъ на Україні зосталося. Полковники та сотники вмели тільки криваву шаблю в рукахъ держати и шаблею права по городахъ и селахъ писати, шаблею землі поміжъ себе ділити и одинъ одному межі гостримъ залізомъ значити. Справді бо, якъ повтікали всі державці зъ України, опрічъ тихъ, которі підъ козацьке право воєнне підклонилися, почали тоді полковники та сотники покривавлену и зобрапу копцями землю поміжъ себе паювати. То були воєводства, а в воєводствахъ повіти, а в повітахъ королівські старобства, чи маєтности,

пóручъ зъ маётками державцівъ, панівъ Українськихъ, атó вже осягли й позаймали козаки всі зéмли по Вкраїні підъ полки, а въ полкахъ підъ сотні, а въ сотняхъ підъ свої хуторі, дворі, пастóвники чи левáди, а котóra земля козакамъ не згодїлася и до цéркиви чи до манастиря не тягну́ла, съ тихъ зéмель подáтки до скáрбу царськóго брали и, вкúпи зъ городськимп пóплатами, воевóдамъ на царські потребізни оддавáли. Не знесли козаки безпáвтя рéчи посполїтої; за прáво, за волю свою на Ляхівъ піднялися. Побáчно жъ изъ *Вишівцями*, зъ *Бруховецькими*, зъ *Полóвчицями* и *Мазéпцями*, якъ вони тимъ прáвомъ и тою закрївавленою волею своєю користувались.

П. Кулішъ.

30 декабря, 1860.

С. Петербургъ.

# МУЗЫКА

## ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСЕНЬ.

*Пѣсни для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не знаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цепьтущей части Россіи.*

*Гоголь (о малороссійскихъ пѣсняхъ).*

Важность народной поэзіи и народной музыки для изученія жизни даннаго народа — извѣстная истина, которую врядъ ли кто станетъ оспаривать. Ее проповѣдывали и ученые изслѣдователи, и поэты. Приведемъ, кромѣ выставленныхъ въ эпитаграфѣ, еще краснорѣчивыя и высоко-правдивыя слова Гоголя: »Народныя пѣсни — это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ, при всей многосторонности ея, не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія жѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи не многія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа; когда захочетъ испытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполне: исторія народа разоблачится предъ нимъ въ ясномъ величіи». — Это, разумѣется, относится прямо къ *словамъ*, къ *тексту* украинскихъ народныхъ пѣсень — богатѣйшему этнографическому матеріалу; но въ народныхъ созданіяхъ слова и музыка къ нимъ неразрывны; самые звуки пѣсень, безъ

сомнѣнія, столько же, если не болѣе, характеристичны, столько же, если не болѣе еще, важны, для уразумѣнія духа Украинцевъ. Гоголь не мѣѣе восторженно отзывается и о музыкѣ малорусскихъ пѣсень: »въ ихъ музыка«, говоритъ онъ, »слилась съ жизнью: звуки ея такъ живы, что — кажется—не звучать, а говорить, говорить словами, выговариваютъ рѣчи, и каждое слово этой яркой рѣчи проходить душу.... Ничто не можетъ быть *сильнѣе* народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣятельность жизни, — если натиски насильій и непреодолимыхъ, вѣчныхъ препятствій не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали изъ него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и нигдѣ выразиться, какъ только въ его пѣсняхъ....«

Подтверженіемъ этого поэтического отзыва изъ устъ не-музыканта, долженъ служить обстоятельный музыкально-критическій этюдъ надъ музыкою южно-русскихъ пѣсень; такого труда до сихъ поръ еще сдѣлано не было, и вотъ въ чемъ будетъ наша задача.

Обсужденіе текста пѣсень со стороны ихъ языка, ихъ внутренней поэзии, словесной — дѣло литературное. Обсужденіе музыкальнаго склада южно-русскихъ пѣсень, вниканіе въ ихъ общій характеръ и во всѣ подробности, съ точки зрѣнія музыкальной, требуетъ особаго спеціальнаго знакомства съ самими пѣснями и значительную степень обще-музыкальной развитости. При этомъ, разумѣется, дѣло требуетъ, чтобы технические разборы народной украинской музыки были, сколько возможно, ближе приварованы къ понятіямъ не-спеціалистовъ по музыкальной Technikѣ и изложены на столько не ремесленно и не безтолково, чтобы могли занять свое мѣсто въ журналѣ литературномъ, во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка.

Мы, слава Богу, довольно далеко ушли отъ того времени, когда знаменитый профессоръ контрапункта, »Padre Martini« (бывшій наставникомъ в Моцарта), высказалъ австрійскому императору Іосифу II-му, что музыкальная критика — дѣло совсѣмъ *несбыточное*, потому что музыканты не умѣютъ быть литераторами, а литераторы, въ свою очередь, ничего не смыслятъ въ музыкѣ.

Въ наше время соединеніе дѣятельности литературной и технически-музыкальной не только-что перестало быть чѣмъ-то несбыточнымъ, но даже не принадлежитъ уже къ особенно-рѣдкимъ явленіямъ (достаточно вспомнить: Берліоза, Галеви, Фетиса, Маркса, Гауптмана, Шумана, Вагнера, Листа, Бюлова и т. д.)

Тѣмъ не менѣе, избранная нами задача представляетъ много весьма важныхъ затрудненій, по самой сущности дѣла.

Пѣсни народныя, какъ музыкальные организмы, отнюдь не сочиненія отдѣльных музыкально-творческихъ талантовъ, а произведеніе цѣлаго народа, и всѣмъ складомъ своимъ весьма далеки отъ музыки искусственной, сочиненной, вслѣдствіе сознательнаго подражанія образцамъ, вслѣдствіе школы, науки, рутины и рефлексіи. Это цвѣтки данной почвы, явившіеся на свѣтъ будто сами собою, выросшіе въ полномъ блескѣ, безъ малѣйшей мысли объ авторствѣ, сочинительствѣ, и, слѣдовательно мало похожіе на парниковые, тепличныя продукты ученой композиторской дѣятельности. Оттого въ нихъ ярче всего выступаетъ — наивность творчества и та (по мѣткому выраженію Гоголя, въ Мертвыхъ Душахъ), *высокая мудрость простоты*, — главная прелесть и главная тайна всякаго художественнаго созданія.

Какъ лялія, въ своемъ пышномъ, цѣломудренномъ убранствѣ, затѣиваетъ блескъ парчей и драгоценныхъ камней, такъ народная музыка, именно своимъ дѣтскимъ простодушіемъ, въ тысячи разъ богаче и сильнѣе, нежели всѣ ухищренія школьной премудрости, проповѣдываемыя педагогами въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ академіяхъ.

Намъ возразятъ: «какъ! учености музыкальной будто вовсе неужно? неужели какая бы то ни было въ свѣтѣ народная пѣсня можетъ соперничать — на примѣръ — съ симфоніей Бетховена?»

Нѣтъ, конечно, если брать симфонію въ ея всецѣлости; но симфоніи столь геніальныя, какъ бетховенскія, отнюдь не продукты *учености* музыкальной (какъ, на примѣръ, симфоніи и ораторіи композиторовъ не-геніальныхъ), а самостоятельныя организмы, разившіеся въ великолѣпной сложности изъ немногихъ, самыхъ простыхъ, музыкальныхъ мыслей; какъ изъ зерна. Чтоже касается до самыхъ зѣренъ этихъ, до мотивовъ музыкальныхъ, служащихъ зародышами, эмбрионами развитыхъ музыкальныхъ организмовъ, то въ каждомъ народѣ, богатомъ своими пѣснями, навѣрное найдутся мотивы, которые способны посоперничать съ мотивами хотя бы и бетховенскими. Въ самой высшей изъ своихъ симфоній, въ *девятой*, Бетховенъ свою тему (пѣснь на слова Шиллеровой оды «къ радости», An die Freude), тему, пронизывающую всю симфонію насквозь, служащую основой, краеугольнымъ камнемъ для всего колоссальнаго зданія, приблизилъ, какъ нельзя больше, и вполне сознательно, къ дѣтски-простодушному характеру напѣвовъ народныхъ.

Родственность мотивовъ великихъ композиторовъ съ мотивами пѣсень

изъ народа можно подкрѣпить и еще тысячами примѣровъ изъ Гайдна, Моцарта, Шопена, Глянки и другихъ. О внутревнемъ музыкальномъ богатствѣ мотивовъ въ народныхъ пѣсняхъ очень жѣтко выразился Л. М. Жемчужниковъ (Записки о Южной Руси, г. Куляша, томъ II. стр. 7.). »Народная пѣсня, въ своихъ словахъ и музыкѣ, взятыхъ вѣстѣ, полна чувства, мысли и, притомъ, необыкновенной простоты. Нѣтъ въ ней лишняго слова, нѣтъ лишней ноты. Это самородки, изъ которыхъ всегда можетъ черпать самый высокій талантъ.«

Съ этой стороны, великую правду и глубину заключаютъ въ себѣ и слова автора »Жизни за Царя« : »создаетъ музыку народъ, а мы, художники, только ее арранжируемъ.«

Между тѣмъ, такъ какъ музыкальная ученость и непосредственное музыкальное творчество всегда и вездѣ шли не рука объ руку, а развивались независимо другъ отъ друга, — народъ музицируетъ по своему, ученые — по своему; народъ знать не хочетъ ученой музыки, а ученые музыканты знать не хотятъ народной (этому свидѣтельствомъ — вся исторія музыки), и такъ какъ соединеніе, сляніе истиннаго дара творчества и глубокой науки встрѣчается только въ немногихъ избранныхъ, то и для вѣрнаго аналитическаго обсужденія музыки — не сочиненной, а создавшейся въ народѣ — нужны условія, не совѣмъ часто встрѣчаемыя.

Отвлекаться отъ привычныхъ намъ, воссаянныхъ съ музыкальнымъ воспитаніемъ, школьныхъ понятій, (не всегда вѣрныхъ основнымъ законамъ музыкальнаго творчества, и, до сихъ поръ еще, недовольно ясно создаваемыхъ теоретиками); отвлекаться отъ того, что встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ рутинномъ примѣненіи, отвлекаться для того, чтобы умѣть доходить до корней музыкальнаго склада и любоваться каждымъ свободнымъ изгибомъ музыкальной природы, неиспорченной рутинкою, — дѣло несовѣмъ легкое. Превосходно, именно объ этой сторонѣ музыкальнаго изученія, выражается геніальный знатокъ музыки, извѣстный нѣмецкій юристъ, Тибо (Ant. Fr. Just. Thibaut. *Ueber Reinheit der Tonkunst* III. *Ueber Volksgesange*) (1), »о народномъ пѣніи«).

(1) Книга юриста Тибо »о чистотѣ музыки« — при появленіи своемъ въ 1825 г. — была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Ясность и здравость взглядовъ ея просвѣщеннаго автора на музыку старинныхъ итальянскихъ мастеровъ XVI столѣтія, совершенно заброшенныхъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, казались, въ эпоху блпстанія Россіи, какимъ-то бредомъ любителя музыкальной археологіи, диковинокъ музыкальной старины. Знатоки музыки ex professo, т. е. сухіе, рутинные педанты, и практическіе музыканты, т. е. ремесленники музыкальнаго цеха, страшно вооружились про-

«Цивилизованный человек, для дальнейшего своего образования и научения, непременно чувствует потребность бесѣдовать съ людьми, замѣчательно-развитыми по своей специальной части. Но онъ никакъ не долженъ утрачивать драгоценной способности плѣняться красотой искусственно-наивною, невинною. Культура далеко не всегда согласуется съ развитіемъ естественныхъ данныхъ и очень во многомъ, иногда, образованный человекъ долженъ поуступить — ребенку. О дѣтяхъ въ Евангеліи сказано: «ихъ есть царствіе небесное».

«Высшее въ человѣческомъ характерѣ—искренность, откровенность, правдивость. Но житейскія отношенія и цивилизація обыкновенно затемняютъ это качество; дѣлаютъ человека скрытнымъ, недобѣрчивымъ, лицемернымъ, лживымъ; между тѣмъ, дитя стоитъ предъ нами такимъ, какъ оно отъ природы, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Оттого, кто не знаетъ дѣтской души, тотъ не знаетъ и человѣческой души вообще. Въ счастливо-организованномъ ребенкѣ инстинктивно присутствуетъ мудрость, до которой мыслящій человекъ доходить долгимъ и тяжкимъ опытомъ.

«Эти общія истины вполне примѣнимы и къ музыкѣ. Высшее въ музыкальномъ дѣлѣ, что дается ученіемъ — написать правильно музыкальную пьесу, удовлетворяющую требованіямъ искусства. Но какъ часто наше искусство удаляется отъ природы; какъ часто — процессомъ искусства — слагаются продукты, гдѣ истинное вдохновеніе, т. е. природа, душа человѣческая — совершенно отсутствуетъ, продукты, которые, въ счастливѣйшихъ случаяхъ, способны возбудить нѣкоторое удивленіе, уваженіе, но симпатіи не возбуждаютъ никогда, ни въ комъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что половина существующей въ свѣтѣ музыки — *вовсе не музыка*; это — родъ какой какой-то математики, безъ внутренняго, жизненнаго начала; подмостки для пустѣйшаго виртуозничанья пальцами или горломъ: — безмѣрно далеки отъ этого вреднаго для музыки направленія, чисты, нешорочны, просты, какъ душа младенца, всѣ пѣсни вышедшія изъ нѣдръ народа, или восприняты народомъ извнѣ, но получившія въ немъ самостоятельную жизнь.

---

твѣ взглядомъ Тибо, какъ не профессионалиста по музыкѣ, а только «диллетанта». Между тѣмъ, Тибо былъ совершенно правъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Книга его пережила уже четыре изданія, и только теперь мысли ея автора оцѣнены вполне, вошли въ плоть и кровь современной намъ музыкальной критики. А имена профессионалистовъ — съ высоты величія спорившихъ съ Тибо — совершенно забыты.



Такія пѣсни всегда отражаютъ въ себѣ здоровое, сильное чувство человека, еще неспорченного культурою, — и какъ родившіяся въ эпоху свѣжести, юности народа, неразрывно-связанныя съ великими народными событиями, — способны и въ людяхъ, уже далекихъ отъ первобытной простоты, возбуждать ощущенія сладостныя и отрадныя, какъ воспоминаніе дѣтства, — способны дѣйствовать на душу неотразимо.

Украинскія пѣсни могутъ служить превосходнымъ, живымъ подтвержденіемъ вышеприведенныхъ словъ Тибб; но при такомъ богатствѣ матеріаловъ, какое представляетъ южнорусская народная музыка, полный критическій этюдъ надъ нею дѣло — безъ сомнѣнія — вѣковое. Оно потребовало бы анализа и сличенія *осльх* пѣсень и ихъ вариантовъ, живущихъ въ народѣ украинскомъ. Цѣлой жизни одного человека никакъ недостаточно на подобный подвигъ. Можно однако же положить этому нѣкоторое начало, къ чему и будутъ направлены наши усилія.

«Не мудрствуя лукаво», стараясь какъ можно ближе держаться практической стороны дѣла, мы намѣрены, даже и предварительныя работы надъ изучаемымъ народнымъ матеріаломъ, представить на судъ публики.

Критическіе и техническіе общіе выводы и заключеніе касательно музыки южнорусскихъ пѣсень, въ ея цѣломъ, могутъ быть выведены только изъ ближайшаго знакомства на дѣлѣ съ самими пѣснями, изъ проверки ихъ мотивовъ съ ихъ текстомъ, и изъ сличенія пѣсень между собою.

Здѣсь будутъ предлагаемы читателямъ пѣсни, записанныя изъ устъ народа, сколько можно вѣрнѣе и въ текстѣ и въ музыкѣ, и притомъ почти исключительно такія пѣсни, которыя до сихъ поръ еще не были помѣщены ни въ одномъ изъ печатныхъ сборниковъ малорусскихъ мелодій.

Къ мелодіи каждой пѣсни (съ ея словами, скандированными согласными музыкѣ, во всѣхъ куплетахъ, а не въ однѣхъ только тѣхъ строчкахъ, которыя подписаны подъ нотами напѣва) будетъ прибавлена гармонія, въ формѣ аккомпаньмента на фортепiano, какъ инструмента наиболѣе доступнаго читающей публикѣ.

Подобная аранжировка или гармоническая обстановка данной народной мелодіи, по нашему мнѣнію, необходима, какъ живой музыкальный *комментарій* на характеръ самого напѣва. Гармоническая обработка всегда присуща и народу, который любитъ пѣть свои пѣсни не въ одинъ голосъ, а въ нѣсколько голосовъ, разомъ, съ хорами ихъ до-

вольно-самостоятельными, контрапунктическими, по счастливому музыкальному инстинкту.

Даже въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ народъ поетъ не хоромъ, а единичными голосами, видоизмѣненія самой мелодіи, ея варианты, всегда чрезвычайно-разнообразные, своими оттѣнками дополняютъ мелодическое значеніе пѣсней и, выставляя выпукло то одинъ, то другой интервалъ, въ самомъ напѣвѣ, поясняютъ самымъ дѣломъ его гармоническій складъ.

Во всемъ этомъ, на практикѣ и въ критическомъ анализѣ пѣсней, встрѣчается для технической музыкальной ихъ обработки затрудненіе немаловажное.

Если вѣрное записываніе народной мелодіи знаками общеупотребительной нотной грамоты (для самого народа — чуждой) само по себѣ дѣло не совсѣмъ легкое, хотя бы и для опытнаго музыканта, такъ какъ представляетъ иногда и въ оттѣнкахъ интерваловъ (четверти тона, — какъ увидимъ впоследствии) и, особенно, въ размѣрѣ, въ ритмѣ, нѣкоторыя несообразности съ формами западной музыки, итальяно-нѣмецкой, на которой мы выросли, — то «гармонизація» пѣсней народныхъ — дѣло еще болѣе тонкаго и щекотливаго свойства. И чѣмъ глубже музыкантъ вникаетъ въ свою задачу въ этомъ случаѣ, чѣмъ вѣрнѣе чувствуетъ и сознаётъ идеалъ своей работы, тѣмъ достиженіе этого идеала становится для него самого затруднительнѣе.

Каждая мелодія, какъ послѣдованіе музыкальныхъ звуковъ, подъ условіями обще-извѣстными и вполне естественными, для мелодическаго звуко-сочетанія вообще, — очень легко допускаетъ себя аккомпаниментомъ рядъ аккордовъ. Оттого всякій, сколько-нибудь знающій свое дѣло музыкантъ, особенно изъ нѣмцевъ, не призадумается нисколько подставить аккомпаниментъ къ любой украинской пѣснѣ.

Только на повѣрку послѣ выйдетъ, что изъ сотни случаевъ (конечно — и девяносто девяти) нѣмецкій фасонъ аккомпанимента къ пѣснѣ, приходится для нея столько же кстати, какъ нѣмецкаго или французскаго покроя фракъ и бѣлый жилетъ будутъ къ лицу плотной, здоровой фигурѣ величаваго чумака, или какъ парижскій кринолинъ будетъ кстати на пышномъ безкорсетномъ стауѣ какой-нибудь сельской красавицы, Одарки или Ганнуси.

Обыкновенный музыкантъ, привыкшій, съ высоты своей цѣловой учености, смотрѣть на простонародныя пѣсней съ тулѣйшимъ презрѣніемъ, не посоветится — записывая нотами данную народную мелодію — «переписать», т. е. исказить въ ней все, что, по его дюжиннымъ пона-

тіямъ, покажется ему угловатымъ, шереховатымъ, не подходящимъ подъ правила (1) музыкальной теоріи (которыхъ, въ сущности, и *нѣтъ* совсѣмъ на свѣтѣ), — не призадумается замѣнить одинъ неудобный, для пошлыхъ аккордовъ, интервалъ другимъ, болѣе «правильнымъ», т. е. обыкновеннымъ, — не призадумается втиснуть въ одинъ тактъ мотивъ, непременно требующій двухъ тактовъ, или, на-оборотъ, растянуть въ два такта, то, что въ пѣснѣ звучитъ въ одномъ (или и вовсе безъ такта); не призадумается и вообще навязать пѣснѣ ритмическое движеніе, *непохожее* на ея оригинальную сущность, но болѣе сближенное съ ритмами, которые звучатъ во внутреннемъ слухѣ рутиннаго музыканта, навѣянные тою музыкою, среди которой онъ плаваетъ во вседневномъ своемъ обиходѣ, какъ рыба въ садкѣ.

Между тѣмъ, въ этихъ кажущихся шереховатостяхъ, угловатостяхъ, неправильностяхъ (1) мелодическихъ, гармоническихъ и ритмическихъ, всегда заключается главная особенность пѣсни, ея характеръ, колоритъ, неразрывно-слитый съ ея поэтической задачей, съ внутреннею органическою идеею, вызвавшею эту пѣсню на свѣтъ Божій.

Иногда такого рода оттѣнки тонки, деликатны какъ блестящая пыль на крылышкахъ мотылька. А сколько нашлось между музыками вандаловъ, которые своею грубою рукою, то и дѣло, что соскабливаютъ эту драгоценную пыль, какъ что-то ничтожное и лишнее.

Ясно, что и въ гармонической обработкѣ малорусскихъ пѣсней, подъ рукою подобнаго рода мастеровыхъ музыкальнаго цеха, являлась или безцвѣтная пошлость, или вычурность, затѣйливость, въ прямомъ разнорѣчьи съ характеромъ пѣсни, являлась вообще та «деревянность» бездарности, на которую и Гоголь не забылъ пожаловаться въ своей статьѣ объ украинскихъ пѣсняхъ (1).

Пѣсни эти, какъ всѣ народныя, весьма просты въ своемъ складѣ. Мелодія ихъ, своимъ естественнымъ ходомъ, вызываетъ гармонію, столько же простую. Но угадать такую простоту *вполнѣ*, — нигдѣ, ни на одномъ волосокѣ не отступить отъ той внутренней, подразумеваемой гармоніи, которая зародилась вмѣстѣ съ мелодическимъ напѣвомъ и служить ему основою, — остаться простымъ, безъ бѣдности и однообразія, умѣть придать аккомпанименту требуемую духомъ и смысломъ пѣсни жизнь

(1) «Даже и музыка малороссійскихъ пѣсней не появлялась никогда *вполнѣ*. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ ее и клеилъ въ свое *безчужестенное деревянное* созданіе.»

звукѡвъ, не впадая притомъ нигдѣ въ вычурность, не уводя аккомпанимента въ область музыкальныхъ сочетаній—красивыхъ, занимательныхъ, только—для украинскаго мотива—чуждыхъ, — все это вмѣстѣ составляетъ задачу глубоко-художественную, которую врядъ ли кто можетъ иначе разрѣшить, какъ только отчасти, приближительно.

Трудность этого дѣла увеличивается и тѣмъ еще, что тотъ, кто чувствуетъ въ себѣ призваніе для музыкальной разработки украинскихъ пѣсень, можетъ весьма скоро увлечься въ сторону, именно вслѣдствіе своихъ же музыкальныхъ силъ, которыя будутъ искать себѣ большаго простора, нежели сколько требуетъ пѣсня. Кромѣ способности и знанія, такая художественная задача требуетъ еще и значительной степени самоотверженія, смиренія мысли. Это все условія, слишкомъ не часто встрѣчаемыя.

При отсутствіи возможности долго изучать хоровое пѣніе пѣсень на мѣстѣ, въ самой Украинѣ, пособіемъ для соблюденія мѣстнаго колорита при обработкѣ пѣсень можетъ служить непрерывная *прогулка* гармонизаціи пѣсень (сдѣланной предварительно, въ видѣ опыта) внутреннимъ инстинктивнымъ чутьемъ природныхъ Украинцевъ, посвятившихъ себя изученію пѣсень своего народа.

А. СѢРОВЪ.

(Продолженіе будетъ).

# ЛИСТІ СЪ ХУТОРА

---

## ЛИСТЪ Ш.

---

ЧОГО СТОІТЬ ШЕВЧЕНКО, ЯКО ПОЕЗЪ НАРОДНІЙ.

Чуємо й ми по хуторахъ, що вмеръ Тарасъ Шевченко. Тяжкѣ горѣ, що немає вже на свѣті великого поэта, и святá передъ Бóгомъ усяка слѣзіна, що пала на ёго домовину: слізма своїми зложили ми цінú подвижникові рідного слóва, котóre однó становить нашу народню сїлу, нашу народню славу, — однó дає намъ право на діляницю міжъ иншими народами. Поки міжъ нами живъ Шевченко, отдавали ми ёму шанóбу, яко високому поетові, и очи одвертали одъ усякої хїби ёго и упáдку на тяжкій, однікій дорóзі; якѣ жъ велике булó ёго діло, що вінъ зробивъ для насъ Українцівъ и що булі бъ ми безъ Шевченка, — се вже тепѣрь тілько упóвні намъ одкрїлося.

Занедбали здáвна вже письмѣнні городяне нашъ сїльскій неписьмѣнный людъ зъ ёго недрукóваною мóвою; до чужїхъ людѣй рóзумомъ пригорну́лися, до тихъ людѣй, що середъ великої громади тѣмного люду невеликою кúпою держáтця и самі тілько одїнь однóго, мовъ у кагáлі, розуміють, и байдужѣ імъ, що покїнули далѣко позáдъ сѣбе нечислѣнні тїсячи неписьмѣнныхъ. Слїдомъ за ними й наші письмѣнники полѣнтались п вкúпі зъ ними узялись до робóти — книжкї академічнїмъ якїмсь склáдомъ писати, и вже своєю славою велпчáлися, що однó книжню акаде-

мічню мову одъ моря до моря, мовъ який невідъ, на людські душі закінули. Великимъ симъ писателямъ и строителямъ рѣчи книжнѣй було байдуже, що ввось нашъ прѣстий людъ, скрізь той невідъ, здавася недорікою, байдуже й на те, що не було сѣмю людові іншого хѣду въ письменство, тільки мусивъ рідного прѣстого и впрѣзного свого слова зректіся. Оддаючи тоді въ школі дѣтѣй, наши хуторяне все одно, що въ москалі оддавали, бо черезъ те письменство хмірне мѣншало въ насъ людей, которі по-нашому розмовляли и по-нашому на Божий миръ дивилися, и по-нашому міжъ селянами оберталися.

Тутъ же намъ городяне здоровнїй рѣзумъ и чїстий смакъ своїми книжками каламутьять, а тутъ — сусіль! увійшовъ до нашої прѣстої хати чоловічокъ, по-нашому прибраннїй, нашихъ нїби и звичаївъ, нашої и мови, та и почавъ якісь вірші про якогось Енея слезезувати. То-то бъ, здаѣтця, трѣба намъ зрадити! по-нашому чоловікъ віршуй! Та ба! бодай такъ и не віршувати! Заразъ дѣ-которі постерегли, що вонѣ за проїва. »Придивітесь лишеньк, кажутъ, »до сѣго чоловічка зблизька: се городянський панѣкъ по-нашому прибрався. Гляньте: у ѣго й панська хода и вся удача панська, а мовою своєю вінъ тільки насъ передражняю и на сміхъ підіймаѣ. Се вінъ глузує зъ нашихъ звичаївъ, зъ нашої батьківщини, зъ нашої прѣстої, що ми, бачъ, панськихъ присмаківъ не знаємо, та панськихъ фухівъ не заводимо, та панськихъ річей солодкихъ цураємость. Гляньте: въ ѣго Енеї про рідну матіръ передъ громадою такі рѣчи говорить, що хочъ втікай псѣ хати; слухайте, якъ вінъ нашими звичаями ганьбує, якъ вінъ українське слово перековѣрзує. Се намъ пані такѣ дзеркало подарували, що якъ погляне въ ѣго прѣстий чоловікъ, то й самъ себѣ не пізнаєк.

Оттакій дали тому віршованню судъ наші розумнї люде, и одвернулася усяка ясна душа одъ перекувѣдженого не знать по-якому Енея. Ажъ тутъ *Маруся* Квітчина до насъ у хату завітала. Сѣрденько кохание! якѣ жъ ти любе намъ та поважне після того цїгана троянського здалося! Се наша душа на Божому лоні по-нашому заговорила. Се перва була книжка, котора тимъ же дѣухомъ, що й слово Учителя благого, дїхала. Тимъ самимъ поглядомъ Квітка на насъ, прѣстихъ людей, подивився, що и той великий чоловіколюбѣць. Здивувалися ми, якъ ясно засіявъ нашъ

народній образъ, дарма що на ёму пахарський піть густимъ піломъ припавъ. Глибоко глянули ми съ Квіткою въ дѹшу свого прѹстого люду п самі загадалися, звідкіля въ ёго та глибока не-сказанна....

Загадались, ажъ тутъ Шевченко голосно на всю Україну озвався, мовъ усі співи народні п всі людські слѹзи разомъ заговорили. Піднявъ вінъ зъ домовинъ німѹ нашу памѹть, визвавъ на судъ нашу мовчазнѹ старосвітцину п поставивъ передъ нею Українця, який вінъ есть теперъ, якимъ вінъ черезъ свою исторію стався. Хто жъ би тутъ не доміслився, абѹ душѹю не почувъ, що, викупавшись у своїй крові, перебувши нечисленні руїни п пожѹжи, мѹсли нашп прѹдки багато у свою дѹшу одъ давнихъ часівъ зачерпнѹти! Намалювавши самъ себе у своїхъ дѹмахъ, намалювавши старѹго Перебѹндю, бѹтька й мѹтеръ Катерини, та й самѹ Катерину зъ її щиримъ коханнямъ п великими мѹками, Шевченко зѹразъ явивъ висѹкий историчний спѹсѹбъ словесної живописи; бо й ёго власний образъ духовний п вся та сѹмѹя ріднихъ ёмѹ душъ — всі вони були историчні чѹда нашої старосвітцини. Узѹвъ вінъ голосъ п складъ своєї рѹчи висѹкої одъ тихъ пісѹвъ п думъ, що вже тільки ми, хуторяне, слѹхали п серцемъ розуміли; душѹ поезії нашої народнѹей не-письмѹвнѹей стѹлася дѹшею ёго мѹзи. Широко вінъ обнявъ Україну зъ її могилами кривавими, зъ її страшною славою, п співану народню рѹчь обернѹвъ на живописъ тогѹ, що було п що есть на Україні. Ёго устами весь нашъ народъ заспівавъ про свою дѹлю: тимъ ёго слово голосною луною розляглося усюди, де лилася наша кровъ, де лежать наши кѹсті, — усяке серце одъ ёго спѹву стрепенѹлося.

Квітка перший зрозумѹвъ поезію нашихъ народнихъ звичаївъ, яко семѹи благої, праведно людської. Шевченко намъ явивъ поезію нашої жѹзни народнѹей. Квітка здивувавъ насъ усіхъ, показавши велику героїчну дѹшу въ тихому, смірному образі пахарському, въ сѹльському житті прѹстому. Шевченко давъ намъ збагнути її глибинѹ таємничѹ: визвавъ вінъ передъ наши ѹчи забѹту давнинѹ українську, п побачили ми, що ся душѹ смѹрѹвна не двѹма, не годѹми, а цѹлими вѹками, въ бѹдахъ п напѹстяхъ пробувала, та й не звикѹмнѹла, не знітлася, нечестивѹй вѹлі слугѹю не вчинѹлася, а глибоко сама въ себе входила п, повѹро середъ лукавихъ людѹей стѹючи, своєї порі, своєї дѹлі мѹвчки ви-

глядала. Отъ же, якъ осніла Квітку, зъ ёго простодушними творами, огненная поезія Шевченкова, тоді розумно стало намъ, що Наумъ Дротъ — той же Кішка Самійло народній, бо відержавъ вінъ пробу не меншу одъ Самійлової, живучи дома на чужині, и, вікъ за вікомъ бідуючи, не погнувся, не знізвся духомъ твердимъ и високимъ.

Шевченко — нашъ поетъ и первий историкъ. Шевченко перше всіхъ запитавъ наші німі могіли, що вони такє, и одному тільки ёму дали вони яснѹ, якъ Бóже слово, одповідь. Шевченко перше всіхъ додумався, чимъ наша старосвітщина славна и за що проклянуть її грядущі роди. Такъ, якъ ёму самому пісня народня дала тонъ до високої речі, такъ и вінъ давъ намъ усімъ праведний тонъ, якъ намъ своє слово стрóити. Високо надъ нами піднявъ Шевченко поетичне світло своє — и стало видно по всій Україні, куди зъ насъ коженъ мусить простувати. При сёмѹ світлі всякому стало розумно, який справді славетний та величний у своїй простоті той сільскій миръ, съ которого Квітка вибравъ свою Марусю зъ її семтьєю поетичнєю. При сёмѹ світлі всяке побачило, що наші звичаї народні — та жъ сама исторія народнєго дѹху нашого, що й народня пісня, що й народня дѹма, тільки не всякому, а височому, поетичнєму погляду одкриваетця ихъ краса и повага. Всяке розумне зрозуміло, що намъ у своїй словесности ні-за-кимъ слідомъ вті, якъ тільки за своїмъ гєніємъ народнімъ, которий мовчить у нашихъ панських та чернєчих літописяхъ, нішкомъ живе въ звичаяхъ и голосно говорить тільки въ народній думі та пісні.

Бувъ на світі Коніський — и своєю *Исторією Руссовъ*, мовъ якою завісою малєваною, закривъ одъ насъ старосвітщину, ажъ поки Шевченко не розідравъ, не роспанѹхавъ тії завіси. Пришóвъ слідомъ за нимъ Котлярєвський — и своєю *Енеїдою* зробивъ зъ нашої простої жїзні зъ її звичаями розумними мовьби якийся смітникъ за панськимъ задвіркомъ. Одвернувшись одъ того смітника обідва наші поети и появили іншихъ Українцівъ зъ Українками въ *Марусі*, въ *Сердєшній Оксані*, въ *Кобзарь-Дівці*, въ *Катерині*, *Наймци* и въ іншихъ праведнихъ утворахъ поетичнихъ.

Квітка первий довівъ Українцівъ до слізъ мовою українською, и тимъ намъ показавъ, що ми ще не звелись ні на що: есть



бо въ насъ що розказати по-своёму, есть надъ чимъ заплакати. И великого, мабуть, стоить народъ нашъ простиий у своїхъ домо-тканихъ свитинахъ, коли, ввійшовши въ ёго сёмью, найрозумнійшпй, найучёнпий зъ насъ мае собі ту сёмью за свою рідну, — самий могущпий и прославлений зъ насъ, самий високпий и чистпий дүхомъ не одцуравсь би Марусю рідною сестрою звати, и її матирь — рідною матирью, и її батька — ріднимъ батькомъ. От-такимъ-то людомъ убогимъ и смиреннимъ Квітка нашъ передъ усімъ світомъ похвалівся: чи є мовъ такий другий на всёмү світі великому?

Скүпились ми коло Квітки, скілько насъ було тоді одні віри, одного рózуму. Мало було насъ, бо иншпхъ невірна городянська наука звівчила, а тихъ нүжда до землі прихилила; а все жъ почүли ми глибоко въ сёрці, що ми — ми, и справивъ се велике діло Квітка. Шевчénко заставъ насъ ужé готовими слүхами ёго дүми смутній, и до невеличкої громадп нашої почавъ земляківъ зо всёго світу скликати.

Озвались до кобзаря зъ ріднимъ витаннямъ на Кавказі, на Спобірі, за Бендэрами, за Слүчкою й за Дунаємъ. Що тільки живе було зъ українського роду по всёмү світові, все стрепенүлося, нашорóшило ўши и въ сёрце прийняло благовіствүвання своєї народности. Шевчénко ставъ мовъ би високпимъ корогвомъ середъ роспорóшеного на тисячахъ миль нашого люду, и съ того часу всі въ насъ поділились на живихъ и на мёртвихъ, та й довго ще ділитимутця. Слово ёго животворяще сталося ядромъ нової сїли, про котóру не думали й не гадали за Котлярévскаго найрозумнійши зъ нашихъ земляківъ, а та нова сїла — народність. Вона насъ рóдичами поміжъ собою поробила, у братню сёмью зъєдначила и наше українське суть на віки вічні утвердила. Шевчénко чистимъ подвигомъ словеснимъ докінчавъ діло, за котóre гетьмані наши нечистимъ сёрцемъ брались. Шевчénко, воздвїгши пэз упáдку голоснү мóву українську, назнаменавъ шпрóкї гряніці нашому дүху народнєму. Тепérъ ужé не мочémъ наше народне прáво на врáжнихъ твердїняхъ зарубане, не шпаргалами и печáтьми супротівъ лүкавства людського ствэржене: у тисячахъ вірнихъ душъ українськихъ воно на самóму дні заховане и тисячолітніми спóмниками запечáтано.

Слово, не що йнше, якъ рідне слово, вернуло намъ повагу

між народами и нобу підвалану під нашу жизнь историчню підкинуло. Взявъ бо Шевченко свою чудотворню річ не зъ городів великихъ, не зъ академій самопрославленихъ, не зміжъ товариства блискучого и всевладнёго: все те мпнувъ вінъ, занедбавъ и покинувъ, тільки хуторська и сільська мова ёму до ёго великого діла здалася; тільки по сѣлахъ, по прѣстнихъ хатахъ шукавъ вінъ для своїхъ поэмъ людеі дѣхомъ великихъ, сѣрцемъ чистихъ, поважнихъ, високнихъ. Черезъ снхъ-то людеі, черезъ їхъ дѣши поэтичні, праведні, вся тайная въ старосвітцпні нашій ёму одкрілася; сі-то люде, забѣті историчною панською, надалі ёму сіли дрѣвні могили розкривати и по скривавленій землі, якъ по пергаментяхъ, правду святу вичитувати. Ихъ самостайнимъ дѣхомъ вирісъ вінъ до тнхъ творівъ високнихъ, що безъ друкарні по всѣму світу ширятця, що на всіхъ цѣрихъ сѣрцахъ українськихъ огненними словами надруківані. Вони дали ёму крила піднятісь надъ землею якимся образомъ не-сѣгосвітнімъ, величнмъ и зъ вишшині всі людські дѣши оглядіти и оплакати. Вони—наша историчня живая, наши голосні аптѣпсі—поставили передъ ёго очіма и Прометѣя, въ которого криваве сѣрце щогодини вмирає и щогодини оживає. Ихъ нескінченно живі дѣши навчили ёго говорити и до мѣртвихъ, и до ненарождѣнпхъ.

Провівши нашу историчню черезъ прѣстпй, здоровпй рѣзумъ народній, вінъ давъ їй новпй образъ, — не той, що въ Ковіського; а провівши нашъ народъ по ёго историчі, не тимъ вінъ намъ ёго явивъ, що въ Котлярѣвського. Очистивъ вінъ историчню одъ усякої омани правдивимъ и високимъ дѣхомъ народнимъ, и споминками старосвітськими передъ розумнимъ людямъ вповаживъ. Съ того часу нобую жизнь почала Україна, и хто брався до роботи громадської не спіпуючи, той добре знавъ, зъ якого боку захопітись и куди простувати. Широкииъ ходомъ пішло наше народне діло — не казавъ би то во імя всіхъ земляківъ, во імя всіхъ вірнихъ дѣшъ українськихъ. Підъ корогвомъ Шевченковимъ ми ніби вернулись до домівки святоі съ чужоі чужоземщини, и рідна словѣсность сталась для насъ службою Господу правди. Після ёго величпїї, святоі рѣчи, Котлярѣвщина зневагою святині нашоі здалася, и благѣнкі вірши нашихъ пустоцѣтківъ тільки той лепетавъ, мовъ дитина, кому не страшно дрібній свіі гоминъ піднімати середъ народнїї молитви. Замѣкла була наша

словесність на якійся часъ, прислухаючись до поважного благовістування поезіі Тарасової, п благодѣтна була тиша, середъ котóрої поэтъ давѣвъ намъ нові закони слова українського. Не мале творивъ вінъ діло тимъ благовістуваннямъ: вінъ иззивѣвъ забутихъ у рідну сѣмью, міжъ ті люде, котóрихъ ми праведно людьми величаемо. Слово було пробою забутимъ, чи достóйні вони такого товариства, чи воскреснуть изъ свого сну, котóримъ вони мусили спати десятки п сотні рóківъ. Слово було ихъ правомъ віковичнимъ на володіння тимъ, чогó, мовлявъ, ніхто не додбае п не розруйнуе. Словома скріпѣвся новий союзъ братерський, нова сѣмья українська...

Отó жъ Шевченкове діло! отó місто Тарасове въ нашій народности. Поста́вивши собі за найвисчий взіръ творчества велику дýшу народню, назнамсѣвъ вінъ нашимъ письмѣннымъ людьма́мъ дорогу прóсту, ні въ ко́го не пита́ну. Тепѣръ ужѣ тільки той у насъ бу́де робітникъ не вікчѣмний, хто пита́е впередъ велико́ї народнѣї грома́ди, зна́ючи її ну́жду дýховну, ма́ючи її смакъ чѣстий, дѣвлячись її по́глядомъ праведнимъ. Тимъ-то не хто, якъ хуторя́не та селя́не, зна́ють п чу́ють душе́ю, чогó сто́явъ Шевченко. Вінъ ихъ вѣвѣвъ, на́че Израїля, изъ кни́жнѣї нево́лі, въ котóру були́ городя́не взялі́ всякий рóзумъ письмѣнный; вінъ ски́нувъ зъ нихъ га́ньбу всесвітню, що вони люде́ — ні до чо́го; вінъ возвеличивъ ихъ о́бразъ дýховний п вѣставивъ є́го на взіръ передъ цивиліза́циомъ міромъ: двѣтесь, зе́млі п панства́ просвіще́нні: тѣсячу рóківъ се́й людъ убо́гий се́бе памята́е, п тѣсячу рóківъ, у сво́ій темно́ті п недоста́ткахъ, тільки му́жу грома́дському вінъ корѣвся; хто зъ є́го вгóру вибивѣвся п панською ппхо́ю одъ люде́й одрѣзня́вся, вінъ є́му не клѣнявся; вінъ є́го, мовъ по́рчену кровъ, пзверга́въ изъ се́бе; вінъ тільки грома́ду велича́въ «вели́кимъ чоловікомъ». Се возвістѣвъ я людьма́мъ симъ прóстимъ п вбо́гимъ сло́во вели́ке, праведне, во ві́ки п ві́ки непохѣбне, п вони́ є́го зрозумѣли, гаря́чими слѣзми сво́ими є́го скропи́ли-освяти́ли, п сло́во моє́ ста́нетца въ нихъ сі́лою неосборі́мою. Не зба́вить є́му сі́ли ніяка сі́ла земна́я, п, по́ки світу со́нца, по́ти вони́ не забудѣтца. Пі́йдуть ко́лісь въ непа́мять сла́вні діла п триу́мфи вели́кихъ городя́нъ, що зъ висо́кої високóсти на васъ, мої спротѣта, позира́ють, а вашъ о́бразъ дýховний черезъ моє́ сло́во ніко́ли не забудѣтца. Сотворѣвъ я вамъ сло́вомъ сво́імъ

вічную пам'ять, а саміхъ васъ учинивъ собі само́му вічною пам'яттю міждо живими.

Такъ промовляє сумній душі нашої душа Тарасова. Їго смерть якусь нову, свіжюю силу надала їго поезіі, и въ насъ по хуторахъ и селахъ почали її заново читати. Усяке слово їго теперъ якимсь новимъ світомъ сяє, и дивомъ намъ здається, що такий поетъ недавнічю ще живъ міжъ нами. Невелика книжка зъ їго писання вийде, а про ту книжку можна въ-десятеро більшу написати. Нехай же сю працю візьмуть на себе люде дотепніші, а зъ насъ буде й того, що ми, якъ думами, якъ серцемъ чули, такъ про Тараса попросту й написали. Слава тобі, Тарасе, поки на Україні хочъ одні дівчата рідну пісню співатиме, поки хочъ одна мати по-своєму дитину голубитиме, поки хочъ одні батко не чужимъ словомъ про давні могили сину говоритиме!

Х у т о р я н и н ь .

## ДВѢ РУССКІЯ НАРОДНОСТИ.

(Письмо къ редактору.)

Явленіе *Основы* возбуждаетъ вопросъ, который, какъ кажется, долженъ быть однимъ изъ важнѣйшихъ, какіе подлежатъ разрѣшенію при современныхъ условіяхъ. Ваша *Основа* поднимаетъ знамя *русской* народности, но отличной отъ той русской, какой многими исключительно присвоено это названіе. О ея существованіи не можетъ быть сомнѣнія, коль скоро она сама о себѣ заявляетъ. Итакъ тѣ, которые говорили: русская народность, и понимали подъ нею что-то единственное, самосущее, ошибались; они должны были говорить: русскія народности. Оказывается, что русская народность не одна; ихъ двѣ, а кто знаетъ, можетъ быть ихъ откроется и болѣе, и тѣмъ не менѣе онѣ — русскія.

Мы какъ будто возвращаемся вспять: вышывають наружу погребенные элементы давно-прошедшихъ временъ, когда слово *Русь* имѣло обширное и тѣсное значеніе, когда Русскій міръ составлялъ цѣль самобытныхъ, но внутренно связанныхъ частей; внутренняя жизнь разрываетъ внѣшнюю кору; тождество оказывается призрачнымъ. Кромѣ господствующей во внѣшнемъ мірѣ русской народности, является теперь другая, съ притязаніями на равныя гражданскія права въ области слова и мысли.

Въ чемъ же ихъ отличіе и въ чемъ ихъ сходство? Что даетъ поводы признавать не одну Русскую народность, и что побуждаетъ считать ихъ равно русскими?

Внѣшнія отличія найти не трудно. Стоитъ поставить изображенія Великороссіянина и Южнорусса рядомъ въ ихъ костюмѣ, съ ихъ поступью, съ ихъ наружнымъ видомъ; потомъ описать образъ домашней жизни того и другого, ихъ домашнія обычаи, обряды, пріемы хозяйства, нако-

недѣ изложить сущность ихъ нравчія. Но все это будетъ выраженіемъ того, что скрывается въ глубинѣ души; послѣднее служить источникомъ являемаго внѣшнимъ міромъ. Вотъ эту-то духовную сущность надобно намъ разъяснить и опредѣлить, ибо только она можетъ показать, чего слѣдуетъ намъ надѣяться отъ литературнаго развитія той русской народности, которая теперь вступаетъ въ права свои.

Безъ всякаго сомнѣнія, географическое положеніе было первымъ поводомъ различія народностей вообще. Чѣмъ народъ стоитъ на болѣе дѣтской ступени цивилизаціи, тѣмъ болѣе и скорѣе географическія условія способствуютъ сообщенію ему своеобразнаго типа. Не имѣя твердыхъ началъ, народы легко измѣняются, переходятъ съ одного мѣста на другое, ибо зачасъ воспитанія, полученнаго на прежнихъ жилищахъ, слишкомъ скуденъ, и развиваясь на новосельѣ, они принимаютъ и усваиваютъ легко новыя условія, какія сообщаются имъ характеромъ мѣстности и степеніемъ обстоятельствъ. Борьба можетъ быть тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ менѣе въ народѣ того, на что можно опереться. Но тѣ, которые на прежней родинѣ успѣли получить что нибудь такое, что удовлетворяло ихъ, сознавалось полезнымъ или священнымъ, тѣ, и перемѣняя отечество, переносятъ въ него старыя зачатки и они для нихъ становятся точками опоры, когда условія новаго отечества начнутъ побуждать ихъ къ самоизмѣненію. Понятно, что Англичанинъ, переселившійся близко къ тропикамъ, долго будетъ сохранять свою цивилизацію, свои привычки и понятія, пріобрѣтенныя воспитаніемъ на своемъ сѣверномъ островѣ. Напротивъ, если бы перевести толпу американскихъ Индійцевъ въ Россію, то, при сообщеніи съ Русскими, они бы усвоили образъ господствующей туземной народности; если же бы оставить ихъ изолированными отъ сближенія съ сѣвѣрною образованностію, они, въ ближайшихъ поколѣніяхъ, измѣнились бы сообразно климату, почвѣ и мѣстности, и образовали бы сами изъ себя совершенно иную народность, въ которой только слабыми чертами отзывалось бы то, что напоминало ихъ прежнюю отдаленную родину. Въ глубокой древности, во времена юности народовъ, переходы ихъ изъ края въ край порождали своеобразные типы и образовали народности.

Но народы не измѣнялись и ихъ народности не формировались отъ однихъ переходовъ и вообще отъ географическихъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали жизненныя историческія обстоятельства. Переходя съ мѣста на мѣсто, они не оставались изолированными, но находились въ сношеніяхъ или въ столкновеніяхъ съ другими народами; отъ взаимнаго

твенія завсѣгло ихъ развитіе и образованіе жизненныхъ формъ. Другіе подвергались измѣненіямъ, не перемѣняя жительства, отъ наплыва или вліянія сосѣдей и пришельцевъ; наконецъ, такіе или иные повороты ихъ общественнаго быта отпечатлѣвались на народномъ существѣ и клали, на будущія времена, особыя примѣты, не сходныя съ прежними, и такимъ образомъ мало по малу народъ въ теченіи временъ измѣнялся и становился уже не тотъ, чѣмъ былъ нѣкогда. Все это составляетъ то, что можно однимъ словомъ назвать историческими обстоятельствами. Здѣсь большая или меньшая степень развитости цивилизаціи способствуетъ скорѣйшему или медленному дѣйствию вліянія измѣняющихъ началъ. Все здѣсь происходитъ по тому же закону, какъ и тогда, когда измѣненія производятся географическими условіями. Народъ образованный крѣпче стоитъ за свое прежнее, упорнѣе хранитъ свои обычаи и память предковъ. Завоеванная Римомъ Греція покоряетъ потомъ Римъ своею образованностію, тогда какъ завоеванная тѣмъ же Римомъ Галлія теряетъ свой языкъ и народность, уступая болѣе образованнымъ и сильнымъ завоевателямъ. Встрѣча съ народомъ слабѣйшимъ укрѣпляетъ народность сильнѣйшаго, какъ встрѣча съ сильнѣйшимъ ослабляетъ.

Образованіе народности можетъ совершаться въ разныя эпохи человѣческаго развитія, — только это образованіе идетъ легче въ дѣтствѣ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ духовной жизни человечества. Измѣненіе народности можетъ возникнуть отъ противоположныхъ причинъ: отъ потребности дальнѣйшей цивилизаціи и отъ оскуднѣнія прожней и паденія ея, отъ свѣжей, живой молодости народа и отъ дряхлой старости его. Съ другой стороны, почти такое же упорство народности можетъ истекать и отъ развитія цивилизаціи, когда народъ выработалъ въ своей жизни много такого, что ведетъ его къ дальнѣйшему духовному труду въ той же сферѣ; когда у него въ запасѣ много интересовъ для созиданія изъ нихъ новыхъ явленій образованности, и отъ недостатка внѣшнихъ побужденій къ дальнѣйшей обработкѣ запасенныхъ матеріаловъ образованности; когда народъ довольствуется установленнымъ строемъ и не подвигается далѣе. Последнее мы видимъ на тѣхъ народахъ, которые приходятъ въ столкновеніе съ такими, у которыхъ силы болѣе, чѣмъ обыкновенно: верхніе слои у этихъ народовъ усваиваютъ себѣ народность чужую, народность господствующую надъ ними, а масса остается съ прежнею народностію, потому что подавленное состояніе ея не позволяетъ ни собраться побужденіями къ развитію тѣхъ началъ, какія у ней остались отъ прежняго времени, ни усваивать чуждую народность вслѣдъ за верхними слоями.

\*

Литература есть душа народной жизни, — есть самосознание народности. Без литературы послѣдняя — только страдательное явленіе, и потому чѣмъ богаче, чѣмъ удовлетворительнѣе у народа литература, тѣмъ прочнѣе его народность, тѣмъ болѣе ручательство, что онъ упорнѣе охранитъ себя противъ враждебныхъ обстоятельствъ исторической жизни, тѣмъ самая сущность народности является осязательнѣе, яснѣе.

Въ чемъ же состоитъ эта сущность вообще? Выше мы сказали, что явленія внѣшней жизни, составляющія сумму отличій одной народности отъ другой, суть только наружныя признаки, посредствомъ которыхъ выражаетъ себя то, что скрывается на днѣ души народной. Духовный составъ, степень чувства, его приемы или складъ ума, направленіе воли, взглядъ на жизнь духовную и общественную, все, что образуетъ нравъ и характеръ народа, — это сокровенныя внутреннія причины, его особенности, сообщающія дыханіе жизни и дѣятельность его тѣлу. Все, что входитъ въ кругъ этого духовнаго народнаго состава, не высказывается по одиначкѣ, отдѣльно одно отъ другаго, но вмѣстѣ, нераздѣльно, взаимно поддерживая одно другое, взаимно дополняя себя, и потому все вполнѣ составляетъ единый стройный образъ народности.

Приложимъ эти общія черты къ нашему вопросу о различіи нашихъ русскыхъ народностей.

Начало этого отличія теряется въ глубокой древности, какъ и вообще распаденіе Славянскаго племени на отдѣльные народы. Съ тѣхъ поръ, какъ о Славянахъ явились извѣстія у греческихъ писателей, они уже были раздѣлены и стали извѣстны то подъ большими отдѣлами, то въ разнообразіи малыхъ вѣтвей, изъ которыхъ многія не знаешь куда приютить. Такъ, по Прокопію, Славянское племя представляется раздѣленнымъ на двѣ большія вѣтви: Антовъ и Славовъ; по Юрнанду — на три: Славовъ, Антовъ и Венедовъ. Безъ сомнѣнія, каждая изъ большихъ вѣтвей дробилась на меньшія. Извѣстія Прокопія и Маврикія о томъ, что Славяне вели между собою безпрестанныя войны и жили разбѣянными группами, указываетъ на существованіе дробленія народныхъ отдѣловъ; ибо гдѣ вражда между группами народа, тамъ неизбежно черезъ то самое образуются этнографическія особенности и отличія. У Константина Порфиророднаго перечисляются уже разныя мелкія вѣтви Славянъ. У нашего первоначальнаго лѣтописца отдѣлъ собственно Русскихъ Славянъ изображается раздробленнымъ на нѣсколько вѣтвей, каждая съ отличіями отъ другой, со своими обычаями и нравами. Безъ сомнѣнія, между одними изъ нихъ болѣе взаимнаго сродства, чѣмъ между другими, и такимъ образомъ нѣ-



сколько этнографическихъ вѣтвей начали, въ болѣе обобщенномъ образѣ своихъ признаковъ, представлять одну народность, также какъ и всѣ вмѣстѣ русско-славянскія народности одну общую, Русскую, въ отношеніи другихъ славянскихъ племенъ на югѣ. Но есть ли въ древности слѣды существованія южно-русской народности, было ли вышнее соединеніе славянскихъ народовъ югозападнаго пространства нынѣшней Россіи въ такомъ видѣ, чтобъ они представляли одну этнографическую группу? Прямо объ этомъ въ лѣтописи не говорится; въ этомъ отношеніи счастливѣе Бѣлорусская народность, которая, подъ древнимъ именемъ Кривичей, обозначается ясно на томъ пространствѣ, которое она занимала впоследствии и занимаетъ въ настоящее время со своимъ раздѣломъ на двѣ половины: западную и восточную. На югѣ, въ древности, упоминаются только народы, и нѣтъ для нихъ общаго сознательно-одинакаго для всѣхъ названія. Но чего не договариваетъ лѣтописецъ въ своемъ этнографическомъ очеркѣ, то дополняется самой исторіей и аналогіей древняго этнографическаго развѣтвленія съ существующимъ въ настоящее время. Самое наглядное доказательство глубокой древности южнорусской народности, какъ одного изъ типовъ Славянскаго міра, слагающаго въ себѣ подраздѣлительные признаки частныхъ, — это поразительное сходство южнаго нарѣчія съ новгородскимъ, котораго нельзя не замѣтить и теперь, по совершеніи многихъ переворотовъ, способствовавшихъ къ тому, чтобы стереть и измѣнить его. Нельзя этого объяснить ни случайностью, ни присутствіемъ многихъ разсѣянныхъ чертъ южнорусскаго нарѣчія въ великорусскихъ областныхъ нарѣчіяхъ; если одинъ признакъ встрѣчается въ томъ или въ другомъ мѣстѣ и не можетъ служить самъ по себѣ доказательствомъ древняго средства однимъ предпочтительно предъ другими, то собраніе множества признаковъ, составляющихъ характеръ южнаго нарѣчія, въ новгородскомъ, несомнѣнно указываетъ, что между древними Ильменскими Славянами и Южноруссами было гораздо-большее средство, чѣмъ между Южноруссами и другими славянскими племенами русскаго материка. Въ древности это средство было нагляднѣе и ошутительнѣе. Оно прорывается и въ Новгородскихъ лѣтописяхъ и въ древнихъ письменныхъ памятникахъ. Это средство не могло возникнуть иначе, какъ только въ глубокой древности, ибо эти отдаленные, перехваченные другими народностями, края, не имѣли такого живого народнаго сообщенія между собою, при которомъ бы могли перейти съ одного на другое сходные этнографическіе признаки. Только въ незапамятныхъ доисторическихъ временахъ скрывается его на-

чало и источникъ. Оно указываетъ, что часть южнорусскаго племени, оторванная силою неизвѣстныхъ намъ теперь обстоятельствъ, удалась на сѣверъ и тамъ водворилась со своимъ нарѣчіемъ и съ зачатками своей общественной жизни, выработанными еще на прежней родинѣ. Это сходство южнаго нарѣчія съ сѣвернымъ, по моему разумнію, представляетъ самое несомнѣнное доказательство древности и нарѣчія и народности Южной Руси. Разумѣется, было бы неосновательно воображать, что образъ, въ какомъ южнорусская народность съ ея признаками была въ древности, тотъ самый, въ какомъ мы ее встрѣчаемъ въ послѣдующія времена. Историческія обстоятельства не давали народу стоять на одномъ мѣстѣ и сохранять неизмѣнно одно положеніе, одну постать. Если мы, относясь къ древности, говоримъ о южнорусской народности, то разумѣемъ ее въ томъ видѣ, который былъ первообразомъ настоящаго, заключающаго въ себѣ главныя черты, составляющія неизмѣнные признаки, сущность, народнаго типа, общаго для всѣхъ временъ, способнаго упорно выстоять и отстоять себя противъ всѣхъ напоровъ враждебно-разрушительныхъ причинъ, а не тѣ измѣненія, которыя этотъ типъ то усваивалъ въ теченіи времени и перерабатывалъ подъ вліяніемъ главныхъ своихъ началъ, то принималъ случайно и терялъ, какъ временно наплывшее и несвойственное его природѣ.

Обращаясь къ Русской исторіи, можно прослѣдить, какъ не досказанное лѣтописцемъ въ его этнографическомъ очеркѣ о Южной Руси, само собою высказало себя въ цѣпи обстоятельствъ, образовавшихъ историческую судьбу южно-русскаго народа. Если первоначальный этнографъ, исчисляя своихъ Полянъ, Древлянъ, Улучей, Волынчанъ, Хорватовъ, не далъ имъ всѣмъ одного названія, отдѣльнаго отъ другихъ Славянъ русскаго материка, то имъ его дала вскорѣ исторія. Это названіе— Русь, названіе первоначально Порусско-варяжской горсти, поселившейся среди одной изъ вѣтвей южно-русскаго народа и поглощенной ею вскорѣ. Уже въ XI вѣкѣ названіе это распространилось на Волинь и на нынѣшнюю Галицію, тогда какъ не переходило еще ни на Сѣверовостокъ, ни къ Кривичамъ, ни къ Новгородцамъ. Уже ослѣпленный Василько, исповѣдаясь въ своихъ намѣреніяхъ присланному къ нему Василю, говоритъ о планѣ метить Ляхамъ за землю *русскую* и разрушить не Кіевъ, но ту страну, которая впоследствии усвоила себѣ названіе Червоной Руси. Въ XII вѣкѣ, въ Землѣ Ростовско-Суздальской, подъ Русью разумѣли вообще югозападъ нынѣшней Россіи въ собирательномъ смыслѣ. Это названіе, отличное отъ другихъ Славянскихъ частей, сдѣлалось этнографическимъ

названіемъ южно-русскаго народа; мелкія подраздѣленія, которыя исчислялъ лѣтописецъ въ своемъ введеніи, исчезли или отошли на третій планъ, въ тѣнь; онѣ были, какъ видно, не очень значительны, когда образовалось между ними соединеніе и выплыли наружу одни общіе, единые для нихъ признаки. Названіе Руси за нынѣшнимъ южно-русскимъ народомъ перешло и къ иностранцамъ, и всѣ стали называть Русью не всю федерацію Славянскихъ племенъ материка нынѣшней Россіи, сложившуюся съ прибытія Варяговъ-Руси подъ верховнымъ первенствомъ Кіева и не исчезнувшую, въ духовномъ сознаніи, даже и при самыхъ враждебныхъ обстоятельствахъ, поколебавшихъ ея внѣшнюю связь, а собственно югозападъ Россіи, населенный тѣмъ отдѣломъ Славянскаго племени, за которымъ теперь усвоивается названіе Южно-русскаго или Малороссійскаго. Это названіе такъ перешло съ послѣдующихъ временъ. Когда толчекъ, данный вторичнымъ выливомъ Литовскаго племени въ судьбу Славянскихъ народовъ всей западной части русскаго материка, соединилъ ихъ въ одно политическое тѣло и сообщилъ имъ новое соединительное прозвище—Литва, это прозвище стало достояніемъ бѣлорусскаго края и бѣлорусской народности, а южно-русская осталась съ своимъ древнимъ привычнымъ названіемъ Руси.

Въ XV вѣкѣ различались на материкѣ внѣшней Россіи четыре отдѣла восточно-славянскаго міра: Новгородъ, Московія, Литва и Русь; въ XVI и XVII, когда Новгородъ былъ стертъ, — Московія, Литва и Русь. На востокѣ имя Руси принималось какъ принадлежность къ одной общей славянской семьѣ, развѣтвленной и раздробленной на части, на югозападѣ это было имя вѣтви этой семьи. Суздалецъ, Москвичь, Смоленникъ — были русскіе по тѣмъ признакамъ, которые служили органами ихъ соединительности вмѣстѣ: по происхожденію, по вѣрѣ, по книжному языку и соединенной съ нимъ образованности; Кіевляникъ, Волыникъ, Червонорусъ — были Русскіе по своей мѣстности, по особенностямъ своего народнаго, общественнаго и домашняго, быта, по нравамъ и обычаямъ; каждый былъ русскимъ въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ восточный Славянинъ былъ не русскій, но тверитиникъ, суздалецъ, москвичь. Такъ какъ слитіе земель было дѣло общее, то древнее названіе, употребительное въ старину для обозначенія всей федераціи, сдѣлалось народнымъ и для Восточной Руси, коль скоро общія начала поглотили развитіе частныхъ: съ именемъ Руси для нихъ издревле соединялось общее, сравнивающее, соединительное. Когда изъ разныхъ земель составлялось Московское госуларство, это государство легко назвалось Русскимъ, и народъ, его составлявшій, усвоилъ знакомое

прежде ему названіе и отъ признаковъ общихъ перенесъ его на болѣе мѣстные и частныя признаки. Имя Русскаго сдѣлалось и для сѣвера и для востока тѣмъ же, чѣмъ съ лавныхъ лѣтъ оставалось какъ исключительное достояніе югозападнаго народа. Тогда послѣдній остался какъ бы безъ названія; его мѣстное частное имя, употреблявшееся другими народами только какъ общее, сдѣлалось для послѣдняго тѣмъ, чѣмъ прежде было для перваго. У южнорусскаго народа какъ будто было похищено его прозвище. Роль должна была перемѣниться въ обратномъ видѣ. Такъ какъ въ старину Сѣверовосточная Русь называлась Русью только въ общемъ значеніи, въ своемъ же частномъ имѣла собственныя наименованія, такъ теперь южнорусскій народъ могъ назваться русскимъ въ общемъ смыслѣ, но въ частномъ, своенародномъ, долженъ былъ найти себѣ другое названіе. На западѣ, въ Червонной Руси, гдѣ онъ сталъ въ сопротивленіе съ чуждыми народностями, естественно было удержать ему древнее названіе въ частномъ значеніи, и такъ Галицкій Червогородъ остался Русскимъ, Русинномъ, ибо имѣлъ столкновение съ Поляками, Нѣмцами, Уграми; въ его частной народности ярче всего высказывались черты, составлявшія признаки общей русской народности, являлась принадлежность его къ общему русскому міру, черты такія, какъ вѣра, книжный богослужебный языкъ и исторія, напоминавшая ему о древней связи съ общерусскимъ міромъ. Все это предохраняло его отъ усилій чуженародныхъ элементовъ, грозившихъ и грозившихъ стереть его. Но тамъ, гдѣ та же народность столкнулась съ сѣверно и восточно-русскою, тамъ названіе Русскаго, по отношенію къ частности, не имѣло смысла, ибо Южноруссу не предстояло охранять тѣхъ общихъ признаковъ своего бытія, которые не разнили, а соединяли его съ народомъ, усвоившимъ имя русское. Тутъ названіе Русскаго необходимо должно быть замѣнено такимъ, которое бы означало признаки различія отъ Восточной Руси, а не сходства съ нею. Этихъ народныхъ названій являлось много, и, правду сказать, ни одного не было вполне удовлетворительнаго, можетъ быть потому, что сознаніе своенародности не вполне выработалось. Въ XVII вѣкѣ являлись названія: *Украина*, *Малороссія*, *Гетманщина*, — названія эти невольно сдѣлались теперь архаизмами, ибо нито, ни другое, ни третье не обнимало сферы всего народа, а означало только мѣстныя и временныя явленія его исторіи. Выдуманное въ послѣднее время названіе *Южноруссовъ* остается пока книжнымъ, если не навсегда останется такимъ, потому что, даже по своему сложному виду, какъ-то неусвоительна для обыденной народной рѣчи, не слишкомъ любящей сложныя назва-

нія, на которыхъ всегда почти лежитъ отпечатокъ задуманности и, отчасти, ученой вычурности. Многоходомъ замѣчу, что изъ всѣхъ названій, какія были выдумываемы для нашего народа, чтобъ отличить его отъ великорусскаго, болѣе всѣхъ какъ-то приняло полное значеніе названіе *Хохла*, не по своей этимологіи, а по привычкѣ, съ какою усвоили его Великоруссы. По крайней мѣрѣ, сказавши *Хохоль*, Великоруссъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ дѣйствительно народный типъ. Хохоль для Великорусса есть человѣкъ говорящій извѣстнымъ нарѣчіемъ, имѣющій извѣстные приемы домашней жизни и нравовъ, своеобразную народную физиономію. Странно было бы думать о возможности принятія этого насмѣшливаго прозвища за серьезное названіе народа, — все равно, какъ еслибы Англичанинъ прозвище Джона-Буля сдѣлалъ серьезнымъ именемъ своего племени. Но изъ всѣхъ существовавшихъ прозвищъ и названій, это едва ли не болѣе другихъ усвоенное въ смыслѣ народной особенности. Не только Великоруссы называютъ Южноруссовъ Хохлами, но и сами послѣдніе не рѣдко употребляютъ это названіе, не подозрѣвая уже въ немъ ничего насмѣшливаго; впрочемъ, это только въ восточномъ крайѣ пространства, заселеннаго Южноруссами. Неусвоиваемость его всѣмъ южнорусскимъ народомъ, не менѣе его насмѣшливаго происхожденія, не дозволяетъ искать въ немъ приличнаго названія для народа.

Но я отклонился нѣсколько отъ своей дѣли. Дѣло въ томъ, что названіе Руси укрѣпилось издревле за южнорусскимъ народомъ. Названіе не возникаетъ безъ факта. Нельзя навязать народу ни съ того, ни съ сего какое-нибудь имя. Это могло придти въ голову только такимъ мудрецамъ, противъ которыхъ мы недавно писали<sup>(1)</sup> и которые намъ сообщили прекуръезную новость, какъ Екатерина II, высочайшимъ повелѣніемъ, даровала Московскому народу имя Русскаго и запретила ему употреблять древнее свое имя—Московитяне. Вмѣстѣ съ названіемъ развивалась и самобытная исторія жизни южнорусскаго народа. Извѣстно, въ какое непріятное положеніе поставляютъ насъ старыя наши лѣтописцы, коль-скоро мы захотимъ изслѣдовать судьбу старой народной жизни: насъ угощаютъ досыта княжескими междоусобіями, извѣстіями о построеніи церквей, со щепетильною точностію сообщаютъ о дняхъ, даже о часахъ кончины князей и епископовъ, но какъ постучишься къ нимъ въ двери сокровищницы народной жизни—тутъ они нѣмы и глухи; и заброшены давно въ море забвенія ключи отъ этихъ завѣтныхъ дверей. Слабыя, неясныя

(1) См. февральскую книжку »Основы«.

тѣни остались отъ далекаго прошедшаго. Но и этихъ тѣней пока достаточно, чтобъ видѣть, какъ рано Южная Русь пошла инымъ, своеобразнымъ путемъ возрастать отлично отъ Сѣвера. Однѣ и тѣ же общія начала на Югѣ устанавливались, утверждались, видоизмѣнялись инымъ образомъ, чѣмъ на сѣверѣ. До половины XII вѣка сѣверъ, а еще болѣе — сѣверовостокъ, намъ мало извѣстны. Лѣтописныя сказанія тѣхъ временъ вращаются только на Югѣ; новгородскія лѣтописи представляютъ какъ-будто какое-то оглавленіе утраченнаго лѣтописнаго повѣствованія; такъ коротки и отрывочны мѣстныя извѣстія, въ нихъ сохранившіяся, и признаюсь какъ-то странно слышать проповѣдываемыя нѣкоторыми почтенными изслѣдователями и усвоенныя учителями въ школахъ глубокомысленныя наблюденія надъ развитіемъ новгородскихъ общественныхъ началъ соразмѣрно переворотамъ и движеніямъ удѣльнаго русскаго міра, — когда на самомъ дѣлѣ тутъ можно судить только о развитіи новгородскихъ лѣтописей, а никакъ не новгородской жизни. Но о судьбѣ Сѣверо-Восточнаго Русскаго міра этой Суздальско-Ростовско-Муромско-Рязанской страны въ раннія времена нашей исторіи не осталось даже и такого оглавленія, и это тѣмъ досаднѣе, когда знаешь, что именно тогда-то въ этомъ краѣ и образовалось зерно великорусской народности, и тогда-то пустила она первые ростки того, что впослѣдствіи сдѣлалось рычагомъ соединенія и всего русскаго міра и залогомъ грядущаго обновленія всего славянскаго... Ея таинственное происхожденіе и дѣтство облечено непроницаемымъ туманомъ. При невозможности разсѣять его густые слои, остается или поддаться искушенію и пуститься въ безконечныя догадки и предположенія, либо, какъ нѣкогда дѣлали, успокоиться на утѣшающей всякое умственное волненіе мысли, что такъ угодно было верховному промыслу, и что причины — почему великорусская народность стала такою именно, какою явилась впослѣдствіи, зависѣли отъ неисповѣдимой воли. И тотъ и другой способъ мышленія не удовлетворяетъ нашей потребности. Догадки и предположенія не сдѣлаются сами собою истинами, если не подтвердятся или очевидными фактами, или несомнѣнной логической связью явленій. Мы не сомнѣваемся въ промыслѣ, но вѣримъ при этомъ, что все, что ни случается въ мірѣ, управляется тѣмъ же промысломъ — какъ извѣстное, такъ и неизвѣстное, а опираясь въ сужденіяхъ только на промыслъ, не останется ничего для самого сужденія. Дѣло исторіи — изслѣдовать причины частныхъ явленій, а не причину причинъ, недоступную человѣческому уму. Единственно что мы знаемъ о Сѣверо-востокѣ — это то, что тамъ было Славянское народонаселеніе посреди Финновъ и съ значи-

тельными перевѣсомъ надъ послѣдними, — что край этотъ имѣлъ тѣ же общіе зачатки, какіе были и въ другихъ земляхъ русскаго міра, но не знаемъ ни подробностей, ни способа примѣненія общихъ началъ къ частнымъ условіямъ. На югѣ между тѣмъ, весь народъ южнорусскій, въ началѣ XI вѣка, ощутительно обозначается единствомъ; не смотря на княжескія перегородки, онъ безпрестанно напоминаетъ о своемъ единствѣ событіями своей исторіи; онъ усвоиваетъ одно имя Руси; у него одніе общія побужденія, одни главные обстоятельства вращаютъ его; его части стремятся другъ къ другу, — тогда какъ земли другихъ вѣтвей общерусскаго Славянскаго племени, напримѣръ, Кривичи, обособляются своеобразными частями въ федеративной связи. Новгородъ, обособленный съ своею землею на сѣверѣ, постоянно стремится къ югу; онъ ближе къ Кіеву, чѣмъ къ Полоцку или Смоленску. И это, конечно, происходитъ отъ ближайшей этнографической его связи съ Югомъ.

Съ половинны XII вѣка обозначается въ исторіи характеръ Восточной Руси Ростовско-Суздальско-Муромско-Рязанской земли. Явленія ея самотытной жизни, по древней нашей лѣтописи, начинаются съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Юрьевичъ, въ 1157 году, былъ избранъ особымъ княземъ всей Земли Ростовско-Суздальской. Тогда-то явно выказывается своеобразный духъ, господствующій въ общественномъ строѣ этого края и складъ понятій объ общественной жизни, управлявшей событіями, — отличіе этихъ понятій отъ тѣхъ, которые давали смыслъ явленіямъ въ Южной Руси и въ Новгородѣ. Эпоха эта чрезвычайно важна и представляетъ драгоценный предметъ для изслѣдователя нашего прошедшаго; тутъ открывается нарисованная, хотя не ясно, на подобіе изображеній въ нашихъ старыхъ рукописяхъ, картина дѣтства великорусскаго народа. Тутъ можно видѣть первые ростки тѣхъ свойствъ, которыя составляли впоследствии источникъ его силы, доблестей и слабостей. Словно вы читаете дѣтство великаго человѣка и ловите, въ его ребячeskихъ движеніяхъ, начатки будущихъ подвиговъ.

Что отличаетъ народъ великорусскій въ его дѣтствѣ отъ народа Южной Руси и другихъ земель русскіхъ — это стремленіе дать прочность и формальность единству своей земли. Андрея избираютъ единымъ по всей землѣ, на всѣ города. У него нѣсколько братьевъ и два племянника; ихъ изгоняютъ, дозволяютъ оставаться только двумъ: одному, который по болѣзни не можетъ быть никакимъ дѣятельнымъ членомъ земли, и другому, который не показываетъ никакихъ властолюбивыхъ наклонностей. Изгнаніе братьевъ не дѣло единого Андрея, но дѣло цѣлой Земли. Лѣтопи-

сецъ края говорить, что тѣ же, которые поставили Андрея, тѣ же изгнали меньшихъ братьевъ. Это единство, къ которому явно стремились понятія, не могло однако сразу утвердиться и обратиться въ постоянный и привычный порядокъ; впоследствии земля снова имѣла разомъ нѣсколькихъ князей, но за то одинъ изъ нихъ былъ великій князь верховный всей земли. Вѣсть съ тѣмъ тогда уже является стремленіе подчинить своей землѣ другія Русскія земли. Такъ Муромская и Рязанская земли уже были подчинены съ своими князьями князю Ростовско-Суздальскому. Это не были личные желанія однихъ князей, — напротивъ: князья, принадлежа къ роду, котораго значеніе связано было съ единствомъ всей Русской федераціи, сами занимствовали въ Восточно-Русской мѣстности это мѣстное стремленіе. Изъ нѣсколькихъ чертъ, сохранныхъ лѣтописцемъ, при всей скупости послѣдняго на заявленіе народныхъ побужденій, видно, что князья въ дѣлахъ, обличавшихъ, по видимому, ихъ личное властолюбіе, дѣйствовали по внушенію народной воли, и то, что приписывалось ихъ самовластію, надобно будетъ приписать самовластнымъ склонностямъ тѣхъ, которые окружали князей. Когда Всеволодъ захотѣлъ отпустить пойманныхъ князей: своего племянника и Глѣба Рязанскаго, Владимірцы не допустили до этого и приговорили ослѣпить ихъ. Когда тотъ же Всеволодъ идетъ на Новгородъ и осаждаетъ Торжокъ, онъ расположенъ къ миру и не хочетъ разорять волости, но дружина его требуетъ этого: оскорбленіе князю она считаетъ оскорбленіемъ себя. *Мы не цѣловать ихъ пришли*, говорятъ Владимірцы пронпчески. Такимъ образомъ стремленіе подчинить Новгородъ и вражда съ Новгородомъ истекала не изъ княжескихъ, а изъ народныхъ побужденій, и оттого-то Новгородцы, отбивъ Суздальцевъ отъ стѣнъ своего города, скоро сходились съ Суздальскими князьями и, напротивъ, неистово мстили Суздальцамъ, продавая каждого Судальца по двѣ ногаты. Оттого съ такимъ ожесточеніемъ, съ такою надменностію ополчалась Суздальская земля противъ Новгородцевъ, вошедшихъ туда побѣдителями подъ знаменемъ Мстислава Удалаго. Нѣсколько разъ можно замѣтить, какъ во время нападеній князей Восточно-Русской Земли на Новгородъ прорывалась народная гордость этой земли, успѣвшая уже образовать предразсудокъ о превосходствѣ своего народа предъ Новгородцами и о правѣ своего первенства надъ ними. Элементы образованности, воспитанные на Кіевской почвѣ подъ православными попятіями, перешли въ Восточную Землю и тамъ приняли иного рода ростъ и явились въ иномъ образѣ. Вѣсто Кіева южнаго, явился на востокъ другой Кіевъ—Влади-



міръ; по всему видно, — существовала мысль создать его другимъ Кіевомъ, перенести старый Кіевъ на новое мѣсто. Тамъ явилась патрональная церковь святой Богородицы Златоверхой и Золотыя Ворота, явились названія кіевскихъ урочищъ: Печерскій городъ, рѣка Лыбедь. Но нельзя было стараго Кіева оторвать отъ днѣпровскихъ горъ; тѣ же отропки подъ сѣверо-восточнымъ небомъ, на чуждой почвѣ, выросли иначе, инымъ деревомъ, — другіе плоды принесли.

Старыя Славянскія понятія объ общественномъ строѣ признавали за источникъ общей народной правды волю народа, приговоръ вѣча, изъ кого-бы-то ни состоялъ этотъ народъ, какъ бы ни собиралось это вѣче, смотря по условіямъ; эти условія то расширяли, то суживали кругъ участвующихъ въ дѣлахъ, то давали вѣчу значеніе всенароднаго собранія, то ограничивали его толпою случайныхъ счастливцевъ въ игрѣ на общественномъ полѣ. При этомъ давно уже возникла и укоренилась въ понятіяхъ идея князя — правителя, третейскаго судьи, установителя порядка, охранителя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ безпокойствъ; между вѣчевымъ и княжескимъ началомъ само собою должно было возникнуть противорѣчіе, но это противорѣчіе улегалось и примирялось признаніемъ народной воли вѣча подъ правомъ князя.... Князь былъ необходимъ, но князь избирался и могъ быть изгнанъ, если не удовлетворялъ тѣмъ потребностямъ народа, для которыхъ былъ нуженъ, или же злоупотреблялъ свою власть и значеніе. Принципъ этотъ въ XI, XII и XIII вѣкахъ выработывается вездѣ: и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Ростовѣ и въ Галичѣ. Его явленіе сообразовалось съ различными историческими внутренними обстоятельствами и разными условіями, въ какія поставлены были судьбою русскія земли. Этотъ принципъ принималъ то болѣе единовластительнаго, то болѣе народо-правнаго духа; въ однихъ земляхъ князья выбирались постоянно изъ одной линіи и такимъ образомъ водвореніе ихъ приближалось къ наследственному праву, и если не совершенно образовалось послѣднее, то потому только, что не успѣло заглушиться выборное право, которое, по своему существу, умѣряло непреложность обычая; въ другихъ, — въ Новгородѣ, — при выборѣ князя народная воля не соблюдала вовсе никакихъ обычаевъ преемничества, кромѣ насущныхъ текущихъ условій края.

Въ Кіевѣ напрасно было бы искать какого нибудь опредѣленнаго права и порядка въ преемничествѣ князей. Существовала, правда, въ ихъ условіи, неясная идея старѣйшинства, но народное право избранія

стояло выше ея. Изяславъ Ярославичъ былъ изгнанъ Кіевлянами. Кіевляне избрали Полоцкаго князя, случайно спдѣвшаго въ Кіевской тюрьмѣ и ужъ ни по какому праву не ожидавшему такой чести. Изяславъ только съ помощію чужеземцевъ утвердился снова въ Кіевѣ. То былъ родъ чужеземнаго завоеванія и недаромъ, послѣ того, Поляки начали смотрѣть на Южную Русь, какъ на свою лену. Черезъ нѣсколько времени, едва только Кіевскій князь избавилъ и себя и Кіевлянъ, отъ пособниковъ, какъ былъ снова изгнанъ. Князь Черниговскій вступилъ на Княженіе Кіевское. Изяславъ опять долженъ былъ бѣжать. Хотя, по этому поводу, въ лѣтописи и не говорится объ участіи Кіевлянъ но само собою разумѣется, что оно было: съ одной стороны, не могли Кіевляне любить князя, который приводилъ на нихъ чужеземцевъ и отдавалъ на казнь тѣхъ, кого подозрѣвалъ въ нерасположеніи и верховодствѣ надъ народомъ въ минуту своего изгнанія, съ другой — и Святославъ не могъ бы водвориться въ Кіевѣ и свободно имъ править четыре года, если бы встрѣтилъ оппозицію въ народѣ. Въ дальнѣйшей исторіи нѣсколько разъ у лѣтописца упоминается прямо, что князя водворялись по избранію и также прогонялись; что вѣче считало за собою право судить ихъ, прогонять и казнить установленныя ими второстепенныя власти, а иногда и ихъ самихъ. Мономахъ былъ избранъ и, въ то же время, постигъ народный судъ приближенныхъ прежняго князя. Всеволодъ, желая передать княженіе брату Игорю, не могъ этого сдѣлать иначе, какъ испросивъ согласіе вѣча; тоже вѣче низвергло Игоря и призвало Изяслава Мстиславича, и потомъ убило Игоря. Изяславъ Давидовичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Изяславичъ, Романъ Ростиславичъ, Святославъ Всеволодовичъ, Романъ Мстиславичъ — обо всѣхъ этихъ князьяхъ есть черты, показывающія, что они были избраны волею Кіевлянъ. Мало по малу значеніе народа, руководящаго дѣлами, осталось за вопиющею толпою дружинъ, шакъ, составлявшихся изъ разныхъ удальцовъ; они-то возводили и низвергали князей, князья были какъ бы орудіемъ ихъ, и — какъ всегда бываетъ въ воинской державѣ — могли держаться только силою воли, умѣньемъ, а не значеніямъ, какое занимали въ своемъ родѣ.

Инородцы тюркскаго племени — Черные Клобуки, Торки, Берендѣи, играли здѣсь дѣятельную роль наравнѣ съ туземцами, такъ что масса, управлявшая дѣлами края, представляла неструю смѣсь племенъ. Таковъ былъ образъ быта Кіевской земли. Козачество уже возникло въ XII—XIII вѣкѣ. Въ Червонной Руси князья тоже избирались и

прогонялись. Князь до того былъ зависимъ отъ вѣча, что даже семейная его жизнь состояла подъ контролемъ Галичанъ. Въ Галицкой землѣ народная сила и значеніе сосредоточились въ рукахъ *боляръ*, — лицъ, которые силою обстоятельствъ выступали изъ массы и овладѣвали дѣлами края. Здѣсь уже прорывались начала того панства, которое, подъ Польскимъ владычествомъ, охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ее въ лицѣ Козаковъ. Читая исторію Южной Руси XII и XIII вѣка, можно видѣть юношескій возрастъ того общественнаго строя, который является въ возмужаломъ видѣ черезъ нѣсколько столѣтій. Развитіе личнаго произвола, свобода, неопредѣлительность формъ — были отличительными чертами южно-русскаго общества въ древніе періоды, и такъ оно явилось въ послѣдствіи. Съ этимъ вмѣстѣ соединялось непостоянство, недостатокъ ясной цѣли, порывчатость движенія, стремленіе къ созданію и какое-то разложеніе недосозданнаго, все, что неминуемо вытекало изъ перевѣса личности надъ общинностью. Южная Русь отнюдь не теряла чувства своего народнаго единства, но не думала его поддерживать: напротивъ, самъ народъ, по видимому, шелъ къ разложенію и все таки не могъ разложиться. Въ Южной Руси не видно ни малѣйшаго стремленія къ подчиненію чужихъ, къ ассимилированію инородцевъ, поселившихся между ея коренными жителями; въ ней происходили споры и драки болѣе за оскорбленную честь или за временную добычу, а не съ цѣлю утвердить прочное вѣковое господство. Только на короткое время, когда пришельцы Варяги дали толчекъ Полянамъ, послѣдніе дѣлаются какъ бы завоевателями народовъ: является идея присоединенія земель, потребность центра, къ которому бы эти земли тянули; но и тогда не видно ни малѣйшихъ попытокъ плотно прикрѣпить эти земля. Кіевъ никакъ не годился быть столицею централизованнаго государства; онъ не искалъ этого, онъ даже не могъ удержать первенства надъ федерацией, потому что не сумѣлъ организовать ее. Въ натурѣ южно-русской не было ничего насилующаго, нивелирующаго, не было политики, не было холодной расчитанности, твердости на пути къ предназначенной цѣли. Тоже самое является на отдаленномъ сѣверѣ, въ Новгородѣ; суровое небо мало измѣнило тамъ главныя основы южнаго характера, и только неблагодарность природы развила болѣе промышленнаго духа, но не образовала характера расчета и купеческой политики. Торговая дѣятельность соединялась тамъ съ тою же удалью, съ тою же неопредѣленностью цѣли и нетвердостью способовъ къ ея достиженію, какъ и воинственное удалство южныхъ шаекъ. Новгородъ былъ всегда родной братъ

юга. Политики у него не было; онъ не думалъ утвердить за собою своихъ обширныхъ владѣній и сплотить разнородныя племена, которыя ихъ населяли, и ввести прочную связь и подчиненность частей, установить соотношеніе слоевъ народа; строй его правленія былъ всегда подъ вліяніемъ неожиданныхъ побужденій личной свободы. Обстоятельства давали ему чрезмѣрно важное торговое значеніе, но онъ не изыскивалъ средствъ обращать въ свою пользу эти условія и упрочить выгоды торговли для автономіи своего политическаго тѣла; оттого онъ, въ торговомъ отношеніи, попалъ совершенно въ распоряженіе иностранцевъ. Въ Новгородѣ, какъ и на Югѣ, было много порывчатаго удалства, широкой отваги, поэтическаго увлеченія, но мало политической предприимчивости, еще менѣе выдержки. Часто горячо готовился онъ стоять за свои права, за свою свободу, но не умѣлъ соединить побужденій, стремившихся, повидимому, къ одной цѣли, но тотчасъ же расходившихся въ приложеніи; потому-то онъ всегда уступалъ политикѣ, отличавшаяся продуктами своей торговой дѣятельности и своихъ владѣній отъ покушеній Московскихъ князей даже и тогда, когда, казалось, могъ бы съ ними сладить; онъ не предпринималъ прочныхъ мѣръ къ поддержкѣ своего быта, которымъ дорожилъ, не шелъ впередъ, но и не стоялъ болотной водой, а вращался, кружился на одномъ мѣстѣ. Предъ глазами у него была цѣль, но неопредѣленная, и не сыскалъ онъ прямого пути къ ней. Онъ сознавалъ единство свое съ Русскою Землею, но не могъ сдѣлаться орудіемъ ея общаго единства; онъ хотѣлъ, въ тоже время, удержать въ этомъ единствѣ свою отдѣльность и не удержалъ ея. Новгородъ, — какъ и Южная Русь, — держался за федеративный строй даже тогда, когда противная буря уже сломила его недостроенное зданіе.

Точно такъ и Южная Русь сохраняла, въ теченіе вѣковъ, древнія понятія; перешла онѣ въ кровь и плоть послѣдней, безсознательно для самаго народа; и Южная Русь, облекшись въ форму Козачества, — форму, зародившуюся собственно въ древности, — искала той же федераціи въ соединеніи съ Московією, гдѣ уже давно не стало началъ этой древней федераціи.

Выше я замѣтилъ мимоходомъ, что Козачество началось въ XII—XIII вѣкѣ. Къ сожалѣнію, исторія Южной, Кіевской, Руси, какъ-будто проваливается послѣ Татаръ. Народная жизнь XIV и XV вѣковъ намъ мало извѣстна; но элементы, составлявшіе начало того, что явилось въ XVI вѣкѣ ощутительно, въ формѣ Козачества, не угасали, а развивались. Литовское владычество обновило одряхлѣвшій, разложившійся порядокъ,

такъ точно, какъ нѣкогда прибытіе Литовской Руси на берега Днѣпра обновило и поддержало упавшія силы, разложившіяся подъ напорами чуждыхъ народовъ. Но жизнь пошла по прежнему. Князьки не Рюрикова, но уже новаго, Гедиминова дома, обрусьвъ скоро, какъ и прежніе, стали, какъ эти прежніе, играть своею судьбою. До какой степени было здѣсь участіе народа, за скудностію источниковъ нельзя опредѣлительно сказать; несомнѣнно, что въ сущности было продолженіе прежняго: тѣ же дружины, тѣ же воинственные толпы помогали князькамъ, возводили ихъ, вооружали однихъ противъ другихъ. Соединеніе съ Польшею собрало живучіе элементы Руси и дало имъ другое направленіе: изъ неосѣдлыхъ правителей, предводителей шаекъ, оно сдѣлало поземельныхъ владѣтелей; является направленіе замѣнить правомъ личныя побужденія, оставляя въ сущности прежнюю ея свободу—соединить съ гражданскими понятіями и умѣрить необузданность личности. Народъ, до того времени вращавшійся въ омутѣ всеобщаго произвола, то поработанный сильными, то, въ свою очередь, сбрасывающій этихъ сильныхъ для того, чтобъ возвести другихъ, теперь подчиняется и поработается правильно, то есть, съ признаніемъ до нѣкоторой степени законности, справедливости такого поработанія. Но тутъ старорусскіе элементы, развитые, до извѣстной степени, еще въ XII вѣкѣ и долго крившіеся въ народѣ, выступаютъ блестящимъ метеоромъ въ формѣ Козачества. Но это козачество, какъ возрожденіе стараго, носитъ въ себѣ уже зародышъ разрушенія. Оно обращается къ тѣмъ идеямъ, которыя уже не находили пищи въ современномъ ходѣ историческихъ судебъ. Козачество XVI и XVII и удѣльность въ XII и XIII вѣкѣ гораздо болѣе сходны между собою, чѣмъ сколько можно предположить: если черты сходства внѣшняго слабы въ сравненіи съ чертами внѣшняго несходства, за то существенно внутреннее сходство. Козачество тоже разнороднаго типа, какъ древнія кievскія дружины; также въ немъ есть примѣсь тюркскаго элемента, также въ немъ господствуетъ личный произволъ, тоже стремленіе къ извѣстной цѣли, само себя парализующее и уничтожающее, та же неопредѣлительность, то же непостоянство, то же возведеніе и низложеніе предводителей, тѣ же драки во имя ихъ. Можетъ быть важнымъ покажется то, что въ древности обращалось вниманіе на родъ предводителей, ихъ происхожденіе служило правомъ, а въ козачествѣ, напротивъ, предводители избиралпсь изъ равныхъ. Но скоро уже козачество доходило до прежняго удѣльнаго порядка и конечно бы дошло, еслибы случайныя обстоятельства, чисто мимо всякихъ предполагавшихся законовъ поворачивающія ходъ жизненнаго теченія, не помѣ-

шлая этому. Когда Хмельницкій успѣлъ заслужить славу и честь у козацкой братіи, она возводила въ предводителя его сына, вовсе неспособнаго по личнымъ качествамъ. Выборы гетмановъ долго вращались около лицъ, соединенныхъ родствомъ съ Хмельницкимъ, и только прекращеніе его рода было поводомъ, что родовое княжеское начало древней удѣльности не воскресло снова.

На востокѣ, напротивъ, личная свобода съуживалась и, наконецъ, уничтожилась. Вѣчевое начало нѣкогда и тамъ существовало и проявлялось. Избраніе князей также было господствующимъ способомъ установленія власти, но тамъ понятіе объ общественномъ порядкѣ дало себѣ прочный залогъ твердости, а на помощь подоспѣли православныя идеи. Въ этомъ дѣлѣ какъ нельзя болѣе высказывается различіе племенъ. Православіе было у насъ единою и пришло къ намъ чрезъ однихъ лицъ, изъ одного источника; классъ духовный составлялъ одну корпорацію, независимую отъ мѣстныхъ особенностей политическаго порядка: церковь уравнивала различія; и если что, то — именно истекавшее изъ церковной сферы должно было приниматься одинаково во всемъ русскомъ мірѣ. Не то, однако, вышло на дѣлѣ. Православіе внесло къ намъ идею монархизма, освященіе власти свыше, окружило понятія о ней лучами верховнаго міроуправленія; православіе указало, что въ нашемъ земномъ жизненномъ теченіи есть Промыслъ, руководящій нашими поступками, указывающій намъ будущность за гробомъ; породило мысль, что событія совершаются около насъ то съ благословенія Божія, то навлекаютъ на насъ гнѣвъ Божій; православіе заставило обращаться къ Богу при началѣ предпріятія и приписывать успѣхъ Божию изволенію. Такимъ образомъ не только въ непонятныхъ, необыкновенныхъ событіяхъ, но и въ обычныхъ, совершающихся въ кругѣ общественной дѣятельности, можно было видѣть чудо. Все это внесено было повсюду, повсюду принялось до извѣстной степени, примѣнилось къ историческому ходу, но нигдѣ не побѣдило до такой степени противоположныхъ старыхъ понятій, нигдѣ не выразилось съ такою приложимостью къ практической жизни, какъ въ Восточной Руси. При своей всеобщности, православіе давало однако нѣсколько простора и мѣстнымъ интересамъ: оно допускало мѣстную святыню, которая не переставала быть всеобщей, но оказывала свое покровительство особенно одной мѣстности. Такъ, во всѣхъ земляхъ русскихъ возникли патрональные храмы, въ Кіевѣ—Десятинная Богородица и Софія, въ Новгородѣ и Полоцкѣ—святая Софія, въ Черниговѣ и Твери—святый Спасъ, и такъ далѣе; вездѣ вѣрили въ благословеніе на весь край, исходящее изъ такого главнаго храма. Андрей во Вла-

димирѣ построилъ церковь святой Богородицы златоверхую, помѣстивъ тамъ чудотворную икону, похищенную имъ изъ Вышгорода. Нигдѣ до такой степени святыня патрональнаго храма не являлась съ плодотворнымъ чудодѣйствующимъ значеніемъ, какъ тамъ. Въ лѣтописи Суздальской земли, каждая побѣда, каждый успѣхъ, чуть не каждое скольконибудь замѣчательное событіе, случавшееся въ краѣ, называется чудомъ этой Богородицы (сотвори чудо святая Богородица Владимірская).

Идея высшаго управленія событіями доходитъ до освященія успѣха самого по себѣ. Предпріятіе удается, слѣдовательно — оно благословляется Богомъ, слѣдовательно оно хорошо. Возникаетъ споръ между старыми городами Ростовско-Суздальской земли и новымъ — Владиміромъ. Владиміръ успѣлъ въ спорѣ; онъ беретъ перевѣсъ: это — чудо пресвятой Богородицы. Замѣчательно мѣсто въ лѣтописи, когда послѣ признанія, что Ростовцы и Суздальцы, какъ старѣйшіе, дѣйствительно поступали по праву (*хотяже свою правду поставити*), послѣ того какъ дѣло этихъ городовъ подводится подъ обычай всѣхъ земель русскихъ, лѣтописецъ говоритъ, что противясь Владиміру, они не хотѣли правды Божіей (*не хотяху створити правды божіа*) и противились Богородицѣ. Тѣ города хотѣли поставить своихъ избранныхъ землею князей, а Владиміръ поставилъ противъ нихъ Михаила, и лѣтописецъ говоритъ, что *сво же Михаила избра святая Богородица*. Такимъ образомъ Владиміръ требуетъ себѣ первенства въ Землѣ, на томъ основаніи, что въ немъ находилась святыня, которая творила чудеса и руководила успѣхомъ. Володимирцы, — разсуждаетъ тотъ же лѣтописецъ, — прославлены Богомъ по всей Землѣ, за ихъ правду Богъ имъ помогаетъ; при этомъ лѣтописецъ объясняетъ, почему Володимирцы такъ счастливы: *сложже бо человекъ проситъ у Бога всѣмъ сердцемъ, то Богъ его не лишитъ*. Такимъ образомъ, вмѣсто права общественнаго, вмѣсто обычая, освященнаго временемъ, является право предпріятія съ молитвою и божіа соизволенія на успѣхъ предпріятія. Съ виду покажется, что здѣсь крайній мистицизмъ и отклоненіе отъ практической дѣятельности, но это только кажется: въ самой сущности здѣсь полнѣйшая практичность, здѣсь открывается путь къ устраненію всякаго страха предъ тѣмъ, что колеблетъ волю, здѣсь полный просторъ воли; здѣсь и надежда на свою силу, здѣсь умѣнье пользоваться обстоятельствами. Владиміръ, въ противность старымъ обычаямъ, древнему порядку земли, дѣлается верховнымъ городомъ, потому что Богородица покровительствуетъ ему, а ея покровительство видно изъ того, что онъ успѣваетъ. Онъ пользуется об-

стоятельствами; тогда какъ его противники держатся боярствомъ, избраннымъ высшимъ классомъ, Владиміръ поднимаетъ знамя массы, народа, слабыхъ противъ сильныхъ; князя, избранные имъ, являются защитниками правосудія въ пользу слабыхъ. О Всеволодѣ Юрьевичѣ летописецъ говоритъ: «судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обвиняя лице сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и работающихъ сироты и наслѣдъ творящихъ». Въѣздъ съ тѣмъ, право избранія, вѣчевое начало принимаетъ самый широкій размѣръ и тѣмъ подрываетъ и уничтожаетъ само себя. Князя Всеволода Юрьевича избираютъ Владиміры на вѣчъ предъ своими Золотыми воротами не одного, но и дѣтей его. Такимъ образомъ вѣчевое право считаетъ возможнымъ простирать свои приговоры не только на живыхъ, но и на потомство, устанавливая твердый, прочный порядокъ на долгое время, если не навсегда, до перваго ума, который возможетъ найти иной поворотъ по новому пути и повести къ своей новой цѣли, возводя по прежнему въ апотеозъ успѣхъ предпріятія, освящая его благословеніемъ божіимъ.

Наконецъ самое возвышеніе новаго города Владиміра здѣсь имѣетъ свой особенный смыслъ и отпечатлѣвается характеромъ великороссійскимъ. Извѣстно, какъ ученые придавали у насъ значенія новымъ городамъ именно потому, что они новые. По нашему мнѣнію, новостъ городовъ, сама по себѣ, еще ничего не значитъ. Возвышеніе новыхъ городовъ не могло родить новыхъ понятій, выработать новаго порядка болѣе того, сколько бы все это могло произойти и въ старыхъ. Новые города населялись изъ старыхъ, слѣдовательно новопоселенцы невольно приносили съ собой тѣ понятія, тѣ воззрѣнія, какія образовались у нихъ въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Это въ особенностяхъ должно было произойти въ Россіи, гдѣ новые города не теряли связи со старыми. Если новый городъ хочетъ быть независимымъ, освободиться отъ власти стараго города, то все таки онъ по одному этому будетъ искать сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ старый, не болѣе. Для того, чтобы новый городъ зародилъ и воспиталъ въ себѣ новый порядокъ, нужно, чтобы или переселенцы изъ стараго, положившіе основаніе новому, вышли изъ прежняго вслѣдствіе какихъ нибудь такихъ движеній, которыя были противны массѣ стараго города, или чтобы они на новосельѣ отрѣзаны были отъ прикосновенія со старымъ порядкомъ и поставлены въ условія, способствующія развитію новаго. Переселенцы, какъ бы далеко они ни отбились отъ прежнихъ жилищъ, удерживаютъ старый бытъ и старыя коренныя понятія сколько возможно, на сколько не стираютъ ихъ новыя условія; на-



мѣняютъ ихъ только въслѣдствіе неизбѣжности, при совершенной песо-  
вѣстности ихъ съ новосельемъ, и притомъ измѣняютъ не скоро: всегда  
съ усиліями что нибудь оставить изъ стараго. Малороссіяне двигались въ  
своей колонизаціи на востокъ, дошли уже за Волгу и все таки они въ  
сущности тѣже Малороссіяне, что въ Киевской губерніи, и если получи-  
ли что-нибудь особенное въ словѣ и понятіяхъ и въ своей физиогноміи,  
то это произошло отъ условій, съ которыми судьба судила имъ сжиться  
на новомъ мѣстѣ, а не потому единственно, что они переселенцы. Тоже  
надобно сказать о Сибирскихъ Русскихъ переселенцахъ: они все Рус-  
скіе, и отличія ихъ зависятъ отъ тѣхъ неизбѣжныхъ причинъ, которыя  
понуждаютъ ихъ нѣсколько измѣниться, примѣняя условія климата,  
почвы, произведеній и сосѣдства въ свою пользу. Новые города въ древ-  
ней Россіи, возникая на разстояніи какихъ нибудь десятковъ верстъ  
отъ старыхъ, какъ Владиміръ отъ Суздаля и Ростова, не могли, по-  
видимому, имѣть даже важныхъ географическихъ условій для разви-  
тія въ себѣ чего-нибудь совершенно новаго. Даже и тогда, когда новый  
городъ отстоялъ отъ стараго на сотни верстъ, главные однакожъ при на-  
ки географіи условливали ихъ сходство.

Въ XII вѣкѣ Владиміръ въ исторической жизни является зерномъ Ве-  
ликороссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ Русскаго единодержавнаго государства;—  
тѣ начала, которыя развили въ послѣдствіи цѣлость русскаго міра,  
составили въ зародышѣ отличительные черты этого города, его силу и  
прочность. Сплоченіе частей, стремленіе къ присоединенію другихъ зе-  
мель, предпринятое подъ знаменемъ религіи, успѣхъ, освящаемый идеею  
божія соизволенія, опора на массу, покорную силѣ, когда послѣдняя про-  
тягиваетъ къ ней руку, чтобъ ее охранять, пока нуждается въ ней, а  
въ послѣдствіи отдача народнаго права въ руки своихъ избранныхъ — все  
это представляется въ образѣ молодого побѣга, который выросъ огром-  
нымъ деревомъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ событій, давшихъ сообраз-  
ный способъ его возрастанію. Татарское завоеваніе помогло ему. Безъ не-  
го, при вліяніи старыхъ началъ личной свободы, господствовавшихъ  
въ другихъ земляхъ, свойства восточной русской природы произвели бы  
иныя явленія, но завоеватели дали новую цѣль соединенія раздѣлен-  
нымъ землямъ Руси.

Монголы не насилывали народнаго самоуправленія систематически и  
сознательно. Политическая ихъ образованность не достигла стремленія  
къ сплоченію массъ и централизаціи покоренныхъ частей. Побѣда зна-  
меновалась для нихъ двумя способами: всеобщимъ разореніемъ и собира-

нiемъ дани. И то и другое потерпѣла Россiя. Но для собиранiя дани необходимо было одно довѣренное лицо на всю Русь, одинъ приказчикъ хана: это единое лицо, этотъ приказчикъ приготовленъ былъ русскою исторiею заранѣе въ особѣ великаго князя, главы князей, и, слѣдовательно, управленiя землями. И вотъ, глава федерацiи сталъ довѣреннымъ лицомъ новаго господина. Право старѣйшинства и происхожденiя и право избранiя, равнымъ образомъ—должны были подчиниться другому праву—волѣ государя всѣхъ земель, государя законнаго, ибо завоеванiе есть фактической законъ выше всякихъ правъ, не подлежащiй разсужденiю. Но ничего не было естественнѣе, какъ возникнуть этому ханскому приказчику въ той землѣ, гдѣ существовали готовые сѣмена, которыя оставалось только поливать, чтобъ они созрѣли.

Знамя успѣха подъ покровительствомъ благословенiя Божiя поднято въ Москвѣ, на другомъ новоселѣ, также точно, тѣмъ же порядкомъ, какъ оно прежде было поднято во Владимiрѣ. Пригородъ опять перевысилъ старшiй городъ и опять помогаетъ здѣсь церковь, какъ помогала она во Владимiрѣ. Надъ Москвою почiетъ благословенiе церкви: туда переѣзжаетъ митрополитъ Петръ; святой мужъ своими руками приготовляетъ себѣ тамъ могилу, долженствующую стать исторической святынею мѣстности; строится другой храмъ Богородицы, и вмѣсто права, освященнаго стариною, вмѣсто народнаго сознанiя, парализованнаго теперь произволомъ завоеванiя, беретъ верхъ и торжествуетъ идея Божiя соизволенiя къ успѣху. Здѣсь не мѣсто разрѣшать вопросъ важный: какiя именно условiя способствовали возвышенiю Москвы предъ Владимiромъ; этотъ вопросъ относится уже спеціально къ исторiи Великороссiи, а у насъ идетъ дѣло единственно только о противоположности общихъ началъ въ народностяхъ. Замѣтимъ, однако, что Москва, точно какъ древнiй Римъ, имѣла сбродное населенiе и долго поддерживалась новыми приливами жителей съ разныхъ концовъ Русскаго мiра. Въ особенности это можно замѣтить о высшемъ слоѣ народа, — боярахъ и въ то время многочисленныхъ дружинахъ. Они получали отъ великихъ князей земли въ Московской Землѣ, слѣдовательно та же смѣсь населенiя касалась не только города, но и земли, которая тянула къ нему непосредственно. При такой смѣси, различныя старыя начала, принесенныя переселенцами изъ прежнихъ мѣстъ жительства, сталкиваясь между собою на новоселѣ, естественно должны были произвести что-то новое, своеобразное, не похожее въ особенности ни на что, изъ чего оно составилось. Новгородецъ, Суздалецъ, Полочанинъ, Кiевлянинъ, Волынецъ, приходили въ Москву,

каждый со своими понятіями, съ преданіями своей мѣстной родины, общали ихъ другъ другу; но онѣ уже переставали быть тѣмъ, чѣмъ были и у перваго, и у втораго, и у третьяго, а стали тѣмъ, чѣмъ не были онѣ у каждого изъ нихъ въ отдѣльности. — Такое смѣшанное населеніе всегда скорѣе показываетъ склонность къ расширенію своей территоріи, къ пріобрѣтательности на чужой счетъ, къ поглощенію сосѣдей, къ хитрой политикѣ, къ завоеванію, и, положивъ зародышъ у себя въ тѣсной сферѣ, даетъ ему возрасти въ болѣе широкой, — той сферѣ дѣятельности, которая возникнетъ вполнѣ въ результатѣ расширенія предѣловъ. Такъ Римъ, бывши сначала сброднымъ мѣстомъ бѣглецовъ изъ всѣхъ краевъ разнородной Италіи, воспиталъ въ себѣ самобытное, хотя составленное изъ многого, но не похожее въ сущности на то или другое изъ этого многого, политическое тѣло съ характеромъ стремленія — расширяться болѣе и болѣе, покорять чужое, поглощать у себя разнородное, поработать то силою оружія, то силою коварства. Римъ сталъ насильственно главою Италіи и вполнѣ въ результатѣ всю Италію сдѣлалъ Римомъ. Москва, относительно Россіи, имѣетъ много аналогіи съ Римомъ, по отношенію послѣдняго къ Италіи. Разительнымъ сходствомъ представляется вѣрнѣйшее средство, употребляемое одинаково и Римомъ и Москвою для соединенія первымъ — Италіи, второю — Россіи въ единое тѣло: это переселеніе жителей городовъ и даже цѣлыхъ волостей и размѣщеніе на покоренныхъ земляхъ военнаго сословія, долженствующаго служить орудіемъ ассимилированія мѣстныхъ народностей и сплоченія частей во едино. Такую политику показала рѣзко Москва при Иванѣ III и Василѣ, его сынѣ, когда изъ Новгорода и его волости, изъ Пскова, изъ Вятки, изъ Рязани выводились жители и разводились по разнымъ другимъ Русскимъ землямъ, а изъ другихъ переводимы были служилые люди и получали земли, оставшіяся послѣ тѣхъ, которые подверглись экспроприаціи. Москва возникла изъ смѣшенія Руско-славянскихъ народностей, и въ эпоху своего возрастанія поддерживала свое тѣло такимъ же народосмѣшеніемъ. Вѣроятно, подобной смѣси населенія одолженъ былъ нѣкогда Владиміръ и своимъ появленіемъ и особеннымъ направленіемъ, хотя, по скудости источниковъ, о Владимірѣ мы ограничиваемся однимъ предположеніемъ того, что о Москвѣ можно сказать съ большимъ правомъ исторической достовѣрности. Ихъ направленіе было сходно. Москва ли взяла верхъ, или другой городъ — все равно, это совершилось по одному и тому же принципу. Какъ нѣкогда Владиміръ стремился подчинять Муромскую и Рязанскую земли и первенствовать надъ дру-

гми землями Русь, такъ теперь Москва, по тому же пути, подчиняетъ себѣ земли и княжества, и не только подчиняетъ, но уже и поглощаетъ ихъ. Влади́миру невозможно было достигнуть до того, до чего достигла Москва; тогда еще живучи были вѣчевыя и федеративныя начала; теперь, подъ вліяніемъ завоеванія и развитія въ народномъ духѣ уничижающихъ ихъ противоположныхъ началъ, — первые задушены страхомъ вознесенной власти, вторые ослабли вслѣдъ за первыми. Князья все болѣе и болѣе переставали зависть отъ избранія и не стали, вслѣдствіе этого, переходить съ мѣста на мѣсто; утверждались на однихъ мѣстахъ, начали смотрѣть на себя какъ на владѣтелей, а не какъ на правителей, стали прикрѣпляться, такъ-сказать, къ землѣ и тѣмъ самымъ содѣйствовать прикрѣпленію народа къ землѣ. Москва, поработая ихъ и подчиняя себѣ, тѣмъ самымъ возражала идею общаго отечества, только уже въ другой формѣ, не въ прежней федеративной, а въ единой державной. Такъ составила монархія Московская; такъ изъ нея образовалось государственное русское тѣло. Ея гражданственная стихія есть общинность, поглощеніе личности, такъ какъ въ южно-русскомъ элементѣ, какъ на югѣ, такъ и въ Новгородѣ, развитіе личности врывалось въ общинное начало и не давало ему сформироваться.

Съ церковью случилось въ велико-русскомъ мірѣ обратное тому, что было въ южно-русскомъ. Въ южнорусскомъ, хотя она имѣла нравственное могущество, но не довела своей силы до того, чтобы бездоказательно освящать успѣхъ факта; на востокѣ она необходимо, въ лицѣ своихъ представителей — духовныхъ сановниковъ, должна была сдѣлаться органомъ верховнаго конечнаго суда; ибо для того, чтобы дѣло приняло характеръ Божія соизволенія, необходимо было признаніе его такимъ отъ тѣхъ, кто обладалъ правомъ рѣшать это. Поэтому церковныя власти на востокѣ стояли несравненно выше надъ массою и имѣли гораздо болѣе возможности дѣйствовать самовластно. Уже въ XII вѣкѣ, именно во время дѣтства Великороссіи, встрѣчаемъ тамъ епископа Феодора, который, добываясь прознанія независимости своей епархіи, дѣлалъ разныя варварства и насилія. (Много бо пострадаша челоуѣци отъ него въ державнѣ его, и сель изнебывши и оружя и конь; друзи же и работъ добыша, заточеня же и грабленя не токмо простцемъ, но и мнѣхомъ, игуменомъ и ерѣемъ; безжалостивъ сынъ мучитель, другимъ челоуѣкомъ головы порѣзывать и бороды, инымъ же очи выжнгая и языкъ урѣзая, а пныя распная на стѣнѣ и мучи немилостивѣ, хотя нехитлти отъ всѣхъ имѣнне; имѣнныя бо бѣ насытъ яку адъ). Къ сожалѣнію, для насъ остается неиз-

вѣстнымъ, какими средствами и при какихъ условіяхъ достигъ епископъ возможности такъ поступать; но безъ сомнѣнія, онъ опирался здѣсь на свѣтскую власть Андрея Боголюбскаго, которой для освященія своихъ предпріятій нуждался въ особомъ независимомъ верховномъ сановникѣ церковномъ Владимірской земли, отдѣльно отъ Кіевской митрополіи, и сильно домогался, чтобъ Патріархъ учредилъ независимаго епископа. Свѣтская власть опиралась на духовную, духовная — на свѣтскую. Въ то время невозможно было юнымъ началамъ, еще не окрѣпшимъ, часто не уступать старымъ, не потерявшимъ еще своей живучести; и потому Θεодоръ расплатился въ Кіевѣ за свою гордыню, какъ выдавшій его головою князь, чрезъ нѣсколько лѣтъ, тоже расплатился въ Боголюбовѣ. Ростовъ былъ, въ глазахъ Андрея и Θεодора, что-то другое, отличное отъ Владиміра, ибо Андрей дѣлаетъ епископа независимымъ отъ Ростова. Патріархъ на это не согласился, но посвятилъ Θεодора во епископы Ростову, предоставивъ ему жить во Владимірѣ. Вѣроятно злодѣянія, которыя допускалъ себѣ Θεодоръ, были вызваны оппозиціею, встрѣченною имъ въ Ростовѣ противъ своихъ намѣреній возвыситься во Владимірѣ и въ церковномъ отношеніи, какъ онъ возвысился надъ Ростовомъ въ мірскомъ. Но видно, исполняя сначала волю Андрея, Θεодоръ видно уже слишкомъ хотѣлъ показать, какъ важна власть епископа для самаго князя. Андрей предалъ его на погибель. Свѣтская власть князя, освящаемая духовною, не допускаетъ однако послѣдней подчинить себя, и коль скоро послѣдняя вступаетъ въ борьбу, даетъ ей ударъ. Такъ совершалось и впоследствии въ теченіи всей исторіи Великороссіи. Духовенство поддерживало князей въ ихъ стремленіи къ единовластію; князья также ласкали духовенство и содѣйствовали ему сильно; но при каждомъ случаѣ, когда духовная власть переставала итти рука объ руку съ единодержавною свѣтскою, послѣдняя сейчасъ давала почувствовать духовной власти, что свѣтская необходима. Это взаимное противовѣсіе вело такъ успѣшно къ дѣлу. Власть свѣтская, подчинившись духовной, допустивши теократическій принципъ, не могла бы итти прямымъ путемъ, не могла бы пріобрѣтать освященія своимъ предпріятіямъ; тогда родились бы сами собою права, которыя бы ее связывали. Но коль скоро духовная пользовалась могуществомъ, которое однако всегда могла отъ ней отнять свѣтская, тогда, для поддержанія себя, духовная должна, была итти рядомъ со свѣтскою и вести ее къ той цѣли, какую избираетъ послѣдняя. Поэтому, въ исторіи Великороссіи мы видимъ неоднократные примѣры, какъ первопрестольники церкви потворствовали свѣтскимъ монархамъ и

освящали ихъ дѣла, даже совершенно противныя уставамъ церкви. Такъ митрополитъ Данилъ одобрилъ разводъ Василія съ Соломонією и заключеніе бѣдной великой княгини; а Іоанну IV разрѣшило духовенство четвертый бракъ, которымъ церковь издавна гнушалась. Съ другой стороны видимъ примѣры, какъ оппозиція духовной власти противъ государей была неудачна. Митрополитъ Филиппъ заплатилъ жизнь за обличеніе душегубствъ и кощунствъ того же Іоанна Грознаго; а царь Алексѣй Михайловичъ не затруднился пожертвовать любимцемъ Никономъ, когда тотъ поднялъ слишкомъ независимо голову, защищая самобытность и достоинство правителя церкви. За то при обоюдномъ согласіи властей, когда какъ свѣтская не требовала отъ духовной признанія явно противнаго церкви, такъ духовная не думала стать выше свѣтской, церковь фактически обладала всею жизнью — и политической и общественной, и власть была могущественна потому, что принимала посвященіе отъ церкви. Такъ-то философія Великорусская, сознавъ необходимость общественаго единства и практическаго жертвованія личностью, какъ условіемъ всякаго общаго дѣла, довѣрила волю народа волѣ своихъ избранныхъ, предоставила освященіе успѣха высшему выраженію мудрости, и такъ дошла она въ свое время до формулы: Богъ да царь во всемъ! знаменующей крайнее торжество господства общности надъ личностью.

Въ тотъ отдаленный отъ насъ періодъ, который мы назвали дѣтствомъ Великороссіи, въ религіозности великорусской является свойство, составляющее ея отличительную черту, и впоследствии — въ противорѣчій съ тѣмъ складомъ, какой религіозность пріобрѣла въ южнорусской стихіи. Это обращеніе къ обрядамъ, къ формуламъ, сосредоточенность во внѣшности. Такимъ образомъ, на сѣверовостокѣ поднимается толкъ о томъ, можно ли ѣсть въ праздники мясо и молочное. Это — толкъ, принадлежащій къ разряду множества расколовъ, существующихъ и въ наше время и опирающихся только на внѣшности.

На югѣ, въ древности, мы встрѣчаемъ два не вполне извѣстныхъ намъ уклоненія отъ православія, но не въ томъ духѣ, именно — Адріана и Димитрія: они касались существенныхъ уставовъ церкви и мнѣнія ихъ относились къ кругу ересей, то есть такихъ несправедливыхъ мнѣній; которыя, во всякомъ случаѣ, возникали отъ умственной работы надъ духовными вопросами; въ этомъ отношеніи, южнорусское племя и впоследствии не отличалось спорами о внѣшности, которыми такъ богатъ сѣверъ. Извѣстно, что въ теченіи самыхъ вѣковъ, какъ и теперь, у Малороссіянъ расколовъ и споровъ объ обрядахъ не было. На сѣверѣ, въ

Новгородѣ и Псковѣ, состязательство о вѣрности хотя коснулось умственнаго движенія въ духовныхъ вопросахъ въ извѣстномъ толкѣ о *сузубомъ аллилуйя* и въ Новгородскомъ спорѣ о томъ, какъ слѣдуетъ произносить: *господи помилуй*, или: *о господи помилуй*, — но едва ли такіе толки въ древности дѣйствительно занимали умы на сѣверѣ, — ибо обстоятельства спора объ аллилуйяхъ, извѣстныя изъ житія Евросина, еще подвержены сомнѣнію, такъ что многіе считаютъ это сочиненіе, дошедшее до насъ не въ современныхъ спискахъ, составленнымъ, или по крайней мѣрѣ передѣланнымъ раскольниками, старавшимся придать всевозможнѣйшую важность этому вопросу, который, какъ извѣстно, былъ одинъ изъ главныхъ, возбуждавшихъ старообрядство къ отпаденію отъ господствующаго гѣла русской церкви. Притомъ же въ самой повѣсти о Евросинѣ изображается, что Псковѣ держался *трезубой*, а не *сузубой аллилуйя!*

Распространеннѣе и знаменательнѣе было другое еретическое умственное броженіе на сѣверѣ, проявившееся первый разъ въ Стригольникахъ, въ продолженіи вѣка тѣвшее въ умахъ и потомъ разразившееся смѣсью различныхъ толковъ, сгруппированныхъ Іосифомъ Волоцкимъ, въ его «Провѣдителя» около жидовствующей ереси. Это броженіе, чисто Новгородскаго пошиба, перешло потомъ во всю Русь и долго подымалось въ различныхъ формахъ оппозиціею противъ авторитета мѣстныхъ. Мы не скажемъ однако, чтобъ такое реформационное направленіе имѣло большой успѣхъ въ Новгородскомъ и Псковскомъ мѣрѣ; оно только показываетъ, что племя южнорусское, въ своихъ уклоненіяхъ отъ церкви, слѣдовало иному пути, чѣмъ великорусское. Въ южной Руси, послѣ мимоходныхъ явленій въ XI и XII вѣкѣ, не встрѣчается попытокъ къ оппозиціи противъ авторитета церковной науки, и только въ XVI вѣкѣ стало было кружить арианство, когда Симонъ Будный распустилъ свой катихизисъ на южнорусскомъ языкѣ и, по свидѣтельству униатовъ, нѣкоторые священники, до невѣжеству, не только не опровергали его, но, не подозревая въ немъ ереси, еще и похваляли. Въ массѣ народа это явленіе не имѣло успѣха.

Единственное уклоненіе отъ православія, увлекавшее до извѣстной степени народъ, была унія съ римско-католическою церковью, но извѣстно, что она вводима была интригами и насиліемъ, при благопріятствующей помощи привлеченнаго къ католичеству дворянства; но въ народѣ нашла противъ себя упорную и кровавую оппозицію. Бѣлорусское племя, вообще болѣе кроткой и податливой природы, сильнѣе подчинялось гнетущимъ обстоятельствамъ и болѣе показало наклонность, если не принять

унію добровольно, то по крайней мѣрѣ допустить ее, когда нельзя было не допустить ее иначе, какъ энергическимъ противодѣйствіемъ. Но въ южной Руси было не то. Тамъ народъ, чувствуя насиліе совѣсти, поднялся огромнымъ пластомъ на защиту своей старины и свободы убѣжденія, и въ послѣднее время, даже прінявъ унію, гораздо охотнѣе отъ нея отсталъ, чѣмъ Бѣлоруссы. Такъ южнорусское племя, не давая духовенству права безусловнаго освященія факта, въ самой сущности пребыло вѣрнѣе самой церкви, чѣмъ великорусское, обнимая болѣе ея духъ, чѣмъ форму. Въ настоящее время расколъ изъ-за формы, обрядности, буквы, не мыслимъ въ южнорусскомъ народѣ; съ этимъ всякъ согласится, кто сколько нибудь знаетъ этотъ народъ и присмотрѣлся къ его жизни и прислушался къ его кореннымъ понятіямъ.

Мы видѣли, какъ еще въ своемъ дѣтствѣ великорусская стихія, централизируясь во Владимирѣ, а потомъ въ эпоху юности — въ Москвѣ, показывала направленіе къ присоединенію, къ подчиненію и къ поглощенію самобытности частей. Въ религіозно-умственной сферѣ отразилось тоже. Образовалась нетерпимость къ чужимъ вѣрамъ, презрѣніе къ чужимъ народностямъ, высокомѣрное мнѣніе о себѣ. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе Москвитину въ XV, XVI, XVII столѣтіяхъ, одногласно говорятъ, что Москвитяне презираютъ чужія вѣры и народности; сами цари, которые въ этомъ отношеніи стояли впереди массы, омывали свои руки послѣ прикосновенія иноземныхъ пословъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Нѣмцы, допущенные жить въ Москвѣ, подвергались презрѣнію отъ Русскихъ; духовенство вопіяло противъ общенія съ ними; патріархъ, неосторожно благословивши ихъ, требовалъ, чтобъ они отличались порѣзче отъ православныхъ наружнымъ видомъ, чтобъ впередъ не получить нечаянно благословенія. Латинская и лютерская, армянская и другая всякая вѣра, чуть только отличная отъ православной, считались у великоруссовъ проклятою. Русскіе Московскіе считали себя единственнымъ избраннымъ народомъ въ вѣрѣ, и даже не вполне были расположены къ единовѣрнымъ народамъ — къ Грекамъ и Малороссіянамъ: чуть только что нибудь было несходно съ ихъ народностію, то заслуживало презрѣнія, считалось ересью; на все не-свое они смотрѣли свысока.

Образованію такого взгляда неизбежно способствовало татарское пораженіе. Долгое униженіе подъ властію чужевѣрцевъ и иноплеменниковъ выразилось теперь высокомѣріемъ и униженіемъ другихъ. Освобожденный рабъ способнѣе всего отличать надменностію. Это-то и вынудило тѣ крутыя мѣры, то увлеченіе иноземщиною, которое со времени



Петра является въ видѣ реформы. Крайность, естественно, вызываетъ противную крайность.

Въ южнорусскомъ племени этого не было. Издавна Кіевъ, потомъ Владиміръ Волыскій, были сборнымъ пунктомъ мѣстопребыванія иноземцевъ разныхъ вѣръ и племенъ. Южноруссы съ незапамятныхъ временъ привыкли слышать у себя чуждую рѣчь и не дичатся людей съ другимъ обличьемъ и съ другими наклонностями. Уже въ X вѣкѣ, и вѣроятно древнѣе, изъ южной Руси ходили въ Грецію, одни занимались промыслами въ чужой землѣ, другіе служили въ войскѣ чужихъ государей. Послѣ принятія крещенія, перенесенная въ Южную Русь юная христіанская цивилизація привлекала туда еще болѣе чужеземной стихіи изъ разныхъ концовъ. Южноруссы, получивши новую вѣру отъ Грековъ, не усвоили образовавшейся въ Греціи непріязни къ западной церкви; архипастыри, будучи сами чужими, старались пересадить ее на дѣвственную почву, но не слишкомъ успѣвали: въ воображеніи южнорусскомъ католикъ не принималъ враждебнаго образа. Особы княжескаго рода сочетались бракомъ съ особами владѣтельныхъ домовъ католическаго исповѣданія; то же, вѣроятно, дѣлалось и въ народѣ. Въ городахъ южнорусскихъ Греки, Армяне, Жиды, Нѣмцы, Поляки, Угры, находили вольный пріютъ, ладили съ туземцами: Поляки, забравшись въ Кіевскую землю въ качествѣ пособниковъ князя Изяслава, плѣнились веселостью жизни въ чужой землѣ. Этотъ духъ терпимости, отсутствіе національнаго высокомерія, перешелъ въ послѣдствіи въ характеръ козачества и остался въ народѣ до сихъ поръ. Въ козацкое общество могъ приходиться всякій; не спрашивали: кто онъ, какой вѣры, какой націи. Когда Поляки роптали, что козаки принимаютъ къ себѣ разныхъ бродягъ и, въ томъ числѣ, еретиковъ, убѣгавшихъ отъ преслѣдованій духовнаго суда, козаки отвѣчали, что у нихъ издавна такъ ведется, что каждый свободно можетъ прийти и уйти. Непріязненные поступки надъ католическою святынею во время козацкаго возстанія происходили не отъ ненависти къ католичеству, а съ досады за насиліе совѣсти и за принужденіе. Походы противъ Турокъ и Крымцовъ, съ одной стороны, имѣли побудительными причинами не слѣпой фанатизмъ противъ *неверныхъ*, но мщеніе за ихъ набѣги и за плѣны Русскихъ жителей, а съ другой—ими водилъ духъ удалства и страсть къ добычѣ, которая необходимо развивается во всякомъ воинственномъ обществѣ, въ какомъ бы племени и въ какой бы землѣ оно ни организовалось. Память о кровавыхъ временахъ вражды съ Поляками не изгладилась у народа до сихъ поръ, но вражды собственно къ Римско-

Католической вѣрѣ, безотносительно къ Польской народности, у него нѣтъ. Южноруссъ не мстительнъ, хотя злопамятенъ ради осторожности. Ни католическiй костѣль, ни жидовская синагога не представляются ему погаными мѣстами; онъ не побрезгуетъ ѣсть и пить, войти въ дружбу не только съ католикомъ или протестантомъ, но и съ Евреемъ, и съ Татариномъ. Но непріязнь вспыхиваетъ у него еще сильнѣе, чѣмъ у Великорусса; если только Южноруссъ замѣтитъ, что иновѣрецъ или иноземецъ начинаетъ оскорблять его собственную святыню. Коль скоро предоставляется другимъ свобода и оказывается другимъ уваженіе, то естественно—требовать и для себя такой же свободы и взаимнаго уваженія.

Въ Новгородѣ мы видимъ тотъ же самый духъ терпимости. Иновѣрцы пользовались правомъ безопаснаго жительства и богослуженія; разницы въ отношеніи иновѣрныхъ христіанъ полагалось такъ мало, что въ Кириковыхъ вопросахъ указывается на такое явленіе, что матери носили дѣтей своихъ крестить вмѣсто православнаго въ римско-католическому (варяжскому) священнику. Построеніе варяжской церкви въ Новгородѣ промзвело въ грядущихъ поколѣніяхъ духовенства легенду, въ которой показывается, какъ естественное стараніе нѣкоторыхъ духовныхъ фанатиковъ вооружить православныхъ туземцовъ противъ иновѣрцовъ было безуспѣшно. Множество иноподцевъ-язычниковъ въ Новгородской волости не было обращено насильственно къ христіанству; Новгородцы были до того не энергическими распространителями вѣры, что въ Водской землѣ, еще въ XVI вѣкѣ, было язычество. Вѣра расходилась между ними не скоро, — за то мирнымъ путемъ. Принципъ вѣротерпимости соблазнять сильно западное христіанство, когда Новгородъ, подавая помощь Чудскимъ народамъ противъ Нѣмцевъ и Шведовъ, хотѣвшихъ насиліемъ обратить ихъ къ истинной вѣрѣ, вступалъ въ непріязненные отношенія къ Ордену и Швеціи. Пашы въ своихъ буллахъ укоряли Новгородцовъ во враждѣ къ христіанству, въ защитѣ язычества и возбуждали противъ нихъ Крестовый походъ. Нѣмцы и Шведы, съ которыми приходилось Новгороду и Пскову воевать, были въ глазахъ послѣднихъ политическіе, а не религіозные враги; вражда доходила нѣсколько до религіознаго характера только тогда, когда съ противной стороны оказывалось прямое посягательство на святыню православной вѣры: тоже самое, что видимъ и въ южной Руси. Нехристіане не подвергались также въ Новгородѣ ненависти; доказательство, что Евреи, которые не смѣли появиться въ великой Руси, въ Новгородѣ до того могли находить пріютъ, что даже въ силахъ были завести еретическую секту и совращать въ нее

туземцевъ. Когда съ одной стороны Папы и западные духовные обвиняли В. Новгородъ въ пособіи язычникамъ противъ христіанства, съ другой православнымъ сановникамъ не нравилась излишняя вѣротерпимость Новгородцевъ, духовные негодовали на нихъ за общеніе съ Латинами и усвоеніе чужихъ обычаевъ, они хотѣли поддерживать въ народѣ мысль о поганствѣ всѣхъ неправославныхъ, и съ этою цѣлю приказывали предавать церковному освященію съѣстные припасы, полученные изъ-за границы, прежде ихъ употребленія въ пищу.

Изъ этого короткаго историческаго обзора различія, возникшаго въ отдаленныя отъ насъ времена между двумя русскими народностями, можно заключить, что племя южно-русское имѣло отличительнымъ своимъ характеромъ перевѣсъ личной свободы, великорусское — перевѣсъ общинности. По коренному понятію первыхъ, связь людей основывается на взаимномъ согласіи, и можетъ распадаться по ихъ несогласію; вторые стремились установить необходимость и неразрывность разъ установленной связи и самую причину установленія отнести къ Божіей волѣ и, слѣдовательно, изъять отъ человѣческой критики. Въ одинакихъ ствѣяхъ общественной жизни, первые усваивали болѣе духъ, вторые стремились дать ему тѣло; въ политической сферѣ первые способны были создавать внутри себя добровольныя компаніи, связанныя на столько, на сколько къ тому побуждала насущная необходимость, и прочныя на столько, на сколько существованіе ихъ не мѣшало неизмѣнному праву личной свободы; вторые стремились образовать прочное общинное тѣло на вѣковыхъ началахъ, проникнутое единымъ духомъ. Первое вело къ федерации, но не сумѣло воплотить образовать ее; второе повело къ единовластію и крѣпкому государству: довело до перваго, создало второе. Первое оказалось много разъ неспособнымъ къ единодержавной государственной жизни. Въ древности оно было господствующимъ на русскомъ материкѣ, и когда пришла неизбежная пора или погибнуть, или сплотиться, должно было невольно сойти со сцены и уступить первенство другому. Въ великорусскомъ элементѣ есть что-то громадное, созидательное, духъ стройности, сознаніе единства, господство практическаго разсудка, умѣющаго выстоять трудныя обстоятельства, уловить время, когда слѣдуетъ дѣйствовать, и воспользоваться имъ на сколько нужно.... Этого не показало наше южно-русское племя. Его свободная стихія приводила либо къ разложенію общественныхъ связей, либо къ водовороту побужденій, вращавшихъ бѣличьимъ колесомъ народную историческую жизнь. Такими показало намъ эти двѣ русскія народности наше прошедшее.

Въ своемъ стремленіи къ созданію прочнаго, ощущаемаго, осязательнаго тѣла для признанной разъ идеи, великорусское племя показывало всегда и теперь показываетъ наклонность къ матеріализму и уступаетъ южнорусскому въ духовной сторонѣ жизни, въ поэзіи, которая въ послѣднемъ развилась несравненно шире, живѣе и полнѣе. Прислушайтесь къ голосу пѣсень, присмотритесь къ образамъ, сотвореннымъ воображеніемъ того и другого племени, къ созданнымъ тѣмъ и другимъ народныхъ произведеніяхъ слова. Я не скажу, чтобы великорусскія пѣсни лишены были поэзіи; напротивъ, въ нихъ высоко-поэтической является именно сила воли, сфера дѣятельности, именно то, что такъ необходимо для совершенія задачи, для какой опредѣлялъ себя этотъ народъ въ историческомъ теченіи политической жизни. Лучшія великорусскія пѣсни тѣ, гдѣ изображаются моменты души, собирающей свои силы, или гдѣ представляется торжество ея или неудачи, не ломающія, однако, внутренняго могущества. Оттого такъ всѣмъ нравятся пѣсни разбойничьи: разбойникъ — герой, идущій бороться и съ обстоятельствами, и съ общественнымъ порядкомъ. Разрушеніе — его стихія, но разрушеніе неизбѣжно предполагаетъ возсозданіе. Послѣднее высказывается уже и въ составленіи разбойническихъ шаекъ, которыя представляютъ нѣкотораго рода общественное тѣло. И потому да не покажется страннымъ, если мы будемъ усматривать въ разбойничьихъ пѣсняхъ ту же стихію общности, тоже стремленіе къ воплощенію государственнаго тѣла, какое находимъ во всемъ проявленіи исторической жизни великорусскаго племени. Великорусскій народъ, практическій, матеріальной по преимуществу, восходить до поэзіи только тогда, когда выходитъ изъ сферы текущей жизни, надъ которою работаетъ, работаетъ не восторгаясь, не увлечаясь, примѣриваясь болѣе къ подробностямъ, къ частностямъ, и оттого упуская изъ виду образный идеаль, составляющій сущность опозитивизированья всякаго дѣла и предмета. Оттого поэзія Великорусская такъ часто стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ природной возможности, также часто ниспадаетъ до простой забавы и развлечения. Историческое воспоминаніе сейчасъ обращается въ эпосъ и превращается въ сказку; тогда какъ, напротивъ, въ пѣсняхъ южнорусскаго племени оно болѣе удерживаетъ дѣйствительности и часто не нуждается въ возведеніи этой дѣйствительности до эноса для того, чтобы блистать свилою роскошной поэзіи. Въ Великорусскихъ пѣсняхъ есть тоска, раздумье, но нѣтъ почти той мечтательности, которая такъ поэтически плывлетъ насъ въ южно-русскихъ пѣсняхъ, уносптъ душу въ область

воображенія и согрѣваетъ сердце неземнымъ, не здѣшнимъ огнемъ. Участіе природы слабо въ великорусскихъ пѣсняхъ и чрезвычайно сильно въ нашихъ: южнорусская поэзія нераздѣльна отъ природы, она оживляетъ ее, дѣлаетъ ее участницею радости и горя человѣческой души; травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро и вечеръ, зной и снѣгъ — все дышетъ, мыслить, чувствуетъ вмѣстѣ съ человекомъ, все отъякается къ нему чарующимъ голосомъ то участія, то надежды, то приговора. Любовное чувство, обыкновенно душа всякой народной поэзіи, въ Великорусской поэзіи рѣдко возвышается надъ матеріальностью; напротивъ, въ нашихъ оно достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты побужденія и граціи образовъ. Даже матеріальная сторона любви въ шуточныхъ пѣсняхъ изображается съ тою анакреонтической граціею, которая скрадываетъ тривиальность и самую чувственность одухотворяетъ, облагораживаетъ. Женщина въ великорусскихъ пѣсняхъ, рѣдко возвышается до своего человѣческаго идеала; рѣдко ея красота возносится надъ матеріею; рѣдко влюбленное чувство можетъ въ ней цѣнить что нибудь за предѣломъ тѣлесной формы; рѣдко выказывается доблесть и достоинство женской души. Южнорусская женщина въ поэзіи нашего народа, напротивъ, до того духовно-прекрасна, что и въ самомъ своемъ паденіи высказываетъ поэтически свою чистую натуру, и стыдится своего униженія. Въ пѣсняхъ игривыхъ, шуточныхъ, рѣзко выражается противоположность натуры того и другого племени. Въ южнорусскихъ пѣсняхъ этого рода вырабатывается прелесть слова и выраженія, доходитъ до истинной художественности: отдыхающая человѣческая природа не довольствуется простой забавой, но сознаетъ потребность дать ей изящную форму, не только развлекающую, но и возвышающую душу; веселіе хочетъ обнять ее стихіями прекраснаго, освятить мыслию. Напротивъ, великорусскія пѣсни такого разряда показываютъ не болѣе какъ стремленіе уставшаго отъ прозаической дѣятельности труда забыться на минуту какъ нибудь, не ломая головы, не трогая сердца и воображенія; пѣсня эта существуетъ не для себя самой, а для боковой декораціи другого, чисто матеріальнаго, удовольствія.

Въ жизни великорусской, и общественной и домашней, видно болѣе или менѣе отсутствіе того, что составляетъ поэзію южнорусской жизни, какъ и обратно — въ послѣдней мало того, что составляетъ сущность, силу и достоинство первой. Великоруссъ мало любитъ природу; у поселяннина вы очень рѣдко можете встрѣтить въ огородѣ цвѣты, которые

найдутся почти при каждом дворѣ у нашего земледѣльца. Этого мало, Великоруссы шатаютъ какую-то вражду къ произрастеніямъ. Я знаю примѣры, что хозяева рубили деревья возлѣ домовъ безобразно построенныхъ, думая, что деревья мѣшаютъ красотѣ вида. Въ казенныхъ селахъ, когда начальство начало побуждать разводить около домовъ ветлы, чрезвычайно трудно было заставить поливать и холить ихъ и предохранять отъ истребленія. Когда въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія по распоряженію правительства сажали деревья по дорогамъ, это показалось до такой степени народу обременительною повинностію, что до сихъ поръ жалобы и негодованія отразились въ народныхъ пѣсняхъ, сложенныхъ до чрезвычайности тривіально. Въ Великороссіи много садовъ, но всѣ почти плодовые, заводятся съ коммерческою цѣлю; рѣдко даютъ въ нихъ мѣсто лѣснымъ деревьямъ, какъ бесполезнымъ для матеріальной жизни. Рѣдко можно встрѣтить Великорусса, который бы сознавалъ и чувствовалъ прелесть мѣстоположенія, предался бы созерцанію небеснаго свода, впивался безотчетно глазами въ зеркало озера, освѣщеннаго солнцемъ или луною, или въ голубую даль лѣсовъ, заслушался бы хора весеннихъ птицъ. Ко всему этому почти всегда чуждъ великорусскій человѣкъ, погруженный въ обыденные расчеты, въ мелкій омутъ матеріальныхъ потребностей. Даже въ образованномъ классѣ, сколько намъ случалось подмѣтить, остается та же холодность къ красотѣ природы, прикрытая, иногда очень неудачно и смѣшно, подражаніемъ западной иноземщинѣ, гдѣ, какъ извѣстно — однимъ по опыту, другимъ — по слуху, хорошей тонъ требуетъ показывать любовь и сочувствіе къ природѣ. Въ такомъ случаѣ Великоруссы обращаютъ свое заимствованное природолюбіе на предметы рѣдкіе, выходящіе изъ общей сферы окружающихъ его явленій, и тѣшить свои глаза искусственно возвращенными камеліями, рододендронами, магноліями, никакъ не подозревая, что истинное чувство, способное дѣйствительно уловить и созерцать поэзію природы, именно въ этомъ-то не найдетъ ея, отвернется отъ нарядныхъ уроковъ къ соснамъ, березамъ нашихъ рощъ, погрузится въ созерцаніе безыскусственнаго, хотя бѣднаго, но живого, неиспорченнаго, неподдѣльнаго міра твореній Божіихъ.

При скудости воображенія, у Великоруссовъ чрезвычайно мало суевѣрій, хотя зато чрезвычайно много предрассудковъ, и они держатся ихъ упорно. Южноруссы, напротивъ, съ перваго раза представляются въ высшей степени суевѣрнымъ народомъ; въ особенности на западѣ южнорусской земли это сказывается очень разительно (можетъ быть, по удален-

ности отъ великорусскаго вліанія). Чуть не въ каждомъ селѣ существуютъ поэтическіе рассказы о явленіяхъ мертвыхъ съ того свѣта въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ трогательнаго разсказа о явленіи мертвой матери, обмывающей своихъ малютокъ, до страшнаго образа вампировъ, раскинующихся вполночь на могильныхъ крестахъ и вопіющихъ дикимъ голосомъ: *мяса хочу!* — съ насыпями, разсѣянными въ такомъ изобиліи по богатой историческою жизни странѣ, соединяются преданія о давно-протекшихъ временахъ туманной старины, и въ этихъ преданіяхъ проглядываютъ сквозь пестро-цвѣтистую сѣть лучей народнаго мышленія, слѣды незаписанной писателями лѣтописи древности. Волшебство со своими причудливыми приемами; міръ духовъ въ самыхъ разнообразныхъ образахъ и сирахахъ, поднимающихъ на головѣ волосы, и возбуждающихъ смѣхъ до икоты... все это облекается въ стройные рассказы, въ изящныя картины. Народъ иногда самъ плохо вѣритъ въ дѣйствительность того, что рассказываетъ, но не разстанется съ этимъ разсказомъ, доколѣ въ немъ не погаснетъ чувство красоты, или пока старое не найдетъ обновленія своего поэтическаго содержанія въ новыхъ формахъ.

Совѣтъ не то въ Великороссіи. Тамъ, какъ мы сказали, одни предразсудки; Великоруссъ вѣритъ въ чертей, домовыхъ, вѣдьмъ, потому что получилъ эту вѣру отъ предковъ; вѣритъ потому, что не сомнѣвается въ ихъ дѣйствительности, вѣритъ такъ, какъ бы вѣрилъ въ существованіе электричества или воздушнаго давленія; вѣритъ потому, что вѣра нужна для объясненія непонятныхъ явленій, а не для удовлетворенія стремленія возвыситься отъ плоской юдоли матеріальной жизни въ сферу свободнаго творчества. Вообще фантастическихъ разсказовъ у него мало. Черти, домовые очень матеріальны; сфера загробной жизни, духовный міръ мало занимаетъ Великорусса, и почти нѣтъ исторій о явленіяхъ души послѣ смерти; если же она встрѣчается, то заимствованная изъ книгъ и новыхъ и старыхъ, и скорѣе въ церковной обработкѣ, а не въ народной. За то, по духу нетерпимости, Великоруссъ гораздо упорнѣе въ своихъ предразсудкахъ. Я былъ свидѣтелемъ случая очень характеристическаго, когда одного господина обвиняли въ безбожій и богохульствѣ за то, что онъ отозвался съ пренебреженіемъ о вѣрѣ въ существованіе чертей.

Въ кругу грамотныхъ людей, только-что вступающихъ въ книжную сферу, вы можете наблюдать, какія книги особенно занимаютъ Великорусса и на что именно онъ обращаетъ вниманіе въ этихъ книгахъ. Сколько мнѣ удалось замѣтить — или серьезные книги, но только такіа, ко-

торыя прямо относятся къ занятію читателя и даже только то изъ нихъ, что можетъ быть примѣнено къ ближайшему употребленію, или же легкое, забавное, служащее мнѣнютному развлеченію безъ созерцанія построения, безъ сознанія идеи; поэты читаются или съ цѣлію развлеченія (и въ этомъ случаѣ нравится въ нихъ то, что можетъ слегка пробѣгать по чувствамъ своимъ разнообразіемъ или необыкновенностью положенія), или же для того, чтобы показать, что читатель образованъ настолько, чтобы понимать то, что считается хорошимъ. Часто можно встрѣчать лица, которыя даже восторгаются красотами поэзіи, но въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошенько осязать ихъ душу, то увидишь, что здѣсь играетъ не истинное чувство, а только аффекція. Аффекція — признакъ отсутствія истиннаго пониманія поэзіи. Аффекція въ нашемъ образованномъ обществѣ — черта чересчуръ обычная; оттого-то, кажется, у насъ и замѣтно сочувствіе къ Французамъ преимущественно предъ другими народами, ибо это народъ заявившій себя мало поэтическимъ, народъ, у котораго литература и искусство и отчасти даже наука — на эффектахъ.

Если у Великорусовъ былъ истинно великій, гениальный, самобытный поэтъ, то это одинъ Пушкинъ. Въ своемъ безсмертномъ, великомъ Евгеніи Онегинѣ, онъ выразилъ одну только половину великорусской народности — народности такъ называемаго образованнаго и свѣтскаго круга. Удачныя описатели нравовъ и быта были, но это не творцы-поэты, которые бы заговорили языкомъ всей массы, сказали бы то и такъ, за что съ чувствомъ схватилась бы масса, какъ бы неволью долженъ былъ сказать каждый изъ этой массы, и сказать голосомъ поэзіи, а не прозы. Но, повторимъ, мы далеки отъ того, чтобы отрицать въ великорусскомъ народѣ поэтическій элементъ; мы говоримъ только, что въ немъ нѣтъ тѣхъ приемовъ поэзіи, какіе есть у насъ и какіе до сихъ поръ прозывались искусствомъ. Пѣсни великорусскія, за отсутствіемъ всего этого, представляютъ однако оригинальнѣйшую поэзію, которая какъ будто говорить, что народъ, творившій эти пѣсни, хранитъ на дѣй своей натуры такія новыя стороны поэтической стихіи, которая нѣкогда блеснетъ новымъ, неожиданнымъ блескомъ. Не смотря на близость и историческую и племенную насъ, Южнорусовъ, къ Великоруссамъ, замѣчательно, что въ мірѣ литературы имъ часто нравится то, что намъ никакъ не можетъ нравиться. Напримѣръ, я видалъ многихъ Великоруссовъ, приходившихъ въ восторгъ отъ стиховъ Некрасова, и, признаюсь, не видалъ Южноруссовъ, на которыхъ бы онъ дѣйствовалъ поэтическою сторуною.



Въ сферѣ религіозности мы уже показали рѣзкое отличіе южно-русской народности отъ великорусской въ совершенномъ неспричастіи первой къ расколамъ и отпаденіямъ отъ церкви изъ-за обрядовъ и формулъ. Любопытно разрѣшить вопросъ, откуда въ Великороссіи возникло это оригинальное настроеніе, это стремленіе спорить за букву, придавать догматическую важность тому, что составляетъ часто не болѣе, какъ грамматическій вопросъ или дѣло обрядословія? Кажется, что это происходитъ отъ того же практическаго, матеріальнаго характера, которымъ вообще отличается сущность великорусской природы. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая надъ великорусскимъ народомъ во всѣхъ слояхъ общества, мы встрѣтимъ нѣрѣдко людей истинно христіанской нравственности, чьихъ религіозность обращена къ практическому осуществленію христіанскаго добра, но въ нихъ мало внутренняго благочестія, не-тивизма; мы встрѣчаемъ ханжей, пзувѣровъ, строгихъ исполнителей внѣшнихъ правилъ и обрядовъ, но также безъ внутренняго благочестія, большею частью хладнокровныхъ къ дѣлу религіи, исполняющихъ внѣшнюю ея сторону по привычкѣ, мало отдающихъ себѣ отчета, почему это дѣлается, и наконецъ въ высшемъ, такъ называемомъ образованномъ классѣ, лицъ мало вѣрующихъ, или и совсѣмъ не вѣрующихъ, не въ слѣдствіе какого нибудь мысленнаго труда и боренія, а по увлеченію, потому что имъ кажется невѣріе признакомъ просвѣщенія. Истинно благочестивыя природы составляютъ исключеніе, и благочестіе, духовная созерцательность у нихъ—признаки не народности, не общаго натурѣ народнои, а пхъ собственной индивидуальной особенности. Между Южноруссами мы встрѣтимъ совсѣмъ обратное въ характерѣ. У этого народа много именно того, чего недостаетъ у Великоруссовъ; у нихъ сильно чувство всеприсутствія Божія, душевное умиленіе, внутреннее обращеніе къ Богу, тайное размышленіе о Промыслѣ, надъ собою, с рдечное влеченіе къ духовному, неизвѣстному, непредставляемому воображеніемъ, таинственному, но отрадному міру. Южноруссы исполняютъ обряды, уважаютъ формулы, но не подвергаютъ ихъ критикѣ; въ голову не войдетъ никакъ, нужно ли два или три раза пѣть аллилуіа, тѣми или другими пальцами слѣдуетъ дѣлать крестное знаменіе; и если бы возникъ подобный вопросъ, то для разрѣшенія его достаточно объясненія священника, что такъ постановила церковь. Если бы понадобились какіе нибудь измѣненія въ наружныхъ сторонахъ богослуженія или переводъ книгъ св. писанія, Южноруссы никогда не возстали бы противъ этого, имъ бы не взошла мысль подозрѣвать какого нибудь искаженія святыхъ. Они понимаютъ, что внѣшность уста-

навливаются церковью, изображаемую видимо въ ея руководящихъ членахъ, и что эти члены постановять, не извращая сущности, міране безпрекосовно этому должны слѣдовать; ибо коль-скоро та или другая внѣшность выражаетъ одну и ту же сущность, то самая внѣшность не представляетъ в такой важности, чтобъ можно сдѣлать ее предметомъ спора. Намъ случалось говорить съ религіозными людьми и той и другой народности; Великоруссъ проявляетъ свою набожность въ словозвѣтіяхъ надъ толкованіемъ внѣшности, буквы, принимаетъ въ этомъ важное участие; если онъ строго православный, то православіе его состоитъ преимущественно во внѣшней сторонѣ; Южноруссъ станетъ изливать свое религіозно-правственное чувство; не будетъ толковать о богослуженіи, объ обрядахъ, праздникахъ, а скажетъ свое благочестивое впечатлѣніе, производимое на него богослуженіемъ, торжественностію обряда, высокимъ значеніемъ праздника и т. д. Зато у насъ и образованный классъ не такъ легко поколебать въ вѣрѣ, какъ Великоруссовъ; заблужденіе, невѣріе вѣдряется въ нашей душѣ только вслѣдствіе долгой, глубокой борьбы; напротивъ, къ сожалѣнію, мы видѣли великорусскихъ юношей, воспитанныхъ, какъ видно, съ дѣтства въ строгой набожности, въ исполненіи предписанныхъ церковныхъ правилъ; но она при первомъ легкомъ нападѣніи, а нерѣдко вслѣдствіе нѣсколькихъ остроумныхъ выражений, покидаютъ знамя религіи, забываютъ внушенія дѣтства и безъ борьбы, безъ постепенности, переходить къ крайнему безвѣрію и материализму. Народъ южнорусскій — глубоко религіозный народъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; такъ или иначе поставили бы его обстоятельства, то или другое воспитаніе было бы имъ усвоено, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать сумма главныхъ признаковъ, составляющихъ его народность, онъ всегда сохранитъ въ себѣ начало религіи: это неизбѣжно при томъ поэтическомъ настроеніи, которымъ отличается его духовный складъ. Гдѣ поэзія, тамъ религія; одно безъ другого не мыслимо; вѣру въ душѣ убиваетъ анализъ; но поэзія противоположна анализу; поэтическая способность состоитъ въ соединеніи того, что анализъ разрываетъ по частямъ, въ созданіи цѣльнаго образа, который анализъ разлагая уничтожаетъ. Съ поэзіей неизбѣжна вѣра въ прекрасное, а прекрасное не подлежитъ анализу, ибо оно духовно; можно анализировать только матеріалъ, въ которомъ появляется прекрасное, можно разложить по частямъ музыкальный инструментъ и изслѣдовать эти части самымъ подробнымъ образомъ; можно съ другой стороны изслѣдовать законы звука, способъ передачи его чрезъ воздухъ нашему слуху, но нельзя

уловить и подвергнуть мелкому изслѣдованію цѣльность впечатлѣнія, производимаго сочетаніемъ звуковъ: оно цѣло, недѣлимо, духовно. Попытки матеріалистовъ добраться путемъ анализа явленій до сущности впечатлѣнія, производимаго изящнымъ на душу нашу, оставались и всегда останутся безуспѣшными и будутъ обличать собственную неспособность чувствовать и понимать красоту въ тѣхъ, которые на это рѣшатыся. Французы, народъ, какъ мы замѣтили, глубоко непоэтичскій, еще въ прошломъ столѣтіи возвѣщали теорію изящнаго, осн. ванную на признакахъ его сущности, въ простомъ подражаніи природѣ. Эта мысль по душѣ Великобританцамъ и въ наше время была высказываема, и искренно, тѣмъ, у которыхъ доставало искренности говорить то, что они дѣйствительно ощущаютъ и, конечно, раздѣлялась многими, увидѣвшими отраженіе того, что давно танлось въ ихъ сердцахъ. Въ комъ есть живая струна поэзіи, того ничѣмъ нельзя разубѣдить въ присутствіи духовной творческой силы въ произведеніяхъ искусства, нельзя потому, что онъ ее ощущаетъ. Такъ точно нельзя никакими доводами матеріализма убѣдить въ несуществованіи духовнаго начала того, кто чувствуетъ его въ себѣ, и потому не нуждается ни въ доказательствахъ, ни въ опроверженіяхъ, какъ не нуждается мы ни въ какихъ словопреніяхъ о томъ, въ холодномъ или тепломъ мы воздухѣ, когда тѣло наше это сказываетъ намъ.

Съ присущестью поэзіи въ душѣ, съ чувствомъ красоты и способностью — уразумѣть ее, тѣсно соединено сознаніе нравственности, добра. Матеріалистъ неспособенъ понимать и любить добро, матеріалистъ понимаетъ одну только пользу. Если онъ добръ отъ природы, онъ выражаетъ свою доброту только тѣмъ, что готовъ дѣлать другимъ то, что считаетъ полезнымъ; самое высшее проявленіе его доброты состоитъ въ томъ, когда онъ готовъ дѣлать для другого то, въ чемъ, по своему положенію, не ощущаетъ полезности, но что другой считаетъ для себя полезнымъ. Но преимущественно добродѣтель его основывается на такомъ силлогизмѣ: если другому буду дѣлать добро, то и мнѣ стануть его дѣлать. Совсѣмъ не то у человѣка, въ которомъ есть даръ и привычка ощущать въ себѣ живую душу и видѣть ее внутреннимъ зрѣніемъ, въ оболочкѣ вѣншихъ для него явленій. Онъ не анализируетъ добра, которое и нельзя анализировать, какъ прекрасное; онъ созерцаетъ его въ его цѣльности и воспринимаетъ его всѣмъ духовнымъ существомъ своимъ. Добро, облеченное въ фактъ въ матеріальномъ бытѣ, можетъ отразиться посредствомъ того, что называется пользою и что всегда такъ будетъ, но творящій добро дѣло не думаетъ о пользѣ, а в-

дѣлать предъ собою одно добро въ его нравственномъ совершенствѣ. Кто дѣлаетъ, имѣя въ виду пользу, тотъ необходимо при своемъ дѣйствіи задаетъ себѣ вопросъ, полезно ли то, что онъ намѣренъ творить; но кто думаетъ о добрѣ безотносительно къ пользѣ, тому не нужно разсужденія: онъ творитъ по внушенію чувства и разумнаго созерцанія красоты добра, дѣйствующей неотразимо на его волю.

Въ общественныхъ понятіяхъ, исторія напечатлѣла, на двухъ нашихъ народностяхъ, свои слѣды и установила въ нихъ понятія совершенно противоположныя. Стремленіе къ тѣсному слитію частей, уничтоженіе личныхъ побужденій подъ властію общихъ, ненарушимая законность общей воли, выраженная какъ бы смысломъ тяжелой судьбы, совпадаетъ, въ великорусскомъ народѣ, съ единствомъ семейнаго быта и съ поглощеніемъ личной свободы идеею *мира*, выразились въ народномъ бытѣ недѣлимостію семей, общинною собственностію, тяглою посадовъ и селъ въ старину, гдѣ невинный отвѣчалъ за виновнаго, трудолюбивый работалъ за лѣниваго. Какъ глубоко лежитъ это въ душѣ Великорусса, показываетъ то, что по поводу устройства крестьянъ въ наше время, заговорили въ пользу этого Великоруссы съ разныхъ точекъ зрѣнія, подъ вліяніемъ и запоздалага Московскаго Славянофильства, и поводомнаго французскаго социализма. Для Южнорусса нѣтъ ничего тяжеле и противнѣе такого порядка, и семьи южнорусскія дѣлятся и дробятся, какъ только у членовъ ихъ является сознаніе о потребности самобытной жизни. Опека родителей надъ взрослыми дѣтьми кажется для южнорусса несноснымъ деспотизмомъ. Претензіи старшихъ братьевъ надъ меньшими, какъ дядей надъ племянниками, возбуждаютъ неистовую вражду между ними. Кровная связь и родство мало располагаютъ у насъ людей къ согласію и взаимной любви; напротивъ очень часто люди привѣтливые, кроткіе, мирные и уживчивые находятся въ непримиримой враждѣ со своими кровными. Ссоры между родными — явленіе самое обыкновенное и въ низшемъ и въ высшемъ классѣ. Напротивъ, у Великоруссовъ, кровная связь заставляетъ человѣка нерѣдко быть къ другому дружелюбнѣе, справедливѣе, снисходительнѣе, даже когда онъ вообще не отличается этими качествами въ отношеніи къ чужимъ. Въ Южной Руси, чтобъ сохранить любовь и согласіе между близкими родственниками, надобно имъ разойтись и какъ можно меньше имѣть общаго. Взаимный долгъ, основанный не на свободномъ соглашеніи, а на роковой необходимости, тягостенъ для Южнорусса, тогда какъ Великорусса онъ болѣе всего успокоиваетъ и умиряетъ его личные побужденія. Велико-русскій изъ покорности долгу готовъ принудить себя любить своихъ ближ-

нихъ по крови, хотя бы они ему не по душѣ, снисходить къ нимъ, потому что они ему сродни, чего бы онъ не сдѣлалъ по убѣжденію, онъ готовъ для нихъ на личное пожертваніе, сознавая, что они того не стоятъ, но что они все таки *своя кровь*. Южнорусецъ, напротивъ, готовъ, кажется, разлюбить ближняго за то, что онъ его кровный, менѣе снисходителенъ къ его слабостямъ, чѣмъ къ чужому, и вообще родство ведетъ его не къ утверженію добраго расположенія, а скорѣе къ его ослабленію. Нѣкоторые Великоруссы, пріобрѣвшіе себѣ въ Южной Руси итѣнія, затѣвали иногда вводить въ малорусскія семьи великорусскую плотность и недѣлимость, и плодомъ этого были отвратительныя сцены: не только родные братья готовы были поминутно завести драку, но сыновья вытаскивали отцовъ своихъ за волосы черезъ пороги дома. Чѣмъ болѣе принципъ семейной власти и прочной кровной связи вѣдряется въ жизнь, тѣмъ преративѣ она на нее дѣйствуетъ. Южнорусецъ тогда почтительный сынъ, когда родители оставляютъ ему полную свободу и сами на старости лѣтъ подчиняются его волѣ; тогда добрый братъ, когда съ братомъ живетъ какъ сосѣдъ, какъ товарищъ, не имѣя ничего общаго, нераздѣльнаго. Правило: *каждому свое*, соблюдается въ семействахъ; не только взрослые члены семьи не надѣваютъ одежды другого, даже у дѣтей у каждаго свое; у Великоруссовъ, въ крестьянскомъ быту, часто двѣ сестры не знаютъ, кому изъ нихъ принадлежитъ тотъ или другой тулупъ, а объ отдѣльной принадлежности у дѣтей не бываетъ и помина.

Обязательная общинность земская и отвѣтственность личности міру для Южнорусца есть въ высшей степени несноснѣйшее рабство и вопиющая несправедливость. Не смѣть назвать ничего своимъ, быть батракомъ какого-то отвлеченнаго понятія о *мірѣ*, отвѣчать за другого безъ собственнаго желанія — ко всему этому не расположила народъ южнорусскій его прошедшая жизнь. *Громада* по южнорусскому понятію совсѣмъ не то, что *міръ* по великорусскому. Громада есть добровольная сходка людей; кто хочетъ — въ ней участвуетъ, кто не хочетъ — выходитъ, такъ какъ въ Запорожѣ — кто хотѣлъ — приходилъ, кто хотѣлъ — выходилъ оттуда добровольно. По народному понятію, каждый членъ громады есть самъ по себѣ независимая личность, самобытный собственникъ; обязанность его къ громадѣ только въ сферѣ тѣхъ отношеній, которыя устанавливаютъ связь между ея членами для взаимной безопасности и выгодъ каждаго, — тогда-какъ, по великорусскому понятію, міръ есть какъ бы отвлеченное выраженіе общей воли, поглощающей личную самобытность каждаго. Главное различіе здѣсь, конечно, протстекаетъ отъ по-

земельной общинности. Коль скоро членъ міра не можетъ назвать своею собственностію участокъ земли, который онъ обрабатываетъ, онъ уже не свободный человѣкъ. Мірское устройство великорусское есть стѣсненіе, и потому форма послѣдняго, введенная властію, приняла въ себя духъ и смыслъ, господствующій въ Великороссіи; корень его лежалъ уже въ глубинѣ народной жизни: оно истекло нравственно изъ того же стремленія къ тѣсному силоченію, къ единству обществу и государственному, которое составляетъ, какъ мы показали, отличительный признакъ великорусскаго характера. Частная поземельная собственность выводится такимъ легальнымъ путемъ изъ великорусской общественной философіи. Все общество отдаетъ свою судьбу олицетворенію своей власти, тому лицу, которое поставляетъ надъ обществомъ Богъ, и, слѣдовательно, все обязано ему повиновеніемъ. Такимъ образомъ, все принадлежитъ ему безусловно, какъ намѣстнику Божію; отсюда понятіе, что все Божье да царское. И предъ царемъ, какъ и предъ Богомъ, всѣ равны. Но какъ Богъ одного возвышаетъ, награждаетъ, а другого караетъ, унижаетъ, такъ поступаетъ и царь, исполняющій на землѣ божественную волю. Это выражается прекрасно пословицею: воля Божья, судъ царевъ. Отсюда народъ безропотно сносилъ даже и то, что казалось превосходило мѣры человѣческаго терпѣнія, какъ, напримѣръ, душегубства Іоанна Грознаго. Царь дѣлалъ несправедливо, жестоко, но тѣмъ не менѣе онъ былъ орудіемъ Божіей воли. Противиться царю, хотя бы и неправедному, значить противиться Богу: и грѣшно и бесполезно, потому что Богъ пошлетъ еще худшія бѣды. Имѣя безусловную власть надъ обществомъ, царь есть *государь*, то есть, полный владѣтель собственникъ всего государства. Слово *государь* именно означало собственника, имѣющаго право безусловно, по своему усмотрѣнію, распорядиться всѣмъ, что есть въ его государствѣ, какъ своими вещами. Оттого-то древніе Новгородцы, воспитавшіе себя подъ иными началами, различные притомъ отъ Великоруссовъ по народности, такъ взволновались, когда Иванъ III задумалъ измѣнить древній титулъ *господина* на титулъ *государя*. Понятіе о господинѣ выражало лицо, облеченное властію и уваженіемъ; господь могло быть много: и владыка былъ господинъ, и посадникъ — господинъ; но государь былъ лицо, о власти котораго не могло быть и разсужденія: онъ былъ единъ, какъ единъ собственникъ вещи; Иванъ домогался быть государемъ въ Новгородѣ, хотѣлъ замѣнить собою Великій Новгородъ, который былъ до того времени государемъ; также точно какъ въ Великороссіи великій князь замѣнялъ обществен-

ную волю всей націи. Будучи самодержавнымъ творцомъ общественныхъ условій, государь дѣлалъ все и, между прочимъ, жаловалъ за службу себѣ землями. Такимъ образомъ земля принадлежала, по первоначальному понятію, міру, то есть, всему обществу; по передачѣ этого права — лицу государя, давалась отъ послѣдняго въ пользованіе отдѣльнымъ лицамъ, которыхъ угодно было государю возвысить и падѣлить. Мы говоримъ *пользованіе*, ибо въ точномъ значеніи *собственничковъ* не было. То, что давалось отъ царя, всегда могло быть отнято и отдано другому, что безпрестанно и случалось. Коль скоро образовалось отношеніе рабочихъ къ такому землевладѣльцу, то землевладѣлецъ, естественнымъ порядкомъ, получилъ значеніе олицетвореннаго міра, также какъ царь въ значеніи олицетворенной націи. Крѣпостной человекъ соединялъ свою судьбу съ достоинствомъ господина: воля барина стала для него замѣнять собственную волю, точно также, какъ тамъ, гдѣ не было барина, эту собственную личную волю поглощала міръ. У помѣщичьихъ крестьянъ земля принадлежитъ барину, который даетъ ее лицамъ, земледѣльцамъ, по своему усмотрѣнію; такъ и у казенныхъ крестьянъ: земля отдана міру въ пользованіе, а міръ, по своему усмотрѣнію, даетъ ее отдѣльнымъ лицамъ въ пользованіе. Въ Южной Руси, которой историческая жизнь текла иначе, не составилось такого понятія о мірѣ. Тамъ прежнія древнія удѣльно-вѣчевыя понятія продолжали развиваться и встрѣтились съ польскими, которыя, въ основѣ своей, имѣли много общаго съ первыми и если измѣнились, то влѣдствіе западно-европейскихъ понятій. Древнее право личной свободы не было поглощено перевѣсомъ общественнаго могущества и понятіе объ общей поземельной собственности не выработалось. Польскія идеи произвели въ старорусскихъ только тотъ переворотъ, что регулировали послѣднія. Каждый земледѣлецъ былъ независимымъ собственникомъ своего достоянія; польское вліяніе только обезопасило его отъ произвола народной воли, и прежде выражавшагося самодѣйствіемъ общества въ смыслѣ соединенія свободныхъ личностей, и облекло его владѣніе *de facto* правомъ. Такимъ образомъ, оно возвысило богатыхъ и вліятельныхъ, образовало высшій классъ, а массу бѣднаго народа повергло въ порабощеніе. Но тамъ магнать владѣлецъ не представлялъ собою выраженія царской, а чрезъ нее и барской, воли: онъ владѣлъ *по праву*; въ переводѣ на болѣе простой языкъ — право это выражало силу, торжество обстоятельствъ и давность происхожденія. Тамъ крестьянинъ не могъ дать своему господину никакого значенія священной воли, ибо онъ отвлеченнаго права не понималъ, потому что самъ

имъ пользовался, а олицетворенія онъ не видалъ, ибо его господинъ былъ свободный человекъ. Естественно, и рабъ, при первой возможности, желалъ сдѣлаться свободнымъ; тогда какъ въ Великороссіи онъ не могъ этого желать, ибо находилъ своего господина завистливымъ отъ другой высшей воли, такъ же какъ онъ самъ завистлъ отъ него. У Южноруссовъ рѣдко были случаи, чтобъ крѣпостной былъ искренно расположенъ къ своему господину, чтобъ такъ былъ связанъ съ нимъ безкорыстно, будто сыновнею, любовью, какъ это не рѣдко мы видѣли въ мірѣ отношеній господъ къ крестьянамъ и слугамъ въ Великороссіи. У Великороссіянь встрѣчаются примѣры трогательной привязанности такого рода. Крѣпостной человекъ, слуга, рабъ, нерѣдко преданъ своему барину вполне, душою и сердцемъ, даже и тогда, когда баринъ не цѣнитъ этого. Онъ хранитъ барское добро, какъ свое; радуется, когда честолюбивый баринъ его получаетъ почетъ. Намъ случалось видѣть господскихъ слугъ, которымъ повѣрялось завѣдывать какими нибудь интересомъ. Самы доверенные были естественные плуты, и надували всякаго въ пользу своего барина, но въ отношеніи послѣдняго были артистовски честны и прямодушны. Напротивъ, Малороссы оправдываютъ собою пословицу: волка сколько ни корми, все въ лѣсъ смотреть. Если крѣпостной слуга не обманетъ господина, то потому, что никого не обманываетъ; но если ужъ искуселся на обманъ, то обманетъ прежде своего барина. Какъ часто случалось слышать жалобы на Малороссіянь отъ тѣхъ владѣльцевъ, которые, будучи Великоруссами по происхожденію, приобрѣли себѣ населенныя имѣнія въ Южнорусскомъ краѣ. Напрасно добрымъ обращеніемъ и справедливостью старались они привязать къ себѣ подданныхъ; барскія работы исполнялись всегда безъ желанія, и оттого-то между высшимъ классомъ у насъ распространилось убѣжденіе, что Малороссіяне — народъ лѣнивый. Ни искренности, ни привязанности. Страхъ дѣйствуетъ на нихъ успѣшнѣе, и потому добрые господа дѣлались суровыми. Обыкновенно старались окружить свою особу Великоруссами, а съ малороссійскими крестьянами находились въ далекихъ отношеніяхъ, какъ бы къ чуждому народу. Тоже самое и еще хуже для Малоросса—*міръ* въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Что касается до *укура*, дѣлаемаго обыкновенно Малороссіянамъ въ лѣни, то они дѣлаются такими подъ условіями чуждыхъ имъ общественныхъ началъ крѣпостнаго или мірскаго права: послѣднее выражается для Малороссіянь (которые не скованы узами общинной собственности), связью различныхъ условій, ограничивающихъ ихъ свободное распоряженіе со-



бою и своимъ достоинствомъ, приближающихся къ мірскому устройству. Вообще же упрекъ въ лѣности несправедливъ; даже можно замѣтить, что Малоруссъ по своей природѣ трудолюбивѣе Великорусса и всегда такимъ показывастъ себя, коль скоро находитъ свободный исходъ своей дѣятельности.

Очень можетъ быть, что я во многомъ ошибся, представляя такія понятія о различіи двухъ русскихъ народностей, составившіяся изъ наблюдений надъ исторіей и настоящей ихъ жизнью. Дѣло другихъ будетъ обличить меня и исправить. Но разумѣя такимъ образомъ это различіе, я думаю, что задачу вашей *Основы* будетъ: выразить въ литературѣ то влияніе, какое должны имѣть на общее наше образованіе своеобразные признаки южнорусской народности. Это влияніе должно не разрушать, а дополнять и умѣрять то коренное начало великорусское, которое ведетъ къ силоченію, къ слитію, къ строгой государственной и общинной формѣ, поглощающей личность, и стремленію къ практической дѣятельности, впадающей въ матеріальность, лишнюю поэзіи. Южнорусскій элементъ долженъ давать нашей общей жизни растворяющее, оживляющее, одухотворяющее начало. Южнорусское племя, въ прошедшей исторіи, доказало неспособность свою къ государственной жизни. Оно справедливо должно было уступить именно великорусскому, примкнуть къ нему, когда задачей общей русской исторіи было составленіе государства. По государственная жизнь сформировалась, развила и окрѣпла. Теперь естественно, если народность съ другимъ противоположнымъ основаніемъ и характеромъ вступить въ сферу самобытнаго развитія и окажетъ воздѣйствіе на великорусскую.

Совсѣмъ другое отношеніе южно-русской народности къ польской. Если южно-русскій народъ дальше отъ польскаго, чѣмъ отъ великорусскаго, по составу языка, то за то гораздо ближе къ нему по народнымъ свойствамъ и основамъ народнаго характера. Такой или подобной противоположности, каковую мы замѣтили между Великоруссами и Южноруссами, не существуетъ между Поляками и Южноруссами ни во внутренней, ни во внѣшней сторонѣ быта; напротивъ, если бы пришлось находить коренные признаки различія Поляковъ отъ Великоруссовъ, то во многомъ пришлось бы повторить тоже, что сказано о Южноруссахъ. Но за то, при такой близости, есть бездна, раздѣляющая эти два народа и притомъ — бездна, черезъ которую построить мостъ не видно возможности. Поляки и Южноруссы — это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начала пан-

ства, другіе — мужицтва, или выражаясь словами общепринятыми, одинъ народъ — глубоко аристократическій, другой — глубоко демократическій. Но эти термины не вполне подходят подъ условія нашей исторіи и нашего быта; ибо какъ польская аристократія слишкомъ демократическая, такъ наоборотъ аристократична южнорусская демократія. Тамъ панство ищетъ уравниенія въ своемъ сословіи; здѣсь народъ, равный по праву и положенію, выпускаетъ изъ своей массы обособляющіяся личности и потомъ стремится поглотить ихъ въ своей массѣ. Въ польской аристократіи не могло никакъ приняться феодальное устройство; шляхетство не допускало, чтобъ изъ его сословія одни были по правамъ выше другихъ. Съ своей стороны, южнорусскій народъ, устанавливая свое общество на началахъ полнѣйшаго равенства, не могъ удержать его и утвердить такъ, чтобъ не выступали лица и семьи, стремившіяся сдѣлаться родами съ правомъ преимущества и власти надъ массою народа. Въ свою очередь масса возставала противъ нихъ то глухимъ негодованіемъ, то открытымъ противодѣйствіемъ. Вглядитесь въ исторію Новгорода на сѣверѣ и въ исторію Гетманщины на югѣ. Демократическій принципъ народнаго равенства служитъ подкладкою; но на ней безпрестанно приподнимаются изъ народа высшіе слои, и масса волнуется и принуждаетъ ихъ уложиться снова. Тамъ нѣсколько разъ толпа черни, подъ возбуждательные звуки вѣчеваго колокола, разоряетъ и сожигаетъ до-глаго Прусскую улицу — гнѣздо боярское; тутъ нѣсколько разъ *черная* или *чернецкая рада* истребляетъ *значныхъ кармазинниковъ*; и не исчезаетъ однако Прусская улица въ Великомъ Новгородѣ, не переводятся *значные* въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра. И тамъ и здѣсь эта борьба губитъ общественное зданіе и отдаетъ его въ добычу болѣе спокойной, яснѣе сознающей необходимость прочной общины, народности.

Замѣчательно, какъ народъ долго и вездѣ сохраняетъ завѣтные привычки и свойства своихъ прародителей: въ Черноморьѣ, на Запорожскомъ новосельѣ по разрушеніи Сѣчи, совершалось то же, что нѣкогда въ Малороссіи. Изъ общинъ, составлявшихъ курени, выдѣлялись личности, заводившія себѣ особые хутора. Въ южнорусскомъ сельскомъ быту совершается почти подобное въ своей сферѣ. Зажиточныя семьи возвышаются надъ массою и ищутъ надъ нею преимущества, и за то масса ихъ ненавидитъ; но у массы нѣтъ понятія, чтобъ человекъ лишился самостоятельности, нѣтъ началъ поглощенія личности общинностію. Каждый ненавидитъ богача, знатнаго, не потому чтобъ онъ имѣлъ въ головѣ какую

нибудь утопію о равенствѣ, а, завидуя ему, досадуеть, почему онъ самъ не таковъ.

Судьба южнорусскаго племени устроилась такъ, что тѣ, которые выдвигались изъ массы, обыкновенно теряли и народность; въ старину они дѣлались Поляками, теперь дѣлаются Великороссіянами: народность южнорусская постоянно была и теперь остается достояніемъ простой массы. Если же судьба оставитъ выдвинувшихся въ сферѣ прадѣдовской народности, то она какъ-то ихъ поглощаетъ снова въ массу и лишаетъ пріобрѣтенныхъ преимуществъ.

Съ польскою народностію совершилось обратное: тамъ личности, выдвинувшіяся изъ массы, если они были Поляки, не мѣняютъ своей народности, не идутъ назадъ, но образуютъ твердо сословіе. Исторія связала Поляковъ съ Южноруссами такъ, что значительная часть польской шляхты есть не что иное, какъ переродившіеся Южноруссы, именно тѣ, которые силою счастливыхъ для нихъ обстоятельствъ выдвинулись изъ массы. Оттого и образовалось въ отношеніяхъ этихъ народностей такое понятіе, что польская есть панская, господская, а южнорусская холоцкая, мужицкая. Понятіе это остается и до сихъ поръ, и проявляется во всѣхъ попыткахъ Поляковъ на такъ называемое сближеніе ихъ съ нами. Поляки, толкующіе о братствѣ, о равенствѣ, въ отношеніи насъ высказываютъ себя панами. Подъ различными способами выраженія они говорятъ намъ: будьте Поляками; мы хотимъ васъ, мужиковъ, сдѣлать панами. И тѣ, въ либеральныя и честныя намѣренія которыхъ мы вѣримъ, говорятъ въ сущности тоже: если не идетъ дѣло о господствѣ и подавленіи нашего народа матеріально, то неоспоримо и явно ихъ желаніе подавить и уничтожить насъ духовно, сдѣлать насъ Поляками, лишить насъ своего языка, своего склада понятій, всей нашей народности, заключивъ ее въ польскую, что такъ ясно проявляется въ Галиціи.

Отъ этого-то, въ настоящее время, между нами и Поляками не можетъ быть такой обмѣны, такого соединенія и братства, какъ съ Великоруссами. Последніе по характеру противоположны намъ, но именно это и служитъ ручательствомъ необходимости этой связи: у Великоруссовъ есть то, чего у насъ нѣтъ, а мы съ своей стороны можемъ наполнить пробѣлы въ ихъ народности. Малоруссы сознавали и сознаютъ неизбежность и неразрывность связи съ Великоруссами, потому что последніе способны столько же, сколько мы неспособны, къ организаціи, къ поддержкѣ общественнаго тѣла и правильности его управленій; съ своей стороны мы не останемся лишними для нравственной цивилизаціи Великоруссовъ; до-

казательствомъ можетъ служить то, что добрый Великорусь какъ только заѣдетъ къ нашему народу, непременно насъ полюбитъ и получитъ симпатію къ малорусскому народу; онъ найдетъ въ немъ тѣ живительныя начала поэзіи, которыя мало судили развить Великороссамъ крутыя обстоятельства прежней ихъ исторіи. Поляки ничего отъ насъ не получаютъ, ибо ихъ коренныя свойства одинаковы съ нашими, но мы также не можемъ ничего отъ нихъ заимствовать, кромѣ панства, а это панство — убиваетъ нашу народность. ...

Н. К о с т о м а р о в ъ.

## ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ГАЗЕТА «СЛОВО».

Мы получили объявление объ изданіи, съ января текущаго года, во Львовѣ, »Руської Політичної Часописи«, при слѣдующемъ письмѣ:

»Щиро-брацкое поздравленіе! Зачинаемъ зъ Богомъ нову Часопись — если ласка Ваша пособитъ своими дописями. — Навчѣть насъ, якимъ чиномъ можна бы Вамъ пересылати нашу Газету, — а если можна, постарайтесь; чи не доставали бы мы якіи небудь журналъ руській въ замѣну.

Здорови ся оставайте,  
За братій не забувайте.»

Всѣмъ сердцемъ привѣтствуемъ начало народной журналистики въ близкой намъ южнорусской Галиціи. Политическая газета: »Слово« будетъ преимущественно посвящена отечественной, Русинской жизни и намѣрена быть вполнѣ *Словомъ Руськимъ*. Редакція »Слова« призываетъ увидшихъ съ нею по одному пути — служить соединенными силами »святій справѣ Руського народу.«

»Слово« начинаетъ тѣмъ, что будетъ печататься *гражданкою*, а не польскими и не церковно-славянскими буквами, какъ домогались того — съ одной стороны Поляки, съ другой — Австрійцы. Мы увѣрены, что »Слово« достойнымъ образомъ исполнитъ свое дѣло и не смотря двойной иноплеменный гнетъ — пребудетъ вѣрнымъ и непоколебимымъ слугою Русинской народности, и до конца не измѣнитъ народному желанію, превосходно высказанному почтеннымъ Я. О. Головацкимъ. — Доказывая право Русинскаго народа на охраненіе и развитіе своей народности, — онъ выразился такъ на счетъ всѣхъ препятствій и противодействій: »насъ можно сломать, но — не согнуть«. Мы въ этомъ увѣрены, вида оживленіе Русиновъ, вида готовность ихъ — приносить сильныя жертвы для всякаго дѣла, полезное народному просвѣщенію и благосостоянію.

Еще разъ братски привѣтствуемъ Русинское «Слово». Но не утаимъ отъ него нашего глубокаго убѣжденія, которое, быть можетъ, раздѣляетъ уже съ нами редакция: «Слово» тогда будетъ имѣть успѣхъ, тогда достигнетъ цѣли, когда сдѣлается народнымъ не только по своему намѣренію, не только по мысли, но и по языку. «Лучше своё лѣтане, ніжъ чужее хвѣтане, дѣше своё лѣхмане, ніжъ чужее прѣхмане.» Этого народнаго языка слѣдуетъ искать не въ книгахъ, а въ живомъ словѣ народа: оно должно быть главнымъ источникомъ и основой письменной словесности; изъ него, какъ изъ корня, она должна развиваться и расцвѣтать. Пользуясь безъ разбора другими языками, что мы безпрестанно замѣчаемъ у Галицкихъ Русинскихъ писателей, «Слово» можетъ достигать постороннихъ цѣлей, но — не главной, и никогда не сдѣлается живымъ органомъ народной мысли и чувства, никогда не будетъ душою народной жизни.

Сообщаемъ нашимъ читателямъ объявленіе о «Словѣ», въ подлинникѣ:

### ЗАПРОШЕНІЕ КЪ ПРЕДЛАГАТЬ

НА РУСКУ ПОЛИТИЧНУЮ ЧАСОПИСЬ

## «СЛОВО»

издаваему въ Львовѣ 1861.

Высыдаемъ сіе запрошеніе въ русскій мѣръ тотчасъ послѣ полученія концессіи на издаваніе нашего «Слова», увѣрены будучи, що скорымъ объявленіемъ возрадуемъ многихъ, которые будь письменно, будь устно не перестаютъ допрошивать насъ, коли уже разъ станемъ рѣдною рускою часописію бесѣдовати о справахъ домашнихъ та заграничныхъ съ любимыми Родимцами.

Концессію получили мы  $\frac{3}{15}$  Сѣчня с. г., и подаемъ слѣдующій существенный уступъ ей до общей вѣдомости: «Высокое ц. к. Министерство Полиціи удѣлило Вамъ рѣшеніемъ зъ дня 7 т. м. Ч. 68 концессію на издаваніе кавціональной временописи, котора мае по предложенному Вами програму въ языкѣ рускомъ подъ названіемъ «Слово» що тыждня два разы во Львовѣ выходити и въ початны Института Ставропигійско-го Вашимъ власнымъ накладомъ печататися.»

Мы починили соответствныя кроки относительно кавціи, и надѣемся на сихъ дняхъ вручити ю принадлежащимъ властямъ. Взглядомъ же програму объявляемъ тутъ коротко, що стаемъ на основаніи цѣсарского Диплома зъ 20 Октоврія 1860 года, принимаючи его лояльно въ такомъ смыслѣ, въ якомъ ростолкованный онъ за свѣжа извѣстнымъ Обружннмъ Посланіемъ нового Державного Министра, Рыцаря А. Шмерлинга. Точнѣйшее розвитие и близшее опредѣленье нашего политическаго вѣроисповѣданія оставляемъ до первого числа нашей временописи, прѣмъчая нынѣ тѣлько то, що намѣрены мы головную и наибольшу часть нашего «Слова» посвятити справамъ рускимъ, домашнимъ, стараючися усильно, абы сіе «Слово» въ полномъ смыслѣ было — *русское*.

Тожъ засылаючи дружеское поздравленіе нашимъ Родимцимъ-Писателямъ, бѣольшою частію объявившимъ уже свою готовость насъ прѣлѣжнымъ сотрудиемъ всперати, взываемъ такъ Ихъ, якъ и всякого, кому благо нашего народа лежитъ на сердци, абы изволили они хотьбы *уже отъ нынѣ* смѣло и отверто дописывати къ намъ преимущественно въ справахъ Руси домашнихъ. Оразъ же запрашаемъ такъ Почт. Родимцѣвъ нашихъ Галицкихъ, якъ и Братей-Русиновъ за-Карпатскихъ до всевозможно численнаго соучастія въ предплатѣ, изъявляючи мимоходомъ то, що впрочемъ всѣмъ извѣстно, яко существованье нашей временописи исключительно и едино отъ того Ихъ соучастія зависить.

Ведля затверженнаго концессією програму помѣщати буде наша временопись: *вступнымъ артикулы*, имѣюции на цѣли росправляти о вопросахъ политичныхъ, социальныхъ и религіиныхъ; *дописи* содержания розличнаго; *пересмотръ часописей* краевыхъ и заграничныхъ; *извѣстїи* зъ краевъ коронныхъ Австріи и зъ чужины; *справозданья* и донесенія о дѣлательности благополезныхъ рускихъ обществъ, яко: Матцы русской, Комиссіи Народнаго Дому, Братства Ставропитійскаго и пр.; *посланїя* и рѣшенія рускихъ *Ординариатовъ* и Консясторій, именно тїм, которы дотычатъ справъ Духовенства и дѣлъ школьныхъ; *новинки* щоденныя; обвѣщенія урядовыя, — *курсъ* грошей, — *цѣны* земледельцъ, — *инсераты*. Кромѣ того догѣшнюю часть «Слова» займе *фелетонъ*, который своимъ преимущественно науковымъ и изъясчно-литературнымъ содержаниемъ составлять буде нѣяко особную часопись въ часописѣ.

Уже зъ другой половины с. м. — числячи по нашему рускому Мѣсяцеволу — стане выходити наше «Слово» на аркуши великаго формата по *два разы на тыждень*, именно що Середы и Суботы. Намѣряя искреннее согласіе сохранять съ заслужившимся отъ давна для Ру-

си «Вѣстникомъ» Вѣдѣнскимъ, оно здоровить его днесъ по братиѣму и предлагае: служити соединенными силами *святой справы руского народа* — взаимнымъ дополненіемъ.

«Слово» буде печататися *гражданкою*, котора власнѣ теперь свѣжо для него выливается, и чейже до первого числа буде уже готова. Пренумерата выноситъ на *цѣлый рокъ* вразъ съ почтовою пересылкою 8 р. а. в., на *полъ року* 4, на *четвертьроціє* 2 р. н. Въ мѣстци дозволяея и на 1 мѣсяць по 67 кр. пренумеровати.

Бюро Редактора есть на головной Лычаковской улицѣ подъ ч. 100<sup>1</sup>/<sub>4</sub>; — экспедиція же умѣстится отъ дня появленія «Слова» въ Народномъ Домѣ, куда изволятъ тиі Г. Пренумеранты, которымъ на мѣстци предплатити желають, отповѣдну належитость на руки нашего Сотрудника, тамъ же обытающого, ласкаво отсылати.

Богданъ А. Дзидицкій,  
отвѣчательный редакторъ «Слова».

Львовъ, въ навечеріє С. Богомилемія 1861.



# БИБЛЮГРАФІЯ

## ВОПРОСА ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПОМЪЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ЮЖНОРУССКОМЪ КРАѢ.

Съ 1857 — 1860.

---

### I. Исторія крестьянскаго вопроса.

**КРЕСТЬЯНЕ** въ Юго-Западной Руси XVI в. *Д. Мордовцевъ. Архивъ Н. Калачева.* 1859, 3. (3-я часть серіи, прежде издана Архива г. Калачева), 19 — 47 стр.

Статья помѣщена подъ рубрикою: *Приготовительныя свѣдѣнія для словаря историко-юридическаго собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ*, встречающихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ. — Содержание: крестьяне: а) королевскіе, частныхъ владѣльцевъ, вольные нахожіе, б) тяглые, огородники, подсуѣдки, вольники, осадники, бояре путные, конные, земляне. Инвентари. Арендные листы.

**НАШИ ВЪ ВЪГАХЪ.** *Аванасьевъ. Южный Сборникъ;* 6, стр. 51 — 60.

Разсказъ о томъ, какъ крестьяне, вслѣдствіе распространеннаго слуха о раздачѣ даромъ земель въ Крыму и на Кавказѣ, поднялись на переселеніе.

**ОБЪ ОТКРЫТИИ** Черниговскаго комитета по крестьянскому дѣлу и о закрытіи засѣданій оного. *Ө. Павловъ. Черниговскія губернскія вѣдомости.* 1859; 9, 10 стр.

Открытие происходило 22 июня 1858 г., закрытие же 22 февраля 1859 г. Въ статьѣ помѣщены рѣчи: Начальника губерніи, г. г. А. И. Покорскаго—Жоравко, Н. П. Бороздны, В. И. Лязоуба; стихи: А. П. Ханенко; рѣчи: В. О. Подысоцкаго, П. А. Васильчкова, Г. И. Галагана, А. И. Лязоуба и В. Д. Дунинъ—Барковскаго.

**ХАРЬКОВСКІЙ ГУБЕРНСКІЙ КОМИТЕТЪ** по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. *Як... Прибавленія къ Харьковскимъ губернскимъ вѣдомостямъ*. 1859; 33 и 34 и *Русскій Дневникъ*; 1859, 8 стр.

Здѣсь помѣщены: 1) Рѣчи П. И. Лялина, 2) Д. А. Хруцова, 3) стихи Н. К. Гарцевича, 4) рѣчь М. Г. Гаршина, 5) Н. С. Краевскаго, 6) А. Н. Бахметева, 7) П. И. Нахимова, 8) г. Воитенко и 9) Г. П. Данилевскаго.

**ОБЪ УСТРОЙСТВѢ** быта крестьянъ въ Галиціи. Е. Карповичъ. *Отечественныя Записки*. 1858; 3, стр. 34.

Историческое изложеніе устройства крестьянскаго быта въ Галиціи, начавшееся въ 1774-мъ году уничтоженіемъ, Австрійскимъ кодексомъ, крѣпостнаго права, какъ пачала юридическаго и продолжающееся и по нынѣ опредѣленіемъ панщины. Въ концѣ статьи авторъ задаетъ себѣ 3 вопроса: 1) Своевременно и не рано ли послѣдовало въ Галиціи измѣненіе въ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянну? 2) Справедливо ли было пропзвести это измѣненіе? 3) Нужно ли было сдѣлать вознагражденіе тѣмъ, которые потерпѣли убытокъ вслѣдствіе введенія новаго государственнаго порядка?

**ОБЪ УСТРОЙСТВѢ** быта крестьянъ въ Галиціи. *Журналь Землевладельцевъ*. 1858; 7, 6 стр.

Разборъ статьи Е. Карповича, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г., № 3.

**ОБЪ УЛУЧШЕНІИ** быта сельскаго населенія Австріи. К. Фогель. Ст. I и II. *Сынъ Отечества*. 1858; 22 и 29. —

Тутъ же говорится и о Галиціи.

**ОБЪ УСТРОЙСТВѢ** земледѣльческаго сословія въ Австріи. Н. Рунъ. *Русская Бесѣда*. 1857; 1, стр. 105—136.

**Замѣтки** о заселеніи земель и о владѣніи ими въ Константиноградѣ.

скомъ уѣздѣ. *И. Дьяковъ. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.* 1860; 8, стр. 56—70.

Представляя мои бѣглыя замѣтки, говоритъ авторъ, о заселеніи и владѣніи землями на частичкѣ мѣстности Новороссійскаго края, основанныя на преданіяхъ и семейныхъ документахъ, я имѣлъ въ виду только сообщить нѣсколько матеріаловъ для исторіи Новороссійскаго края, начало которой положено г. Скальковскимъ въ его «Хронологическомъ обозрѣніи Новороссійскаго края.»

**С т а р о з а и м о ч н ы я з е м л и** Харьковской губерніи. *Т. Селивановъ. Харьковскія губернскія вѣдомости.* 1860; 5, 6 стр.

Статья эта написана по поводу предстоящихъ преобразованій быта помѣщичьихъ крестьянъ, когда дѣлается необходима исторія землевладѣнія. Подъ словомъ «старозаимочныя земли» подразумѣваются такія земли, которыя еще во время царя Алексѣя Михайловича, 1699 г., были розданы украинскимъ полкамъ, въ видахъ образованія населенія, которое своимъ заселеніемъ пустыхъ мѣстъ между Россією и Крымомъ, заслонили бы отечество наше отъ опустошительныхъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ (слово *заимка* выражаетъ свободное занятіе).

**О д р е в н и хъ с е л ь с к и хъ о б щ и н а хъ** въ юго-западной Россіи. *Н. Иванцшевъ. Русская Бесѣда.* 1857; 3, стр. 1—57.

Въ этой статьѣ, на основаніи актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскихъ изложены: составъ юго-западной сельской общины, устройство сельскихъ народныхъ собраній и юридическіе обычаи, по которымъ производились слѣдствія и постановленія судебныхъ рѣшеній.

**П о п о в о д у п р е д ъ и д у щ е й с т а т ь и.** *Б. Русская Бесѣда.* 1857; 3, стр. 58—63.

Авторъ указываетъ на связь сельскихъ общинъ юго-западной Россіи, въ XVI и XVII ст. съ древними русскими общинами, засвидѣтельствованными Русскою Правдою и лѣтописями. *Русская Бесѣда.* Тамъ-же и о томъ-же, стр. 63—64.

**М н ы н и е** одного украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями объ указѣ 23-го мая 1816 г. и объ Эстл.

постановленіяхъ. *В. Каразинъ. Чтенія въ И. Общ. Исторіи и Древностей Рос.* 1860; 2, стр. 218—227.

## II Источники для разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

**ВЗДОРОЖАНІЕ ЗЕМЕЛЬ** въ Новороссійскомъ краѣ. *Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 133, I ст.

**ВОЛЬНО-НАЕМНЫЕ РАБОЧИЕ** въ Новороссійскомъ краѣ. *Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 128, I ст.

**ПРОДАЖНЫЯ ЦѢНЫ** на земли въ Полтавской губерніи. *Д. Бутовскій. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.* 1860; 1, стр. 1—8.

Эта статья написана по поводу: «*Сельдѣній о продажныхъ цѣнахъ на земли, составленныхъ по купчимъ крѣпостямъ, предъявленнымъ ко вводу во владѣніе въ уѣздные суды, за послѣдніе 5 лѣтъ.*» *Г. Бутовскій* доказываетъ, что эти цѣны невѣрны, ибо многіе помѣщики, во избѣжаніе большихъ издержекъ по купчимъ крѣпостямъ, уменьшаютъ въ 6, 7 и болѣе разъ покупную цѣну, чему обыкновенно содѣйствуютъ законныя власти ради пріязни, родства и знакомства. Не будетъ ли лучше, говоритъ авторъ, сумму десятилѣтняго дохода съ поземельныхъ угодій принять за цѣну земли?

**ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ** въ Елисаветградѣ, 20, 21 и 22 апрѣля, 1860 года. *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.* 1860; 9, стр. 65—110.

Подробное извлеченіе изъ отчета, представленнаго Предсѣдателемъ съезда *О. И. Гулакомъ* въ Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

**ОТЧЕТЪ** о земледѣльческомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Елисаветградѣ, 20, 21 и 22 апрѣля, 1860 г. *О. И. Гулакъ. Записки И. Общ. Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.* За 2-ю и 3-ю трети 1860 г., стр. 1—108.

Содержаніе: Программа земледѣльческаго съезда. Земскіе банки, статья *Д. Н. Струкова*—Земскіе банки, мнѣніе землевладѣльцевъ. Нужды и желанія землевладѣльцевъ, ст. *О. Гулака.* Теорія и практика, ст. г. *Палиссестова.* Вопросъ относительно приложенія къ хозяйству вольнаго тру-

да ст. *О. Гулака*. Мѣтнія землевладѣльцевъ: 1) О грамотности поселянъ, 2) о вольнонаемныхъ рабочихъ. (Кромѣ того помѣщено много статей по сельскому хозяйству). Въ статьѣ г. Струкова изложены главныя обязательныя условія будущихъ земскихъ кред. обществъ.

**Е л и с а в е т г р а д с к і й с ѣ з д ъ землевладѣльцевъ. Д. Струковъ. *Сельское Хозяйство*. 1860, 7, стр. 87—99.**

Имѣя въ виду предстоящія преобразования въ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ, помѣщики Елисаветградскаго и Александрійскаго уѣздовъ, рѣшились сѣзжаться ежегодно въ Елисаветградъ для разрѣшенія вопросовъ, близко—касающихся къ будущему измѣненію быта, какъ крестьянскаго, такъ и ихъ собственнаго. На 1-мъ сѣздѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ г. Гулака, которому принадлежитъ и самая мысль о сѣздахъ, болѣе всего разсуждали о земскихъ банкахъ, о распространеніи грамотности и о сельскохозяйственныхъ предметахъ. Касательно земскихъ банковъ, помѣщики того мѣтнія, что приложеніе началъ, на которыхъ основанъ кредитъ земскихъ банковъ, къ Новороссійскому краю, едва ли возможно въ настоящее время, какъ по причинѣ отсутствія общественнаго довѣрія, такъ и по причинѣ недостатка и цѣнности капиталовъ. Также, помѣщики не считаютъ возможнымъ воспользоваться предложеніемъ о временномъ учрежденіи кредитныхъ отдѣленій при Приказахъ Общественнаго Призрѣнія, какъ потому, что въ случаѣ отдѣленія крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, перезалогъ оставшихся у помѣщика земель въ большинствѣ не будетъ представлять достаточнаго обезпеченія для займовъ, доселѣ выдававшихся по числу душъ, такъ и потому, что финансовая опытность непремѣнныхъ членовъ Приказовъ весьма ограничена. Во избѣжаніе подобныхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, помѣщики ходатайствуютъ у Правительства продолженія, хотя бы на 3 или на 6 лѣтъ, прежняго дѣйствія государственныхъ кредитныхъ учреждений по ссудамъ подъ залогъ земель, съ выпускомъ закладныхъ листовъ на закладываемыя имѣнія, на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ положенія о земскихъ банкахъ.

**Ч и с л о** помѣщичьихъ крестьянъ въ Полтавской губерніи, по послѣд-

ней ревизіи. *Полтавскія губернскія вѣдомости*. 1860; 3, 2 стр.

Число этихъ крестьянъ простирается до 326,404 лицъ мужскаго пола; въ этомъ числѣ находится 40,787 людей дворовыхъ.

**ХАРЬКОВСКІЙ ПОМѢЩИКЪ** въ настоящее время. Письма: 1, 2 и 3. *Г. Данилевскій. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 3, 7 и 13, 48 стр.

Статистическія данныя по Харьковской губерніи.

**ХАРЬКОВСКІЙ ПОМѢЩИКЪ** въ настоящее время. *А. Розалионъ-Сошальскій. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 8, 14 стр.

Опроверженіе предъидущей статьи съ цѣлью защитити помѣщичье сословіе.

**О ЖАТВЕННОЙ МАШИНѢ**. Вопросъ г. Данилевскому. *Н. Жихаревъ. Журналъ Землевладельцевъ*. 1859; 19, 1 стр.

По поводу предъидущей статьи.

**СТАТИСТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ** для проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *Дм. Бутовскій. Сельское Благоустройство*. 1858; 4 и 10, стр. 3—14 и 7—14.

Данныя эти относятся: 1) къ землѣ, 2) къ цѣнности произведеній съ земли, 3) къ задѣльной платѣ, 4) къ быту помѣщичьихъ крестьянъ до 1858 г., 5) къ сельскимъ обществамъ помѣщичьихъ крестьянъ и 6) къ усадебной осядлости помѣщичьихъ крестьянъ.

**Замѣчанія** на статью г. Бутовскаго: «Статистическія данныя для проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи». *Павелъ Трегубовъ. Сельское Благоустройство*. 1858; 9, стр. 297—306.

Замѣчанія г. Трегубова относятся ко 2-му и 3-му пунктамъ предъидущей статьи.

**О КРЕСТЬЯНАХЪ** Подольской губерніи. *Русская Газета*. 1859, (59) 7, 4 ст.

Сначала, для уясненія вопроса о преобразованіи участи крестьянъ, въ статьѣ своей, авторъ говоритъ о прошлой судьбѣ ихъ; потомъ знакомитъ съ настоящими средствами, какъ нравственными такъ и матеріальными, и оцѣниваетъ то влія-

ніе, какоє оказываютъ на ихъ бытъ, съ одной стороны инвентарныя положенія, а съ другой стороны, переводъ многихъ изъ нихъ на оброки. (Статья не окончена по случаю прекращенія «Русской Газеты».

**Иностранцы земледѣльцы, поселившіеся въ Россіи на помѣщичьихъ земляхъ.** *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.* 1860; 3, стр. 47—51.

Здѣсь помѣщена копія (въ переводѣ съ французскаго) съ договора, формально заключеннаго во Франціи, года 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> тому назадъ, между г. Феликсомъ д'Эскудые-де Виллестаномъ, капиталистомъ изъ Тулузы, съ одной стороны, и нѣсколькими французскими земледѣльческими семьями — съ другой, относительно ихъ переселенія въ Россію и работъ на помѣщика (г.г. Зиро и Энглезіи, — въ Новорос. краѣ), на земляхъ котораго они должны были быть поселены.

**О помѣщичьихъ имѣніяхъ въ Крыму.** *У. Шатиловъ. Сельское Благоустройство.* 1858; 1, стр. 1—16.

Говоря о богатствахъ, которыми природа такъ щедро надѣлила Крымъ, авторъ замѣчаетъ, что большая часть этихъ богатствъ остается необработанною по причинѣ гнѣности, коренныхъ обитателей полуострова, — Татаръ, отъ которой страдаютъ интересы какъ помѣщиковъ такъ и крестьянъ. Чтобы помочь горю авторъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) установленіе постоянныхъ условій съ Татарами и вмѣстѣ съ тѣмъ — работы урочной, 2) увеличеніе народонаселенія русскаго и 3) поощреніе колонизаціи Болгаръ.

**Сѣверная и Южная Россія.** *Г. Никифоровъ. Журналъ Землевладельцевъ.* 1858; 3.

Сѣв. и Юж. Россія въ настоящей ст. разсматривается въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

**Сѣверная и Южная Россія.** *А. Розаліонъ-Сошальскій. Журналъ Землевладельцевъ.* 1858; 8, 14 стр.

Опроверженіе предъидущей статьи.

**Отвѣтъ** гг. Тернеру и Розаліону-Сошальскому. *И. Никифоровъ. Журналъ Землевладельцевъ.* 1858; 13, 9 стр.

Г. Тернеръ разбираетъ въ 8-мъ № «Библіотеки для Чтенія» статью г. *Никифорова*: Сѣверная и Южная Россія, помѣщенную въ № 3 «Журнала Землевладельцевъ» Въ 8-мъ

№ «Журнала Землевладельцевъ» г. *Розаліонъ - Сошальскій* дѣлаетъ замѣчанія на статью *г. Никифорова*. Въ настоящемъ отвѣтѣ *г. Никифоровъ* представляетъ свои возраженія *и. Тернеру* и *Розаліону-Сошальскому*.

**О х о з я и с т в ѣ** Полтавской губерніи (письмо къ Редактору Э. У). *А. Чужбинскій. Экономическій Указатель. 1858; 45, 6<sup>1</sup>/<sub>2</sub> столбцовъ.*

**О р а б о ч и х ъ** въ степной части Крыма. *Фр. Домбровский. Записки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. 1859; 3, стр. 105—125.*

Жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ въ Крыму.

**П а р а л л е л ь** рабочихъ силъ въ Херсонской губерніи, по отношенію къ сельской промышленности. *Г. Кузьменко. Одесскій Вѣстникъ. 1860; 27, 12—<sup>1</sup>/<sub>2</sub> стр.*

**Н ѣ с к о л ь к о** словъ о наймѣ рабочихъ. *К. Русская Газета. 1859; 17, 2 стр.*

Авторъ говоритъ о наймѣ, въ Новороссійскихъ губерніяхъ, рабочихъ, черезъ посредство волостнаго головы, безъ всякаго спроса на то самихъ крестьянъ и о притѣсненіи послѣднихъ помѣщками.

**Б ы т ь** помѣщичьихъ крестьянъ на Подолѣ, Волынѣ и Украйнѣ. Историческое описаніе до введенія общихъ инвентарей въ западномъ краѣ. Составилъ по польскимъ источникамъ *Д. Т. Кіевъ*. Въ типографіи И. и А. Давиденко, (быв. Вальнера.) 1859. Въ 16-ю д. л. XII, 56 и I стр.

Оглавленіе: Бытъ русскаго сельскаго населенія до присоединенія западнаго края къ Россіи, 30 стр.—Развитіе духа крестьянъ подъ русскимъ правленіемъ, стр. 31—39 и—Экономическое положеніе быта крестьянъ до введенія общихъ инвентарей, стр. 39—56.

Цѣль автора, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, заключается въ томъ, чтобы указать тѣ обстоятельства, которыя могутъ укрѣпить внутреннее убѣжденіе, что существующій порядокъ взялъ перевѣсъ не по одной матеріальной силѣ, но и по моральной возвышенности своей.

**С п о л ь щ и к и.** *Тарасенко-Отръшковъ. Указатель Полѣтико—Экономическій. 1860; 18, 2 стр.*

Спольщики это — тѣже половники въ Малороссіи.



**КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ И ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ НОВОРОССІИ.** *А. Скальковскій. Русскій Дневникъ.* 1859; 56 и 57, 14— $\frac{1}{2}$  ст.

Бѣглый очеркъ настоящаго и будущаго владѣнія землей въ Новороссіи.

**РАБОТА БАРЩИНСКАЯ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.** *В. Шостаковъ. Записки Общ. Южной Россіи.* 1848; и *Земледѣльческая Газета.* 1849, 57. 5 стр.

**МНѢНІЕ** Харьковскаго помѣщика. *М. Гартинъ. Журналъ Земле-владѣльцевъ.* 1858; 7, 2 стр.

Объ отмѣнѣ барщины, введеніи наемной работы и устано-вленіи денежнаго оброка.

**ПРИЛОЖЕНІЕ** наемнаго труда въ хозяйствѣ южной полосы Россіи. *А. Тимковскій. Земледѣльческая Газета.* 1859; 98 и 99, 5 стр.

**ЦѢНА** земли и вольнаго труда въ Екатеринославской губерніи. *И. Ра-чинскій. Земледѣльческая Газета.* 1859; 30, 3 стр.

**ГОЛОСЪ** изъ юго-западной Руси. Кіевъ. Типографія *И. и А. Дави-денко.* 1860. Въ 8-ю д. л. 22 стр.

Объ улучшеніи нравственнаго быта югозападныхъ кре-стьянъ.

### III. Собственно крестьянскій вопросъ, т. е. статьи, въ которыхъ обсуживаются мѣры и способы разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

**НѢСКОЛЬКО** данныхъ, на основаніи которыхъ можно улучшить по-ложеніе крестьянъ въ южной Руси. *Илья Капнистъ. Жур-налъ Землевладѣльцевъ.* 1858; 7, 10 стр.

Основываясь на статьяхъ 4016 и 965 Св. Законовъ, Т. IX, изд. 1842 г., авторъ полагаетъ, что крестьянамъ слѣдуетъ отдѣлить на ревизскую душу по  $2\frac{1}{4}$  десятины, что составитъ на тягло по  $6\frac{3}{4}$  десятины (по разсчету 3 душъ на тягло). Онъ распредѣляетъ это количество такъ:  $\frac{3}{4}$  десятины подъ усадьбу и огородъ, 3 десятины подъ посѣвъ,  $1\frac{1}{2}$  десятины подъ паръ, т. е. толоку и  $1\frac{1}{2}$  десятины подъ лугъ. На счетъ крестьянскихъ повинностей г. Капнистъ полагаетъ такъ: общество за каждую выдѣленную ему десятину должно дать

одного работника въ продолженіи 30 дней въ годъ. Работу слѣдуетъ распредѣлить на уроки, опредѣливъ мѣру ихъ одинъ разъ навсегда, и раздѣлить на четыре времени года

**О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ въ Малороссіи. Н. А. Ригельманъ. *Сельское Благоустройство*. 1859; 1, стр. 23—39.**

При разрѣшеніи вопроса преобразованія крестьянскаго быта, говоритъ авторъ, должно руководствоваться преимущественно тремя соображеніями: 1) — произвести эту перемѣну наименѣе убыточнымъ образомъ для помѣщиковъ; 2) — создать для крестьянъ положеніе сколько-нибудь прочное; 3) — въ возможно — скорѣйшемъ времени прекратить обязательныя отношенія между тѣми и другими. Г. Ригельманъ, недоказывая важности этихъ трехъ задачъ, прямо переходитъ къ ихъ разрѣшенію. По его мнѣнію, наилучшее средство было бы: выкупъ крестьянскихъ усадебъ и небольшого количества земли (размѣръ зависитъ отъ мѣстности) въ собственность крестьянъ, посредствомъ процентныхъ облигацій, такъ какъ это было сдѣлано въ иностранныхъ государствахъ. Сверхъ сего г. Ригельманъ, въ своей статьѣ, касается всѣхъ сторонъ крестьянскаго вопроса.

**Мысли о примѣненіи основныхъ началъ къ дѣйствительному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Новороссійскаго края. К. Роцаковскій. *Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 6, 28 стр.**

Статья г. Роцаковскаго обнимаетъ собою всѣ вопросы по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Между прочимъ онъ говоритъ о необходимости барщины, о невмѣшательствѣ постороннихъ въ крестьянскія дѣла, о предоставленіи права покупать помѣщичьи населенныя земли людямъ другихъ сословій, и пр. Вообще вся статья написана въ духѣ помѣщиковъ.

**Замѣтка на статью г. Роцаковскаго: »Мысли о примѣненіи, и пр. Бэля. *Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 10, 11 стр.**

Замѣчанія автора относятся къ вопросу о выкупѣ крестьянами ихъ строеній. Доказывая несправедливость этой мѣры, г. Бэль говоритъ, что нѣтъ возможности оцѣнить то, что именно принадлежитъ помѣщику, даже и въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ снабжалъ крестьянъ своимъ лѣсомъ, ибо эти мате-

ріалы срублены, вывезены и выдѣланы, или трудомъ, или деньгами самого крестьянина.

**О т в ѣ т ь** г. Баяю. *К. Роцаковскій. Журналъ Землевладельцевъ.* 1858; 13, 5 стр.

**О б ъ у л у ч ш е н і я** быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *Полтавскій помѣщикъ. Отечественныя Записки.* 1858; 10, 16 стр.

Авторъ доказываетъ, что помѣщичьи крестьяне живутъ не хуже государственныхъ крестьянъ, что они трудолюбивѣе и нравственнѣе ихъ; далѣе онъ изъясняетъ опасеніе, что помѣщичьи крестьяне, лишеныя пособія и надзора со стороны своихъ владѣльцевъ, будутъ впредь не въ лучшемъ, а худшемъ состояніи. Между прочимъ онъ изъясняетъ сожалѣніе, что законъ воспрещаетъ помѣщикамъ продавать крестьянъ на съвозъ.

**П о п о в о д у** статьи Полтавскаго помѣщика объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *А. Кришталовичъ. Спб. Вѣдомости.* 1859; 102.

**М н ѣ н і я** о способахъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Харьковскаго уѣзда. *Сельское Благоустройство.* 1858; 9, стр. 271—282.

За нормальную величину надѣла на работника или тягло, въ этомъ мѣстѣ, предполагается принять:  $1\frac{1}{2}$  десятины пахати въ каждомъ изъ трехъ клѣновъ,  $\frac{1}{2}$  десятины сѣнокоса и  $\frac{1}{4}$  десятины подъ усадьбу и огороды. — Выгонъ полагается, для избѣжанія неприятныхъ столкновеній, оставить въ общемъ пользованіи. — Нормальный надѣлъ усадьбы долженъ быть  $\frac{1}{4}$  десятины на тягло. — Цѣна ей полагается двойная противъ пахатной земли, т. е.  $\frac{1}{4}$  десятины надобно считать за  $\frac{1}{2}$  десятины, во всякомъ случаѣ она не должна превышать 300 р. за десятину.

Усадьба, однажды отмежеванная, остается въ полномъ владѣніи общины. Помѣщики уступая ее крестьянамъ, могутъ не требовать выкупа, но съ тѣмъ, чтобы общество отбывало повинности за нее, равно какъ и за пахатную землю. — Усадьба остается неотъемлемою и потомственной принадлежностью крестьянской земли, совсѣми постройками на ней находящимися, но въ случаѣ выселенія крестьянской семьи, у-

садыба переходить въ распоряженіе общины и отдается новому жильцу, невначе, какъ съ разрѣшенія помѣщика. — Перемяна усадебъ можетъ быть дозволена только съ обоюднаго согласія и съ тѣмъ, чтобъ помѣщикъ далъ определенное пособіе на переселеніе. Общество обязано отбывать повинности троякимъ образомъ: а) платою, б) работами, с) сельскими продуктами. Мѣра вознагражденія по расчету должна состоять: деньгами въ 28-ми руб. сер., или въ работѣ въ двухъ дняхъ въ недѣлю. Для правильнѣйшаго выполненія барщины слѣдуетъ начертать урочное положеніе и оцѣнить каждую работу. — Помѣщикъ имѣетъ дѣло съ общиною, а не съ каждымъ работникомъ. — Въ заключеніе не мѣшаетъ сказать, что это мнѣніе, какъ полагаетъ г. *Кошелевъ*, пользуется въ Харьковскомъ уѣздѣ общимъ одобреніемъ.

**П о п о в о д у** статьи: «Мнѣніе о способахъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Харьковскаго уѣзда» *Д.* (Сельское Благоустройство, № 9). *Земледѣльческая Газета*. 1858; 83, 4 столб.

Здѣсь выставляется неправильность нѣкоторыхъ положеній и преувеличеніе въ оцѣнкѣ крестьянскихъ повинностей, содержащихся въ вышеупомянутомъ мнѣніи.

**Д в о р о в ы е л ю д и** въ Новороссіи. *А. З. Спб. Вѣдомости*. 1859. 42; 2 <sup>1</sup>/<sub>2</sub> ст.

Будутъ ли надѣлены усадебною осядлостью и нужнымъ количествомъ земли дворовые люди въ Новороссіи?, спрашиваетъ авторъ, и отвѣчаетъ, что эти дворовые люди, отличающіеся отъ дворовыхъ людей другихъ губерній, тѣмъ, что будучи взяты во дворъ помѣщика и получая скудное содержаніе и жалованіе и употребляемые ежедневно на полевья и другія работы, по справедливости должны быть освобождены на общихъ условіяхъ.

**С о о б р а ж е н і я** объ устройствѣ крестьянъ въ Черниговской губерніи. *И. Волковъ. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 13, 7 стр.

Г. Волковъ объявляетъ себя за выкупъ, находя, что всякое неполное разрѣшеніе задачи не удовлетворитъ крестьянъ, не успокоитъ помѣщиковъ и будетъ только поводомъ къ частнымъ и грустнымъ столкновениямъ. Въ своемъ проектѣ выкупа цѣнности того, что отходить отъ помѣщика, авторъ

имѣть въ виду выпускъ облигацій; для ускоренія же выкупа онъ предлагаетъ разныя мѣры.

**ТАВРИЧЕСКІЙ ЗЕМСКІЙ БАНКЪ.** *Изв. Шм—ковъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 100, 1 ст.

Этотъ банкъ предполагается открыть по поводу переселенія Татаръ, отъ котораго сильно страдаетъ земледѣліе въ Таврической губерніи.

**МЫСЛИ** по поводу надѣла помѣщичьихъ крестьянъ землею въ Екатеринославской губерніи. *В. Віельгорскій. Земледѣльческая Газета.* 1859; 60 и 61, стр. 473—479 и 481—484.

**О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ НАДѢЛѢ.** Помѣщикъ Полтавской губерніи *К. Троцина. Сельское Благоустройство.* 1858; 11, стр. 167—174.

Улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ, говоритъ авторъ, должно необходимо состоять: во 1-хъ, въ надѣлѣ крестьянъ землею, въ количествѣ, достаточно ихъ обезпечивающемъ; во 2-хъ, въ установленіи правильнаго соотвѣтствія между трудомъ крестьянъ и предоставляемымъ имъ за него вознагражденіемъ, и въ 3-хъ, въ предоставленіи имъ болѣе свободнаго времени для собственныхъ работъ. — Въ отношеніи перваго пункта, г. Троцина полагаетъ, что надѣлъ въ двѣ десятины на ревизскую душу, по всей справедливости, можетъ быть признанъ достигающимъ цѣли улучшенія быта крестьянъ и обезпечивающимъ выполнение ихъ обязанностей предъ правительствомъ—Въ выноскѣ г. Кошелевъ считаетъ необходимымъ прибавить еще  $\frac{1}{2}$  десятины на усадебную землю и луга.

**ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.** Помѣщикъ Кіевской губерніи. *Журналь Экономическій.* 1860; 22, 1 стр.

Отвѣтъ на статью помѣщенную въ 167 № Указателя Экономическаго: »Должно ли, при опредѣленіи размѣра крестьянскаго надѣла, принять въ основаніе расчетъ по душамъ или по тягламъ?«

Въ своемъ отвѣтѣ авторъ совѣтуетъ произвести надѣлъ не по тягламъ и не по числу душъ, а по семействамъ, либо хозяйскимъ отдѣльнымъ дворамъ, и непременно въ равномъ количествѣ каждому семейству. Норму для надѣла онъ полагаетъ взять семейство, состоящее изъ 5 человекъ.

С е л ь с к а я полицейская власть въ Бессарабіи. *К. Х. Южный Сборникъ*. 1859; 6, стр. 61—69.

З а м ы т к а для составленія проекта положенія о переходахъ крестьянъ Полтавской губерніи. *Д. Бутовскій. Сельское Благоустройство*. 1858; 12, стр. 161—162.

Чтобы остановить обезлюденіе нѣкоторыхъ мѣстностей, по случаю перехода получившихъ свободу помѣщичьихъ крестьянъ, и тѣмъ предупредить разстройство помѣщичьихъ хозяйствъ, авторъ полагаетъ необходимымъ: во 1-хъ, ограничить выселеніе крестьянъ въ другіе уѣзды извѣстнымъ числомъ ревизскихъ душъ, которое окажется излишнимъ, и во 2-хъ, постановить, въ видахъ предупрежденія скопленія въ столицахъ и городахъ пролетаріевъ, чтобы каждое семейство или лицо могло быть приписано къ городскимъ сословіямъ тогда только, когда оно пріобрѣтетъ домъ, по оцѣнкѣ, въ уѣздномъ городѣ—въ 300 р., въ губернскомъ — въ 500 р., а въ столицахъ—въ 1,000 р., или представить такую же сумму денегъ, и пр.

Составилъ В. Л. Межовъ.

## ОБЪ ОТКРЫТІЯ СТУДЕНТСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

### ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Изъ документовъ Студентской Библіотеки (1) видно, что въ 1828 году профессора и студенты Университета, равно какъ и частныя лица, пожертвовали нѣсколько книгъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ Университета. Такимъ образомъ положено первое основаніе Библіотеки для казеннокоштныхъ студентовъ, а въ 1829 году Правленіемъ Университета передано въ оную, изъ Университетской Библіотеки, нѣсколько дублетовъ. Потомъ приобрѣтаемы были руководства и нѣкоторыя сочиненія частію покупкой, частію пожертвованіями (наприм., профессоръ Е. С. Гордѣенко пожертвовалъ много юридическихъ книгъ, оставшихся послѣ смерти брата его Гавріила С. Г., бывшаго здѣсь профессоромъ уголовного права).

Но съ выпускомъ казеннокоштныхъ студентовъ, по распоряженію начальства, на частныя квартиры, пользованіе этими книгами сдѣлалось неудобно. Часто случалось, что студентъ, пришедшій взять книгу, не заставалъ того лица, которое завѣдывало книгами, ибо оно было занято исполненіемъ своей должности въ другомъ мѣстѣ. Поэтому студенты просили о передачѣ этой Библіотеки въ общее пользованіе всѣхъ студентовъ Университета.

Начальство охотно удовлетворило эту просьбу, но съ тѣмъ условіемъ, что они должны избрать изъ своихъ товарищей: завѣдывателей Библіотеки, принять на себя отвѣтственность за цѣлость казеннаго имущества и распоряжаться сами, подъ руководствомъ одного профессора-наблюдателя, всею Библіотекою.

Что студенты приняли съ живѣйшею благодарностью такое предложеніе — объ этомъ и говорить нечего. Они сознаютъ необходимость са-

---

(1) К. К. Фойгтъ, Историко-статистич. Записки о Харьковскомъ Университетѣ и его заведеніяхъ. Харьковъ, 1839.

жостоятельнаго труда, какъ жизненную потребность образованнаго чело-вѣка.

Затѣмъ Правленіе Университета, составивъ комисію изъ трехъ профессоровъ, поручило оной обревизовать Библіотеку, и, приведши въ новый порядокъ, составить два инвентарныхъ каталога, два подвижныхъ, и оцѣнить всѣ книги по ихъ достоинству, исключивъ негодныя къ упо-требленію.

Порученіе это исполнено. Въ настоящее время Студентская Библіотека, за исключеніемъ книгъ находящихся у студентовъ и недоставлен-ныхъ во время ревизіи, состоитъ 1) изъ 1,022 названій, въ 2,892 во-люмахъ, цѣною на 2,448 руб. 98 коп., по предметамъ юридическаго и историко - филологическаго факультетовъ; 2) изъ 446 названій, заключа-ющихъ 1,455 волюмовъ, цѣною на 1,715 руб. по медицинскимъ, есте-ственнымъ и математическимъ наукамъ.

Очевидно, что такое количество книгъ далеко не соотвѣтствуетъ той полнотѣ, какая требуется даже отъ небольшихъ современныхъ книгохра-нилицъ.

Для пополненія этого существеннаго недостатка, необходимы мате-ріальныя средства, а ихъ слишкомъ мало у большей части студентовъ. Правда, они дали два спектакля, въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, и часть денегъ отложили на выписку книгъ. Потомъ каждый изъ нихъ при-несъ свою лепту въ общую кассу; но всего сбора оказалось недостаточ-но для приобрѣтенія самыхъ необходимыхъ книгъ.

Остается одна надежда, что прежніе воспитанники нашего Универ-ситета, ревнители о просвѣщеніи, редакторы и издатели газетъ, журна-ловъ и книгъ, примутъ участіе въ этомъ благомъ дѣлѣ, и выразятъ со-чувствіе къ нему: словомъ и дѣломъ.

На основаніи § 2 правилъ Студентской Библіотеки, нижеподписав-шейся избранъ студентами въ качествѣ наблюдателя и посредника меж-ду ними и Правленіемъ Университета по дѣламъ, касающимся Библіотеки.

Объявляя объ открытіи Студентской Библіотеки въ Харьковѣ, дол-гомъ считаю присокупить, что книги, географическія атласы и другія пособія, адресованныя: въ Харьковъ, въ Правленіе Университета, съ надписью: для Студентской Библіотеки, — будутъ приняты съ искреннею благодарностью.

О. ПРОФЕССОРЪ И. СВИРИДОВЪ.

Февраль, 1861.  
Харьковъ.



# ОБЪЯСНЕНІЕ

## НЕУДОБОНПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 3-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

**Авжѣжъ**—разумѣется.

**Бадѣрѣистий**—бодрый, бодрящійся.

**Бачъ**—видишь, вишь.

**Безбачченко** — незаконнорожденный.

**Бѣхнути**—звукоподражательный глаголъ, выражающій моментъ тяжелаго паденія, удара и т. п.

**Білшъ**—богѣ.

**Благати**—упрашивать.

**Благѣнькій** — слабѣнькій, плохенькій.

**Бовты** — выражаетъ звукъ сильно всплеснутой воды.

**Божникъ**—попка, гдѣ стоятъ въ хатѣ иконы, кіотъ.

**Болячѣ**—больно.

**Бѣзко**—страшно опасно.

**Бра**—зват. надежъ, сокращ. братъ.

**Бранецъ**—пѣвчикъ.

**Брѣвки**—ум. брови.

**Брѣзнути**—звякнуть; зазвенѣть.

**Буваѣецъ**—бывалый человѣкъ.

**Бурулька**—сосулька, и т. п. Московска бурулька—шнуръ.

**Буть**—(растеніе.)

**Буча**—драка; шумъ.

**Вѣда**—вредъ, помѣха.

**Варуватись**—беречься; сомнѣваться.

**Вбачати**—усматривать, примѣчать.

**Вгамоватися**—утишиться, успокоиться.

**Вгѣда**—угожденіе.

**Вгонобити**—удовольствоваться.

**Вдѣржати**—удержать; выдержать.

**Вдѣяти**—сдѣлать, исполнить.

**Веремія крутити**—нападать въ разсыпную.

**Верховѣдити** — предводительствовать, первенствовать.

**Вжахнутися** — испугаться, вздрогнуть.

**Вздовжъ**—вдоль.

**Взиръ**—образецъ; видъ.

**Вибачити**—извинить.

**Видѣлка**—вилка.

**Визволити**—освободить.

**Виконати**—исполнять.

**Виляти**—выбранить.

**Вилупити баньки** — вытаращить глаза.

**Випростатися**—выпрямиться.

**Випурснути**—ускользнуть, вырваться.

**Вирѣзний**—выразительный.

**Вирнути**—вынырнуть.

**Виругоувати**—изгнать.

**Витнути**—вырубить, выдолбить.

**Вишнячѣкъ**—вишневый садикъ.

**Видля**—Видоки.

**Видукнутися**—откликнуться.

**Видьмувати** — заниматься колдов-

**Віршомѣзъ**—стихоплетъ.

**Віршувати**—ходить для поздравленія съ празникомъ съ виршами или стихами; слагать стихи.

**Вітання**—привѣтъ; приемъ гостей.

**Вкинутися**—предстать; предаться.

**Вкладатися**—укладываться спать.

**Влѣченъ**—мѣтокъ.

**Вовтузитися**—возиться около чего.

**Володіня**—обладаніе.

**Володіти**—владѣть.

**Волосій, волосінь** — конскіе волосы.

**Вонтпити** — колебаться въ душѣ; грустить.

**Ворѣжка**—ворожея.

**Ворушитися**—шевелиться.

Впáртий—упрямый.  
 Впéрти—втащить, вденуть.  
 Впнiятн—удерживать.  
 Врóда—красота.  
 Вступнé—плата при вступленiи въ какое нибудь общество, пользующеся особыми правами.  
 Втерé битн—втащить.  
 Втёрти—утереть; смолоть.  
 Втручáтнся—внiшнваться; ввязываться.  
 Втяжкú—въ примiтку.  
 Вхопiтнся—схватиться, взяться.  
 Вчашáтн—часто приходитъ, являться.  
 Вязéння — арестъ, заключенiе въ тюрьму.

Сергoтáтн—говорить на не понятномъ языкѣ.

Гúлий—о рогатои скотѣ: безрогий.  
 Гáвкати—лгать.  
 Гáдка—мысль; забота.  
 Гадючий—змiйный.  
 Гáля—уменьшит. Анна.  
 Гажувáтн—удерживать.  
 Ганьбувáтн—порочить; нздвваться.  
 Гачóкъ—крючекъ.  
 Гири—плiшшая голова.  
 Гилечка—вiточка.  
 Гладкий—толстый, жирный.  
 Глибшёнко—глубже.  
 Глупа пiчъ—глубокая и непроглядная ночь.  
 Гидтикъ—свiтлыя у свiчи, починка и проч.  
 Годувáтн—признавать надъ собою власть, повиноваться; уважать.  
 Голóбля—оглобля.  
 Голубъiй—глубокъ—дбенышъ.  
 Гонцювáтн—плясать гопакá.  
 Господи́ня—хозяйка.  
 Гоцáкъ—танецъ въ присядку съ прыжками.  
 Грасувáтн—разгуливать и топтать (о топнi людей).  
 Гребiнecъ—гребешокъ.  
 Гребiнка—гребень, употребляемый при пряденiи для расчесыванiя пражн.  
 Грéбля—плотина.  
 Гривнiка — (увелч.) мiдная монета въ 10 копёкъ; 10 копёкъ.  
 Гриндóли — особаго устройства простые сани.  
 Грузъ—щепель.  
 Грюкати — стучать; гремiть; стрiлять.  
 Гулькi—глядi!

Дазъ—бi—Богъ—дасть; нiтъ.  
 Дакъ—вiесто—такъ.

Дéйко!—пу-ко.  
 Дé-колн—кой когда, иногда.  
 Де-не-де—то тамъ, то сямъ; кое сдiь.  
 Держáвецъ—помнiщикъ.  
 Деркáчъ—голикъ.  
 Десъ—гдi-то; словно, какъ будто.  
 Дéякий—иной, нiкоторый.  
 Джерелó—бьющiй ручей.  
 Дзвiнница—колокольня.  
 Дзвiнка—масть бубны (въ карты).  
 Дзiгликъ—табуретъ, стулъ.  
 Дiвонька—(ум. ласк.) дiвушка.  
 Дiвчá—дiвочка.  
 Дiвчинка—дiвушка.  
 Дiжá—квашнiя.  
 Дiлнница—часть, доля.  
 Дмúхати—дуть; раздувать.  
 Довбáтн, или Довбтi—долбить.  
 Довiдуватнся—узнавать.  
 Доглядáтн—присматривать, беречь.  
 Додóму—домой.  
 Дозóрца—надсмотрщикъ; управлiющiй.  
 Дóка—Евдокiя.  
 Домiвка—своя родина, свой домъ.  
 До-пáри—подъ стáть, подъ пару.  
 Допевáтнся—допомогаться.  
 Дорáдeць—совiтникъ.  
 Досвiтчана мáтн—хозяйка, у которой собираются на досвiткн—родъ посидiлокъ до разсвiта.  
 До-снаги—до послiдней возможности; сколько хватало силъ и умнiя.  
 Доткiливнiй — чувствительный, колкiй, щекотливый.  
 До-хрина—очень много (въ шуточномъ тоиъ).  
 Дошкулáтн—довнимать (объ удачахъ).  
 Дошкулiтн—донять.  
 До-шенту—до остатка, до конца.  
 Дригати—болтать ногами.  
 Дригъ—выражаетъ быстрое движенiе ногою.  
 Дрiбнёнько—мiлко.  
 Дрiбъ—дрiбъ—выражаетъ скорую и частую походку.  
 Друкáрня—типографiя.  
 Дрючина—большая дубина.  
 Дрючóкъ—дубина, — большая палка.  
 Дúда или дúдекъ—данъ при крещенiи младенцевъ.  
 Дúжчёнко—немного сильнiе.  
 Дúка—богачъ и знатный человекъ.  
 Дúля—родъ продолговатыхъ грушъ; шишъ, кукишъ.  
 Дуридiнький—глупенький.  
 Духи—отверстiя во льду, для ловли вьюновъ и проч.

**Дяконѣнко**—сынъ діакона.  
**Діаконка**—жена діакона.  
**Дяконча**—дѣтя діакона.  
**Едність**—единоліє, согласіє.  
**Жадець**—ни одинъ.  
**Жакувати**—раскватать, грабить.  
**Жартовливий**—шутливый.  
**Жахнутися**—слегка испугаться.  
**Жіноцтво**—женскій полъ, родъ.  
**Жовніръ**—жоліверъ, польскій солдатъ.  
**Жолніръ**—си. жовніръ.  
**Жорна**—ручная мельница.  
**Забазікатися**—заболѣться, заговориться.  
**Завбільшкм**—величиною.  
**Завзяття**—горячность, упорство.  
**Заволочити**—пройти бороною по засѣянной нивѣ.  
**Загавкати**—залаять.  
**Загадатися**—задуматься.  
**Задвірочъ**—задній дворъ.  
**Зазириути**—заглянуть.  
**Зазнати**—помнить давнее событіе, или лицо.  
**Закликати**—звать, призвать, пригласить.  
**Загрундуювати**—затянуть (узель); закрѣпить.  
**Замість** или **замість**—вмѣсто.  
**Занедбати**—оставить безъ вниманія.  
**Занедужати**—заболѣть.  
**Занепасти**—ослабѣть отъ болѣзни.  
**Запишатися**—возгордиться.  
**Заплющитися**—зажмуриться.  
**Запобігати**—заискивать; предупреждать.  
**Заподіяти**—сдѣлать.  
**Запрацювати**—приобрѣсть тяжелою работою.  
**Запратіти**—забросить, запрятать.  
**Зарадитися**—помочь себѣ безъ печить себя, въ чемъ.  
**Засігъ**—закромъ.  
**Застукати**—заостучать; захватить въ тѣспомъ мѣсть.  
**Засягнути**—занимать, захватывать.  
**Зачинешый**—притворешый.  
**Зачіпка**—прищипка, привязка.  
**Збагнути**—проникнуть до глубины, уразумѣть.  
**Збігъ**—бѣглець.  
**Звадливо**—обидно, досадно.  
**Зваковати**—сдѣлать промахъ.  
**Звестися**—поднятися; обѣдѣть, захлрѣть.  
**Звикти**—привыкнуть.

**Звичайненько**—вѣжливиенько, какъ слѣдуетъ.  
**Звідкіля**—откуда.  
**Звідтіля**—оттуда.  
**Звичати**—обынчать.  
**Звісно**—извѣстно.  
**Звоувати**—разорить войною.  
**Згаіти**—замянуть, промянуть.  
**Згода**—согласіе, миръ.  
**Здобути**—приобрѣсть, добыть.  
**Здолати**—одолѣть; получить силу что-нибудь сдѣлать.  
**Здрімати**—уснуть немножко.  
**Здуріти**—сойти съ ума.  
**Зеленцеъ**—въ незрѣломъ, въ зеленомъ видѣ.  
**Зіпхнути**—столкнуть.  
**Зіходити**—всходить.  
**Змалечку**—съ малолѣтства.  
**Змовчати**—замолчать; ничего не сказать.  
**Змогти**—смоць.  
**Змусити**—принудить.  
**Знависіти**—взбѣситься.  
**Значний**—значный.  
**Знепацька**—нечаянно.  
**Знизитися**—унизиться.  
**Знівечити**—испортить, обратитъ ни во что.  
**Знититися**—уничжиться;—оказывать подобострастіе.  
**Зомліти**—обомлѣть.  
**Зпідъ**—изъ-подъ.  
**Зрабувати**—ограбить.  
**Зрадіти**—обрадоваться.  
**Зрадний** лицъ **зрадливий**—измѣнчивый, перемѣнчивый измѣнническій.  
**Зрадникъ**—измѣнникъ.  
**Зректися**. отречься; отказаться отъ чего или отъ кого.  
**Зудріти**—нечаянно завидѣть.  
**Зъєднати**—соединить.  
**Знечѣвья**—ни съ того ни съ сего.  
**Игеть**—то—довольно-таки; ужъ и будеть съ него.  
**Иззвати**—созывать.  
**Изійти**—взойти.  
**Изміждо**—изъ-промежъ.  
**Импеть**—внезапность, внезапное, мгновенное дѣйствіе.  
**Индикъ**—индюкъ.  
**Ищѣ**—еще.  
**Івга**—имя Евгенія.  
**Іжакъ**—ежъ.  
**Каверзниця**—проказница.  
**Каганецъ**—пшошка, жирнякъ.  
**Казанокъ**—чугунный котелокъ.  
**Калантірь**—карантинъ.

Карлючка—крючекъ.  
Качка—утка.  
Квапитись—стремиться желаніемъ, поवादиться.  
Кватирка—форточка въ окнѣ.  
Клезути—ударить по рожѣ.  
Клипати—звать.  
Кляжка—щекотла.  
Кляснуги—хлопаютъ.  
Клятый—бранн. слово: проклятый.  
Ковалиха—жена кузнеца.  
Ковышка—клюка.  
Козельци—растеніе со съдобными стеблями.  
Козинятко—козленокъ.  
Колиска—колыбель.  
Колода—круглое бревно.  
Колошкати—безпокоить разстроивать.  
Комбра—кладовая, лавка, амбаръ.  
Компонувати—сочинять.  
Корки—подборы въ обуви.  
Короговъ—хоругвь.  
Коромѣли—краномы.  
Коромѣлувати—крановничать.  
Костуръ—кюка.  
Котити—катить.  
Котрий—который.  
Коханячко—умен. любовь.  
Кохъ—корзина, коробка.  
Кравецъ—портной.  
Крадкомѣ — воровски, изподтишка.  
Кранѣрство — торговля красными товарами.  
Краний—лавочный.  
Краниця—лавка съ товаромъ.  
Крѣйда—мѣль.  
Крокъ—шагъ.  
Круглати—пить круговую.  
Крузъ—сквозь.  
Кудись—куда-то.  
Кўлши—бедрѣ.  
Купувати—покупать.  
Купцемъ—толпою, роємъ.  
Курчій—цыпленокъ.  
Куряча—сліпотѣ—растеніе *Synalossium officinale* и др.  
Кухоль—кружка.  
Кучугура—насыпь, куча.  
Куширъ—желтій водорасл.  
Куширъ—кожевникъ.  
  
Лавникъ—членъ мѣщанскаго суда, магистратъ.  
Ладивниця—ладунка.  
Лазня—баня.  
Лажати—ломать.  
Ланцюгъ—цѣпь.  
Ласѣвники—лакомый.

Лататта—кувшинникъ, *Nymphaea*.  
Дѣментъ—вошь.  
Либонь—чуть ли не.  
Линоватись—лѣзниться.  
Листуватись—пересылаться письмами.  
Лишка—нечетное число (въ игрѣ, гдѣ надо угадывать четность или нечетность чиселъ).  
Лопатки—маленькіе незрѣлые стручки или бобы.  
Лузати—шелкать сѣмечки.  
Луна—эхю, отголосокъ.  
Лупъ—хлопъ (глазами).  
Лускиръ—название рыбы.  
Лютувати—пылать гнѣвомъ, бѣситься звѣрствовать.  
Лягти—лечь.  
Лякъ—испугъ; страхъ; нѣтъ ляку-состраху.  
Ляснуги—хлопаютъ.  
  
Маглѣвати — дурно рисовать, писать.  
Маѣтки—имущество.  
Маѣтностъ—нигилизмъ.  
Марити—увядать (о лицѣ).  
Махати—махать, быстро бѣжать.  
Мачинка—маковое зернышко.  
Мѣкнути—заблѣять (о козакѣ).  
Мѣшати—уменьшаться.  
Мѣтель—и уменьшительное.—  
Мѣтеликъ—мотылекъ.  
Мито — плата за товары на заставахъ, отъ воза.  
Міський—городовой.  
Мовчанъ—молчачка.  
Мовчязний—молчаливый.  
Муравьяниа—муравейникъ.  
Мясниця—мясовѣдъ.  
  
Набаграти—навалать.  
Набути—приобрѣсть.  
Навзиръ—по образцу.  
Навперемѣнки—попеременно.  
Навпростецъ—пряникомъ.  
Нагадати—вспоминать; припоминать другому.  
Нагарбати—нахватать, набрать.  
Нагукати—накликать.  
Надѣти—приманить.  
Наказувати—заповѣдывать.  
Налагодитись — приготовиться, снаряжиться.  
Наляпати—нашупать.  
Намѣшкурити — надрать (уши и т. п.)  
Наповоротѣ—возвращаясь.  
Наполегати—налегать, усминяться.  
Наригувати—нацарапать неуклюжо.

**Нарізувати** — нарезать (о му-  
зыкѣ).

**Насамоті** — наединѣ.

**Начіть** — начесть.

**Наче** — будто, словно.

**Палюбити** — называть жиромъ.

**Не-абі-який** — не какойнибудь.

**Невіра** — невѣрный; (бранное слово.)

**Невспуща** — (имя сущ.) бессонница.

**Невспущий** — неусыпный.

**Неговіркий** — неразговорчивый,  
молчаливый.

**Недбалость** — нестарательность, без-  
заботность.

**Недблять** — недосмотрѣ.

**Недоріка** — картавый.

**Незабаромъ** — немедленно, вскорѣ.

**Не похйбний** — неуклонный, не по-  
грѣшительный.

**Неприродѣнна вѣдьма** — такая  
вѣдьма, которая сдѣлалась вѣдьмой  
черезъ науку, а не родилась ею.

**Нероблящій** — не работающій.

**Нѣтри** — непроходимыя заросли.

**Ніби, ніби-то** — какъ будто, словно.

**Нікий** — никакой.

**Нудно** — тошно.

**Обірати** — избирать.

**Облогй** — неспаханная земля.

**Обіркувати** — обсудить.

**Обірко** — уменьшен. ласк. — обое.

**Обора** — огорожа; загонъ для скота.

**Обрадована** — въ ироническомъ  
смыслѣ радость, подъ которою разу-  
мѣется бѣда.

**Обскубти** — обдергать, обрывать.

**Обійти** — избилъно.

**Ова!** — ова!

**Огирь** — жеребецъ.

**Огудомъ** — вообще.

**Одйнецъ** — единственный сынъ.

**Одласки** — отголосокъ хлопавья.

**Одмінокъ** — переменна, отъвна. выро-  
докъ.

**Оповідь** — отвѣтъ.

**Одрізу** — сразу.

**Одрізатися** — отдѣляться.

**Одтати** — отрывать.

**Одцуратися** — отрѣчься, отказаться.

**Окрімъ** — кромѣ, исключая.

**Окріпъ** — кипятокъ.

**Окубити** — сдѣлать уютнымъ.

**Окульбачити** — осѣдлать.

**Олія** — постное масло.

**Оманна** — заблужденіе, обманъ.

**Опанувати** — овладѣть.

**Оперзати** — ударить, опалать  
плетью.

**Опісля** — послѣ.

**Опічокъ** — выдающееся мѣсто у печи  
для каганця (см.).

**Оповідь** — рассказъ.

**Отада** — усадьба (въ глсн. смыслѣ);  
заселенное мѣсто.

**Осипъ** — дань съ зер.

**Оснутити** — сдѣлаться невеселымъ.

**Остогідити** — опостылѣть.

**Острахъ** — боязнь.

**Осягти** — занять, взять во владѣніе.

**Оттакешки** — уменьш. вотъ-такъ.

**Очерѣтъ** — камышъ.

**Очці** — глазки.

**Ошукати** — обмануть.

**Падлюка** — бран. слово: падаль.

**Пам'ятати** — помнить.

**Паніматка** — матушка; хозяйка.

**Панотецъ** — почетный титулъ ста-  
рыхъ и достойныхъ уваженія людей:  
священника и т. д.

**Панотцѣвъ, цѣва, цѣве** — отцовскій,  
ая, ое.

**Панькати, ся** — ухаживать за кѣвъ.

**Панщина** — барщина.

**Папѣрникъ** — бумажный фабрикантъ.

**Папаюга** — бранное слово къ жен-  
щинѣ.

**Парканъ** — часокозь въ укрѣпленіи;  
прочная изгородь досчатый заборъ.

**Парубкувати** — быть не женатымъ  
молодымъ человекомъ.

**Паска** — куличъ.

**Пастовникъ** — мѣсто для пастыбы  
скота.

**Патѣка** — см. потѣна.

**Пахтити** — слегка пахнуть.

**Пеленя** — передняя часть рубахи.

**Пѣлька** — горло (въ ироническомъ  
смыслѣ).

**Перебѣндювати** — вести тары-да-ба-  
ры.

**Перевертень** — отступникъ, измѣн-  
никъ своей народности.

**Переймати** — преслѣдуя опережать и  
перехватывать дорогу.

**Перкуёвденнй** — приведенный въ  
безпорядокъ.

**Перелігъ, род. догу** — почва лежав-  
шая нѣсколько лѣтъ не вспаханною.

**Перепѣрти** — переташить, передви-  
нуть;

**Пересѣрля** — размолвка.

**Перестрити** — встрѣтить по перегъ  
пути.

**Перехилігися** — перегнуться, на-  
гнуться.

**Перына** — перышко.

**Печѣне** — жаркое.

Имлянько—приспало, внимательно  
но споро.

Ипрхнути—приснуть отъ смѣха и  
т. п.

Ипникъ—пѣтушокъ.

Ип-лиха—подбѣлъ.

Идвечіркувати—ѣсть послѣ пол-  
дника, заѣвсколька времени передъ уж-  
номъ.

Идгорнѹти—повергнуть, покорить.

Иддурити—обмануть.

Идтикати—подобрать платье.

Идтитарій—помощникъ церковна-  
го старосты.

Идупати—ослабѣть, обдѣлѣть.

Идлувати—заботиться, стараться.

Идсьмб—грамотность.

Идттанця—та, что ходитъ въ нѣ-  
мешкомъ платьѣ.

Идідь—плодъ, произведение.

Идлѹчка—плотичка, плотва (рыба).

Идлярувати—грабить; разорать.

Идшечка—стекляная фляшка.

Идбачити—увидѣть.

Идвѣга—уваженіе; важность, солид-  
ность.

Идвнзлїкати—повытаскивать.

Идвѣтъ—увѣдъ.

Идвобѣщина—дѣнь отъ скота.

Идворотъ—возвращеніе.

Идвтікати—всѣмъ уйти, убѣжать.

Идголоска—слухи, вѣсти.

Идгоріти—сгорѣть.

Идгукувати—покривлять.

Иддвѣнне—плата звонарю за по-  
хоронный звонъ.

Иддїтися—дѣваться.

Идднїтися—соединиться.

Иддѣжа—пожаръ.

Иддѣвклий—пожелтѣвшій.

Иддзаймати—занять, овладѣть всѣмъ.

Иддзахарчѹваний—захирѣвшій.  
топїй отъ плохого корму.

Иддзвати—судиться, звать къ суду.

Иддзиріти—заглядывать.

Иддзичати—занимать; ссужать, одо-  
лжать.

Иддказитися—забѣдиться. (о мно-  
гихъ лицахъ).

Иддкѹлбшкати—растрепать, потре-  
вожить.

Иддкѹхатися—влюбиться другъ въ  
друга.

Иддлѣгкость—облегченіе.

Иддлѹвїти—переходить изъ зеленого  
цвѣта въ блѣдно-желтый (о ржи и пше-  
нциѣ на нивѣ).

Иддлѹхати—тревожить, пугать.

Иддмѣшати—сдѣлаться меньше.

Иддмичати—примѣчать.

Идднѹбудѹвати—повнастроить, со-  
орудить.

Идднїти віри—повѣрить.

Идднїтати—спросить.

Иддлѣнтатися—поплестить, побре-  
сти, тихонько пойти.

Иддлїчнїмъ—подручный челоувѣкъ.

Иддлѹжуритися—потосковать таки  
довольно.

Иддлѹшпѣчуватися—прошнїтися.

Иддлѹскъ—потачка.

Иддлѹхатися—поташиться потихонь-  
ку.

Иддлѹхити—толкнуть.

Иддлѹшнїцею—по частямъ, по оди-  
ночкѣ.

Иддлѹшнїти—посадить (о многихъ).

Иддлѹшнїтися—погрозить; разо-  
ряться.

Иддлѹшнїць—военная помощь, отрядъ  
посылаемый кому нибудь на помощь.

Иддлѹшнїство—простой, сельскій на-  
родъ.

Иддлѹшнїтї—примѣтять, подмѣ-  
тить.

Иддлѹшнїти—снабжать, давать.

Иддлѹшнїти—сойти; о растенїяхъ—  
взойти.

Иддлѹшнїти—скрытно.

Иддлѹшнїти—до тѣхъ поръ.

Иддлѹшнїти—битва; сраженіе; дѣло.

Иддлѹшнїти—потребность.

Иддлѹшнїти—сила (военная).

Иддлѹшнїти—потянуть; пойти; ударить  
тѣмъ нибудь тяжелымъ.

Иддлѹшнїти—невеселый, сумрачный.

Иддлѹшнїти—поташить.

Иддлѹшнїти—частенько таки.

Иддлѹшнїти—прежній, давнїшнїй.

Иддлѹшнїти—несчастіе, горе, несчаст-  
ный случай.

Иддлѹшнїти—присматриваться.

Иддлѹшнїти—шлемъ; часть шлема,  
защищающая лобъ.

Иддлѹшнїти—присоединяться;

приключиться.

Иддлѹшнїти—всенародно, при лю-  
дяхъ.

Иддлѹшнїти—прислушиваться.

Иддлѹшнїти—лакомства.

Иддлѹшнїти—притти въ самую пору.

Иддлѹшнїти—приладиться.

Иддлѹшнїти—испытанный; присущїй;  
собственный.

Иддлѹшнїти—прикоснуться.

Иддлѹшнїти—прїстанїще.

Иддлѹшнїти—непремѣнно.

Иддлѹшнїти—натягиваться, скла-  
дываться.

Иддлѹшнїти—съ придурью.

Иддлѹшнїти—уменьшит. имя Вѣроснїи.

**Проблукати**—прошляться.  
**Прокáзувати**—(школьное) учить как читать.  
**Прóбито**—плата на заставах съ товаровъ натурою, ви́сто денегъ.  
**Пропитувати**—разспрашивать.  
**Прóстий**—прямой.  
**Простромити**—проткнуть.  
**Прохворостити**—посѣть хворостной.  
**Прóща**—богомолье.  
**Пройва**—нестественное явление; выскочка.  
**Псалъни**—верши духовнаго содержанія.  
**Пўжка**—плетка.  
**Пустызна**—выморочное имущество, или брошенное хозяйномъ.  
**Рабувати**—грабить.  
**Радѣньскій**—радеконекъ.  
**Райця**—членъ мѣщанскаго суда рагуша.  
**Рáчки**—на корачкахъ, ползкомъ.  
**Рейментарювати**—предводительствовать, начальствовать полками.  
**Рейментъ**—начальствование.  
**Рельáхъ**—решеникъ.  
**Речникъ**—адвокатъ, ходатай по дѣламъ.  
**Рибáлочка**—ласк. рыбакъ.  
**Ривчáкъ**—капавка, прорытая водою, съ ручьемъ.  
**Рідъ**—семейство; родъ; родня.  
**Ризанія**—рѣзня.  
**Різвó**—праздникъ Рождества Христова.  
**Різка**—розга.  
**Різунъ**—охотникъ до рѣзни.  
**Річъ**—слово, дѣло, вещь.  
**Рожевий**—розовый.  
**Розважати**—утѣшать, успокоивать.  
**Розжартуватися**—разшутиться.  
**Роззівá**—разниа.  
**Розмова**—разговоръ.  
**Розмовляти**—разговаривать.  
**Розруйнувати**—разрушить.  
**Роспа́хати**—разорвать, сильно разрѣзать.  
**Роспорóшений**—разсыпанный, какъ пыль вѣтромъ.  
**Ротний**—ротникъ.  
**Рудий**—рыжий.  
**Рўлка**—крань; горлышко.  
**Румсати**—см. рюмсати.  
**Рухомість**—движимость.  
**Рўчий**—ловкий.  
**Рюмсати**—рюмить, плакать.  
**Рябó**—кличка собаки, по рябой или пестрой шерсти.

**Саме**—именно.  
**Самохитъ**—по собственной волѣ, хотѣнію; самовольно.  
**Сви́угти**—показаться разсѣту.  
**Свиріпа**—сурѣница (растение).  
**Себелі**—название рыбы.  
**Сеймувати**—отправлять сеймъ.  
**Сйкатися**—лѣзть къ кому, бросаться, привязываться.  
**Сни́ятка**—плахта сняго цвѣта (родъ нижняго женскаго платья).  
**Сиротá**—сиротка.  
**Сідало**—пасѣть.  
**Сіпнути**—быстро дернуть.  
**Скаженіти**—бѣсноваться.  
**Скаляти**—запачкать.  
**Скарбóвня**—казначейство.  
**Скарбъ**—сокровище, казна, казначейство.  
**Скаржитися**—жаловаться.  
**Скаучати**—визжать (о собакахъ).  
**Скеля**—скала.  
**Скінчятися**—окончиться; скончатися; умереть.  
**Скирень**—скоръ.  
**Склястися**—сложиться.  
**Склипцювати, наклипцювати**—набить стѣны клиншками.  
**Скóбитися**—сдѣлаться, случиться.  
**Скопнати нѣсъ, губу**—загнуть, поднять носъ и пр.  
**Скомпоувати**—сочинить, составить.  
**Скубя́ти**—дернуть, рвануть за волосы.  
**Скупердáга**—скряжище.  
**Скўпитися**—соединиться.  
**Славѣтний**—славный.  
**Слебезувати**—медленно высказывать.  
**Слóвонько**—словечко.  
**Словутний**—славный, знаменитый.  
**Слухáний**—послушный.  
**Смакъ**—вкусъ.  
**Смáлець**—птичій жиръ.  
**Смаченько**—вкусно.  
**Смашпше**—вкусѣе.  
**Смйкати**—дергать.  
**Смітникъ**—сорная куча.  
**Сбывашикъ**—подсолнечникъ.  
**Спáдокъ**, наследство.  
**Спáточки**—уменьшит. форма глагола спать.  
**Спѣршу**—сперва, спачала.  
**Спнйити**—остановить удержать.  
**Співецъ**—пѣвецъ.  
**Спільний**—общій; совмѣстный.  
**Спйкати**—встрѣтить.  
**Спомічка**—воспоминаніе.  
**Справдѣний**—настоящій.

**Спромогтѣся**—собраться съ силами, со средствами; получить возможность.

**Спустити**—опустѣть.

**Ставѡчокъ**—ум. отъ ставъ—прудь.

**Станъ**—состояніе, сословіе.

**Стадія**—сборъ на содержаніе войскъ.

**Стѣля**—потолокъ.

**Степанчикокъ**—зайчикъ.

**Сторчъ**—стремглавъ.

**Стрепенути**—встрихнуть.

**Стримити**—торчать.

**Струнькій**—стройный тонкій.

**Струшувати**—страхать.

**Стукотити**—часто стучать.

**Стурбувати**—встревожить; возбуждать.

**Суплика**—письменная просьба.

**Сусуль**—въ Черниговск. нарѣчій, вмѣсто сусиль — выражаетъ моментъ неожиданнаго появленія: счастье.

**Сухоперный** — о платѣ: вымытый наросто, безъ бученя.

**Схопитися**—вдругъ подняться, вскопчить.

**Схилити**—нагнуть, склонить.

**Схотити**—захотѣть.

**Счервонити**—покраснѣть.

**Счисувати**—расчесывать.

**Таборъ или Табуръ**—обозъ (военный).

**Таджѣжъ**—да вѣдь же.

**Темнѡта**—тьма.

**Тѣхъ!**—корень глагола тѣхнуть.

**Тѣша**—тѣшина.

**Тикати**—уходить.

**Титочка**—тетенька.

**Тѡрба**—небольшой мѣшокъ, сумъ, котомка.

**Торікъ**—въ прошломъ году.

**Трисъ**—выражаетъ моментъ треска, и удара.

**Тройчатый**—тройной.

**Тройнь**—родъ танца.

**Тубалець, тубилецъ**—туземець.

**Тужъ-тужъ**—вогъ, вогъ; скоро, скоро.

**Тудубъ**—торсъ; трупъ.

**Тюхтій**—нежной, неповоротливый тяжелый на подъемъ.

**Тягтї**—тянуть.

**Удѣча**—характеръ, свойство (живого лица).

**Удливый**—неотвязно-злой.

**Уклястися**—уложиться, улечься.

**Укупці**—уменьш., ласка. вмѣстѣ.

**Укнѣти**—быстро уйти.

**Умова**—уговоръ, условіе.

**Уповнї**—вполнѣ.

**Урівень**—варовѣ.

**Ускубнѣти**—легонько дернуть (за волосы и т. п.).

**Утѣсокъ**—притѣсненіе.

**Ухвалникъ**—гвоздикъ для подковы.

**Ухожай**—угождать.

**Хай**—пусть, пускай.

**Хайъ**—хватъ!

**Хвильночка**—минуточка, мгновеніе.

**Хвѣськати**—хлестать (бить).

**Хвороба**—болѣзнь, повѣтріе.

**Хѣба**—заблужденіе, погрѣшность, ошибка.

**Хѣба-що**—развѣ только.

**Хѣжа**—чуланъ.

**Хилитися**—клониться.

**Хирити**—хворать.

**Хирний**—хворый, слабый.

**Хивря**—Февронья.

**Хидя**—хоженье.

**Хипъ**—хватъ!

**Хить**—желаніе.

**Хлюцѡстѣтися**—плескаться въ водѣ.

**Хлюпъ**—выражаетъ плесканье воды.

**Хлюща**—что-либо мокрое изъ чего течетъ вода.

**Ходя**—походка.

**Хорѡба**—см. хвороба.

**Хрещѣна мати**—крѣстная мать.

**Хутко**—скоро.

**Цвѣхований**—убитый гвоздями.

**Цибуля**—лукъ (растеніе).

**Цить, см. цѣтьте!**—тѣ! молчать молчите!

**Цунити**—тащить.

**Часловець**—часословъ.

**Частина**—частица, отрывокъ.

**Ченці**—монахи.

**Чимало**—довольно таки.

**Чиншъ**—дань за право владѣнія землей.

**Чѣтъ**—четное число (въ игрѣ, гдѣ надо угадывать числа).

**Чмѣль**—шмель.

**Чобітѡкъ**—сапожекъ.

**Чогось**—(нарѣч.) чего-то, почему-то; зачѣмъ-то.

**Чутко**—слышно.

**Чутний**—слышимый.

**Шапѡба**—выраженіе уваженія, почтенія.

**Шарпати**—рвать, разорвать.

**Швѣндати**—бродить, словаться.

**Швецъ**—сапожникъ.

**Шванць, с**—скорый.

**Шепѣтати**—громко шептать.



**Шурхнути**—произвестъ шорохъ.  
**Школярство**—школьничество; (со-  
 бпр.) школьники.

**Шо**—что.

**Шпарко**—быстро, проворно.

**Шпичка**—спица, остріе.

**Шпурляти**—бросать на далекомъ  
 разстояніи.

**Шпурнути**—швырнуть.

**Штовхати**—толкаться. толкать.

**Штрикати**—тыкать остріемъ.

**Шубовсти**—выражаетъ сильное па-  
 дение въ воду.

**Шумувати**—пѣниться.

**Шупити**—понимать кое-что.

**Щадокъ**—отдаленный потомокъ.

**Щитятися**—заслоняться, защищать-  
 ся.

**Що-вітірка**—каждаго вторняка.

**Юшійте**—сильно течь (о крови).

**Юшка**—супъ; жижа.

**Язь, ізъ**—перегородка въ рѣкѣ,  
 для задержанія рыбы.

**Якось**—какъ-то.

**Ялзэнтисъ**—пачкаться.

**Ярепудовий**—бранное шуточное  
 слово.

**Ярмаркувати**—продавать или по-  
 купать на ярмаркѣ, быть на ней.

**Ятеръ**—снарядъ для ловли рыбы.

**Ящурка**—ащерица.

# ОБЪ ИЗДАНИИ

РУССКАГО ПЕРЕВОДА

## ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

### МАКОЛЕЯ.

До настоящаго времени вышелъ 1-й томъ *Полнаго Собранія*, который содержитъ въ себѣ «*Критическіе и историческіе опыты*» (1825 — 1831 г.), *портретъ автора* и подробную статью профессора *Вяземскаго* о жизни и сочиненіяхъ лорда Маколея.

Цѣна этому тому 2 р. с.; цѣна остальныхъ томовъ изданія будетъ по 1 р. 50 коп. за каждый.

Изданіе «*Опытовъ*» (Essays) и «*Исторіи Англіи*» будетъ идти параллельно и до мая 1861 г. выйдеть *три тома* (\*).

*Каждый томъ изданія будетъ продаваться отдѣльно*; для желающихъ же подписаться на 3 тома цѣна:

Въ Петербургѣ и Москвѣ . . . . .	4 р. 40 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи . . . . .	5 » —

#### ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ: у книгопродавца Як. Ал. Исакова, въ гостинномъ дворѣ, № 24.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К<sup>о</sup>.

Отъ г.г. иногородныхъ: *исключительно* въ конторѣ типографіи Николая Тиблена и К<sup>о</sup>, на Васильевскомъ Ост., въ 8 линіи, № 25.

(\* ) Второй томъ выйдеть въ 1-хъ числахъ апрѣля.

## ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

*Ө-ру Ө-чу В-р-н-ву, въ Новомиргородѣ.* Ваша статья можетъ быть напечатана съ сокращеніями.

*Б. Ө. Г-ж-д-у. въ Кирстинцы.* Очень рады предложенію съ нетерпѣніемъ и ожидаемъ исполненія.

*Н-ку А-чу Э-т-рк-в-чу, въ Орелѣ.* Отчетъ о вашихъ замѣчательныхъ стихотвореніяхъ вы получите въ особомъ письмѣ.

*В. К-с-ц-ву, въ Сигорѣ.* Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ обѣщанныхъ вами статей.—Редакція совершенно согласна съ вами на счетъ оцѣнки нѣкоторыхъ нашихъ писателей.

*А-ру Я-лу К-н-скому и В-ю С-чу К-л-ку, съ Полтаву, В. М-л-ю, въ Казань и А-ру А-чу Н-вр-цк-му, въ Темиръ-Ханъ-Шуру.* Стихотворенія ваши будутъ, по возможности, печататься.

*Н-ю Д-чу М-ко, въ Карабиновку.* Ваше письмо будетъ напечатано. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ обѣщанныхъ трудовъ.

*М-ру Ол-к-вичу, въ Козелецѣ.* Вашъ рассказъ и повѣсть будутъ напечатаны.

*О-т-н-ч-с-ку, въ Петербургѣ.* Отчетъ о рассказахъ: «Сонъ и діло» и проч., будетъ сообщенъ въ слѣдующей книжкѣ.

*П-р-х-д-вцу, въ Полтаву.* Проектъ и вѣсти ваши будутъ напечатаны, если не встрѣтятся особенныхъ препятствій.

*О. П. Тр-цкому, въ Бѣлую Церковь.* Весьма вамъ благодарны и, по возможности, постараемся воспользоваться вашимъ почтеннымъ трудомъ.

*А-ру Т-ш-скому, въ Глуховѣ.* Вашъ рассказъ можетъ быть напечатанъ съ сокращеніями.

*М-му Ч-р-му, въ Кіевѣ.* Ваши статьи, которыми весьма дорожимъ, будутъ напечатаны, если не встрѣтятся препятствій.

*К. Шв-к-скому, въ Кіевѣ.* Принятіе вашихъ условій можетъ

состояться по рассмотрѣнїи вашихъ сочиненїй, если они будутъ присланы.

*М-му В-р-вѣ и Г Ч-ри-скому, въ Кишиневѣ, О. К-цову, въ Таганрогѣ, П-ну Ст-ц-ку, въ Гродно,—Г-ю А-т-ву, въ Кролевецѣ,—А. С-в-чу, въ Москву,—А. С. К-в-л-скому, въ Петербургѣ,—А. А-др-ку, В. П-т-р-к-ж-ха и М-лу Ал-чу М-л-ш-ку, въ Кіевѣ,—В. Д-б-к-му, въ Соснину, Н. Т-х-рскому, въ Петербургѣ, Ф. Б-ч-ку, въ Станицу Надежную. А. З-му К-н-к-му, въ Петербургѣ, А-ру А-чу Ост-н-ку Б-л-ку, въ Ананьевѣ, В-ю М-вѣ, въ Харьковѣ, А-ю Сл-цкому, въ Переяславѣ, Н. Н. П-т-ну, въ Градижскѣ и А. Е. Зв-н-скому, въ Кременчугѣ. Отчетъ о вашихъ сочиненїяхъ будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ.*

## ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

### ВЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКЪ ОСНОВЫ.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
36	8	сверху	прильнѣ
42	8	—	квітѣкъ
42	9	—	дѣтѣкъ
54	20	—	и смѣ

### ВЪ МАРТОВСКОЙ КНИЖКЪ.

I отд.	12	2	сверху	Граматики	Граматики
—	—	25	—	галушки	галушки
—	20	12	снизу	замли	зомли
—	80	27	сверху	нмъ его	нмъ его
—	88	29	—	Гулакъ	Гулакъ
—	93	7	—	было странно бы	было бы странно
—	—	8	—	перепечаемъ	перепечатаемъ
II отд.	15	9	—	Бруховѣчнина	Бруховѣщина

